

ПОЭТЫ
КРУЖКА
Н.В.
СТАНКЕВИЧА

ПОЭТЫ КРУЖКА
Н.В. СТАНКЕВИЧА

БЕЛОРУССКА
ПОЭЗИЯ

Советская
просвета

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ПОЭТЫ КРУЖКА Н.В.СТАНКЕВИЧА

Н. В. СТАНКЕВИЧ, В. И. КРАСОВ,
К. С. АКСАКОВ,
И. П. КЛЮШНИКОВ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
С. И. Машинского*

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД · 1964

Кружок Н. В. Станкевича — одно из замечательных идейно-литературных объединений молодой России 1830-х годов — оставил заметный след в истории нашей культуры.

Участников кружка объединяла глубокая вера в могущество человеческой мысли, страстная любовь к искусству; их волновали философские и нравственные вопросы, имевшие важное общественное значение. В этой книге впервые собраны произведения четырех поэтов кружка: Н. Станкевича, В. Красова, И. Ключникова, К. Аксакова. Поэтическое наследие их многообразно: они писали и стихотворения, и философские элегии, и стихотворные драмы, и пародии, эпиграммы, шуточные послания. Свыше пятидесяти стихотворений, извлеченных из архивов, публикуется впервые.

КРУЖОК Н. В. СТАНКЕВИЧА И ЕГО ПОЭТЫ

1

«Предмет этот имеет высокую важность для истории нашей литературы, потому что из тесного дружеского кружка, о котором мы говорим и душою которого был Н. В. Станкевич, скончавшийся в первой поре молодости, вышли или впоследствии примкнули к нему почти все те замечательные люди, которых имена составляют честь нашей новой словесности, от Кольцова до г. Тургенева. Без сомнения, когда-нибудь этот благороднейший и чистейший эпизод истории русской литературы будет рассказан публике достойным образом. В настоящую минуту еще не пришла пора для того».¹ Эти строки были написаны Чернышевским более века назад. Давно пришла пора сделать историю кружка Станкевича, как и биографию этого удивительного человека, достоянием широкого читателя.

Сохранилось акварельное изображение Николая Станкевича, сделанное кистью художника Л. Беккера. На вас смотрит молодой человек лет двадцати двух-трех, в сюртуке и белом жилете, с бантом; длинные, ниспадающие до самых плеч волосы, тонкие, необыкновенно выразительные черты лица и большие, с почти неуловимой иронической лукавинкой, глаза. Таковы некоторые детали этого изображения, достоверность которого подтверждается литературным портретом Станкевича, написанным Тургеневым: «Станкевич был более нежели среднего роста, очень хорошо сложен — по его сложению нельзя было предполагать в нем склонности к чахотке. У него были прекрасные черные волосы, покатый лоб, небольшие

¹ Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. — Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, стр. 179.

карие глаза; взор его был очень ласков и весел, нос тонкий, с горбиной, красивый, с подвижными ноздрями, губы тоже довольно тонкие, с резко означенными углами...»¹ Человек с широким полетом мысли и тонким чувством юмора, философ и поэт, страстно влюбленный в жизнь и с юношеских лет пораженный смертельным недугом, — такой рисуется нам эта замечательная личность, давшая свое имя знаменитому кружку и интереснейшему эпизоду в истории русской общественной мысли и литературы.

«... Не только мы, друзья Станкевича, но два или три поколения студентов Московского университета предчувствовали в нем какую-то новую силу, нового двигателя науки, ждали, чтобы он высказался», — так писал о нем один из ближайших его товарищей — Я. М. Неверов.² «Высказывания» Станкевича примечательны тем, что в них раскрывался не только он сам, но в значительной мере и весь круг его друзей.

Все, кому привелось встречаться со Станкевичем, отзывались о нем с неизменным восхищением. Современники называли его «необыкновенным человеком» и «гениальной душой», «божественной личностью», «гордостью и надеждой», человеком, «призванным на великое дело». Его слово обладало в кругу друзей почти безграничной властью нравственного авторитета. Резко выговаривая однажды М. А. Бакунину за его стремление навязать всему кружку свой «гнетущий авторитет», Белинский противопоставлял ему Станкевича, который «никогда и ни на кого не налагал авторитета, а всегда и для всех был авторитетом, потому что все *добровольно и невольно* признавали превосходство его природы над своею».³

Сообщая Т. Н. Грановскому о смерти Станкевича, Тургенев восклицал: «Кто из нашего поколения может заменить нашу потерю?»⁴ Грановский, в свою очередь, писал Неверову, что никому на свете он не был так обязан, как Станкевичу.⁵ «... Подумай-ка о том, что был каждый из нас до встречи с Станкевичем?.. Нам посчастливилось», — с горьким чувством писал В. П. Боткину Белинский.⁶

¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 11. М., 1956, стр. 234.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 372, д. № 22, л. 28. Далее ссылки на этот архив во вступительной статье и биографических справках даются сокращенно: ГИМ.

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 11. М., 1956, стр. 339.

⁴ Письмо от 16/4 июля 1840 г. — Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 17.

⁵ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. 2. М., 1897, стр. 104.

⁶ Письмо от 5 сентября 1840. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 554.

Сохранился без начала и конца фрагмент замечательного письма неизвестного автора к Н. А. Беер, приятельнице Бакунина, Белинского и Станкевича, датированного летом 1843 года, — письма, написанного человеком, несомненно близким к кругу Станкевича. Говоря о роли его личности и ее воздействии на окружающих, автор письма отмечает: «Все мы обязаны ему полнотой нашей душевной жизни, я — более всех. Если мне суждено совершить что-нибудь в жизни — то будет делом Станкевича, который вызвал меня из ничтожества. Впрочем, не со мной одним он это сделал. Кто знал близко Станкевича, для тех он не умер».¹

Таков был единодушный голос его близких друзей. Но уже Белинский первый высказал опасение, что со смертью Станкевича «даже и памяти на земле не останется об нем».² Поразительная духовная сила личности этого человека лишь в малой мере отразилась в его литературном наследии. При жизни своей он опубликовал всего три десятка стихотворений, юношескую и весьма несовершенную в художественном отношении трагедию, небольшую повесть и несколько переводов статей иноземных авторов. Причем значительная часть этих сочинений появлялась в печати либо вовсе без подписи, либо подписанной различными псевдонимами или инициалами автора. Стало быть, вне круга друзей Станкевича имя его было совершенно неизвестно.

Вот почему вскоре после смерти Станкевича возник вопрос, каким образом сохранить его имя в памяти потомства. Эту задачу первым пытался решить Н. Г. Фролов — друг Станкевича, близко наблюдавший его за границей, литератор, известный своими работами по географии и естествознанию. Фролов имел доступ к его семейному архиву и, основываясь на нем, решил написать биографию Станкевича с широким привлечением его переписки. Работа эта была в 1843—1846 годах завершена, но света не увидела.³

Среди ближайшего окружения Станкевича и членов его кружка мало кто оставил о нем мемуары. Константин Аксаков в своем «Воспоминании студентства» рассказал несколько важных эпизодов о деятельности кружка, заметив при этом, что он надеется когда-нибудь написать о самом Станкевиче все, что знает о нем.⁴ Обещание, однако, не было выполнено. После выхода в свет книги П. В. Анненкова о Станкевиче Я. М. Неверов написал мемуарный

¹ ГИМ, ф. 351, д. № 64, л. 358 об.

² Письмо к А. П. Ефремову от 23 августа 1840 г. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 547.

³ См.: ГИМ, ф. 351, д. №№ 62 и 63.

⁴ К. Аксаков. Воспоминание студентства. СПб., 1911, стр. 17.

очерк, в котором уточнил некоторые факты, сообщенные биографом его друга, и попутно обронил ряд живых подробностей, характеризующих духовный облик Станкевича.¹ Но этот очерк Неверова так и не был опубликован. Много лет спустя после смерти Станкевича стали известны мемуарные свидетельства о нем, написанные Герценом и Тургеневым. И это, пожалуй, все.

В середине 50-х годов неожиданно обострился в русском обществе интерес к имени Станкевича. В 1855 году К. С. Аксаков написал упомянутое выше «Воспоминание студентства»; в следующем году в «Современнике» появились главы «Очерков гоголевского периода» Чернышевского, содержавшие ряд важных суждений о Станкевиче и его кружке; еще через год П. В. Анненков печатает в «Русском вестнике» биографию Станкевича и одновременно вместе с его перепиской выпускает ее отдельной книгой; в 1858 году выступает Добролюбов с обширной статьей о Станкевиче, полемически направленной против редакции «Библиотеки для чтения», а также против ряда положений книги Анненкова.

Повышенный интерес к Станкевичу не был, разумеется, случайным. На историческом переломе 50-х годов вопрос о Станкевиче становился частью общей большой проблемы отношения к идейному наследию дворянской интеллигенции 30—40-х годов. В то самое время, когда Тургенев писал мемуарную заметку о Станкевиче, он выпустил в свет своего «Рудина», специально посвященного этой проблеме. Общеизвестно признание автора романа, что, когда он работал над образом Покорского, перед ним носился образ Станкевича.

В представлении многих своих друзей Станкевич выступил как самое яркое воплощение нравственных идеалов их поколения. Не зная лично Станкевича, но опираясь на его письма и свидетельства друзей, Анненков пытался своей книгой канонизировать именно такой взгляд на Станкевича. Присущее этому человеку «идеальное», мечтательное отношение к действительности и недостаточность его практических свершений вовсе не мешали, по мнению Анненкова, видеть в Станкевиче «идеал правды и чести», выразителя лучших духовных стремлений общества, ибо «на высокой ступени нравственного развития личность и характер человека равняются положительному труду, и последствиями своими ему нисколько не уступают».² Такая постановка вопроса имела для Анненкова весьма

¹ См.: ГИМ, ф. 372, д. № 22, лл. 22—31.

² П. В. Анненков. Н. В. Станкевич. Переписка его и биография. М., 1857, стр. 5.

актуальный подтекст. В той идейной борьбе, которую Анненков, В. П. Боткин и их друзья вели против революционной демократии, Станкевич был объявлен их «молодостью», предтечей и союзником. Обвиняя своих противников в грубом материализме, в неспособности постигнуть истинную природу духовных исканий человека и тонкую сферу художественного творчества, Анненков пытался истолковать обаятельную, артистическую личность Станкевича как вероятного антагониста тех самых начал, против которых воюет современная либерально-дворянская идеология. Анненков высоко поднял личность Станкевича. Но идейно-полемическая заданность его либеральной концепции определенно суживала значение той большой работы, которую он проделал.¹

Очерк Анненкова сразу же обратил на себя внимание и вызвал два совершенно различных отклика. Первый из них появился на страницах «Библиотеки для чтения». Автор обширной статьи И. Льховский подверг резкой критике предложенную Анненковым оценку личности Станкевича и выдвинул свою нигилистическую концепцию. И. Льховский причислил Станкевича к праздным эпикурейцам, сибаритствующим эгоистам; жизнь его будто бы «осталась совершенно бесплодной», ибо господствующей целью этой жизни «становилось не служение человечеству, как он думал, а всестороннее и полное наслаждение».²

С развернутым ответом на эту статью выступил в «Современнике» Добролюбов. Не составляло большого труда вскрыть ошибочность антиисторических взглядов И. Льховского. Добролюбов это сделал с присущим ему блеском. В то же время он хорошо понимал, что Анненков, как и Тургенев в своей мемуарной заметке, ограничивался, в сущности, лишь морально-психологическим толкованием личности Станкевича. Такой угол зрения был явно недостаточен для анализа столь сложного явления, как Станкевич, и обрекал обоих авторов на оценки, заведомо односторонние и поверхностные. Правильно оценить личность Станкевича значило для Добролюбова понять этот характер прежде всего в его *возможностях*. Конечно, пишет он, Станкевич как натура по преимуществу созерцательная не мог окунуться в практическую деятельность и произвести переворот в положении общества. Но при других условиях возможности, заложенные в характере этого человека, раскрылись бы совершенно по-иному. «Ясно, что при обстоятельствах,

¹ См.: Б. М. Эйхенбаум. Наследие Белинского и Лев Толстой. — «Вопросы литературы», 1961, № 6, стр. 139—144.

² «Библиотека для чтения», 1858, № 3, отд. «Критика», стр. 38—39.

менее благоприятных для спокойного саморазвития и самосовершенствования, при существовании непосредственных враждебных столкновений с миром, Станкевич не побоялся бы отстаивать свои убеждения и действовать против злых в пользу добрых: в этом он умел находить... *собственное наслаждение*». ¹ Иными словами, при определенных условиях Станкевич, по мысли Добролюбова, способен был бы стать на путь борьбы с социальной несправедливостью. Эту мысль поддержал и Герцен в «Былом и думах»: «Такой даровитый русский, как Станкевич, не остался бы надолго „мирным“». ²

Для критика «Библиотеки для чтения» единственным критерием нравственного достоинства и исторической значимости того или иного деятеля является та мера практической пользы, которую он принес обществу. Добролюбов убедительно показывает несовершенство этого критерия. Он отмечает: «Это точно так же односторонне, как и суждение о человеке по одним его намерениям и убеждениям: одно слишком субъективно, другое совершенно объективно». ³ Логика рассуждения у Добролюбова такова. Польза от человеческих действий происходит отнюдь не всегда там, где на нее рассчитывают, и люди далеко не всегда предполагают общую пользу, обделяя свое «полезное дельце». Совершая по видимости полезное дело, иные деятели преследуют при том вполне небескорыстные цели — например, прослыть защитниками просвещения, поборниками справедливости и т. д. «Но, переменись завтра обстоятельства, — они первые восстанут против того, что еще недавно защищали». ⁴ Польза, приносимая такими людьми, тем не менее едва ли способна возвысить их нравственное достоинство и дать им право на общественное уважение.

Открыто полемизируя с прямолинейно-утилитарной точкой зрения И. Лъховского и отвергая его вульгарные нападки на книгу Анненкова, Добролюбов вместе с тем видел серьезные изъяны и в ее концепции, равно как и в близкой к ней концепции Тургенева.

Этическая теория, которую защищали либерально-дворянские идеологи 1850-х годов, основывалась на представлении о том, что человек, верный своей нравственной позиции, должен уметь отречься

¹ Н. А. Добролюбов. Николай Владимирович Станкевич. — Полн. собр. соч., т. 3. М., 1936, стр. 73.

² А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. 9. М., 1956, стр. 41.

³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 73.

⁴ Там же, стр. 74.

от земных благ во имя «железных цепей долга». Эту мысль отчетливо выразил Тургенев в повести «Фауст», на которую достаточно откровенно намекает Добролюбов в своей статье о Станкевиче. Человек живет не для радости и наслаждения, а для жертв во имя нравственного долга. С позиций «разумного эгоизма» Добролюбов отвергает такую пессимистическую философию. Влечение к счастью — естественная потребность человека и вполне соответствует его природе. Критик подтверждает свою мысль анализом личности Станкевича: «Никто не скажет, что он был дурным человеком, — пишет он, — следовательно, отсутствие страданий, внутренней борьбы и всяких душевных мук происходило в нем просто от гармонии его существа с требованиями чистой нравственности».¹

Этот тезис имел особенно важное значение для Добролюбова, поскольку он был направлен против полярных точек зрения Анненкова — Тургенева и Льховского. Признавая, что Станкевич не oznaчил свою жизнь «положительным трудом», Анненков, однако, оправдывал его тем, что личность и характер человека на высокой степени нравственного развития равняются «положительному труду» и своими последствиями ему нисколько не уступают. Добролюбов же, полагая, что Станкевич вовсе не нуждается в оправдании, ставит вопрос в несколько иной плоскости. Человек честный и нравственный, хотя и не озаривший свою жизнь каким-нибудь замечательным деянием, достоин сам по себе всяческого уважения в обществе, — достоин именно за свою честность и нравственность. «Даже натура чисто созерцательная, не проявившаяся в энергической деятельности общественной, но нашедшая в себе столько сил, чтобы выработать убеждения для собственной жизни и жить не в разладе с этими убеждениями, — даже такая натура не остается без благотворного влияния на общество именно своею личностью».² Отказываясь от абстрактной морально-психологической оценки личности Станкевича, характерной для Анненкова — с одной стороны и Льховского — с другой, Добролюбов противопоставляет им обем свой метод решения сложной «проблемы Станкевича».

Эта проблема, как уже указывалось, некоторыми своими существенными гранями включалась в споры вокруг идейного наследия 30—40-х годов. В представлении Добролюбова и Чернышевского люди типа Рудина — безвольные, постоянно рефлектирующие, не способные сочетать слово и дело — вовсе не единственные представители этого наследия. Кроме Рудиных русская действительность

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 67.

² Там же, стр. 74.

40-х годов выдвинула совершенно новый тип общественного деятеля — такого, как Белинский, — борца, практика, революционера. К какому же общественно-психологическому типу тяготеет Станкевич? Дворянские либералы пытались объявить себя его духовными наследниками. Добролюбов, разумеется, хорошо понимал различия между Белинским и Станкевичем. И однако же революционная демократия отнюдь не считала возможным ставить знак равенства между Станкевичем и либералами. Его замечательные душевные качества: цельность натуры, безукоризненная честность, принципиальность — словом, многое в его духовном облике весьма импонировало революционным демократам и, с их точки зрения, содержало в себе огромный идейный потенциал.

Исторически правильная оценка личности Станкевича состояла также и в том, чтобы не допустить преувеличения ее роли. На восторженно-панегирический тон иногда сбивался Анненков, стремившийся объявить Станкевича наставником Белинского. Предостерегая от «преувеличенных похвал» Станкевичу, Добролюбов писал: «Если бы кто-нибудь стал превозносить Станкевича выше меры, стал бы уверять, что он был главою кружка, что от него заимствовано все, что было хорошего у его друзей; если бы кто-нибудь стал приписывать великое, мировое значение его беседам с друзьями и возводить его в гении и благодетели человечества, тогда, конечно, было бы отчего в отчаянье прийти и даже, пожалуй, ожесточиться».¹

Очень важно понять место исторического деятеля в кругу своих современников. Но не менее важно уяснить, что представлял собой этот круг — характер его деятельности, его идеалы и стремления.

2

Дом профессора М. Г. Павлова на Дмитровке, в котором поселился Станкевич по приезде в Москву, стал главным местом встреч членов его кружка. Вот несколько строк из неопубликованного отрывка воспоминаний Константина Аксакова: «В 1832 году лучшие студенты собирались у Станкевича. Это были все молодые люди, еще в первой поре своей юности. Некоторые из них даже не имели права назвать себя юношами. Товарищество, общие интересы, взаимное влечение связывали между собою человек десять студентов. Если бы кто-нибудь заглянул вечером в низенькие небольшие ком-

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 63.

паты, наполненные табачным дымом, тот бы увидел живую, разнообразную картину: в дыму гремели фортепианы, слышалось пение, раздавались громкие голоса; юные, бодрые лица виднелись со всех сторон; за фортепианами сидел молодой человек прекрасной наружности; темные, почти черные волосы опускались по вискам его, прекрасные, живые, умные глаза одушевляли его физиономию...»¹

Кружок Станкевича возник зимой 1831—1832 годов. Первоначально в него входили: Николай Станкевич, Януарий Неверов, Иван Ключников, Василий Красов, Сергей Строев, Яков Почека, Иван Оболенский. В 1833 году состав кружка претерпел изменения. Выбыл в связи с переездом в Петербург ближайший друг Станкевича Я. М. Неверов. Но зато кружок пополнился значительной группой молодых людей. В их числе — Виссарион Белинский, Константин Аксаков, Александр Ефремов, Александр Келлер, Алексей Топорнин, Осип Бодянский, Павел Петров. А еще позже, в 1835 году — Василий Боткин, Михаил Бакунин, Михаил Катков, Каетан Косович.

Периодом наиболее интенсивной жизни кружка можно считать 1833—1837 годы, до отъезда Станкевича за границу. Хотя кружок продолжал формально существовать и позднее, он уже стал утрачивать свое влияние, участники его собирались уже не так регулярно,² все сильнее начинали сказываться центробежные силы. С отъездом осенью 1839 года Белинского в Петербург кружок фактически прекратил существование.

Совершенно несостоятельно традиционное представление о кружке Станкевича, согласно которому его участники были отвлечены от интересов современной общественной жизни и исключительно сосредоточены на решении абстрактных философских и эстетических проблем. Пересмотр этой традиционной версии начался

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, ф. 3, оп. 7, д. № 29, л. 1. Далее сокращенно: ПД.

² Брат поэта, Александр Станкевич, рассказывает в своих неопубликованных воспоминаниях о Каткове: «После отъезда Н. В. Станкевича за границу в 1837 году его дружеский кружок еще оставался на некоторое время в Москве и чаще всего сходилась у Вас. Петр. Боткина. У последнего появлялись, спорили, беседовали и читали разные литературные новости лица из бывшего кружка Станкевича: Белинский, Ключников, М. А. Бакунин, А. В. Кольцов, когда по временам проживал в Москве для своих дел» (Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, М, 7310/4, 2. Далее ссылки на этот архив даются сокращенно: ЛБ).

в специальной литературе,¹ но не доведен до конца ввиду недостаточной изученности материалов.

Кружки Герцена и Станкевича были различны по составу и преобладающему направлению интересов их участников. В одном случае действительно превалировал интерес к политике, в другом — к философии и эстетике. Но политика вовсе не была изолирована от философии, как философия отнюдь не мешала интересоваться политикой. И сам Герцен достаточно определенно высказывался в том смысле, что между обоими кружками было немало общего.

Кружок Станкевича возник в тяжелой политической атмосфере 30-х годов, в условиях, когда мысль передовых русских людей напряженно искала выхода из того тупика, в который завела страну торжествующая реакция. Что же дальше? Какими путями пойдет развитие России? — вот главные вопросы, от которых не мог уйти ни один честный, мыслящий человек. Но силы прогрессивно настроенных людей были рассредоточены, не организованы. Угроза свирепых репрессий, доноительство, предательство — все это давило сознание и парализовало волю к действию, к борьбе. Вот как Герцен оценивал политическую обстановку России тех лет: «Первые десять лет после 1825 года были страшны не только от открытого гонения всякой мысли, но от полнейшей пустоты, обличившейся в обществе; оно пало, оно было сбито с толку и запугано. Лучшие люди разглядывали, что прежние пути развития вряд возможны ли, новых не знали. Серое, осеннее небо тяжело и безотрадно заволокло душу».²

И тем не менее в сознании общества подспудно вызревали процессы, отражавшие нарастающее напряжение общественно-политической жизни в стране. Один только 1830 год ознаменовался такими событиями, как Июльская революция во Франции, восстание в Польше, холерные бунты. Каждое из них имело огромный резонанс в России и было чревато весьма важными последствиями. Постепенно начинало расковываться общественное сознание. «Вольномыслие» проникало в самые различные сферы общества, в университеты, в журналистику, в литературу. Люди стали искать ответы на острые вопросы, каждодневно выдвигаемые жизнью. Испуг, вызванный страшными правительственными репрессиями 1825—1826 го-

¹ См.: В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». М., 1954, стр. 177—202; М. Поляков. Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., 1960, стр. 93—127.

² А. И. Герцен. Былое и думы. — Собр. соч. в тридцати томах, т. 9, стр. 288.

дов, ослабевал. У людей обострилась потребность более тесного общения друг с другом: разговаривать, обмениваться мнениями, спорить. На рубеже 20—30-х годов возникает множество различных кружков — политических, философских, литературных. В 1827 году была учинена расправа с кружком братьев Критских, а в 1831-м раскрыто «тайное общество Сунгурова»; в конце 1829 года Белинский создает так называемое «Литературное общество 11-го нумера», в 1830 году студент Московского университета И. А. Оболенский подает мысль об организации «Дружеского общества», а в следующем году ее осуществляет Я. Неверов, в этом кружке участвует и Станкевич. Почти одновременно с кружками Герцена и Станкевича создается кружок Н. Селивановского. Каждый из этих кружков был сам по себе характерным явлением русской общественной жизни. И все вместе они свидетельствовали об очень серьезных глубинных процессах, в ней происходивших.

Подавляющее большинство участников всех этих кружков составляли студенты или бывшие студенты Московского университета. В начале 30-х годов существенно обновилась атмосфера студенческой жизни. Произошли изменения в социальном составе воспитанников университета: появилась среди них заметная прослойка детей мелких чиновников, купцов, мещан, духовенства. Эти люди принесли с собой в студенческие аудитории новые интересы и запросы. Скуку, которую испытывала молодежь от иных профессорских лекций, она возмещала самообразованием и шумными спорами, дискуссиями по самым различным вопросам. Пробуждалась общественная жизнь, возникало понятие студенческого товарищества. «...Мы мало почерпнули из университетских лекций и много вынесли из университетской жизни, — вспоминал об этих годах Константин Аксаков. — Общественно-студенческая жизнь и общая беседа, возобновлявшаяся каждый день, много двигали вперед здоровую молодость...»¹

Кружок Станкевича представлял собой одно из характерных явлений духовной жизни России 30-х годов. Хотя предметом споров на собраниях кружка были преимущественно вопросы философские и эстетические, в их обсуждение привносилось горячее дыхание истории, в них отражались раздумья о современном положении России и ее завтрашнем дне. «Все были исполнены веры в свои благородные стремления, — писал Чернышевский, — надежд на близость прекрасного будущего».² Философия рассматривалась в кружке как

¹ К. Аксаков. Воспоминание студентства, стр. 10.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 197.

основа общего взгляда на мир. Это объясняет ту необыкновенную запальчивость, с какой спорили о, казалось бы, самых частных и отвлеченных положениях системы Шеллинга или Канта. Уже отмечалось, что кружки Станкевича и Герцена вовсе не были так уж изолированы один от другого. Члены этих двух кружков нередко общались между собой. Происходившее на собрании одного кружка вскоре становилось достоянием другого. Я. И. Почека, например, друг Станкевича, был одновременно близок к Герцену. Кроме того, участники обоих кружков нередко встречались с членами политического, конспиративного кружка Сунгурова. В марте 1831 года Почека вместе с Костенецким, Лермонтовым, Герценом и другими студентами оказался участником знаменитой «маловской истории», едва не закончившейся исключением из университета всей этой группы. Когда было раскрыто «тайное общество» Сунгурова, Неверов вместе с несколькими своими товарищами навестил арестованных в Спасских казармах, собирал деньги для них. Позднее власти перлюстрировали письмо одного из сунгуровцев, в котором тот, называя Неверова «товарищем, другом», благодарил его за сердечное участие и помощь попавшим в беду людям. Чудо спасло Неверова от серьезного наказания.

Повседневная жизнь сталкивала Станкевича и его друзей с очень сложными проблемами современной действительности, к которым они не могли оставаться равнодушными. Среди студенческой молодежи, по словам Герцена, распространялась «ненависть ко всякому насилию, к всякому правительственному произволу».¹ Настроения политического вольномыслия охватывали все более широкий круг людей. Члены различных кружков осторожно, но упорно расширяли свои связи, особенно со студенческой молодежью. Я. Костенецкий, осужденный по делу сунгуровского кружка, рассказывал в своих воспоминаниях, что он был в дружеских отношениях с Я. И. Почеккой, И. А. Оболенским, а также «довольно знаком» со Станкевичем, «бывая у него на квартире у профессора Павлова».² Не «был», а «бывал» — значит, неоднократно!

В мае 1833 года Костенецкий послал из Ставрополя, с дороги в ссылку на Кавказ, письмо своим бывшим товарищам по университету, в котором упоминал Станкевича, Почекку, Оболенского, Сатина, Неверова, Кетчера и других своих друзей.³ Письмо это было

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. в тридцати томах, т. 10. М., 1956, стр. 318.

² «Русский архив», 1887, № 1, стр. 111.

³ Центральный государственный исторический архив Октябрьской революции, ф. III Отделения, 1 экспедиция, 1833 г., д. № 150, лл. 13—18 об. Далее сокращенно: ЦГАОР.

должено Бенкендорфу,¹ а он в свою очередь сообщил о нем царю. Николай I считал весьма предосудительным самый факт общения студентов с «государственным преступником», а судя «по откровенности, с кою Костенецкий объясняет им свои преступные меры и вредные замыслы», пришел к выводу, что «лица сии более или менее должны быть знакомы с оными».² Царь приказал вызвать студентов, сделать им соответствующее внушение и потребовать от них «решительно прекратить всякие сношения с Костенецким и прочими его соучастниками», а кроме того, за ними учредить «строгий надзор». Студенты также были вызваны к жандармскому генералу, который вытребовал у них письменные обязательства не иметь никогда больше дела с Костенецким и другими «государственными преступниками». В этом же архивном деле хранится текст обязательства, подписанного Станкевичем.³

К этому времени относится начало активного участия Белинского в кружке Станкевича. По свидетельству Неверова, Станкевич заинтересовался Белинским, как только узнал об исключении его из университета за какую-то пьесу, «сюжетом которой было злоупотребление владельного права над крестьянами».⁴ Так состоялось их знакомство, вскоре переросшее в тесную дружбу.

Кружок Станкевича сыграл видную роль в духовном развитии

¹ Генерал-лейтенант Лесовский доносил Бенкендорфу: «означенные Почека, Станкевич, Сатин и Огарев, хотя есть люди молодые, но... отлично образованы и хорошей нравственности, и они... с прискорбием видят, что подверглись высочайшему замечанию чрез одно токмо письмо Костенецкого, с коим совершенно не участвовали во вредных его замыслах, и даже не имели особенно коротких связей с ним, кроме того, что были товарищами ему по университету» (ЦГАОР, ф. III Отделения, I экспедиции, 1833 г., д. № 150, лл. 82 об. — 83). А в другом донесении Лесовского Станкевичу давалась следующая характеристика: «Станкевич Николай, студент Московского университета, сын воронежского помещика, отставного поручика; отличается превосходными успехами по всем предметам проходимых им наук; скромный, и ни в дурном поведении, ни в каких-либо предосудительных поступках и намерениях замечен не был» (там же, лл. 20 об. — 21).

² ЦГАОР, ф. III Отделения, I экспедиции, 1833 г., д. № 150, лл. 37—38.

³ Там же, л. 58а. В деле Костенецкого имя Станкевича упоминается довольно часто. Между прочим, в перехваченном письме Костенецкого обращает еще на себя внимание одна любопытная деталь. Он сообщает, что по пути на Кавказ останавливался в Воронеже, где почти каждый день бывал у советника Федорова, имея «от Станкевича рекомендательное письмо».

⁴ «Литературное наследство», № 56. М., 1950, стр. 100. Разумеется, речь здесь идет о трагедии «Дмитрий Калинин».

русской интеллигенции 30—40-х годов. Участники этого кружка принадлежали к тому поколению, которое пережило в детстве катастрофу 14 декабря 1825 года и было ею разбужено. Сам Станкевич причислял себя к людям, «воспламененным идеями».¹ Впрочем, какими именно — он не уточнял. Идейное развитие Станкевича шло трудными и сложными путями. Семнадцатилетним юношей он пишет стихотворение «Избранный» и пытается воспеть в нем твердую, сильную самодержавную власть, с которой неразлучны «правда, милость и закон». Но то были еще наивные заблуждения юности, от которых Станкевич быстро освободился.

Умный и наблюдательный Станкевич очень скоро понял беспочвенность своих иллюзий. Им на смену пришли тревожные раздумья о трагических противоречиях современности. Достаточно полистать переписку Станкевича, чтобы реально представить себе тот сложный эмоциональный мир, в котором он начинает жить вскоре после переезда в Москву. Мягкий и деликатный по натуре, Станкевич, однако, не может скрыть своего возмущения всеобщим падением нравов, повсеместно наблюдаемым им великосветским хамством и торжеством фарисейской морали. «Если хочешь быть принятым с почестью, — пишет он Неверову, — вооружись медным лбом, отращивай пузо, заводишь хозяйством и веди стороною дело о скуке жизни холостой».² Жизнь прекрасна, но она неустроенна и таит в себе множество бед и несправедливостей. И Станкевич верит, что скоро все образуется и станет на свое место.

Общественные идеалы Станкевича все еще крайне смутны, неопределенны. Размышляя о непорядках современной жизни, о несовершенстве общественной морали, он пытается доискаться причин, корней этих явлений. И это ему далеко не всегда удается. Он мыслит категориями абстрактно-моралистическими. Желая устранения несправедливости и стремясь к «идеалу общества», он полагает, что можно ускорить решение этих проблем, если подумать о средствах ослабить эгоизм в людях и пробудить в их душах стремление к более нравственной жизни. Усилить это стремление, как ему кажется, может религия. Философия истории Станкевича идеалистична. Он не видит истинных рычагов, способных воздействовать на развитие общества. Но вместе с тем он высказывает временами глубокие идеи, свидетельствующие о том, как интересно и плодотворно эволюционировала его политическая мысль. Говоря, например, о том, что

¹ «Переписка Н. В. Станкевича (1830—1840)». М., 1914, стр. 286. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: «Переписка Станкевича».

² Письмо от 11 мая 1834 г. — «Переписка Станкевича», стр. 286.

правительство «старается охранить народ от гражданских свобод», он добавляет: не лучше ли было бы позаботиться, чтобы «народ сам стал думать, сам искать средств к своему благосостоянию!»¹ Правда, полагает он, сознание народа еще не соответствует необходимому уровню, но его можно поднять «образованием», и вообще надо заняться воспитанием народа «наукою, искусством, религиею». Многим людям, рассуждает Станкевич, подобный вывод может показаться нереальным, слишком «мечтательным», поскольку до сих пор не было таких прецедентов в истории; однако, замечает он далее, история никогда не стоит на месте, «в каждом веке бывает то, чего никогда не бывало, и я уверен, что будет то, о чем никто и не думает».²

Станкевич мучительно переживал дисгармонию мира, трагические противоречия между человеком и действительностью. Эти вопросы все чаще привлекали к себе внимание членов кружка. Большинство из них сходилась на мысли о необходимости нравственного воспитания общества. На начальном этапе существования кружка его участников объединяло стремление к изучению наук, к постижению неких отвлеченных философических истин. Сам Станкевич свидетельствовал: «Интерес наук умалился с верою в решение *высочайших вопросов*».³ Это было написано в октябре 1834 года. Отныне «высочайшие вопросы» стали играть все более важную роль в сознании участников кружка Станкевича. Прежде их занимала только истина, теперь она уже совмещается с понятием добра. В том же письме к Неверову Станкевич продолжает: «Этот интерес принял другой оборот, я ищу истины, но с нею и добра. История обещает мне много, как для одной, так и для другого». Апелляция к истории здесь очень характерна. Она свидетельствовала о том, что теоретические интересы членов кружка становились более заземленными, наполнялись реальным общественным содержанием.

Я. Неверов в неопубликованном мемуаре о Станкевиче говорит, что его друг, не будучи «записным политиком и резонером», не был, однако, чужд раздумьям относительно «общественного, гражданского устройства народов».⁴ В кружке ревностно защищалась идея свободы человеческой личности. Условия крепостнической России давали обильный материал для раздумий об отсутствии необходимой гармонии между личностью и обществом. Белинский и Герцен на-

¹ Письмо к М. А. Бакунину от 25 сентября 1835 г. — «Переписка Станкевича», стр. 573.

² Там же, стр. 574.

³ Там же, стр. 293.

⁴ ГИМ, ф. 372, л. № 22, л. 29 об.

Ходили в этом пункте пересечение главных противоречий, органически присущих феодально-помещичьему строю. Станкевич же и большинство других членов его кружка пытались осмыслить эту проблему с позиций абстрактно-гуманистических. Неверов рассказывает, как однажды на вечере у Фроловых — это было в Берлине — зашел спор о некоторых очень острых вопросах внутреннего положения России, о «преимуществах народного представительства в государстве, о всесловном участии народа в несении государственных повинностей и о доступе ко всякой государственной деятельности». Когда поздно вечером Станкевич вместе с Тургеневым и Неверовым вернулись домой, он под впечатлением этого спора обратился к ним с таким замечанием: «Председательница беседы забывает, что масса русского народа остается в крепостной зависимости и поэтому не может пользоваться не только государственными, но и общечеловеческими правами; нет никакого сомнения, что рано или поздно правительство снимет с народа это ярмо, — но и тогда народ не может принять участия в управлении общественными делами, потому что для этого требуется известная степень умственного развития, и поэтому прежде всего надлежит желать избавления народа от крепостной зависимости и распространения в среде его умственного развития. Последняя мера сама собою вызовет и первую, а потому, кто любит Россию, тот прежде всего должен желать распространения в ней образования». При этом, сообщает далее Неверов, Станкевич «взял с нас торжественное обещание, что мы все наши силы и всю нашу деятельность посвятим этой высокой цели». ¹

Кружок Станкевича объединял людей, отнюдь не одинаковых по темпераменту и уровню своего духовного развития, по степени зрелости своего общественного самосознания. Разумеется, особое место занимал в кружке Белинский, побуждавший своих друзей быть более восприимчивыми к живым социальным проблемам современности и более независимыми, смелыми в своем отношении к различным явлениям российской действительности. Нельзя сказать, чтобы эти старания Белинского вполне увенчались успехом, но они, во всяком случае, не были безрезультатными. Вспоминая много лет спустя свое участие в кружке Станкевича, К. Аксаков писал: «В этом кружке выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир». ²

¹ «И. С. Тургенев в воспоминаниях Я. М. Неверова». — «Русская старина», 1883, № 11, стр. 419.

² К. Аксаков. Воспоминание студентства, стр. 17.

Станкевич верил в могущество мысли и ее неограниченную способность прокладывать новые пути в развитии человеческого общества. Но, уповая на разум, Станкевич, как и некоторые просветители, не находил и не искал в обществе той реальной силы, которая могла бы осуществить предначертания разума. В этом состояла своего рода «духовная драма» Станкевича, как и многих других передовых людей его поколения.

Своеобразие же Станкевича и отличие от других членов его кружка — например, К. Аксакова, Неверова, Ключникова — состояло в том, что он настойчиво, методично искал путей практического приложения своих теоретических идей. «Станкевич постоянно говорил... о долге служить человечеству, — свидетельствует в своей неопубликованной мемуарной заметке Неверов, — и служить ему несмотря на свою болезнь и страдания, служить своею мыслию, той духовною жизнью, которую он вдыхает во все лица, с ним сближающиеся, тем обобщением всех чисто человеческих интересов, на которые его богатая натура всегда отзывалась так громко». ¹

Теоретическая мысль, сколь бы могущественной она ни казалась, никогда не играла для Станкевича самоценную роль. Он рано увлекся философией, изучал ее всю жизнь и видел в этой науке ключ ко всем тайнам мироздания. Но вот характерное его признание в письме к Неверову: «...Философию я не считаю моим призванием; она, может быть, ступень, через которую я перейду к другим занятиям...» ² Он убежден, что философия заставит его «с большим жаром изучать историю и искусство» и все это вместе подготовит его к тому, чтобы в надлежащее время заняться «делом». Этот мотив проходит через множество писем Станкевича.

«Душа просит воли, ум — пищи, любовь — предмета, жизнь — деятельности». «...Потребность деятельности не даст мне покоя». «Судьба вечно мне мешает заняться делом, в то время, когда я чувствую особенную охоту к деятельности». ³ «Потребность гражданской деятельности начинает сильно тревожить меня», ⁴ и т. д. Станкевича, как и некоторых других членов кружка, постоянно мучило сознание неполноценности их образа жизни.

¹ ГИМ, ф. 372, д. № 22, л. 228 об.

² Письмо от 2 декабря 1835 г. — «Переписка Станкевича», стр. 341.

³ Письма к Я. М. Неверову от 18 мая 1833, 11 декабря 1834, 13 октября 1835. — Там же, стр. 218, 303, 332.

⁴ Письмо к М. А. Бакунину от 15 ноября 1835 г. — Там же, стр. 586.

В 1835 году в одном из писем к Бакунину он без всяких оценок личностей пишет: «Жаль, что небольшое общество наше, несмотря на все свои благие намерения, страдает одним неисцелимым недугом — тоскою и недоверчивостью к жизни, не то — мы бы сделали больше!»¹ Стать ближе к жизни, глубже понять ее потребности, с большим доверием относиться к ней — вот на чем все чаще настаивал Станкевич, ибо действительность, по его мнению, «есть поприще настоящего, сильного человека».²

Среди друзей Станкевича глубже и вернее всех понимал его Белинский. Он высоко ценил его, видел его слабые стороны и вместе с тем отдавал себе отчет в том, что Станкевич вовсе не то же самое, что К. Аксаков, Бакунин или Ключников, и прежде всего потому, что он «всегда носил в душе... живую потребность выхода в простую, нормальную действительность».³ А это служило для Белинского одним из самых важных критериев в оценке человека.

3

Кружок Станкевича пытался выработать целостное мировоззрение. Существенная роль в этом отношении предназначалась философии.

Духовное развитие самого Станкевича было необыкновенно интенсивным, стремительным. Через профессора М. Г. Павлова и особенно Н. А. Мельгунова он познакомился с «любомудрием» и пережил кратковременное увлечение всем характерным для него комплексом философско-романтических идей. Одновременно его захватил поэтически восторженный идеализм Шеллинга. В марте 1835 года он сообщает Неверову, что раз в неделю, вместе с Ключниковым, читает Шеллинга: «Мы хотим непременно вполне понять его, ясно увидеть ту точку, до которой мог дойти ум человеческий в свою долговременную жизнь».⁴

Станкевич всегда был убежден, что занятия философией — необходимая и обязательная ступень к любому другому роду духовной деятельности. Философия — «главное дело». Он готов признать, что всякое научное познание кажется ему односторонним, если оно не пронизано светом философской мысли. Например, изучая историю, он интересуется ею прежде всего как «философской задачей».

¹ «Переписка Станкевича», стр. 586.

² Письмо к Бакунину от 21/9 января 1838 г. — Там же, стр. 650.

³ Письмо к Станкевичу от 5—8 октября 1838 г. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 307.

⁴ «Переписка Станкевича», стр. 317.

С другой стороны, философия без истории — ничто, «знание будет слишком сухо и мертво». «С единством идей, — пишет он Бакунину, — надобно соединить разнообразие фактов — вот идеал знания; тогда оно будет поэзиею».¹ Своему другу Т. Н. Грановскому Станкевич советует не ограничиваться подобно большинству ученых лишь собиранием и систематизацией фактов, а «одушевить науку одною светлою идеею».² Под этим углом зрения Станкевича начинает интересоваться Гегель. Он переводит и публикует в «Телескопе» (1835, № 13—15) обширную статью французского философа Жозефа Вильма «Опыт о философии Гегеля». Его сейчас особенно занимает вопрос о том, как соотносятся между собой познавательные возможности ума и чувства и какую роль в этом отношении играет вера, религия. Станкевич пишет специальную статью, до нас не дошедшую, — «О возможности философии как науки», в которой все эти вопросы должны были быть осмыслены.

Станкевич был горячей, увлекающейся натурой. Разочаровавшись в одной философской системе, он тут же с жаром обращался к другой. Между Шеллингом и Гегелем он пережил еще два увлечения — Кантом и Фихте. Но каждое из этих увлечений было быстрое. Как он сам писал: «система сменялась системою». Восхищаясь глубиной теоретических прозрений немецких мыслителей, Станкевич, однако, никогда не испытывал перед ними того ученического трепета, который был присущ, например, его другу Бакунину. Высоко ценя Канта и особенно Гегеля, Станкевич никогда не считал их системы абсолютно истинными, но видел в них лишь одну из ступеней познания. К концу своего жизненного пути он все больше стал понимать односторонность немецкой идеалистической философии, ее абстрактность, неприменимость многих ее выводов к практическим проблемам действительности.

В философии его занимает не система, а прежде всего метод. Именно *метод* познания мира, постижения истины, метод решения вопросов представляется ему наиболее характерным выражением новейших достижений философии, человеческого ума.

Бакунин однажды сказал о Станкевиче, что он «был идеалист, но сам проклиная свой идеализм».³ Все более осознал Станкевич зуюсть идеалистических представлений, хотя сам так и не

¹ Письмо от 15 ноября 1835 г. — «Переписка Станкевича», стр. 587.

² Письмо от 14 июня 1836 г. — «Переписка Станкевича», стр. 447.

³ Письмо к Н. П. Огареву от 23 ноября 1869 г. — «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 350.

сумел вырваться за их пределы. Здесь было одно из коренных различий между Станкевичем и Белинским. В 30-е годы они оба в своем духовном развитии прошли примерно через одни и те же философские искания. Но не следует забывать, что Станкевич был теоретиком более созерцательного склада, а Белинский уже в 30-х годах формировался как политический боец, страстно ненавидевший господствующий уклад жизни. Присущий великому критику демократизм облегчил ему после примирения с «разумной действительностью» возможность порвать с идеализмом и прочно стать на материалистические позиции. Станкевич развивался в том же направлении, но он шел медленнее, с оглядкой. И не успел дойти.

В последний год своей жизни он познакомился с философией еще одного великого немца — Людвига Фейербаха. Она явилась для него новым откровением. За месяц с небольшим до смерти он пишет Бакунину, что хотел бы привезти с собой домой в Россию несколько вещей Фейербаха. «У него могучая натура, в его существе есть что-то полное, цельное...» и далее: «При всех его недостатках, его весело читать. В нем есть начало жизни, которое веселит».¹

«Начало жизни» — вот чего прежде не хватало Станкевичу в философских системах, основанных на абстрактных, умозрительных категориях. «Да и как можно вдруг оторваться ото всего, присесть и выводить категории?» — недоуменно спрашивает он теперь, в 1839 году, Боткина.² Философское самосознание Станкевича и его кружка основывалось на убеждении, что век «чистого разума» кончился и что любое теоретическое познание должно быть сопряжено с опытом и реальными потребностями жизни.

Развитие философии, как и всякой другой области науки, мыслилось лишь в том направлении, которое открывало пути к решению трудных и сложных проблем современного общественного бытия. «...Живя среди абстракций и варварства, — вспоминал это время Н. И. Сазонов, выученик Московского университета и друг Герцена, — мыслящее меньшинство русской молодежи, воодушевленное любовью к родине и свободе, с неутомимым рвением искало выхода, который примирил бы ее с народом».³ Вместе с тем усиление интереса к практическим потребностям века нисколько не ослабляло увлечения мыслящей молодежи наукой. Напротив, научное познание мира и его объективных закономерностей считалось важнейшей

¹ Письмо к М. А. Бакунину от 19/7 мая 1840 г. — «Переписка Станкевича», стр. 669—670.

² Письмо к В. П. Боткину от 6 февраля/25 января 1839 г. — Там же, стр. 492.

³ «Литературное наследство», № 41—42. М., 1941, стр. 196.

предпосылкой общественного переустройства действительности. В науке видели орудие изменения мира. Тот же Сазонов отмечал: «Разочарования 1825-го и 1830-х годов послужили нам полезным уроком, после которого мы стали стремиться к разрешению больших национальных вопросов прежде всего при помощи науки». ¹ Эту мысль в середине 40-х годов поэтически воплотил в одном из своих стихотворений и А. Н. Плещеев:

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под *знаменем науки*
Союз наш крепнет и растет.

«Знамя науки» становилось символом общественного прогресса и неукротимого стремления молодой России к историческому обновлению мира.

Наряду с проблемами общественно-философскими в кружке Станкевича много спорили и по вопросам искусства, литературы. Эти вопросы были близки сердцу не только Белинского, самого Станкевича, Красова, Ключникова, К. Аксакова, Каткова, но и более широкому кругу собиравшихся у Станкевича молодых людей, профессиональные интересы которых были весьма разнообразны. Одних больше занимало изучение истории — всеобщей или славянских народов, других — этнографии, третьих — географии. И однако же от общих проблем мироздания разговор нередко переходил здесь на темы, связанные с состоянием современной русской поэзии, прозы, журналистики, с представлением о роли художника в общественной жизни и т. д.

Начиная с 20-х годов теоретическое осмысление искусства приобрело значение актуальной общественной проблемы. Становилось ясным, что художественное творчество играет громадную роль в жизни людей, активно формируя их мирозерцание, их вкусы, их отношение к самым различным явлениям действительности. Это отлично поняли уже декабристы, в программных документах которых вопросы искусства занимали, как известно, весьма значительное место. Художественное слово становилось все более важным эле-

¹ «Литературное наследство», № 41—42, стр. 196.

Ментом общественной жизни и впервые благодаря Пушкину приобрело общенациональное значение. Изучение более или менее частных явлений языка и стиля, характерное для предшествующих десятилетий, уступило место разработке общих проблем художественного творчества. В ожесточенных спорах вокруг романтизма, народности, «реальной поэзии» определялись пути развития русской литературы, ее будущее. Отзвуки этих споров мы находим и в кружке Станкевича.

Философию и историю Станкевич считал «двумя основными человеческими науками». Рядом с ними он ставил область художественного творчества. В 1838 году он писал Неверову: «Искусство делается для меня божеством, и я твержу одно: дружба... и искусство! Вот мир, в котором человек должен жить, если не хочет стать наряду с животными! Вот благородная сфера, в которой он должен поселиться, чтобы быть достойным себя! Вот огонь, которым он должен согреть и очищать душу». ¹ Театр и музыка, поэзия и живопись — все это было близко членам кружка, и всякое значительное событие в любой области искусства находило моментальный отклик в душе Станкевича и его друзей.

На эстетическое их развитие серьезное влияние оказал Н. И. Надеждин. Широкий философский взгляд на искусство, представление о том, что поэзия должна быть «зеркалом» природы и общественной жизни и служить целям прогресса и просвещения, смелое посягательство на авторитеты и общепризнанные эстетические оценки — все это импонировало молодежи и снискало Надеждину популярность среди наиболее серьезной части студенчества. В кружке Станкевича любили и почитали Надеждина, хотя и видели его непоследовательность, а порой и серьезные ошибки.

Вопросы искусства никогда не обсуждались в кружке изолированно от проблем философских. Разговор о творчестве Гете и Шиллера, о поэзии Пушкина или игре В. А. Каратыгина возникал как естественное, органическое продолжение споров вокруг самых разнообразных вопросов философии. В своих заметках «Об отношении философии к искусству» Станкевич подчеркивал, что ни одна отрасль духовной жизни не развивается изолированно, независимо, ибо «каждый член духа живет и растет с целым его организмом». ² Искусство в своем развитии неразрывно с общей историей человечества, стало быть — для того чтобы понять природу искусства, надо осмыслить его отношение к истории, к жизни. Здесь, в сущности,

¹ «Переписка Станкевича», стр. 221.

² Н. В. Станкевич. Стихотворения. Трагедия. Проза. М., 1890, стр. 176.

зерно эстетической «системы» Станкевича. Для него история искусства есть одновременно и его теория; а возникновение родов искусства соответствует определенным эпохам развития человечества. Станкевич замечает, что открытие этого закона имеет громадное значение для эстетики, ибо искусство, поскольку оно связано с «эпохами общего духовного развития», приобретает мировое значение.

Станкевич отправляется в своих общих рассуждениях от эстетики Гегеля, но самостоятельно развивает мысль об эстетическом отношении искусства к действительности. Вне исследования этого отношения невозможна, по его убеждению, ни теория искусства, ни его подлинная научная история.

Романтическое сознание Станкевича двойственно. Признание богоизбранности поэта и его отрешенности от земных интересов совмещается в нем с такими оценками явлений современного искусства, которые никак не могли создать ощущение стройности и последовательности его внутреннего эстетического мира. Поразительным примером в этом отношении является восприятие Станкевичем творчества Гоголя.

В письме к Неверову он с восторгом отзывается о «Старосветских помещиках»: «...Это прелесть!.. Прочти! Как здесь схвачено прекрасное чувство человеческое в пустой, ничтожной жизни!»¹ Уже Добролюбов обратил внимание на то, что «именно на этой мысли основан разбор „Старосветских помещиков“, помещенный Белинским в статье его „О русской повести и повестях г. Гоголя“».² Сохранилось много свидетельств современников о том, с каким энтузиазмом относился Станкевич к каждому новому произведению Гоголя, какое принципиальное значение он придавал его творчеству в целом. В упоминавшемся выше письме к Н. А. Беер, написанном неизвестным лицом после смерти Станкевича, есть такие строки: «Чтение «Мертвых душ» Гоголя вызвало во мне странное сожаление об Станкевиче». Мне стало жаль его, что он не читал этой книги, она доставила бы ему столько наслаждения; он так любил Гоголя, так радовался всякому сочинению его».³ Замечательно, что еще задолго до «Мертвых душ» Станкевич называл их автора прозаиком, равному которому нет между французами и главное достоинство которого состоит в том, что его произведения — «это истинная поэзия действительной жизни».⁴ Характерно, что той же формулой

¹ Письмо от 28 марта 1835 г. — «Переписка Станкевича», стр. 318.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 76.

³ ГИМ, ф. 351, д. № 64, л. 358 об.

⁴ Письмо к Неверову от 4 ноября 1835 г. — «Переписка Станкевича», стр. 335.

определил творчество Гоголя Белинский: «поэт жизни действительной». ¹

Эстетическая позиция Станкевича сложилась не сразу. На первых порах он явно тяготел к искусству мечтательному, «идеальному», романтически приподнятому над повседневной «существенностью». Ему правился, например, высокопарный, ходульный Нестор Кукольник. Он пришел в восторг от его «Торквато Тассо» и был не на шутку рассержен на Неверова, услышав о его отрицательном отношении к этой драме. Но проходит всего несколько месяцев — и оценка Станкевичем творчества Кукольника меняется. Уже в марте 1834 года он с удивлением пишет тому же Неверову, что прочитал драму «Рука всевышнего отечество спасла» и не обнаружил в ней никакой поэзии: «это — проза, переложенная в дурные стихи, нет связи, нет идеи, словом: если бы не похвальные чувствования, то это была бы единственная чушь в нашей литературе». ²

Еще более разительную эволюцию претерпело отношение Станкевича к выпренной, основанной на старой классицистической эстетике, игре В. А. Каратыгина. Поначалу он отнесся к ней весьма восторженно. Когда весной 1833 года чета Каратыгиных впервые прибыла на гастроли в Москву, Станкевич был в числе их самых горячих почитателей. Под свежим впечатлением только что закончившегося спектакля он писал 2 мая 1833 года Неверову в Петербург, что он «побежден» игрой Каратыгина, что он вместе с Мельгуновым, Шевыревым и Максимовичем неистовствовал в театре и, приветствуя актера, кричал «до упаду, до безголося». ³ Прошло полгода, и Станкевич уже другими глазами смотрит на своего вчерашнего кумира: «Каратыгин многое понимает, но... не понимает главного: святости искусства». ⁴ Эта мысль — непонимание Каратыгиным главного в искусстве: его живой души, подмена вдохновенной стихии творчества холодно-расчетливым «умением побеждать трудности», — именно эта мысль станет центральной в статье Белинского «И мое мнение об игре г. Каратыгина».

Столь же отрицательно отзывался Станкевич о вульгарно-романтической поэзии В. Г. Бенедиктова, который, по его словам, «блестит яркими, холодными фразами, звучными, но бессмысленными или натянутыми стихами». ⁵ Бенедиктов неприемлем для Стан-

¹ Полн. собр. соч., 1. М., 1953, стр. 284.

² Письмо к Я. М. Неверову от 7 марта 1834 г. — «Переписка Станкевича», стр. 279.

³ Там же, стр. 216.

⁴ Письмо к Я. М. Неверову от 17 декабря 1833 г. — Там же, стр. 269.

⁵ Письмо к нему же от 10 ноября 1835 г. — Там же, стр. 339.

кевича прежде всего тем, что в его стихах — при самом изысканном наборе слов самых звучных, образов самых ярких, сравнений самых странных — «души нет». Это убеждение разделяли и другие члены кружка. К. Аксаков, например, писал в начале 1836 года М. Г. Карташевской: «Я сказал, что Бенедиктов может нравиться только той девушке, которая свое чувство оставила на паркете и которую не может тронуть простая и истинная поэзия Гомера».¹ Вычуры, блестящие, мишура — все это противопоставлено истинной поэзии. И Станкевич приходит к неумолимому выводу, что Бенедиктов, собственно, и «не поэт», не художник в том смысле, в каком им является, например, Пушкин. Обратим внимание на то, что эти строки были написаны 10 ноября 1835 года, более чем за две недели до выхода в свет знаменитой статьи Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова», содержавшей решительный приговор творчеству этого поэта.

Через всю эстетику Станкевича проходит мысль о том, что истинное искусство по самой природе своей должно быть проникнуто «человеческими интересами». Никакой формальный изыск или эксперимент не может принести успеха поэту, если его слово не одушевлено этими интересами. Станкевич с иронической усмешкой отзывается о затее Шевырева, задумавшего ввести древнюю просодию в современное русское стихосложение. «Не говоря уже о нелепости этой мысли, — пишет он Неверову, — подумай, как не стыдно в наш век, богатый человеческими интересами, думать о переменах в просодии? Талант сам создает ее».²

В искусстве не должно быть ничего искусственного, надуманного. Талант, если он подлинный, то есть если он чуток к живым интересам современности, сам найдет дорогу к наиболее выразительным художественным средствам. Очень интересно в этой связи рассуждение Станкевича о народности, которое находим в одной из его дневниковых записей: «Чего хлопочут люди о народности? — Надобно стремиться к человеческому, *свое* будет поневоле. Во всяком искреннем произвольном акте духа невольно обличается *свое*, и чем ближе это *свое* к общему, тем лучше».³ Подобное понимание народности также перекликалось с толкованием этой проблемы у Белинского. Истинный художник вовсе не стремится к народности, она приходит сама собой, в результате глубокого и верного изобра-

¹ ПД, 10.604/XV с. 1, л. 13.

² Письмо от 13 октября 1835 г. — «Переписка Станкевича», стр. 333.

³ «Из дневника», запись от 25/13 сентября 1837 г. — Там же, стр. 754.

жения действительности. Притом Станкевич делает важное предостережение: характер народа следует раскрывать как «общее», а вовсе не на основе его старых обычаев, ибо это означало бы стремление «продолжить для него время детства». ¹ Эта глубокая мысль имела вполне определенный полемический адрес, она была направлена против многочисленных «кваснопатриотических» теорий народности, с которыми воевал на протяжении многих лет Белинский.

Уже отмечалось, что в кружке Станкевича не было полного единства теоретических убеждений. Отсутствовало согласие и в решении некоторых весьма существенных эстетических проблем. На собраниях кружка постоянно кипели споры вокруг самых разнообразных явлений современной литературы и общих вопросов искусства. В центре этих споров, как правило, стоял Белинский, нередко пугавший других членов кружка непримиримой резкостью и прямоотой своих литературных мнений. Идси, близкие к его взглядам, развивали порой Станкевич, Боткин, Красов и другие. Едко, насмешливо возражал обычно всем Ключников, скептический ум которого не мирился ни с какими теоретическими построениями. Горячо, почти с фанатической запальчивостью отстаивал свои схемы едва ли не самый молодой член кружка Константин Аксаков. Мягкий, деликатный, улыбчивый Станкевич старался всячески смягчать споры, не доводить их до опасного предела. Еще Герцен отмечал свойственную художественной натуре Станкевича способность «примирять, или, как немцы говорят, снимать противуречия». ² В то же время он иногда не прочь был упрекнуть Белинского в известной узости, односторонности его взглядов и даже — доктринерстве. Не нравилась Станкевичу и манера иных критических выступлений Белинского. Он не одобрял, например, их «слишком полемического тона» ³ и внушал критику, что надо бы в статьях своих быть более сдержанным: «... Будь чем хочешь, хоть журналистом, хоть альманашником, все будет хорошо, только будь помирнее». ⁴ Но гораздо большие возражения вызывало у Станкевича поведение Константина Аксакова — незрелость и неглубокость его суждений и какая-то мальчишески упрямая убежденность в своей исключительной правоте.

¹ «Из дневника», запись от 25/13 сентября 1837 г. — «Переписка Станкевича», стр. 754.

² А. И. Герцен. Былое и думы. — Собр. соч. в тридцати томах, т. 9, стр. 41.

³ Письмо к Я. М. Неверову от 14 июня 1835 г. — «Переписка Станкевича», стр. 325.

⁴ Письмо к М. А. Бакунину от 3 ноября 1836 г. — Там же, стр. 622.

Среди своих друзей по кружку Аксаков был, пожалуй, наиболее правоверным шеллингианцем, особенно в области эстетической. Одной из центральных идей эстетики Аксакова была мысль о полной отрешенности искусства от грубой прозы каждодневной жизни человеческой. Художник — творец, силой своего воображения создающий прекрасное. Вот почему несовместимы в сознании Аксакова понятия «творчество» и «труд». «Поэзия — творчество, — пишет он в январе 1837 года М. Г. Карташевской, — поэт не трудится, а творит, а может ли для творца одно быть трудным, а другое легким; трудность и легкость могут быть там, где есть *усилие*, а здесь усилия быть не может, потому что здесь — творчество». ¹ Поэзия для Аксакова — это область безотчетного чувства и вдохновения, никак не сопряженная со сферой рассудка. ² Поэтому, делает он вывод, «поэзию нельзя понимать с трудом или легко, а просто можно понимать или нет, а степеней тут быть не может. . .» ³ Опираясь на шеллингианскую теорию искусства, Аксаков вместе с тем впитывает в себя от Белинского и Станкевича и некоторые плодотворные идеи, которые формируют его живое эстетическое чувство и позволяют верно оценить ряд явлений современной литературы — например, фразерство Бенедиктова, новаторскую сущность гоголевских повестей и «Ревизора». И здесь несомненно сказалось положительное влияние кружка Станкевича.

В 1835 году Станкевич особенно тесно сближается с Белинским. К этому времени уже достаточно определенно выявляется яркий талант Белинского-критика и его возросшее влияние в кружке Станкевича. В том же году, в связи с отъездом Надеждина за границу, был решен вопрос о передаче членам кружка ведение дел в «Телескопе». По этому поводу Станкевич писал Неверову: «Надеждин, отъезжая за границу, отдает нам «Телескоп»; постараемся из него сделать полезный журнал, хотя для иногородних. По крайней мере будет отпор «Библиотеке» и странным критикам Шевырева». ⁴ В другом письме к Неверову Станкевич по секрету сообщает, что, поскольку журнал поступает в распоряжение Белинско-

¹ ПД, 10.604/XV с. 1, л. 146.

² Ср., например, у В. Ф. Одоевского: «Тот не поэт, кто понимает то, что он пишет, в вдохновение которого вмешивается рассудок. Поэт лишь тот, кто есть простое орудие, в которое провидение влагает мысли, непонятные для орудия» (П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский», т. 1, ч. 1. М., 1913, стр. 498—499).

³ ПД, 10.604/XV с. 1, л. 146 об.

⁴ Письмо от 22 апреля 1835 г. — «Переписка Станкевича», стр. 319.

го, «мы понемногу все станем ему помогать». ¹ Большинство членов кружка энергично поддерживало борьбу Белинского против «светской» критики Шевырева и всего круга «Московского наблюдателя», равно как и ряд его очень острых выступлений — о Гоголе; например, Баратынском, Кольцове. В июне того же 1835 года Станкевич прямо заявлял в письме к Бакунину, что его отношения с Белинским таковы, что он «все его труды, какие бы они ни были», станет «разделять больше или меньше». ²

Духовное и в частности эстетическое развитие Белинского и Станкевича шло, разумеется, разными путями. Но в истоках своих оно имело немало общего. В острых спорах и дискуссиях участников кружка вырабатывался здоровый, прогрессивный взгляд на искусство. Но не все друзья Станкевича оказались одинаково восприимчивыми к наиболее передовым эстетическим идеям, здесь развивавшимся, и тем менее они были способны откликнуться на эти идеи в своем собственном творчестве. В кружке Станкевича ближе всех к Белинскому был сам Станкевич. Очень верно говорил об этом Герцен: «Взгляд Станкевича на художество, на поэзию и ее отношение к жизни вырос в статьях Белинского в ту новую мощную критику, в то новое воззрение на мир, на жизнь, которое поразило все мыслящее в России. . .» ³

Кружок Станкевича явился, таким образом, замечательной лабораторией, в которой не только формировались общие, философские позиции мировоззрения людей 30-х годов, но и закладывались основы новой эстетики, того нового понимания искусства, которое получило свое блистательное выражение в критике Белинского.

4

Среди членов кружка Станкевича писали стихи многие: Станкевич и Красов, Ключников и Константин Аксаков, Катков и Павел Петров. Но поэтами в собственном значении слова можно назвать лишь первых четырех. Наиболее интересными и самобытными поэтическими индивидуальностями были Василий Красов и Иван Ключников, творчество которых приветили Белинский и обширный круг читателей 30—40-х годов.

¹ Письмо от 1 июня 1835 г. — «Переписка Станкевича», стр. 321.

² «Литературное наследство», № 56. М., 1950, стр. 100.

³ А. И. Герцен. Былое и думы. — Собр. соч. в тридцати томах. т. 9, стр. 43.

Несколько стихотворений Петрова,¹ опубликованных в «Молве» и «Галатее», и переводов с немецкого — Каткова, появившихся на страницах «Московского наблюдателя», не оставили заметного следа ни в истории кружка, ни в летописи русской поэзии.

Поэзия кружка Станкевича была выражением духа общественной жизни 30-х годов XIX века. Эпоха «общественного недуга», как ее называл Белинский, сказалась в творчестве поэтов кружка с большой силой. Лишенное света и солнца, оно вобрало в себя горечь и тревогу людей, переживших крушение высоких идеалов и надежд. И вовсе не следует думать, что мотивы страдания и печали всегда противостоят передовым стремлениям эпохи. Трагические условия русской действительности тех лет естественно и почти неотвратимо вызывали у людей настроения душевной скорби и безысходной тоски. Высмеивая философию казенного оптимизма, насаждавшуюся в те времена Бенкендорфом, Герцен писал: «Людьми овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние».² Эти чувства и настроения ярко отразили поэты кружка Станкевича. Их творчество включалось в тот общий литературный поток, который толкал людей на раздумья, содействовал пробуждению общественного самосознания.

Поколение 30-х годов пережило великую драму. Она была вызвана не только крушением иллюзий дворянских революционеров. Ее породила и та атмосфера общественного застоя, которая наступила после 14 декабря 1825 года. Эта атмосфера безмолвия и бездействия создавала у человека ощущение полной незащитности перед лицом торжествующего всевластия и произвола, она парализовала благородные порывы людей и, как казалось, лишала их возвышенные мечты практического значения. Весной 1834 года об этом очень верно писал в своем дневнике А. В. Никитенко: «Сначала мы судорожно рвались на свет, но когда увидели, что с нами не шутят; что от нас требуют безмолвия и бездействия; что талант и ум осу-

¹ В кружке Станкевича П. Я. Петров (1814—1875), как и Катков, не играл сколько-нибудь заметной роли. К тому же уже весной 1834 г. он переехал в Петербург. Общий характер его стихов не созвучен поэзии кружка. Они отвлечены от внутреннего мира автора, в них почти отсутствует элемент лирического самовыражения, который Белинский называл «тайной личности» поэта. Петров учился на словесном отделении Московского университета, но не литература была главным предметом его увлечений. Впоследствии он стал известным ученым — ориенталистом, санскритологом.

² А. И. Герцен. Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года. — Собр. соч. в тридцати томах, т. 7. М., 1956, стр. 214.

ждены в нас цепенеть и гноиться на дне души, обратившейся для них в тюрьму; что всякая светлая мысль является преступлением против общественного порядка, — когда, одним словом, нам объявили, что люди образованные считаются в нашем обществе париями; что оно приемлет в свои недра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственным началом, на основании которого позволено действовать, — тогда все юное поколение вдруг нравственно оскудело. Все его высокие чувства, все идеи, согревавшие его сердце, воодушевлявшие его к добру, к истине, сделались мечтами без всякого практического значения — а мечтать людям умным смешно».¹

В такой атмосфере раскрылась мужественная и трагическая поэзия Полежаева, вся проникнутая пафосом борьбы, насыщенная мятежной, бунтарской страстью и вместе с тем так сильно отразившая состояние душевной депрессии и отчаяния, характерное для людей его поколения. Непримируемая ненависть к насилию и страстный призыв к его уничтожению неожиданно оборачивается горьким признанием:

Я член ненужный бытия
(«Живой мертвец»)

Эти два постоянно сталкивающихся встречных потока характерно окрашивают творчество Полежаева.

Примечательным явлением литературного движения последнекабирстской эпохи была поэзия «любомудров», и прежде всего Веневитинова, среди них наиболее интересного и самобытного. Это поэзия философской мысли, стремящейся проникнуть в глубинные дали мироздания, в сущность и смысл жизни. Романтический идеализм этой поэзии, созвучный философии Шеллинга, был устремлен к метафизическим далям инобытия и проповедовал самопознание как высший смысл искусства.

Оставь, о друг мой, ропот твой,
Смири преступные волненья;
Не ищет вчуже утешенья
Душа, богатая собой.

(«Послание к Рожалину»)

Эти строки Веневитинова приобретают программное значение. Во второй четверти XIX века русская литература развивалась в на-

¹ А. В. Никитенко. Дневник, т. 1. М., 1955, стр. 143.

правлении все обостряющегося интереса к «внутреннему человеку». Поэзия «любомудров» явилась в этом отношении существенным звеном в общем литературном процессе.

«Любомудры», элегическая лирика Баратынского и Пушкина — вот та традиция, которая оказала существенное влияние на творчество поэтов кружка Станкевича. Поэзия кружка отразила духовные искания определенной части дворянской интеллигенции, критически воспринимавшей многие стороны русской жизни и страстно мечтавшей об иной, более совершенной действительности. Критический пафос в поэзии тех лет проявлялся по-разному. В лирике Пушкина, например, он находил себе выход в реалистическом анализе противоречий современной действительности, — анализе, опиравшемся на веру в победу разумных сил истории. В поэзии Лермонтова он прорывался в формах негодующего романтического протеста, в кипении мятежных страстей, в гордом самоутверждении личности, ощущающей свое превосходство над жалким и презренным «светом». Вместе с тем отсутствие живой связи бунтующей личности с миром рождало чувство одиночества, тоски, разочарования, отчаяния. Романтическая поэзия Лермонтова вся соткана из этих противоречий.

В историческом движении русской поэзии творчество поэтов кружка Станкевича занимает свое место. Станкевич и его друзья по-своему отразили трагические условия русской действительности. Они создали своеобразный тип лирического героя, отрешенного от бренного мира и погруженного в самосозерцание. Это человек обостренного нравственного чувства. Он ведет напряженную духовную жизнь, пытаясь проникнуть в тайны бытия. Он — в разладе с людьми, одинок, разочарован, постоянно терзает себя самоанализом. Его жизнь просветлена любовью, но сама любовь не несет в себе радости, она всегда источник бесконечных душевных страданий и горестей. Герой готов обречь себя на любые лишения, но ничто не может заставить его отказаться от высоких духовных стремлений и капитулировать перед действительностью. Он горд в своем одиночестве и непримирим в своей отрешенности от мира.

Голос этой поэзии тих и сосредоточен. В ней нет тех мятежных порывов, кипения страстей и напряженного психологизма, которые были свойственны лирике Лермонтова. Поэзия кружка Станкевича исполнена мягкого лиризма, это исповедь сердца, реагирующего на боли и радости мира. Она привлекает непосредственностью своего задушевного тона, простотой и сердечностью выраженного в ней чувства. Этому соответствовал и своеобразный художественный строй поэзии кружка. Поэтика Красова или Ключникова, не говоря

уже о Станкевиче или Аксакове, очень скромна в своих изобразительных средствах, она существенно отличалась от сладкозвучного, метафорического, цветистого стиха, скажем, Бенедиктова.

Но эта поэзия обладала и коренными недостатками: она казалась чересчур однообразной в своем элегическом самовыражении, она была ограничена сферой самоанализа, рефлексии и недостаточно связана с объективным миром. Оценивая, например, творчество Красова, А. Н. Плещеев верно заметил, что главная сфера его поэзии — «внутренний мир человека», тесный мир его душевных переживаний. «Не ищите здесь, — пишет Плещеев, — надрывающего сердца вопля, исторгнутого из груди житейской неправдой, как у г. Некрасова. . .»¹

Поэзия кружка Станкевича не была лишена социального пафоса, но она не имела достаточно широкого выхода в историю. Все это крайне суживало художественные возможности этой поэзии и обедняло ее звучание. Вот почему Белинский, сперва высоко ценивший стихи Красова и Ключникова, в начале 40-х годов круто изменил к ним свое отношение. Проникаясь новым «состоянием духа» и осознав, что только «социальность» и есть великий источник подлинной поэзии, Белинский неотвратимо должен был иными глазами взглянуть на стихи своих друзей, которые теперь уже его никак не могли удовлетворить и казались ему чрезвычайно бедными и односторонними по содержанию.

Но пригядимся более внимательно к творчеству поэтов кружка и начнем наш обзор с его главы.

Станкевич всегда с иронией относился к собственному стихотворчеству. По словам Белинского, он «не терпел, чтобы его и в шутку называли литератором».² И это была не поза, а убеждение. Я. М. Неверов всячески побуждал своего друга писать стихи, мечтавая увидеть в нем «второго Пушкина». Но Станкевич неизменно повторял, что его «призвание есть чистое мышление».³ Неверов рассказывает: «В университете он не только не щеголял своим авторством, но даже не любил, когда возбуждалась об этом речь между товарищами. . .»⁴ Правда, в университетские годы Станкевич продолжал еще кое-что печатать, «но не иначе, как по настоянию моему», — свидетельствовал все тот же Неверов.

¹ «Московский вестник», 1859, № 46, стр. 580.

² Письмо к М. А. Бакунину от 10 сентября 1838 г. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 293.

³ ГИМ, ф. 372, д. № 22, л. 13 об.

⁴ Н. Бродский. Я. М. Неверов и его автобиография. М., 1915, стр. 41.

Около пятидесяти стихотворений и одна трагедия в стихах — вот, собственно, все, что сохранилось от поэтического наследия Станкевича. Оно не очень значительно и по своему художественному уровню. Станкевич был, пожалуй, наименее интересным и профессиональным среди поэтов кружка, хотя по содержанию своего творчества и общей направленности был весьма типичен для него.

У Станкевича нет стихов, в которых он непосредственно и прямо откликнулся бы на социальные проблемы современности. Политические события начала 1830-х годов не дали пищи вдохновению молодого поэта. Лишь в отдельных произведениях проскальзывают патриотические, вольнолюбивые мотивы. В короткой стихотворной «Надписи к памятнику Пожарского и Минина» он приветствует «сынов отечества», поправших «хищного врага» и снискавших «признательность граждан». Апофеозом величия и могущества России звучит стихотворение «Кремль». Но наиболее ярко эти мотивы отразились в трагедии «Василий Шуйский», изданной Станкевичем в 1830 году.

Она вышла за год до появления в печати пушкинского «Бориса Годунова». Всего за один год, хотя может показаться, что между этими произведениями пролегла целая литературная эпоха. Пьеса Станкевича написана в манере, близкой к героико-патриотической трагедии начала XIX века. На этой пьесе лежит еще печать архаической риторики, ей присущи некоторые приметы классицистической драматургии. И однако есть в трагедии Станкевича и нечто новое, роднящее ее уже с более поздней, декабристской традицией. Тираноборческий, патриотический пафос выражен здесь очень молодо, темпераментно, а порой — и с такими идейными акцентами, которые не оставляли ни малейших сомнений относительно источника влияния, которое испытывал на себе юный автор.

В центре трагедии Станкевича — заговор лукавого и властолюбивого Дмитрия Шуйского против талантливого военачальника Михаила Скопина-Шуйского и затем — самого царя, Василия Шуйского. Бояре пытаются вовлечь в свои интриги народ, отдавая себе отчет в том, что народ — сила, без учета которой ничего нельзя достигнуть. Ляпунов недаром предостерегает Дмитрия:

... Народ наш беспределен

В любви и верности, как и в отмщеньи!

Особенно интересен образ Скопина-Шуйского, пылкого, самоотверженного, любящего родину полководца. Он с негодованием отвергает предложение шведа Делагарди бежать из Москвы. Нет, он

презирает козни своих недругов, он — русский и никуда за счастьем из родной земли не поедет. Он умоляет царя внять голосу разума и решительными мерами пресечь происки иноземных и внутренних врагов:

За благо родины, любезной сердцу,
Мне повели с бесстрашными сынами
Решительным ударом кончить подвиг,
Врага смирить правдивою рукой;
О, лучше пасть под вражьими мечами,
Чем зреть позор страны своей родной.

Бояре изображены в пьесе жалкими интриганями, предательски торгующими интересами родины. Им противостоит народ, носитель высокой нравственной идеи. Он не только сила, но и единственный поборник правды и справедливости — «несущий на мечах правдивое, священное отмщенье».

Пьеса семнадцатилетнего Станкевича несет на себе следы профессиональной неумелости; характеры героев выписаны схематически, статично, есть серьезные погрешности в самом построении пьесы, в ее языке. И тем не менее произведение обратило на себя внимание. Анонимный критик «Литературной газеты» признал трагедию Станкевича, при всех ее несовершенствах, «очень приятным явлением в нашей литературе», дающим основание ждать от автора в недалеком будущем «больших успехов на просторном поле русской драматургии». ¹

Сам Станкевич был весьма невысокого мнения о своем детище. Известно, с каким тщанием он его скрывал от своих ближайших друзей. Неверов рассказывает в «Автобиографии», что он, будучи самым душевным другом Станкевича, так и не смог прочитать это произведение. Автор скупал нераспроданные экземпляры трагедии и сжигал их.

Станкевич — поэт философического склада. В соответствии с романтической философией искусства поэт для Станкевича — избранник небес, презирающий земность и постигающий истинную сущность жизни в напряженной, неустанно ищущей мысли. В стихотворении, характерно озаглавленном «Подвиг жизни», Станкевич призывает бежать от «суетных желаний, от убивающих людей». Поэт — провидец, выражающий самые сокровенные стремления человечества. И потому он нередко оказывается в конфликте со «светом». Но это не должно его смущать:

¹ «Литературная газета», 1830, 5 июля, стр. 16.

Пускай гоненье света вздыдет
Звездой злосчастья над тобой
И мир тебя возненавидит, —
Отринь, попри его стопой!

Он для тебя погибнет дольний,
Но спасена душа твоя!
Ты притечешь самодовольный
К пределам страшным бытия.

Тогда свершится подвиг трудный:
Перешагнешь предел земной —
И станешь жизнью повсюдной,
И всё наполнится тобой.

Сгибаясь «под тяжкою веригой», терпя зло и мучения, поэт добровольно несет на себе «святое иго» в надежде на то, что небо даст ему «свой глагол». Тогда-то наступит для поэта час искупления и высшей радости:

Глагол небес прейдет пучины,
И тьмы во прах пред ним падут,
Главы преклонят властелины,
Рабы свободу обретут.

(«Отшельник»)

К 1833 году относится попытка Станкевича сформулировать основы своего философского вероучения — в незаконченном трактате «Моя метафизика». Отталкиваясь от идеи Шеллинга о том, что жизнь сознает себя отдельно в человеке, Станкевич поначалу развивает мысль о преимущественной роли в человеке чувства над разумом и волей. Эта мысль, власть которой он недолго испытывал на себе, должна была лечь в основу задуманной в том же году Станкевичем, но так и не написанной «лирической драмы, или драматической фантазии». В письме к Неверову он изложил содержание и смысл этого будущего произведения: «Вот мысль моя: душа юноши, способного ощущать прекрасное, полная некогда высокими верованиями, любовью к жизни, — упала, убита людьми, разочарована жизнью. Мир оделся для него туманным покровом, он *сам* остается себе. Но что же в этом внутреннем мире, в нем самом? Прекрасные верования погибли, блаженная способность любить исчезла невозвратно...» Героя возвращает к жизни «одно существо»,

пробуждающее в нем страстное чувство и волю к жизни. Но «таинственная дева» не отвечает ему взаимностью, умирает, а герой сходит с ума.¹

В ту пору Станкевич много размышляет о том, какими путями возможно включение человека в сферу активной жизнедеятельности. В этом отношении интересна написанная им в начале следующего года повесть «Несколько мгновений из жизни графа Т***», появившаяся в журнале «Телескоп» (1834, № 21) за подписью: Ф. Зарич. Герой этой повести — человек с пылкой душой, открытой «миру и людям». Он порывает связи со светом; пренебрегая надеждами на чины и кресты, он жаждет познаний, с помощью которых надеется «удовлетворить святому стремлению к истине». Но, разувшись в науках, решает посвятить жизнь свою «честной и трудной деятельности». Отныне он стремится лишь к тому, чтобы «занять значительное место в обществе, быть на нем олицетворенною справедливостью, водворять вокруг себя благо». В образе этого романтического героя Станкевич, несомненно, отразил собственные раздумья о своем месте в жизни и свои стремления к деятельности на благо человечества.

Из всех поэтов кружка Станкевич, пожалуй, ярче всех выразил противоречия романтического сознания. Восприняв некоторые элементы философии искусства Шеллинга, он противостоял ему в главном, отвергая представление о поэтическом творчестве как стихийной, подсознательной сфере, неподвластной контролю разума. Разъясняя в письме к Неверову в 1834 году свое понимание Шеллинга, Станкевич недаром подчеркивает: «Я хотел бы, чтобы разум предшествовал всему».²

Человечество — в дороге. Оно ищет выхода из трагических противоречий бытия. И этот выход может быть найден только разумом. Отсюда свойственная Станкевичу вера во всемогущество мысли, которая должна стать орудием «скорого исцеления мира».³ Осенью 1836 года он пишет Неверову: «Бедный! Больной, несчастный век!! Но в его ранах столько прекрасного, столько человеческого, что невольно верится в скорое исцеление мира». И далее в той же связи он замечает: «верное, стройное мышление объясняет людям их назначение, восстанавливает убеждения и обещает возрождение».⁴

¹ Письмо от 5 ноября 1833 г. — «Переписка Станкевича», стр. 260—261.

² «Переписка Станкевича», стр. 293.

³ Письмо к Неверову от 19 октября 1836 г. — Там же, стр. 368.

⁴ Там же.

Эти идеи не находили прямого выхода в поэзии Станкевича, но, несомненно, служили для нее питательной почвой. Его стихи кажутся социально приглушенными. Гражданский темперамент в них чуть слышен. И тем не менее поэзия Станкевича включается в общий поток гражданской поэзии 30-х годов.

Самосознание лирического героя Станкевича сложно и крайне противоречиво. Это человек, раздумывающий над проблемами мироздания, путями и перепутьями истории, не равнодушный к острым коллизиям современного общества. Поэзия Станкевича вся пронизана мыслью — беспокойной, ищущей, выражающей тревогу за судьбы человечества.

По своей эмоциональной окраске она носит преимущественно элегический характер. Лишь в ранних стихах Станкевича проглядывают светлые, солнечные тона. В последующие же годы его поэзия обретает элегический, сумрачный колорит:

Я знал: не радость мой удел —
По ней душа не тосковала.

Жизнь ставит лирического героя перед мучительными решениями. Борьба начинает казаться напрасной, бесперспективной:

В борьбе напрасной сохнет грудь,
Влачится юность без отрады;
Скажи, судьба, куда мой путь?
Какой и где мне ждать награды?

(«Слабость»)

Поэзия Станкевича, так же как и творчество его друзей по кружку, отразила поиски и разочарования передовой русской интеллигенции 30-х годов, в условиях политической реакции напряженно искавшей путей к обновлению мира.

5

Интересным и талантливым поэтом кружка Станкевича был В. И. Красов. Он выделялся среди своих друзей яркой поэтической одаренностью, значительным разнообразием мотивов своего творчества. Чернышевский недаром называл Красова «едва ли не лучшим из наших второстепенных поэтов в эпоху деятельности Кольцова и Лермонтова».¹

Красов начал писать стихи еще на студенческой скамье. Он был замечен и обласкан Надеждиным, а затем привлечен им к уча-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 200.

стию в «Телескопе» и «Молве». Начиная с 1832—1833 годов его стихи регулярно появляются в печати. К концу этого десятилетия Красов — уже довольно известный поэт, сотрудничества которого ищут лучшие московские и петербургские журналы.

Как и Станкевич, Красов начинает свою поэтическую биографию героико-патриотическими стихами, в которых, однако, глубже и выразительнее, чем у Станкевича, звучат гражданские, вольнолюбивые мотивы. Самое раннее из известных нам его стихотворений — «Куликово поле», посвященное Станкевичу. Столкновение «русской силы» с ордами Мамайя интерпретируется поэтом как борьба «тиранства и свободы». Все стихотворение выдержано в традициях гражданского романтизма начала 20-х годов, с характерной для него героической патетикой, патриотически окрашенной лексикой и фразеологией:

И он вскипел, упорный бой;
Сразилися тиранство и свобода;
И ты, любовь российского народа,
Носился здесь, воинственный Донской!
Ты здесь летал, виновник ополченья,
Для милой родины, при зареве сраженья! . .

. . .Благословен твой подвиг незабвенный
Для родины несчастной, угнетенной!
Хвала тебе! Прекрасен твой удел!

В этом стихотворении нет прямой зависимости от рылеевской думы «Дмитрий Донской». Но общим своим колоритом оба произведения несомненно близки между собой. Можно с уверенностью предположить, что дума Рылеева была хорошо известна Красову и, может быть, даже послужила ему образцом.¹

Героико-патриотические, вольнолюбивые мотивы выражены и в ряде других стихотворений Красова — «Булат», «Чаша», «Стоят паликары кругом. . .» Особенно примечательно стихотворение «Булат». Оно вызывает еще более непосредственные ассоциации с декабристской лирикой. Кинжал, стальной клинок, меч — характерные для нее поэтические образы-символы, обозначающие орудие мести врагам свободы и поработителям отечества. В этих традициях выдержано и стихотворение Красова. В нем воспевается «булат заветный» — «России мститель роковой». Напоминая важнейшие собы-

¹ См.: М. Поляков. Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., 1960, стр. 561.

тия национальной истории, когда булат «выручал... честь отчизны», поэт заключает стихотворение сильными поэтическими строками:

Благослови булат за честь родного края!
Он твой, родная Русь! Он твой, земля родная!
Сподвижник вековой и чести и добра!

Конечно, в этих стихах Красова мы не найдем того тираноборческого пафоса, который был свойствен, скажем, лирике Рылеева. Им не чужды и элементы книжной риторики, и некоторая даже бедность стилистических и языковых средств. Влияние традиции порой толкало молодого поэта к известному автоматизму ассоциативного мышления, однообразию изобразительных средств.

В лирике Красова своеобразно отразились духовные искания кружка Станкевича. Будучи человеком, особенно не расположенным к отвлеченной теоретической мысли, но чутким и восприимчивым, Красов пытался по-своему выразить в стихах настроение и атмосферу, которые царили в кружке.

Главная сфера поэзии Красова — элегическая лирика. Со времен Батюшкова и Жуковского этот жанр претерпел в русской поэзии значительную эволюцию. Расширилось ее содержание, ее герой становится психологически более емким и вместе с тем конкретным, «заземленным». В элегиях Пушкина, Баратынского, Тютчева духовный мир человека начал раскрываться через его чувства и мысль. Одновременно этот жанр в 20—30-х годах эксплуатировали многочисленные эпигоны романтизма. Они изолировали элегию от истории и современности, замкнув ее в тесных границах рефлексии и самоанализа.

В творчестве Красова борются эти две тенденции. Они проявляются почти одновременно.

Я скучен для людей, мне скучно между ними!
Но — видит бог — я сердцем не злодей;
Я так хотел любить людей,
Хотел назвать их братьями моими,
Хотел я жить для них, как для друзей!
Я постирал к ним жаркие объятья,
Младое сердце в дар им нес —
И не признали эти братья,
Не разделили братских слез!..
А я их так любил!..

Так начинается «Элегия» 1834 года — стихотворение, проникнутое глубоким гуманистическим чувством, просторное по мысли и

прозрачное по своему языку и стилистике. И в том же году Красов написал «Элегию» («Не говорите ей: ты любишь безрассудно...»), очень узкую по своему содержанию и совершенно невыразительную по своим художественным краскам. Тут и «страсти роковые», и «любовь безрассудная», и «безумная печаль», и прочие атрибуты романтической лирики.

Эти две тенденции в Красове продолжают между собой бороться и в последующие годы. Это тоска человека, рано постигшего невзгоды жизни и напрасно ищущего тишины и покоя. Это грусть усталой души, разуверившейся в любви и пережившей крушение юношеских грез. Как писал Красов в «Стансах к Станкевичу» —

Мы сожгли без сожаленья
Юность гордую дотла;
А надежду и волненья
Буря жизни унесла.

Лирический герой Красова тщетно ищет мировой гармонии. Он мученически несет на себе «страдальческий венец» и постоянно рефлектирует, то и дело выворачивая наизнанку свою душу. Жизнь неустроенна, несовершенна, она служит источником горестей и печалей. И лишь в одной мечте человек может обрести покой и забвение.

Мечта высокая, прекрасная моя!

При ней молчат жестокие сомненья,
Мой темный путь надеждой озарен...
О, оправдай ее, святое провиденье, —
И брани нет, и мир преображен,
И божеству мое благодаренье
За жизнь мою, за день, в который я рожден;
И мне ясней мое предназначенье,
Доступней тайна бытия...

(«Мечта»)

Но стремление постигнуть жизнь приводит неожиданно к признанию бессилия и тщеты разума.

И юноша, алкающий познаний,
С челом возвышенным и полным строгих дум,
Вперивший в тайны мирозданий
Всеиспытующий свой ум, —
Узрев, прекрасная, тебя перед собою,
Постигнет сердцем он источник бытия...

(«Она»)

Романтизм — это поэзия сердца. Среди поэтов кружка Станкевича Красов был всех более подвержен воздействию романтической традиции. Неутомимый поиск «тайны бытия» — один из характерных мотивов поэзии Красова, как и всех поэтов кружка. Но у Красова, в отличие от Станкевича, философские мотивы никогда не выступают обнаженно, сами по себе. Они как бы растворены во множестве лирических излияний. Красов — лирик по самой сути своего дарования. Очень ценил стихи Красова сам Станкевич, — ценил за ровность и чистоту поэтического голоса, за искренность и неподдельность лирического чувства. «Пусть мал и незаметен будет художнический талант твой, — писал он ему в 1835 году, — но эти пламенные, искренние беседы души с самим собою не сохраняют ли ее энергии, не спасают ли ее сокровища от наития тяжких житейских смут и забот?..»¹

Лирический герой Красова переживает разлад с людьми и временем. Его «душа скорбит», а «сердце без желаний», и он гордо стережет свое одиночество. В поэзии Красова отразились некоторые мотивы, характерные для лермонтовского творчества; в ней ощущается тот же «тайный недуг» эпохи. Его стих, конечно, уступал могучей художественной энергии автора «Демона», как отличалась его смиренная муза от мятежного пафоса великого поэта. И тем не менее кое-что роднит Красова с Лермонтовым — в содержании их творчества и его художественной форме. В 1840 году в первом же печатном отклике на «Стихотворения» Лермонтова Белинский писал: «...Талант Лермонтова не совсем одинок: подле него блесит в могучей красоте самородный талант Кольцова; светится и играет переливными цветами грациозно-поэтическое дарование Красова...»² Правда, пройдет немного времени и Белинский признает, что его похвалы в адрес Красова были преувеличены. Но это несколько не снижает значение того факта, что в пору своего наибольшего расцвета творчество Красова вызывало в сознании Белинского такие живые и непосредственные ассоциации с именем одного из самых больших поэтов России. К концу 30-х годов Красов был уже известным поэтом. В той же рецензии на книгу «Стихотворений» Лермонтова Белинский отмечал, что талант Красова «давно уже признан публикой», а его произведения могут быть «громко хвалимы».³

¹ «Переписка Станкевича», стр. 405.

² В. Г. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова. — Полн. собр. соч., т. 4. М., 1954, стр. 371.

³ Там же, стр. 374.

Много и плодотворно работал Красов в жанре русской песни. Это нелегко было делать в годы, когда получило широкое признание имя Кольцова. Красов создавал свои песни, опираясь в одних случаях на литературную, в других — на живую народно-поэтическую традицию. Конечно, он не достиг тех художественных результатов, каких добился Кольцов. Но по уровню своему его стихи не шли в сравнение с сентиментальными, лубочными стилизациями, широко хлынувшими в 30—40-е годы на страницы русских журналов.

Наиболее интересны те песни Красова, которые написаны им на основе фольклорных мотивов (например, «Ах ты мать моя, змея-мачеха...», «Уж как в ту ли ночь...», «Со кручинушки шатаюсь...»). Эти песни проникнуты неподдельным чувством, сердечностью. В них сквозит добрая улыбка, искреннее расположение к простому человеку, сочувствие к его горестям и печалям. Их отличает также строгая простота поэтической формы. Красов старается избегать каких-либо стилистических украшений, поэтических орнаментов. Точная, строгая, почти деловая строка. И в этой строгости — источник поэтичности красовской песни.

Красов был взыскателен к форме своих стихов, к своему творчеству в целом. Ему работалось быстро и легко. В 1841 году он писал М. П. Погодину: «Если также мой рифмованный вздор Вы сочтете сколько-нибудь для себя полезным, — известите меня: в деревне, во время моих прогулок по рощам, стихи у меня рождаются так же легко и нечаянно, как грибы». ¹ Вместе с тем Красова никогда не покидало чувство неудовлетворенности своей работой. В 1840 году у него возникла мысль издать свои стихи отдельной книжкой. В декабре этого года он пишет Белинскому, что собирается «в непродолжительном времени напечатать все свои стишонки сполна». ² Это слово «стишонки» очень характерно для Красова. Истинно поэтическая душа, человек, влюбленный в поэзию, он ни в грош не ставил свои собственные стихи и относился к ним почти с полным равнодушием, особенно к ранним стихам.

Дело в том, что 1840 год обозначил известный рубеж в эволюции поэта: он начал уходить от романтической мечтательности, присущей его прежним стихам, его поэзия начала наполняться новым, более жизненным содержанием. Этот поворот только намечился и не получил достаточного развития. Но сам Красов почувствовал его весьма отчетливо. И это подтверждается характерным примером.

¹ «Литературная Вологда», 1959, № 5, стр. 241.

² «В. Г. Белинский и его корреспонденты». М., 1948, стр. 119.

Студент Межевого института Николай Мартынов повадился было ходить к Белинскому на квартиру, писать его портрет, и однажды украл подвернувшуюся ему под руку тетрадку стихов Красова, которой критик очень дорожил. Когда Красов узнал об этом, он беззаботно отписал Белинскому весной 1840 года: «А пргорос, любезнейший, ты потерял мои стишонки, — очень рад; почти что благодарю тебя за это; у меня самого не поднялась бы рука на свои собственные детища, а лучше, право, если бы и вовсе их не было: они были выражением жизни слишком ненормальной, идеально-плаксивой, а поэзия, мне кажется, и во что я уверен, должна быть самым высоким счастьем здесь и самая печаль должна являться в ней как диссонанс, приведенный в полную гармонию». ¹ И далее Красов просит Белинского: «если имеется у тебя мое кой-какое литературное старье, не печатай».

Этой внутренней неудовлетворенностью своими стихами, а может быть, и неуверенностью в своих силах объясняется то, что Красов так и не отважился собрать свои стихи в отдельный сборник.

Издатели и друзья постоянно побуждали его что-нибудь печатать, а он не торопился. А. А. Краевский выходил из себя, ожидая от Красова давно обещанных для «Отечественных записок» стихов. Наконец, бывало и так: уже послав их в редакцию, он тут же следом отправлял письмо, в котором запрещал их печатать. В апреле 1840 года Краевский писал М. Н. Каткову: «А Красову скажите, что стихотворения его получил я от Белинского, и мне кажется, он напрасно пренебрегает некоторыми из них. Они всем нравятся». ² Далее Краевский просит своего корреспондента передать Красову, чтобы тот не сердился за то, что он «без его позволения напечатал его пьесы», и добавляет: «право, я считал их одним из лучших украшений моего журнала». ³

1840—1841 годы — самые плодотворные годы в творчестве Красова. В эту пору были созданы наиболее зрелые его стихи, близкие к традициям народной поэзии и отразившие тяготение Красова к конкретности образа и страстной энергии лермонтовского стиха. К тому же времени относится примечательное письмо Красова к А. А. Краевскому, в котором он настоятельно советует издателю «Отечественных записок» не скупиться на место для стихов Лермонтова. «Что наш Лермонтов? — спрашивает он. — В последнем номере «Отечественных записок» не было его стихов. Печатайте их

¹ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 113.

² ЛБ, ф. Каткова, 40/5, л. 2 об.

³ Там же, л. 3.

больше. Они так чудно прекрасны. Лермонтов был когда-то короткое время моим товарищем по университету. Нынешней весной перед моим отъездом в деревню, за несколько дней, я встретился с ним в зале Благородного собрания — он на другой день ехал на Кавказ. Я не видел его 10 лет — и как он изменился! Целый вечер я не сводил с него глаз. Какое энергичное, простое, львиное лицо. Он был грустен, и, когда уходил из собрания в своем армейском мундире и с кавказским кивером, у меня сжалось сердце — так мне жаль его было. Не возвращен ли он?»¹

Новые тенденции, наметившиеся в творчестве Красова в начале 40-х годов, не получили, как уже отмечалось, дальнейшего развития. Жизненные невзгоды, испытываемые Красовым, тяжело сказались на его литературной деятельности. Он стал писать все реже и реже. В 1841 году он сообщает Погодину о своих разнообразных замыслах — например, что у него «за душой» есть вещи «довольно серьезные» и что ему хотелось бы «кое-что сделать порядочное».² Но всем этим намерениям не суждено было сбыться, хотя Красов после того прожил еще полтора десятилетия. Страшная нужда надорвала его физические и духовные силы. Иссякла воля, исчезла цель жизни. Лет за девять-десять до смерти он пишет одно из самых трагических своих стихотворений — «Как до времени, прежде старости...», подводящее итог всем прошлым раздумьям поэта о себе и судьбе своего поколения:

Хоть и кровь кипит, у нас силы есть,
А мы отжили, хоть в могилу несть.
Лишь в одном у нас нет сомнения:
Мы — несчастное поколение.

Поэзия Красова и явилась поэтическим памятником этому «несчастному поколению» русской интеллигенции 1830-х годов.

6

Одним из самых характерных поэтов кружка Станкевича был Иван Петрович Ключников, литературная судьба которого сложилась наиболее драматично. Его стихи, появлявшиеся на страницах «Московского наблюдателя» и «Отечественных записок», сразу же

¹ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), ф. 391.

² «Литературная Вологда», 1959, № 5, стр. 241.

обратили на себя внимание читателей. Но имя поэта не было известно, оно было скрыто под интригующим криптонимом «—Θ—». В кружке Станкевича Ключникова за его склонность к религиозно-философическим излияниям в шутку нарекли «феосом» — то есть богом. Первой буквой этого греческого слова (фитой) он и стал подписывать свои стихи. Только близкие друзья знали, кто скрывается за этой таинственной подписью.

Как писал позднее Я. П. Полонский, современники заинтересовались неизвестным поэтом

И в «Наблюдателе» искали
Стихов под литерой — Θ —.

От него сохранилось около пятидесяти стихотворений, хотя написано было им более ста. Еще в конце 1838 года он писал об этом Станкевичу: «У меня пиес 100, и я их издам в хронологическом порядке. Может быть, они найдут отголосок в чьем-нибудь сердце. Друзья мои (j'ep ai beaucoup¹) хвалят их очень, и многие знают наизусть, но понимает их, как мне кажется, только Боткин. Это акты сознания и резонанс всех звуков души моей, которую также не все понимают».² Ключников продолжал сочинять стихи и после этого письма. В январе 1840 года Кольцов сообщал Белинскому в Петербург: «Ключников пишет какие-то октавы и написал их пропасть; в них много соли, юмору и остроты; и кое-какие он читал нам, — очень хороши».³ Поэт предполагал издать свои сочинения отдельной книгой, но так и не осуществил этого намерения.

Человек очень одаренный и вместе с тем повышенной нервной возбудимости, Ключников острее многих других своих друзей переживал трагическую пору безвременья 30-х годов. Почти вся поэзия Ключникова — это вопль страдания измученной души, это отчаянный поиск спасения при обстоятельствах, не оставляющих никакой надежды на спасение.

Поэзия Ключникова, как и Станкевича, кажется лишенной острой социальной окраски. Темы тоски и печали как будто бы не получают у него общественно-исторической мотивировки и выступают в отвлеченно-лирической интерпретации. Но такое представление ошибочно. Вчитываясь в стихи Ключникова, мы ощущаем

¹ У меня их много (франц.). — *Ред.*

² «Литературное наследство», № 56. М., 1950, стр. 120.

³ А. В. Кольцов. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1958, стр. 116.

и время, их породившее, и какие-то существенные черты духовного облика человека, их написавшего. Это чувство истории, незримо присутствующее в его поэзии, было тонко подмечено Белинским в статье о «Герое нашего времени»: «После г. Красова заслуживают внимания стихотворения под фирмою — Θ —; они отличаются чувством скорбным, страдальческим, болезненным, какою-то однообразною оригинальностью, нередко счастливыми оборотами постоянно господствующей в них идеи раскаяния и примирения, иногда пленительными поэтическими образами. Знакомые с состоянием духа, которое в них выражается, никогда не пройдут мимо их без душевного участия; находящиеся в том же состоянии духа, естественно, преувеличат их достоинства; люди же или незнакомые с таким страданием, или слишком нормальные духом могут не отдать им должной справедливости: таково влияние и такова участь поэтов, в созданиях которых общее слишком заслонено их индивидуальностью. Во всяком случае, стихотворения — Θ — принадлежат к примечательным явлениям *современной* им литературы, и их историческое значение не подвержено никакому сомнению».¹

Поэзия Ключникова окрашена характерными тонами философско-романтической лирики. Ее герой — человек «больной души», он отрешен от мира, от активной жизнедеятельности, он погружен в самосозерцание и весь поглощен анализом тончайших извивов своей души. Реальной жизни, лишенной гармонии и радости, противостоит в стихах Ключникова мир фантазий и мечты, под сень которых бежит его герой:

И вот опять душа болит,
И вот опять мечта шалит
И лезет сдуру в мир фантазий. . .

(«Элегия»)

Сознание лирического героя разорвано, оно все истерзано «сомнениями вековыми» и рефлексией. Вот строки из другой «Элегии», имеющей программное значение:

Исхода нет, безбрежная пустыня
Пред нами стелется; от взоров свет бежит,
И гаснет в нас последний луч святыни,
И тьма кругом упреками звучит.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 195—196.

Проснулись мы — всё вокруг подёрнуто туманом,
Душа угнетена сомньем и тоской;
Всё прошлое нам кажется обманом,
А будущность — бесцветной и пустой.

Эти стихи, столь отчетливо проникнутые лермонтовской интонацией, достаточно ясно передают мировосприятие значительной части интеллигенции 1830-х годов. Сознание трагической безысходности современного поколения, тоска по «утраченным годам», отсутствие ясного жизненного идеала, безволие и доверчивая покорность судьбе — таковы наиболее устойчивые мотивы клюшниковской лирики. Ее герой всегда поглощен лишь самим собой:

. тоскою
Душа наполнилась моя,
Мне мир казался пустотою:
Я в мире видел лишь себя.

(«Мой гений»)

Ему нет дела до людей, которых он и близко не подпускает к своей израненной душе и своим печалям, он чувствует себя отчужденным даже от природы:

Живу! в душе тоска безвыходно живет!
Все сердцу памяты утраченные годы!
И сердце всё грустит, и всё чего-то ждет,
И как-то лишний я на празднике природы.

(«Весна»)

В 1837—1838 годы Белинский высоко ценил Клюшникова, в его поэзии виделось ему отражение дисгармонии мира и то переходное состояние человеческого духа, которое так могуче выразил Мочалов в роли Гамлета. Отвергая традиционное толкование героя шекспировской трагедии, исходившее от Гете и Гегеля, Белинский под влиянием игры Мочалова открыл в Гамлете такие черты его душевного склада, которые делали его человеком, чрезвычайно импонирующим современности. Слабость воли Гамлета — не органическая черта его характера, не рожденная, а следствие «распадения» — то есть того острого душевного кризиса, который герой пережил в результате своего разочарования в действительности, в людях, утраты чувства гармонии окружающего мира. Что-то «гамлетовское» ощущал Белинский и в поэзии Клюшникова.

Но что, казалось, могло быть между ними общего? Рефлексия. В статье о романе Лермонтова Белинский подробно разъясняет свое понимание этого сложного явления. Нынешний век он называет веком рефлексии. Безверие людей, охлаждение их к жизни — это результат «переходного состояния духа, в котором для человека все старое разрушено, а нового еще нет, и в котором человек есть только возможность чего-то действительного в будущем и совершенный призрак в настоящем». ¹ Человек в состоянии рефлексии, замечает далее критик, как бы «распадается на два человека, из которых один живет, а другой наблюдает за ним и судит о нем». Рефлексия есть выражение острой аналитической мысли, но вместе с тем она парализует волю человека, лишает его способности активно воздействовать на действительность.

Рефлексией была заражена дворянская интеллигенция России 30-х годов. Поэзия Ключникова также была симптомом этой болезни и, таким образом, сама по себе отражала важный реально-исторический факт. Вот почему Белинский до определенной поры поддерживал эту поэзию и отмечал ее положительную роль в развитии отечественной литературы.

Но «рефлексия» — не только симптом болезни, она выражает объективную потребность времени — «эпохи общественного недуга», когда человеческое сознание особенно ранимо и восприимчиво к малейшим неурядицам жизни. Рефлексия, размышление — это законный элемент поэзии, и почти все великие поэты современности, замечает Белинский, заплатили ему дань. Недаром отдельные строки Ключникова вызвали у критика ассоциации с Лермонтовым. Анализируя в статье «Стихотворения М. Лермонтова» своеобразие его творчества и отмечая поразительную способность великого поэта раскрывать сложность и противоречивость сознания современного человека, Белинский говорит далее: «Мы знаем одну пьесу, которой содержание высказывает тайный недуг нашего времени и которая за несколько лет пред сим казалась бы даже бессмысленною, а теперь для *многих* слишком многозначительна». И затем он цитирует стихотворение Ключникова «Я не люблю тебя...». ²

Ключников тем более импонировал Белинскому, что в его лирике временами прорывалась здоровая, жизнеутверждающая интонация. Призыв к смирению и тихому страданию неожиданно смеялся верой в «свои надежды» и тоской по рано утраченному

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 253.

² Там же, стр. 526.

жизненному идеалу и счастью. Прекрасное стихотворение «Ночное раздумье» содержит энергичные строки, выражающие мечту о возможности иной жизни и высоком парении человеческого духа:

О, беден, кто, стремясь душой к свободе,
Раб низких нужд, оковы лобызал.

Сумрачный, печальный тон лирики Ключникова вдруг просветляется ясным, солнечным небом, веселой, говорливой волной реки, и совсем уж неожиданно для него звучат строки в «Половодье»:

Я люблю с простонародьем
Позевать на божий мир;
Я плебей — и половодье
Для меня богатый пир.

Но все-таки это если не случайные, то боковые линии в творчестве Ключникова. Главное же его направление — именно то, которое выражало наиболее характерные черты романтической поэзии. Творчество Ключникова отличается известным однообразием мотивов и бедностью художественно-изобразительных средств. Его поэтика формируется под влиянием окостеневшей романтической традиции, уже явно вырождавшейся в 30-е годы. Все эти «чудесные девы», «безотчетная тоска», «адские муки», «девы неземные» и т. д. воспринимались уже как книжные трафареты, лишенные живого эмоционального содержания. Ключников мало заботился об изобразительных средствах, как и вообще о художественной стороне своих стихов. Они не создавались, а как бы произвольно выпевались из его груди. Они оставляли впечатление непринужденной поэтической импровизации. Это лишало стихи Ключникова ощущения скованности и придавало им определенную свободу и легкость. Но недостаточное внимание к художественной отделке стиха неотвратимо давало себя знать.

Поэзия Ключникова носит на себе отпечаток душевного смятения и надлома. В ней ощущались отзвуки драмы не только личной, но и той, которую переживали многие мыслящие люди тех лет. Неспособность найти свое место в жизни, понимание практической бесцельности идеальных мечтаний молодости — вот что терзало этих людей и не давало им покоя. Своим насмешливым, скептическим умом Ключников, может быть, даже острее многих других членов кружка Станкевича осознавал беспочвенность их романтических иллюзий и, не будучи в состоянии найти выход из мучивших его

сомнений, все больше уходил в себя, все настойчивее старался изолировать от бывших своих соратников. Вот эта сторона душевного состояния Ключникова осталась, по-видимому, неразгаданной многими его друзьями. Они видели лишь одну сторону того процесса, который переживал Ключников, — сторону, так сказать, клиническую, не замечая другой его стороны. В мае 1839 года Бакунин начал свое письмо к Наталье Беер рассказом о своей недавней встрече с Ключниковым: «Вы оставили меня вчера в тяжелом расположении духа. Продолжительный разговор с Ключниковым погрузил меня в это состояние. Ключников стал бедным человеком, он утратил на время — дай бог, чтоб только на время, — все свое духовное богатство, всю любовь свою; в нем осталось только холодное, адское презрение к себе и к нам и безусловное, идиотское, можно сказать, уважение к сапожникам и ремесленникам». ¹ И затем Бакунин говорит о той неотразимой логике, с которой его друг развернул картину всех их «внешних отношений»: «Он развил передо мною всю внешнюю жизнь нашу с такою адскою логикою, в такой адской последовательности, что у меня волосы стали дыбом». ² Вот как неожиданно оборачивалась утрата Ключниковым своего «духовного богатства».

Человек большого ума и несомненного таланта, он чрезвычайно болезненно переживал трагедию всего поколения 30-х годов, — поколения, горячо стремившегося к правде и справедливости, но не знавшего практических путей, ведущих к преобразованию жизни на этих началах.

Раздвоенность романтического сознания Ключникова побуждает порой искать решение мучащих его противоречий бытия в религиозном смирении. Характерно в этом отношении его стихотворение «Ночная молитва»:

И оживут молитвы чудной силой,
В душе любовь, и вера, и покой —
И чист, и светел образ неземной
Горит во мне, и голос милой
Звучит отрадно надо мной,
Как панихида над могилой, —
И я мирюсь и с небом и с землей!

Из современников Ключникова лучше и тоньше всех понимал его Белинский. Энергично поддержав молодого поэта в начале его

¹ М. А. Бакунин. Полн. собр. соч. и писем, т. 2. М., 1934, стр. 248—249.

² Там же, стр. 249.

творческого пути, он затем увидел и подверг основательной критике слабые стороны его поэзии. Белинский отмечал присущую Ключникову «двойственность глубокой и богатой натуры»,¹ отчужденность от объективного мира, чрезмерную склонность к рефлексии. В этих свойствах характера поэта таилась, по убеждению критика, серьезная угроза его дарованию и его творчеству. Опасениям Белинского суждено было скоро сбыться. На рубеже 1830—1840-х годов Ключников пережил глубокий духовный кризис, уехал из Москвы в далекое свое имение и на долгие годы прекратил литературную деятельность.

В 1861—1862 годах в журнале «Время» появился незаконченный роман в стихах Я. П. Полонского «Свежее преданье», написанный на мемуарно-автобиографическом материале. Роман посвящен эпохе 1840-х годов. В некоторых персонажах легко угадывались реально-исторические деятели тех времен. Вспоминаются здесь и круг Станкевича, и «— Θ —», и «Московский наблюдатель». В образе главного героя романа Камкове, изверившемся в себе, рефлектирующем, насмешливом молодом интеллигенте, нетрудно узнать поэта Ключникова. Почти с биографической точностью воспроизведены некоторые черты его характера:

Всё понимал: и жизнь и век,
Зло и добро — был добр и тонок;
Но — был невзрослый человек.
Как часто, сам сознавшись в этом,
Искал он дела и грустил;
Хотел ученым быть, поэтом,
Рвался — и выбился из сил.
Он беден был, но не нуждался,
Хотел любить — и не влюблялся,
Как будто жар его любви
Был в голове, а не в крови. . .
Он по летам своим был сверстник
Белинскому. Станкевич был
Его любимец и наперсник.
К нему он часто заходил
То сумрачный, то окрыленный
Надеждами, и говорил —
И говорил, как озаренный. . .

¹ Письмо к Н. В. Станкевичу от 2 октября 1839 г. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 395.

Камков — один из вариантов образов лишних людей. Ему, замечает поэт, как Рудину,

... была одна дорога:
В дом богадельни иль острога.

Сам Полонский однажды в письме к А. А. Фету отмечал: «Все действующие лица моего романа — сколки с действительно существовавших лиц: Ключникова, барона Шепинга, молодого Щепкина и многих других». ¹ В ранней молодости своей Полонский был в близких отношениях с Ключниковым, познакомившим его с Белинским и вообще сыгравшим определенную роль в его литературной судьбе. Это признавал сам Полонский: «Как эстетик и мыслитель, глубоко понимавший и ценивший Пушкина, как знаток поэтического искусства, он не мог своими беседами не влиять на меня...». ² В наброске своих неопубликованных воспоминаний Полонский рассказывает о своей первой встрече с Белинским, высказавшемся довольно сурово о его стихах, и затем посвящает несколько строк Ключникову: «Ключников был добрее. Он иногда хвалил стихи мои, и первый дал мне понять, в чем истинная поэзия и почему велик Пушкин. Он был теоретик — но очень ученый, превосходно знал историю (он ее преподавал Юрию Самарину), и я любил с ним беседовать, любил даже стихи его...». ³

Ключников продолжал сочинять стихи и в последние полтора-два десятилетия своей жизни. Сохранилось несколько произведений поэта, написанных им в конце 70-х — начале 80-х годов. И содержанием, и общей своей тональностью они существенно отличались от прежних его стихотворений. Оставшись верным памяти друзей молодости, Ключников вместе с тем действительно «изменил свои понятия о многом», ⁴ как он сам признавался, изменил и направление своего творчества.

Поэзия Ключникова, насколько можно судить по небольшому числу дошедших до нас стихотворений, утрачивает свойственные ей прежде черты романтической отвлеченности. Она становится вос-

¹ См.: А. А. Григорьев. Материалы для биографии. Пг., 1917, стр. 340.

² Я. П. Полонский. Мои студенческие воспоминания. — Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива», 1898, № 12, стр. 650.

³ Цит. по кн.: Я. П. Полонский. Стихотворения и поэмы. Ред. и примеч. Б. М. Эйхенбаума. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1935, стр. 615.

⁴ Письмо к А. В. Станкевичу. — ГИМ, ф. 351, д. № 68, л. 79.

примчивей к живым явлениям современной действительности. Одна из главных тем этих стихов — критическое отношение к буржуазному миру, к его политическому строю, философии, морали; ощущение трагической неустроенности человеческой жизни связано с представлением о повсеместно торжествующей лжи и несправедливости

...На правду ложь глядит угрюмо,
На слезы глупость смотрит свысока...
Печальные, безвыходные думы!
Бесплодная, тюремная тоска!
Иссякла вера, зверство и обманы
Царят над миром, — безотрадный век!
Бог — чрево, бог — дырявые карманы,
И жертвой зверя гибнет человек.
Любовь иссякла: братского участия
Ни в ком, грызня за грош всем по плечу;
Желанного нигде не вижу счастья,
Безумцев счастья сам я не хочу.

(«Нет мочи жить! Слепой судьбы угрозы...»)

В поздних стихах Ключникова отчетливо слышны сатирические, памфлетные мотивы. Еще в кружке Станкевича его называли Мефистофелем за иронический, насмешливый ум. В начале 1841 года Кольцов сообщал Белинскому, что Ключников «написал пропасть» октав, в которых «много соли, юмору и остроты». ¹ Но они до нас не дошли. Известно, что еще в 1836 году Ключников создал какую-то «смешную трагедию», о которой он писал Белинскому, что это «очерк всеобщей истории Мефистофеля — умрешь со смеху!» ² Наделенный тонким чувством юмора, острослов и эпиграммист, Ключников нес также в себе несомненный сатирический дар. В годы «рефлексии» этот дар заглушали «иные звуки», но теперь он обрел более благоприятные возможности для своего развития.

К концу 70-х годов относится написанный им острый политический памфлет «Новый год поэта». По цензурным условиям он появился в печати со значительными купюрами. Обнаруженный нами автограф дает возможность восстановить полный текст этого произведения. Особенно интересна его первая часть — «Утро. В каби-

¹ А. В. Кольцов. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1958, стр. 116.

² А. Корнилов. К биографии Белинского. — «Русская мысль», 1911, № 6, стр. 39—40.

ноте». Это единственная в своем роде политическая инвектива, направленная против деятелей европейской реакции. Здесь выведена целая галерея персонажей — от Луи Бонапарта до «честнейшего Бисмарка», «добрейшего Круппа» и «Биконсфильда двуличного». Ирония соседствует здесь с откровенно памфлетной интонацией, но превалирует все-таки ирония. В ней появляются реалистические приметы, она становится конкретной и несет в себе более ощутимый сатирический заряд.

В других стихах поздних лет сильнее начинают звучать мотивы религиозного раскаяния и смирения:

Я пережил все помыслы земные
И нищий духом богу предстаю —

таков лейтмотив этих стихов — печальных, проникнутых горестной мыслью о бесцельно прожитой жизни. Они свидетельствовали о том, что духовные силы поэта иссякали, а вместе с ними тускнели и жухли краски его стихотворчества.

7

Самым плодовитым поэтом кружка Станкевича был Константин Сергеевич Аксаков. Сохранилось около двухсот его стихотворений и обширная драматическая пародия в стихах «Олег под Константинополем».¹ Добрая половина стихотворений Аксакова относится к годам его пребывания в кружке Станкевича.

Уступая по масштабу своего поэтического дарования Красову и Ключникову, Аксаков во многом отличался от них содержанием и общей направленностью своего творчества. Его лирический герой чужд рефлексии, романтической раздвоенности сознания, неизбывной тоски. Поэт прославляет любовь, счастье, «прелестное земное бытие». Он видит окружающий мир устойчивым в своем благополучии. Его душа переполнена верой в незыблемость радости и счастья на земле.

Отдавая дань традиции, Аксаков пишет также элегии, но они, в сущности, лишены элегического тона. Основной мотив, свойственный им, — пантеистическое слияние человека с природой, стремле-

¹ К. Аксаков начал работать и над поэмой. 30 ноября 1834 г. М. П. Погодин записал в своем дневнике: «Благословил Костю писать поэму об <основании> Печерской церкви» (ЛБ, М. 3492, л. 119). Никаких следов этого произведения не уцелело.

ние постигнуть «божественные тайны». Вот, например, строки одного из самых ранних его стихотворений:

Безбрежное небо,
Когда я к тебе,
От тела свободный,
Стремглав полечу,

Я неба равнины
Измерю тогда,
И всё обниму я,
Везде разольюсь

Всего бесконечность
Постигну тогда,
И страшная вечность
Мне будет ясна.

(«Элегия»)

Природа — это волшебный «храм», общение с ней — источник радости, душевного покоя и здоровья. Через многие ранние стихи Аксакова проходит мысль о нерасторжимом единстве человека и природы. И он разрабатывал эту мысль настойчивее всех других поэтов кружка Станкевича.

Уже отмечалось царившее в кружке единодушно отрицательное отношение к псевдоромантической поэзии Бенедиктова. Оно своеобразно прорывалось и в стихах Аксакова. В этой связи следует напомнить о его пародийных стихотворениях, опубликованных в 1835 году на страницах «Телескопа», — например, «Орел и поэт», «Гроздь», «Степь». В этих стихах, поддержанных Белинским, иронически развенчивалась «бенедиктовщина» — присущие ей вычурность, внешняя красота, ложная патетика и другие романтические штампы.

Во второй половине 30-х годов в поэзии Аксакова усиливается романтическое мировосприятие в характерном для кружка Станкевича преломлении. Реальный мир, отраженный в его поэзии, приобретает какие-то эфемерные формы. Становятся зыбкими границы, отделяющие мир земной от мира потустороннего. Быстротечности земного бытия противопоставляется таинственная бесконечность мироздания. Свойственное прежде Аксакову ощущение благодати и гармонии жизни подменяется совершенно новым восприятием мира,

в котором царят диссонансы, противоречия. Вот, например, стихотворение 1836 года, начинающееся неожиданными для этого молодого поэта строками:

Да, я один; меня не понимают,
И людям, братьям я чужой.
Напрасно высказать себя стараюсь:
Для них не внятен голос мой.

Здесь сильно выражена тема духовного одиночества. Герой отрывается от внешнего мира и одинокий, никем не понятый погружается в свои скорбные думы, решив «провлечь» остаток дней своих в «юдоли света». Прочитируем несколько примечательных строк письма К. Аксакова 1839 года к М. Г. Карташевской: «Кто может радоваться, пусть радуется, а мои радости мнимые; иногда какие-то знакомые, давно знакомые минуты, образы приносятся ко мне; но это ненадолго; в основании моем лежит глубокое горе. Воспоминания мои всегда грустны. . .»¹

Светлое, жизнерадостное ощущение природы уступает место иным настроениям. Темное небо, грозные тучи, сизая мгла, роковая обреченность, смерть как избавительница от тягот земного существования — вот та психологическая атмосфера, которая появляется в стихах Аксакова.

Туча небо обтянула
Черной мрака пеленой,
Тихо; молния сверкнула
Над равниной водяной. . .

(«Гроза»)

В таких сумрачных, суровых красках выдержано все стихотворение. А вот начало другого:

Тучи грозные покрыли
Небосклон лазурный мой,
Солнце в мраке потопили,
В недрах громы затаили
И повисли надо мной.

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 10, оп. 3, д. № 23, л. 2 об.

Пейзажная живопись Аксакова не блещет разнообразием и глубиной мысли. Ее поэтика выдержана в условно-романтической традиции. Описание природы призвано выразить определенное психологическое состояние или создать настроение. В иных стихах проскальзывает шеллингианское натурфилософское восприятие природы. Как известно, натурфилософия пыталась объяснить мир не на опытных данных, а на отвлеченных спекулятивных принципах. Один из виднейших ее представителей Шеллинг, одухотворяя природу, защищал мысль, будто бы развитие природы является выражением ее сознательного стремления к совершенству, к целостности. Натурфилософия отстаивала идею единства и всеобщей связи явлений природы, ее непрерывного и бесконечного развития. Отсвет подобных идей нередко находим в творчестве поэтов-«любомудров», а также и членов кружка Станкевича. Их восприятие природы раздумчиво и философично. Таково оно и у Аксакова. Вместе с тем пейзаж у него порой теряет конкретные очертания. Гроза, ливень, буря — все это символы отвлеченных идей и душевных состояний.

Романтический пейзаж Лермонтова нес в себе идейно-философское содержание. Он утверждал мысль о могуществе человеческого разума, его красоте и величии, сливающихся с трагической красотой и величием природы. Пейзажная живопись у Лермонтова насыщена острым психологическим материалом. Изображение природы всегда помогает ему раскрыть внутренний мир человека или выступает в контрасте с условностями «света». У Константина Аксакова пейзаж эмоционален, но не несет в себе такой разнообразной и самостоятельной смысловой нагрузки. Он скорее «иллюстративен».

Видное место в аксаковской лирике занимает философская тема. Ее герой живет в напряженных духовных исканиях. Его заботят вопросы жизни и смерти, он размышляет о познавательных возможностях человеческого разума, о том, как соотносятся между собой вера и знание. Причем надо сказать, что в своей философской поэзии Аксаков значительно менее рационалистичен и более непосредствен, лиричен, чем, скажем, Станкевич.

В конце 30-х годов Аксаков много занимался переводами, главным образом из Шиллера и Гете, отчасти — из Гейне и Ветцеля. В поэзию членов кружка Станкевича переводы входили как органическая составная часть их собственного поэтического творчества. Эти переводы по своей художественной структуре мало чем отличались от их оригинальных стихов. А у таких членов кружка, как П. Петров и М. Катков, переводы составляли преобладающую часть их творчества. Немалое место они занимали и у К. Акса-

кова. Его переводы, очень близкие к оригиналу, хотя в стилистике своей несколько тяжеловесные и архаичные, печатались на страницах «Московского наблюдателя», затем — «Отечественных записок». Некоторые из них вызвали положительные отзывы Белинского, а позднее Чернышевского, слишком высоко оценившего К. Аксакова как «одного из лучших наших поэтов-переводчиков».¹ Особенно сильным на первых порах было увлечение Аксакова Шиллером, вполне соответствовавшее романтическим настроениям кружка Станкевича. Среди своих друзей Аксаков был самым восторженным и ревностным почитателем немецкого поэта. Подобно Станкевичу, он ставил Шиллера выше Шекспира. Посетив в июле 1838 года в Веймаре могилу Шиллера, Аксаков писал своим родным: «Сейчас стоял я у гроба Шиллера, Шиллера... боже мой, какое важное, великое значение имеет для меня это имя! Со сколькими другими душами соединяет он меня! Сколько раз, читая его стихотворения, испытывал я святое, глубокое наслаждение! Это были такие минуты, которые очищают, возвышают душу».² В поэзии Шиллера Аксакову импонировали драматическая напряженность и патетика лирического чувства, раскрепощенного от суеверий и догм, страстный романтический порыв к идеалу.

Вскоре, однако, Аксаков увлекся Гете, поэзия которого представлялась ему более широкой и объективной по мысли. Поначалу Гете казался ему слишком спокойным и созерцательным. Но затем, отбросив «предубеждение» к нему,³ Аксаков, не без помощи Гегеля, открыл в лирике Гете глубочайший мир, проникнутый правдой и человечностью. Гете имел сильное влияние на духовное развитие Аксакова. Это он сам признал в 1838 году в письме к своему брату Григорию: «Собственно, во мне, в моей внутренней жизни, милый брат, произошла важная перемена: я познакомился с Гете, прочел его «Эгмонта», и это имело для меня неисчислимые последствия; это открыло для меня новый мир».⁴ Гете, казалось, помог Аксакову преодолеть свою романтическую односторонность и стать ближе к действительности. Эта эволюция в Аксакове не осталась незамеченной для его друзей. В начале 1839 года Белинский сообщал Станкевичу: «Он давно уже стал выходить из призрачного мира Гоф-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 200.

² «Космополис», 1898, № 7, стр. 73.

³ В июле 1838 г. К. Аксаков писал своим родным из Веймара: «Рядом с Шиллером лежал Гете. Недавно отбросил я решительно мое предубеждение против него, и он явился мне величествен и глубоко» («Космополис», 1898, № 7, стр. 74).

⁴ ЛБ, ГАИС III, II/50.

мана и Шиллера, знакомиться с действительностью, и в числе многих причин особенно обязан этому здоровой и нормальной поэзии Гете». ¹ Но процессу этому не суждено было в сознании Аксакова получить сколько-нибудь серьезное развитие.

Константин Аксаков был почти самым молодым членом кружка Станкевича. Но уже к середине 30-х годов живой, восприимчивый юноша начал играть заметную роль в духовной жизни Москвы. «Богатая и сильная натура» — так отзывался о нем в 1839 году Белинский; ² «сильную личность» видел в нем и автор «Былого и дум». ³

Стремясь возможно более сблизиться с видными участниками кружка, Аксаков вместе с тем чувствовал и известную отчужденность от них. Не все нравилось ему в его новых друзьях, далеко не со всеми их взглядами он был согласен. Вспоминая уже в зрелые годы свое участие в кружке Станкевича, Аксаков подчеркивал, как неприятно бывал он поражен настроениями некоторых членов кружка, их чрезмерным свободомыслием и критическим отношением к русской действительности. Направление «большею частию отрицательное», которое вырабатывалось в кружке, Аксаков считал «односторонним». «... Я был поражен таким направлением, — утверждал он, — и мне оно часто было больно». ⁴ Обоснованность этого признания подтверждается многими фактами, и прежде всего письмами самого К. Аксакова. ⁵ О том же свидетельствует и Иван Аксаков: «К<онстантин> С<ергееви>ч с 1838 года стал уже особенно сильно тяготиться своими отношениями к кружку, своею нравственною от него зависимостью». И далее он замечает, что от его брата «сохранился необделанный набросок стихов, где он изображает испытанный им гнет и внутренние страдания и торжествует свое освобождение». ⁶ Этот набросок мы обнаружили среди аксаковских бумаг. Вот несколько строк из него:

Я слишком молод был,
Товарищей короткий круг.
Насмешки колкие, предательские ласки
И холод отзыва на юный мой призыв, —
Они играли мной, оледеняя мой порыв.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 366.

² Письмо к Н. В. Станкевичу от 29 сентября — 8 октября 1839 г. — Там же, стр. 406.

³ А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. 9, стр. 162.

⁴ К. С. Аксаков. Воспоминание студентства, стр. 17, 18.

⁵ «Литературное наследство», т. 56. М., 1950, стр. 103.

⁶ «Русь», 1881, № 8, стр. 14.

Неверие ко мне являя и презренье,
Делились чувствами они между собой;
По капле молча пил я чашу униженья,
И юный дух склонялся мой.

Но скоро поэт проникся решимостью вырваться из «плена» и «вступить в борьбу»:

Но смелый дух во мне проснулся, раздраженный
Я цепи разорвал, томившие меня,
И вдалеке один я стал,
Я сладость испытал разрушенного плена...¹

Особенно острым оказалось разномыслие Аксакова с Белинским. Оно назревало исподволь. 1839 год знаменует уже начало поворота в их отношениях. Для поколения, к которому принадлежал Белинский, наступала пора зрелости, время серьезных раздумий над путями практического воплощения своих «дум» и «высоких стремлений». Надо было окончательно уточнить свою цель в жизни и переступить вскоре через «рубикон». Как раз в это-то время и вызревает кризис в отношениях между Белинским и К. Аксаковым.

Продолжая ценить в К. Аксакове «силу», «глубокость», «энергию», Белинский все с большей тревогой отмечает, пока еще только в своих письмах, свойственные его молодому другу метафизичность, догматизм мышления, «лишающие его движения вперед путем отрицаний». ² Главный недостаток Аксакова, по мнению Белинского, состоял в том, что он никак не мог выйти из сферы абстрактно-теоретических умствований в область живой практической жизни. В одном из писем к Станкевичу Белинский очень точно высказал эту мысль, заметив, что их общий друг до сих пор умудрился не понюхать действительности и постоянно «обретается в мире призраков и фантазий». ³ Эта черта духовного облика К. Аксакова давно бросалась в глаза его друзьям. Еще в начале 1836 года Николай Сазонов из Женевы иронически спрашивает в письме у Аксакова, с которым расстался шесть месяцев назад: «по-прежнему ли вы

¹ ЛБ, ГАИС III, VI/2а, лл. 68—70.

² Письмо к Н. В. Станкевичу от 2 октября 1839 г. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 394.

³ Там же.

живете в мире мечтаний или переселились в мир действительности?»¹

С осени 1839 года Белинский и К. Аксаков никогда уже больше не встречались. Отношения их неотвратимо шли к разрыву. Он произошел летом 1841 года. Белинский к тому времени давно уже жил в Петербурге, окончательно порвал с «разумной действительностью» и утвердился на позициях социализма и материализма. После отъезда Белинского из Москвы кружок Станкевича фактически распался, Константин Аксаков обрел новых друзей и вместе с А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским стал активным деятелем славянофильства.

В условиях 40-х годов, когда в связи с обострением социальных противоречий в стране стал более интенсивным процесс идейного размежевания общественных сил, пути Константина Аксакова и Белинского окончательно разошлись. На историческом переломе 40-х годов весь кружок Станкевича неотвратимо должен был распасться. Герцен говорил, что, если бы к этому времени остался жив Станкевич, кружок его не устоял бы, а он сам «перешел бы к Хомякову или к нам».² Кружок объединял слишком разных людей. При всем своем разномыслии они до поры до времени были едины. Но центробежные силы уже в конце 30-х годов сказывались достаточно явно. Вскоре каждый из них пошел своей дорогой. Некоторые бывшие члены кружка обрели покой на тихом ученом поприще (Строев, Бодянский, Ефремов), Белинский стал революционером-демократом и социалистом, Боткин — либеральным западником, Катков эволюционировал вправо, оказавшись впоследствии столпом реакционной журналистики, идейные метания Бакунина привели его на позиции революционного анархизма, а Константин Аксаков нашел свою новую веру в славянофильстве.

В 40—50-х годах преобладающим родом деятельности Аксакова стали филология и публицистика. Но не иссякла в нем склонность и к стихотворчеству. Он пишет стихи — лирические, гражданские, — но главным образом гражданские. Поэзия Аксакова становится как бы продолжением его славянофильской публицистики.

В своих многочисленных статьях («О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности», 1852; «О русском воззрении», 1856, и других) Аксаков развивал философско-исторические взгляды славянофильства. Славянофилам было чуждо понимание истории

¹ Письмо от 2 февраля 1836 г. — ЛБ, ГАИС III, I/46, л. 1.

² А. И. Герцен. Былое и думы. — Собр. соч. в тридцати томах, т. 9, стр. 40.

человечества как единого целостного процесса. Россия представлялась им особым государством, национальный, бытовой и государственный уклад которого не имел ничего общего с Западом. В основе этой теории «исключительности» русской нации лежала шеллингианская идея о том, что лишь тот народ представляет собой самоценную историческую силу, который способен выполнить некую самостоятельную миссию в истории цивилизации. Особенности русского исторического процесса Аксаков видел в патриархально-общинном землевладении, которое он называл «высшим нравственным образом человечества»,¹ в отсутствии социальных потрясений, в органической враждебности русского народа идее бунта или неповиновения.

Аксаков, как и все славянофилы, подвергал резкой критике царствование Петра I, деятельность которого была, по его убеждению, проникнута ненавистным духом переворота, «революции». Обратив Русь на путь сближения с Западом, Петр поставил своей целью оторвать землю от «родных источников ее жизни»² и тем самым лишил ее покоя, тишины и смирения. Согласие между государством и народом оказалось нарушенным. Государство изменило народу, перешло дозволенную ему границу и насильем разрушило общину, подчинив ее «началу внешнему, началу неволи».³ Но к счастью, Петру удалось преобразовать лишь верхние слои общества, оторвавшиеся от национального корня. Народ же в массе своей продолжает хранить общинные предания и верен исконным началам. В этом залог будущего исторического обновления России.

Аксаков пытался художественно выразить эту мысль в комедии «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню», написанной в 1851 году и опубликованной пять лет спустя. Некий русский князь Луповицкий прожигает свою жизнь в Париже. Внезапно он решает вернуться на родину, поселиться у себя в деревне и начать «сивилизировать» народ — «дикий, необразованный» народ, которому он стремится «привить просвещение европейское». Но миссия этого новоявленного «сивилизатора» терпит неудачу: Луповицкий не знает, с какой стороны ему подойти к крестьянам. Между ними и барин — пропасть. Не имея ни малейшего представления об их потребностях, нравах, обычаях, он всякий раз попадает впросак. Крестьяне сопротивляются глупым экспериментам, объектом которых их

¹ О борьбе убеждений. — «Русский архив», 1900, № 11, стр. 373.

² О русской истории. — Полн. собр. соч. К. С. Аксакова, т. 1. М., 1889, стр. 31.

³ Краткий исторический очерк земских соборов. — Там же, стр. 288.

хотят сделать. Народ обнаруживает громадное нравственное превосходство над бариним-«европейцем».

Признание особых исторических путей развития России, призванной спасти человечество от политических катастроф и революционных потрясений, которыми угрожает миру Запад, имело своей предпосылкой веру в неизбежность монархической власти и православия, которые славянофилы считали основой «духовной силы» народа.

Вместе с тем вера в нерушимость «устоев» сочеталась у славянофилов с тревожным ощущением какого-то неблагоприятия в современной им действительности, главным источником которого являлось, по их мнению, правительство. Славянофилам был чужд бездумный, казенный оптимизм, присущий идеологам официальной народности, для которых было характерно восприятие не только исторического прошлого России, но и ее *настоящего* как абсолютной гармонии. Положение дел в стране возбуждало у славянофилов серьезную тревогу. Они отмечали серьезные неполадки в государственном механизме, с негодованием отзывались о деспотизме высшей бюрократии, о безнаказанном произволе властей. Они восставали против телесных наказаний, горячо обсуждали вопрос об отмене крепостного права, которое Аксаков называл «бесчеловечным» и «делом возмутительным». ¹ Но славянофилы осуждали крепостное право не политически, а с точки зрения моральной. Они, кроме того, полагали, что институт крепостного права хотя и изжил себя, но его ликвидация должна быть осуществлена сверху, без коренной ломки господствующего строя.

Славянофилы отстаивали необходимость свободы слова (вспомним в этой связи нашумевшее стихотворение К. Аксакова «Свободное слово»), распространения просвещения в народе, поднимали вопрос о созыве земского собора для решения многих неотложных дел. Они позволяли себе известную оппозицию в отношении тех или иных явлений николаевской действительности. Многие из них даже подвергались преследованиям со стороны царского правительства. И это порой создавало вокруг них своего рода мученический ореол и привлекало к ним определенные симпатии в общественном мнении.

Все это надо иметь в виду, чтобы составить себе ясное представление о направлении и характере многих стихов Аксакова, написанных им в два последних десятилетия его жизни.

¹ О крестьянстве в древней России. — Полн. собр. соч. К. С. Аксакова, т. 1, стр. 398.

Проклятье ненавистным «соблазнам Запада» и петровским реформам, идеализация патриархальной старины и «святого земского дела», противопоставление Москвы как центра национального благочестия — «Петра творенью», прославление народа-богоносца и мессианской роли России — таков круг мотивов поэзии Аксакова 40—50-х годов. В предшествующем десятилетии аксаковская муза была окрылена философским порывом, неумной жаждой постижения окружающего мира. Теперь крылья оказались подрезанными. Вера во всемогущество разума уступает уже место совсем другому мотиву — убежденности в тщете разума, призыву к разуму отречься от «своей гордыни», отказаться от битвы с небом и пасть ниц «пред таинством святости». Эта новая позиция Аксакова находит свое выражение в формуле:

Постижение — до творенья
Не достигнет никогда!

(«Разуму»)

Лирика Аксакова этих лет проникается элементами дидактики и риторики. Она не отличается ни разнообразием содержания, ни художественной выразительностью.

При всем том следует заметить, что в отдельных случаях поэтическое творчество Аксакова и в 40—50-х годах проявлялось сильными своими сторонами. Воспоминания о прошлом, о годах юности не раз оплодотворяли поэтическое чувство Аксакова, вызывая тревожные раздумья о судьбах своего поколения.

Снова сердце, всё полное чувства,
Подымает свою старину,
Снова юность, любовь и искусство
Предстают сквозь времен пелену.

(«9 февраля»)

В лирическую исповедь поэта затем вторгается новый мотив, характерно окрашивающий аксаковскую поэзию последних двух десятилетий:

Личной жизни блаженство мне сродно;
Всё откинул решительно я,
Взяв в замену труд жизни народной
И народную скорбь бытия.

Правда, эта тема «жизни народной» часто получает у Аксакова специфически славянофильское истолкование. И тем не менее в ряде стихотворений она обретает яркое патриотическое звучание. Искреннее сочувствие горестям и печалам народным, стремление найти свое место в потоке народной жизни и понять «себя в народе» — эти мотивы становятся преобладающими в таких, например, стихах Аксакова, как «Гуманисту», «Грустно видеть, как судьба порою. . .» и т. д.

О подобных произведениях Аксакова А. Н. Плещеев говорил, что в них слышится «энергический голос гражданина, призывающего на подвиг». ¹

Некоторые стихи К. Аксакова (например, «Свободное слово», «Петру Великому») анонимно или за его подписью широко печатались в заграничных изданиях русской «потаенной» литературы и воспринимались современниками как произведения, начиненные горючим политическим материалом. Чистота нравственного облика, убежденность в правоте своих идей и глубоко искренний характер духовных исканий — все это снискало Константину Аксакову уважение даже со стороны людей, не разделявших его славянофильских взглядов. «Поэзией гражданства» называл всю жизнь Аксакова Н. П. Огарев. ²

Он был из тех, кто твердою стопой
Привык идти во имя убежденья;
И сердца жар и чистые стремленья
Он уберег средь пошлости людской.

Это строки из известного стихотворения А. Н. Плещеева «Памяти К. С. Аксакова».

Поэзия Константина Аксакова 40—50-х годов сложна и крайне противоречива. Есть у него стихи слабые и явно неинтересные современному читателю. Но в иных его произведениях тех лет прорывалось пылкое поэтическое слово, озаренное истинным чувством и вдохновением. И именно здесь мы ощущаем ту живую преемственную нить, которая связывала позднего Аксакова с Аксаковым — членом кружка Станкевича. Лучшее из того, что было им написано за тридцать лет, представлено в этой книге.

¹ «Московский вестник», 1859, № 46, стр. 581.

² Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия». — Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 461.

Творчество поэтов кружка Станкевича — лишь эпизод в истории русской поэзии XIX века, но примечательный и не утративший своего значения по сию пору. Оно близко нам искренностью своего чувства, чистотой нравственного поиска, общей своей духовной атмосферой. В своих стихах поэты кружка Станкевича прославляли разум, силу и красоту человеческого духа. Через туманности философии Шеллинга и Гегеля пробивалось их стремление к идеалу, к справедливому общественному устройству, к здоровым нормам человеческих отношений.

Станкевич и его друзья с нами сегодня еще и своей светлой, необыкновенной убежденностью в силе и могуществе слова, в силе и могуществе искусства, прекрасного. Они глубоко верили в то, что воспитание изящного, образованного вкуса, занятие искусствами отлично служат целям духовного прогресса. Они верили, что эстетическое активно участвует в общественной жизни страны, в формировании человеческих душ.

И еще об одной важной и поучительной особенности кружка Станкевича следует сказать. Все его участники были связаны узлами романтической дружбы — то есть товарищества, основанного на общности идейных взглядов и отношения к жизни. «Да, дружба наша неразрывна, — патетически писал однажды Станкевич М. Бакунину, — не отношения, не общий житейский интерес, не привычка связывает нас. Мы сошлись в идее, или, лучше сказать, в бескорыстной любви к добру, — и этот союз вечен».¹ Кружок Станкевича интересен нам не только благородной устремленностью своих общественных идеалов, но также еще и как великолепный пример чистоты личных отношений, пронесенных через все идейные бури и житейские невзгоды и оплодотворивших не одно превосходное стихотворение.

С. Машинский

¹ «Переписка Станкевича», стр. 618.

Н. В. СТАНБЕВИЧ

Николай Владимирович Станкевич родился 27 сентября 1813 года в имении своего отца — селе Удеревка, Острогожского уезда, Воронежской губернии. Его дед — серб по происхождению, выходец из Далмации, в 1757 году принял «вечное подданство в России». Это был образованный и храбрый офицер, он участвовал в ряде заграничных походов русской армии, в частности во взятии Берлина.

Детство Станкевича прошло в богатой помещицкой усадьбе. Десяти лет Станкевич был определен в Острогожское уездное училище, а два года спустя — в благородный пансион в Воронеже. Николай Станкевич был первенцем в семье, в которой росло девятеро детей. Сестра поэта Александра Владимировна, впоследствии вышедшая замуж за сына М. С. Щепкина, сообщает в своих воспоминаниях множество интересных подробностей, характеризующих духовную атмосферу детских и юношеских лет Станкевича. С помощью братьев, сестер, соседей он устраивал домашние театральные представления, на которые съезжалось множество народу из окрестных поместий. Спектакли заканчивались различными музыкальными дивертисментами, танцами, сопровождаемыми оркестром, состоявшим из шести крепостных музыкантов.

Средоточием культурных интересов в семье неизменно был Николай Станкевич. «Все в нем привлекало к нему родных и знакомых, — свидетельствовала его сестра, — на нем сосредоточивалась общая привязанность, все поддавалось его влиянию».¹ Станкевич рано начал писать стихи, увлекался музицированием, с детских лет обучаясь игре на фортепьяно и пению. Серьезный, начитанный и вместе с тем веселый, остроумный, Станкевич всегда умел возбуждать интерес окружающих к значительным явлениям современной

¹ А. В. Щепкина. Воспоминания. М., 1915, стр. 73.

литературы и искусства. Его любимыми авторами в ту пору были Гете и Шиллер, а из русских — Пушкин, несколько позднее к ним прибавился Гоголь.

В Воронеже Станкевич встретился с поэтом А. В. Кольцовым. Именно он открыл его поэтический талант, а позднее познакомил с Белинским и ввел в круг московских литераторов. В 1831 году в «Литературной газете» появилось стихотворение Кольцова «Русская песня», впоследствии известное под названием «Кольцо». Оно было сопровождено следующим примечанием: «Вот стихотворение самородного поэта г. Кольцова. Он воронежский мещанин, и ему не более двадцати лет от роду; нигде не учился и, занятый торговыми делами по поручению отца, пишет часто дорогою, почти сидя верхом на лошади. Познакомьте читателей «Литературной газеты» с его талантом». Рекомендательные строки были подписаны: «Н. С—ч».

Эта криптонимная подпись уже не впервые появлялась в печати. Еще в 1829 году ее можно было нередко встретить под стихами — лирическими или эпиграммами — на страницах выходившего в Петербурге тоненького литературного журнала «Бабочка. Дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития». Затем стихи Станкевича стали появляться в «Атенее», «Литературной газете», «Телескопе», «Молве». Еще будучи в Воронеже, он написал трагедию в стихах «Василий Шуйский», вышедшую в 1830 году отдельным изданием. Содействовал этой публикации содержатель воронежского благородного пансиона А. А. Попов, заботившийся о литературных успехах своих воспитанников и доброй репутации своего учебного заведения.

Успешно закончив воронежский пансион, Станкевич решил перебраться в Москву. 14 июля 1830 года датировано его прошение в правление Московского университета о допуске его к экзаменам на словесное отделение. Знания Станкевича получили высокую оценку, и он был зачислен в университет своекоштным студентом.

Станкевич поселился в доме М. Г. Павлова, профессора Московского университета. Это был замечательный педагог и воспитатель, оказавший серьезное влияние на духовное развитие целого поколения студенческой молодежи. В 1831 году М. Г. Павлов открыл студенческий пансион, которым преследовал цели отнюдь не меркантильные, а научно-педагогические.

Станкевич жил у Павлова не в качестве обычного пансионера. Хорошо материально обеспеченный и по состоянию здоровья нуждавшийся в специальном уходе, он пользовался в пансионе старшем, имел в доме Павлова отдельную, довольно просторную квар-

тиру и содержал свою прислугу. Чахлый, болезненный, Станкевич оказывался вынужденным нередко пропускать занятия, а то и подолгу задерживаться в деревне. В 1831 году на этой почве возник инцидент, едва не закончившийся исключением Станкевича из университета.¹

С огромным интересом и любопытством входит Станкевич в новую для него университетскую жизнь. Наступает пора напряженных раздумий, философских исканий. Быстро расширяется круг знакомых Станкевича. Ярко одаренный, открытый и доверчивый, он привлекает к себе друзей не только со своего курса, но и людей значительно старше его по возрасту. Образуется кружок студенческой молодежи, члены которого регулярно собираются на квартире Станкевича. «...Весь наш товарищеский кружок, — рассказывал Я. М. Неверов, — очень часто у него собирался и проводил целые вечера в чтении и в одушевленной беседе».²

Сам Станкевич считал первый год своей жизни в Москве периодом, пока еще только предшествовавшим поре сознания. Вспоминая это время много лет спустя, он писал из Берлина своему другу Неверову: «В 17 лет я еще бродил в неопределенности; если думал о жизни и о своем назначении, то еще больше думал о своих стихах и их внешней участи. Пора сознания наступила годом позже...»³

Что касается стихов, то хотя Станкевич продолжал их еще писать, но ему никогда в голову не приходила мысль, что это занятие могло бы стать делом его жизни.

Обучение в университете требовало от студентов много времени и сил. На словесном отделении в эти годы к чтению лекций были привлечены видные профессора. Русскую историю, например, читал М. Т. Каченовский, всеобщую историю — М. П. Погодин, историю русской словесности — С. П. Шевырев. Большим успехом пользовался у студентов Н. И. Надеждин, открывший в 1832 году курс теории, а затем и истории изящных искусств. Следует назвать еще М. Г. Павлова, лекции которого по специальным естественным наукам включали в себя некоторые философские темы и имели не-

¹ «О помещении студентов, живущих на вольных квартирах, в предполагаемый дом и об исключении не явившихся для получения табелей». — Московский областной государственный исторический архив, ф. 418, оп. 101, д. № 283, л. 6. Далее ссылки на этот архив даются сокращенно: МОГИА.

² Н. Бродский. Я. М. Неверов и его автобиография. М., 1915, стр. 42.

³ Письмо от 8 марта/24 февраля 1838 г. — «Переписка Н. В. Станкевича», стр. 171.

маловажное значение для формирования общего мировоззрения студентов.

В студенческие годы Станкевич усиленно штудирует немецких философов, особенно Шеллинга и Фихте, затем Канта. В его архиве хранится огромное количество записей и конспектов прочитанных книг и прослушанных лекций. Следы серьезной работы мысли несут на себе и его письма. Он мечтает целиком посвятить себя науке. «Холодна и неприманчива жизнь! — пишет он в октябре 1833 года Шевыреву. — Может быть, только на время. Зато вдвое дороже мне мои занятия: я сижу, работаю и надеюсь сидеть и работать еще больше. Может быть, науки со временем совершенно заменят мне жизнь; начало этому я уже вижу. Как прекрасно отказать от счастья толпы, создать себе свой мир и стремиться к нему, хотя не достигая».¹ Эти признания, однако, вовсе не отражали жизненного кредо Станкевича. Напротив, со временем он все решительнее стал склоняться к выводу, что «счастье толпы» — есть высший смысл жизни и забота о благе человечества — ее главная цель.

Общение и дружба с Белинским все более укрепляли Станкевича в этих его убеждениях. Они познакомились в 1832 году, уже после исключения Белинского из университета. Я. М. Неверов рассказывает в одной из мемуарных заметок: «Белинский, будучи студентом, написал драму, сюжетом которой было злоупотребление владетельного права над крестьянами. Этот труд <драму «Дмитрий Калинин»>, плод юношеской восторженности, он представил в цензуру и за это лишен был права посещать университет. Станкевич, услышавши об этой истории от общего нашего товарища Ключникова, пожелал прочесть драму и ознакомиться с автором».² Через посредничество Ключникова Белинский был введен в кружок Станкевича. И вскоре они стали друзьями.

Сближение Белинского со Станкевичем и его кружком активизировало интерес всего кружка к общественным вопросам, к явлениям современной жизни. В июне 1833 года Станкевич и его друзья были привлечены к следствию по делу «государственных преступников» Я. И. Костенецкого и П. А. Антоновича. История едва не закончилась серьезными неприятностями — особенно для ближайшего друга Станкевича Я. М. Неверова (см. вступит. статью, стр. 16). В июле 1833 года в университете произошел новый переполох. На имя ректора прибыла бумага «О присылке студента Стан-

¹ «Переписка Станкевича», стр. 252.

² «Литературное наследство», № 56. М., 1950, стр. 100.

кевича в Пречистенскую часть». Оказалось, что разыскивают другого Станкевича — некоего Ивана Петровича, который, как выяснилось потом, в августе 1833 года собирался поступить в университет, но ввиду «невыдержания надлежащего экзамена» принят не был. Вся переписка по этому нелепому вопросу была на всякий случай включена в студенческое дело Николая Станкевича.¹

К 1834 году отношения Станкевича с Белинским стали особенно тесными, близкими. Кроме ежесубботних «сходбищ» на квартире Станкевича, они нередко вместе посещают театр, коротают досуги.

В 1834 году Станкевич закончил университет и получил на руки документ, удостоверявший результаты его четырехлетнего обучения на словесном отделении: «Был испытываем в науках оного отделения, показал отличные успехи при таковом же поведении; почему определением университетского совета сего 1834 года июля 30 дня утвержден кандидатом отделения словесных наук».²

Теперь близился самый ответственный момент в жизни Станкевича, наступил «возраст деятельности». Надо было сделать окончательный выбор и смело следовать по намеченному пути. После поездки в Петербург Станкевич возвращается в Удеревку и вскоре получает должность почетного смотрителя Острогожского уездного училища. Станкевич с энтузиазмом берется за это интересное, как ему кажется, дело. У него возникает множество идей, которые он хочет осуществить в самом непродолжительном времени — например, уничтожить телесные наказания в школах, ввести в уездных училищах ланкастерскую, взаимную систему обучения, написать учебник всеобщей истории и так далее.³ Эти планы и намерения представляются ему самому столь серьезными, что он мечтает стать инспектором казенных училищ и окончательно посвятить себя педагогическому поприщу.

Обязанности почетного смотрителя оказались не очень обременительными и оставляли достаточно времени для самообразования и досуга. Станкевич много занимается историей, философией, иногда подумывает о подготовке к магистерским экзаменам, хотя считает это делом далекого будущего. Больше всего он сейчас озабочен мыслью о необходимости заняться полезной, практической деятельностью. В декабре 1834 года он пишет Неверову: «Часто я, бог

¹ «Относительно присылки в Пречистенскую часть студента Станкевича». — МОГИА, ф. 418, оп. 491, д. № 34.

² МОГИА, ф. 418, оп. 104, д. № 217, л. 5.

³ См.: П. В. Анненков. Н. В. Станкевич. Переписка его и биография. М., 1857, стр. 90.

знает как, расфантазируюсь о своих подвигах, потребность деятельности не дает мне покоя. . .»¹

В январе 1835 года Станкевич снова в Москве. Его здоровье, хрупкое с детских лет, причиняет все большие беспокойства. Оно становится постоянной темой его писем. К тому времени уже обнаружилось симптомы грозной болезни, которой суждено было через пять лет унести его в могилу. «Убийственная для меня мысль, — пишет он Неверову, — болезнь похищает у тебя душевную энергию, ты ничего не сделаешь для людей. Природа, может быть, дала тебе средства стать если не выше толпы, то в передних рядах ее, а болезнь забивает в середину!»² Значительную часть 1835 и 1836 годов Станкевич живет в Москве, среди «братий» своих — то есть товарищей. Состояние здоровья не позволяло ему длительное время оставаться в деревне, без врачебного надзора. Обязанности почетного смотрителя пришлось пока забросить. Станкевич много читает по истории; желая восполнить пробелы в своих познаниях, он изучает греческую и римскую историю, его занимают различные события из истории средних веков. Чтобы лучше усвоить интересующие его разделы, он стал давать частные уроки по истории братьям Белинского.

Временами Станкевича преследуют сомнения в правильности его образа жизни. Он мечтает поскорее стать на ноги, «быть человеком» и посвятить себя какому-нибудь общественно полезному делу. Он с иронией, а то и с сарказмом отзывается о людях образованных, ученых, но живущих в бездействии и без пользы. Порой ему кажется, что и он сам принадлежит к их числу. В октябре 1835 года Станкевич пишет Неверову: «Я не чужд энергии, но часто теряю центр в моих занятиях и не знаю, куда иду: всякая вдохновляющая мысль покидает меня, и я брожу несколько дней в апатии, не зная, к чему устремиться».³ Станкевич мучительно ищет выхода из этих сомнений, ищет путей к душевному покою и гармонии.

Между тем в его личной жизни наметились и некоторые другие коллизии, имевшие важное для него значение.

Весной 1835 года Станкевич познакомился с М. А. Бакуниным. Он стал бывать у него дома, в имении его родных — Прямухине. Здесь он познакомился с сестрой Бакунина — Любовью Александровной, с которой у него вскоре завязался роман, чреватый, как выяснилось потом, серьезными душевными потрясениями. Когда

¹ «Переписка Станкевича», стр. 303.

² Там же, стр. 309.

³ Там же, стр. 332.

Бакунина была в 1837 году объявлена невестой Станкевича, он вдруг усомнился в истинности своего чувства к ней и не смог заставить себя ни отказаться от брака, ни согласиться на него. В 1839 году, уже за границей, Станкевич получил сообщение о смерти Бакуниной.

Отъезд Станкевича за границу был вызван прежде всего резким обострением чахотки, давно точившей его, кроме того — желанием завершить свое образование, особенно в области философии.

Наконец, отъезд на продолжительное время из России должен был, по мысли Станкевича, окончательно проверить его чувства к Бакуниной и внести какую-то ясность в их отношения, становившиеся все более тягостными.

21 июня 1837 года Станкевич получил официальное увольнение с должности почетного смотрителя училища,¹ а в первой половине августа был оформлен и заграничный паспорт, разрешавший его обладателю в течение трех лет проживать в Германии, Италии, Швейцарии и разъезжать «по собственным его надобностям». В том же месяце Станкевич выехал из Москвы.

После трехнедельного пребывания на водах в Карлсбаде состояние его здоровья заметно улучшилось, и он смог продолжать свое путешествие. В октябре Станкевич прибыл в Берлин.

Здесь его ожидала радостная встреча с друзьями — Неверовым и Грановским. Станкевич снял небольшую квартиру в том же доме, где расположились его друзья. И жизнь скоро вошла в свою нормальную колею. Он посещал лекции некоторых видных профессоров Берлинского университета — например, лекции историка Ранке, юриста Ганса, кроме того брал приватные уроки по философии у молодого профессора Карла Вердера, с которым у него вскоре установились весьма дружеские отношения. Занятия науками, лечение, веселые досуги совместно с Неверовым и Грановским — в таких условиях протекала жизнь Станкевича в Берлине.

Круг русских его знакомств здесь расширился. Осенью 1837 года сюда прибыл Сергей Строев — давнишний университетский товарищ Станкевича, через год — И. С. Тургенев. «Здесь довольно русских, готовящихся в профессора», — сообщает родным Станкевич.² В конце 1837 года в Берлин приехала чета Фроловых. Умная и образованная Елизавета Павловна Фролова открыла своего рода салон, ставший центром умственной жизни всей русской колонии в

¹ ГИМ, ф. 351, д. № 53, л. 19.

² Письмо от 11 ноября/30 октября 1837 г. — «Переписка Станкевича», стр. 28.

Берлине. Нередко коротали вечера здесь и Станкевич с друзьями. Е. П. Фролова — автор замечательной, не опубликованной при ее жизни записки «Несколько слов о воспитании женщины в России», в редактировании которой принимал участие Станкевич.¹

Он жил в Берлине интересной и содержательной духовной жизнью. Основательное штудирование гегелевской логики заставило Станкевича, с одной стороны, по-новому взглянуть на некоторые философские проблемы, занимавшие его в последние годы, а с другой — почувствовать вскоре односторонность гегелевской системы, ее отвлеченность от практических потребностей времени. Несколько позже он обратит внимание на Фейербаха.

Помимо научных занятий Станкевич интенсивно знакомился с искусством Германии, посещал музеи, театры. Громадное впечатление произвели на него поездки в Дрезден и посещение знаменитой картинной галереи, а также в Веймар, где все дышало воспоминаниями о близких его сердцу Гете и Шиллере.

К весне 1839 года круг берлинских друзей Станкевича стал быстро редеть. Уехал домой Неверов, оставил Германию Грановский, стали готовиться в дорогу Фроловы. Настал черед Станкевича. Однако врачи настоятельно советовали ему продолжить курс лечения на юге. В августе 1839 года он выехал в Италию, рассчитывая там пробыть месяцев восемь и летом, совершенно исцеленным и окрепшим, вернуться домой.

По пути в Италию он остановился в Базеле, в Швейцарии. Здесь состоялась заранее условленная встреча с давним университетским товарищем и близким другом — А. П. Ефремовым, от которого Станкевич узнал потрясшую его весть о смерти своей невесты — Л. А. Бакуниной. Вместе с Ефремовым он отправился в Милан, затем в Геную, Ливорно, Флоренцию и, наконец, в Рим. Путешествие это продолжалось несколько месяцев. Друзья останавливались в каждом из названных городов, с возможной тщательностью знакомились с культурой и бытом страны, особенно — с ее живописью и музыкой.

В Риме он встретился снова с И. С. Тургеневым. Встреча в Берлине не была для Тургенева особенно памятной, она не сблизила обоих соотечественников. Тургенев замечает, что Станкевич в ту пору «не очень-то жаловал» его.² Совсем иными стали их отно-

¹ Текст этой записки со вставками Станкевича напечатан в «Русских пропилеях», т. 1. М., 1915, стр. 223—231.

² И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 11. М., 1956, стр. 229. Станкевич свидетельствует в письмах, что он «узнал» Тургенева еще в

шения теперь, в Риме. Они подружились, часто встречались у Ховриных — общих московских знакомых, также путешествовавших по Европе.

Здоровье Станкевича между тем неожиданно сильно ухудшилось. По словам Тургенева, он стал часто кашлять кровью, говорил «чуть слышным голосом». Тургенев рассказывает в своих воспоминаниях, как однажды они вместе поднимались к Ховриным, на четвертый этаж. Станкевич был в отличном расположении духа и читал вслух Пушкина; вдруг он закашлялся, остановился, поднес платок к губам: на платке осталась кровь. Тургенев вздрогнул, а Станкевич улыбнулся и продолжал читать прерванное стихотворение.

Станкевич не мог не знать, как опасно он болен. Но он никогда не хандрил, никому не жаловался на нездоровье. В своих письмах к родным и друзьям он часто с иронией отзывался о своем смертельном недуге.

В мае 1840 года болезнь Станкевича снова резко обострилась. Затем наступило некоторое улучшение. В начале июня он вместе с А. П. Ефремовым и В. А. Дьяковой, урожденной Бакуниной, к которой все больше привязывается, отправляется во Флоренцию. Врачи строжайше запретили уезжать из Италии: перемена климата могла оказаться губельной. Станкевич предполагает остаток лета провести в Германии или Швейцарии, а на зиму перебраться в Ниццу. Он все еще полон веры, что его воля и молодой организм одолеют болезнь. Он полон планов «насчет *studieren und schreiben*» (изучения и писания). Помимо нескольких статей в форме «популярных писем», уже вполне созревших в голове, он замышляет большой труд по истории философии, он рассчитывает написать специальную работу, посвященную изложению философии Гегеля. И теперь, сильнее, чем когда бы то ни было прежде, его охватывает желание вернуться домой. Он с тоской пишет родным о своем «изгнанничестве»: «Мне хотелось только сказать вам, в каком бы удовольствии я поскакал в Россию! Ну, пусть это будет несколько позже, но прочнее! Между тем прошу вас быть спокойными и не придумывать ничего другого; я здоров и, повторяю, хочу только закрепить». ¹

Москве, студентом университета (см.: «Переписка Станкевича», стр. 64). А Тургенев в своих воспоминаниях о Станкевиче говорит, будто бы они впервые познакомились лишь в Берлине, через посредство Грановского. Тургенев мог запомнить, свидетельство Станкевича представляется более достоверным.

¹ Письмо от 7 мая/25 апреля 1840 г. — «Переписка Станкевича», стр. 152.

Надеждам Станкевича вернуться на родину уже, однако, не суждено было сбыться. Из Флоренции он вместе со своими спутниками направился в Милан. Но не доехал. На полпути, в городе Нови — том самом, близ которого Суворов одержал знаменитую победу над наполеоновской армией, — в ночь с 24 на 25 июня 1840 года Станкевичу стало неожиданно плохо, и наутро его нашли мертвым. Хорошо осведомленный К. С. Аксаков писал по этому поводу своему брату Ивану: «Если Виссарион не знает об этом, то ты скажи ему, милый Иван. Скажи ему, что Ефремов с Станкевичем спали в одной комнате, поутру Ефремов стал будить его ехать, а он уже умер». ¹ Тело Станкевича было перевезено в Россию и похоронено в родной Удеревке.

Смерть Станкевича глубоко потрясла его близких и друзей. Грановский 8 августа 1840 года писал Неверову: «Он унес с собою что-то необходимое для моей жизни. Никому на свете не был я так обязан: его влияние на меня было бесконечно и благотворно». ² А вот строки из письма Тургенева к Грановскому, написанного под свежим впечатлением от смерти Станкевича: «Мы потеряли человека, которого мы любили, в кого мы верили, кто был нашей гордостью и надеждой. . .» ³ На протяжении многих лет образ Станкевича не давал покоя Тургеневу-художнику. В «Рудине» — в образе Покорского, в повестях «Андрей Колосов», «Гамлет Шигровского уезда», «Призраки», «Несчастливая» — мы ощущаем глубокий след, оставленный Станкевичем в душе писателя. Опубликованная П. В. Анненковым в 1857 году переписка и биография Станкевича обострила в русском обществе интерес к его памяти. Под свежим впечатлением книги Анненкова Л. Н. Толстой писал Б. Н. Чичерину: «Читал ли ты переписку Станкевича? Боже мой! что это за прелесть. Вот человек, которого я любил бы как себя. Верить ли, у меня теперь слезы на глазах. Я нынче только кончил его и ни о чем другом не могу думать. Больно читать его — слишком правда, убийственно грустная правда. Вот где ешь его кровь и тело. И зачем? за что! мучалось, радовалось и тщетно желало такое милое, чудное существо. Зачем? . . .» ⁴ Лишь через полвека после смерти Станкевича впервые был издан сборник его сочинений.

¹ ЛБ, ГАИС III, III/1а.

² «Т. Н. Грановский и его переписка», т. 2. М., 1897, стр. 404.

³ Письмо от 16/4 июня 1840 г. — Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 15.

⁴ Письмо от 21—23 августа 1858 г. — Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 60. М., 1949, стр. 272.

НАДПИСЬ

К ПАМЯТНИКУ ПОЖАРСКОГО И МИНИНА

Сыны отечества, кем хищный враг попран,
Вы русский трон спасли, — вам слава достоянье!
Вам лучший памятник — признательность граждан,
Вам монумент — Руси святой существованье!

<1829>
Воронеж

ЭКСПРОМТ

(ПО ПРОЧТЕНИИ СТИХОТВОРЕНИЙ КОЗЛОВА)

С прекрасною и твердою душой,
С покорностью прияв судьбы веленья,
Умел он вознестись над грозною судьбой
И в бедствии нашел источник вдохновенья.

<1829>
Воронеж

НА ИГРУ Г-ЖИ ОСТРЯКОВОЙ

Талант твой нас обворожает,
Твой нежный взгляд, твой милый вид
Невольно в душу проникает
И сердцу внятно говорит.
Равно в Амалии, Аглаевой прелестна,
Как и свободы дочь в толпе цыган.

Ты обрела в природе талисман
Несподражасмый, чудесный.
Приятен голос твой и нежен, как свирель.
Ты всех собой очаровала;
Искусства ты постигла цель
И тайну сердца разгадала!

<1829>
Воронеж

ЛУНА

Подражание французскому

Как бы стыдливая краса
Сребристым облаком прикрыта,
Луна взошла на небеса:
Земля сиянием облита.
И дочь счастливая небес,
На светло-яхонтовом лоне,
В огнисто-золотой короне
Течет, златит и дол и лес,
Блестящей свитой окруженна.
Скажи ж, прекрасная луна,
В тончайший облак облеченна,
Что в небе делаешь одна,
Скрывая кроткое сиянье?
Идешь ли ты, как Оссиан,
Грустить в убежище страданья —
О дочь счастливых неба стран! —
И там сокрыть красы молодые?
Несчастье знаемо ль тебе? ..
Но вот в лазурной вышине,
Одета в ткани золотые,
Катишься по вершинам гор,
Собой пленяешь снова взор!
Теки же долее над нами
И наши взоры восхищай!
И нас до утра озаряй
Твоими кроткими лучами!

<1829>
Воронеж

СТАНСЫ

Прекрасно божие создание,
Пленителен надзвездный мир,
Когда в звездах горит эфир
И льет сребристое сиянье
Небес красавица — луна, —
Священным жаром вдохновенья
Тогда душа моя полна!

Ты к смертным благ, творец вселенной,
И души их — твой светлый храм!
Огонь, рукой твоей возжженный,
Пылает в них — и к небесам
Куренье всходит благовонно,
Святых сердец гремит тимпан,
И мир, хвалы твоей оргán,
Тебе поет хваленье стройно!

С надеждою подъямлю длани,
Паду во трепете лица,
Молю предвечного отца,
Чтобы смирил душевны брани,
Чтоб в сердце утвердил покой,
Чтоб не терновою стезей
Чрез бурную прошел я младость.

Молю! И слезы умиленья
Струею льются по щекам;
Святого полный вдохновенья,
Я волю дал моим слезам —
Быть может, жар мольбы усердной
Отцовским сердцем примешь ты!

Творец! священной десницей
Ты отвращаешь козни злых,
Ты милуешь рабов твоих
И награждаешь их сторицей;
Любовь к тебе свята, чиста,

Ты мир блаженством наполняешь
И жизни светлые врата
Рабам покорным отверзаешь!

<1829>

Воронеж

ПРОСТИ!

Прости! Тебе моей не быть!
С твоей холодной красотой,
С твоей бесчувственной душой
Ты не назначена любить.
Тебе неизвестен нежный пламень;
Один обман — твой страстный взгляд,
Улыбка — нектар, сердце — камень,
А поцелуи — сладкий яд!
Прошла пора очарованья,
Прошли в груди моей терзанья!..

Знавал я радость и любовь,
Живилось сердце упованьем,
Огнем любви пылала кровь,
Когда с несбыточным желаньем
Тебе навек отдался я
И, полный страстным упоеньем,
С самолюбивым увереньем
Твердил в душе: она моя!
Я долго сею жил мечтою,
Я долго по тебе грустил,
Страдал, тобой надеждой жил, —
Но ты смеялась надо мною!..

Теперь... прости! прости навек!
Любви мне тяжело вспоминанье!
Не вырвешь более признанья;
Но сердца горестный упрек
Тебе напомнить лишь заставил
О том, что было... Полно! я
Свой жребий небу предоставил...
Прости! ты больше *не моя!*..

<1830>

Воронеж

ОТРЫВКИ ИЗ СТИХОТВОРНОЙ ПОВЕСТИ

1

Прекрасны звезды золотые,
Когда по синим небесам
Они лиют в часы ночные
Лучи алмазно-огневые;
Прекрасен блещущий сапфир
В короне пышного султана;
Прекрасно небо Персистерана —
Темно-лазуревый эфир;
Милей божественные взгляды
Елены — чуда красоты;
Она жива — как лёт мечты,
Как бег пленяющей наяды,
Мила — как чистая любовь;
Власы как лен, заря — ланиты;
Заныла грудь, зажглася кровь —
И брат и горе позабыты. . .

Зачем ее увидел ты,
О сын неопытный природы? . .
И за неверные мечты
Отдал всё счастье свободы?
Зачем души своей покой
Сменил на рой надежд игривых,
Живых, пленительных — но лживых?
И юной пламенной душой
Навек отдался неизвестной?
Зачем? . . но поздно
.

2

Вечернею оделись мглою
И лес и чистые поля,
И предана давно земля
Ее урочному покою.
Предвестник ночи, в небесах
Алмазный Веспер появился,

Рубины в пламенных лучах
Рассыпались — и озарился
Огнями ночи небосклон.
И царь их — светлый месяц юный —
Вперен в таинственные думы,
На огненно-прозрачный трон
С немым величием восходит,
Плывет в эфир от выси гор
И на землю сребристый взор
С безмолвной грустию наводит.
Едва катит струи поток,
Едва душистый ветерок
Листы шиповника колышет,
И воздух ароматом дышит.

Вот чуть приметною стопой
Елена по росе сребристой
Идет в раздумьи
.

<1830>
Воронеж

УТЕШЕНИЕ

С душою, полной упования,
Я скромно в море жизни вплыл —
И всем прекрасным ожиданиям
Младое сердце отворил.

С какою верой простодушной
Боготворил я этот мир,
Стремленью чувств младых послушный —
Веселье было мой кумир.

Я дружбе чистые объятья
От сердца чистого открыл;
Все были мне друзья и братья,
И я всегда им верен был.

Но скоро взгляды милой девы
Зажгли огонь в груди моей,

И лиры томные напевы
Мне были дар ее очей.

И жар святого песнопенья
Сильней горел в груди молодой;
И дух мой жаждал вдохновенья,
Как пищи — сладкой, неземной.

Но скрылися очарованья,
Престал надеждам верить я,
Не совершились ожиданья,
И разбрелись мои друзья.

И всё, что жизни прежде льстило,
Что оживляло дни мои, —
Она, она мне изменила!..
И в сердце хладном нет любви!..

Лишь ты, святое вдохновенье,
Одно осталось верным мне,
Блаженства память, утешенье
Ты мне приносишь в тишине!

И успокоен дух мой юный
В беседе пламенной с тобой:
Возьму цевницу я, и струны
Кропаются сладостной слезой.

<1830>
Воронеж

ВЕСНА

Жизнь на празднике природы,
Цвет и зелень на полях,
Неба радужные своды
Рдеют в солнечных лучах,
И текут, красуясь, воды.

Всё цветет, благоухает,
Всюду радость разлита;

В сердце пламень пронизает,
И волшебная мечта
Дух невольно увлекает.

Вновь родятся упования,
Вновь душа отворена
Обольстительным желаньям,
И, как легкий призрак сна,
Проявились вспоминанья.

Где же всё, что сердцу льстило?
Чем питалася мечта?
То, что к жизни приманило?
Без чего она пуста,
Как безмолвная могила?

К славе гордое стремленье,
Упованья юных дней,
Жар священный вдохновенья,
Вера полная в людей
И восторгов упоенья? —

Погубил всё ранний опыт,
Рано пал на сердце хлад!
Зависти презренный шепот,
Добродетель без наград...
Но — откинем тщетный ропот!

Все бессильны укоризны,
Победить судьбу — кто мог?
Утешенье в бурной жизни
Мне да будет — вера, бог
И любовь к *святой отчизне!*

Прочь же грешные роптанья,
Бог — властитель над душой,
Погребу мои страданья,
И, быть может, вновь со мной
Примирятся упования.

Не погибнет в бурях младость,
Западет во глубь души

Вновь потерянная радость
И в нерушимой тиши
Я признаю рока благодать.

Прилетай же, наслажденье!
Тяжкий мрак души рассей,
Посели мне в грудь терпенье
И отвагу юных дней! —
Начинай перерожденье!

Жизнь на празднике природы,
Цвет и зелень на полях,
Неба радужные своды
Блещут в солнечных лучах,
И текут, красуясь, воды.

<1830>
Воронеж

ЭЛЕГИЯ

Когда на западе горит
Последний солнца луч
И ярким светом золотит
Края угрюмых туч;
Когда безмолвная луна
Встает печальна и бледна
От сумрачных полян,
И звезды в небесах горят, —
Люблю недвижный взор вперять
В эфирный океан.

И мнится мне, что та страна
Знакомое хранит;
Что там, где теплится луна,
Мой брат иль друг сокрыт;
Что на лазурных небесах
Сияют в пламенных лучах
Погибшие давно,
И души их в тиши ночной
С мзой беседуют душой
Невнятно и темно!

Ей не поведают оне
Тайн жизни неземной
И ни о том, что в их стране,
Над бедною землей.
Но их немая речь во грудь
Нашла прямой и чистый путь;
Отраднa мне она!
Внимать ее готов и рад,
Тогда не помню я утрат,
Душа моя светла!

Когда на западе горит
Последний солнца луч
И ярким светом золотит
Края угрюмых туч;
Когда вечернею зарей
Зефиров свежих резвый рой
Разносит аромат;
Когда луна идет с полян, —
Люблю в эфирный океан
Я взоры устремлять.

<1830>
Воронеж

ИЗБРАННЫЙ

Дня румяное светило
Ярко запад озлатило;
Чуть катит струи река:
Разноцветною грядою
В ней трепещут облака. . .
Вот полнеба, как каймою,
Опоясалось зарею;
Вesper в пламенных лучах
Загорелся в небссах.
Над зелеными холмами,
Ночи светлая краса,
Месяц всплыл; его лучами
Озарились небеса.
Он на землю взор унылый —
Землю взор осеребрил;

На поток — поток игривый
Заблестал, заговорил.

Тихо всё. Сребро и золото
Пышно блещут на водах,
Разлилися ароматы
В очарованных полях.
Вдруг над влагой зашумело,
Скрылась в облаке луна;
Небо в мраке просветлело,
Запылало, загремело. . .
И, как прежде, тишина
Землю спящую одела.
От полночи, от полдня,
От заката, от восхода
Волны шумные народа
С диким ропотом текут
Через дебри, через горы,
Возводя на небо взоры,
Притекли, чего-то ждут. . .

Вот опять луна золотая,
Из-за облак выплывая,
Кроткий свет на землю льет;
В роще соловей поет;
И опять сребро и золото
Пышно блещут на водах,
Веют снова ароматы
В очарованных полях.

Но толпы безмолвны, тихи:
В область светлую луны
Их глаза устремлены;
Пришлецы уныло-дики!
Иль не мил земной приют?
Иль чего от неба ждут?

В вышине блеснуло, — клики
Раздались: *«Гряди, великий!*
Светлый трон тебе готов».
И на грядях облаков,
Пересыпанных звездами,

Льются волны за волнами
Ясных, пурпурных лучей:
Заиграли, засияли
Средь эфирных областей,
Солнце светлое соткали.

Но кому же сей престол,
Кто на нем воссядет смело?
Гром по небесам прошел,
Глухо в дебрях зашумело!
«Он *грядет!*» я глас внимлю;
Чью ж бессмертную главу
Пышно радуга одела?
Перед кем во прах падет
Полный радости народ?
Кто сидит на светлом троне
В семицветной сей короне?
Чей небесный, кроткий взор
Сладко душу пронизает?
Загремел народа хор,
Целый мир ему внимает:
Тих стоит угрюмый бор;
В брег не бьют седые волны,
Цепи лишь кремнистых гор,
В прах пред ним склоняясь дольний,
Предают одна другой
Славословья глас святой.

Хор народа

Царь! сильна твоя держава,
Тверд, блистателен твой трон,
Чад твоих любовь и слава,
Правда, милость и закон
Да пребудут век с тобою!
Да венец твой процветет,
Просияет неземною
И нетленной красотой;
Да из рода в дальний род
Слава дел твоих прейдет!

И *избранный* с умиленьем
Славословья глас внимал;

Он, казалось, с молением
Взоры к небу обращал.
Вдруг покрыли небо тучи,
Вихорь шумный набежал,
Поднимает прах летучий;
Закачался лес дремучий,
Ветр в полях забушевал;
Небо молнии раздрали,
В тучах громы рокотали,
Бездна целая огня
В мрачных высях буревала;
Устрашенная земля
В основаньи трепетала.

В тучах мрачных и громах,
В огнецветной колеснице,
Под кровавой багряницей,
Ярой бури на крылах
Мчится дух ужасный брани;
Меч в могущественной длани,
В грозном взоре огонь и кровь.
Милосердие, любовь —
Всё, что близит человека
К порождению богов, —
Мнилось, в грудь его от века
Зарониться не могли.
Он над племенем земли
Ужас мчит и разрушенье
За погибельной рукой;
Вот он стал; концы вселенной
Вторят голос громовой.

Д у х б р а н и

В молньеносной колеснице,
Ярой бури на крылах,
Я могучею десницей
Обращаю в дольний прах
Царства мира и народы.
Меч и гибель — мой закон
Над законами природы,
А вселенная — мой трон.
Выси гор, морей пучину

Я с грозой перелечу,
На противных гибель кину,
Кровью меч мой насыщу;
Смолкнет слабый глас гордыни,
Треснув, в прах падут твердыни
Под могучею рукой;
Тщетны слезы и моленья:
Над противною страной
Опочиет гробовой
Гений бед и разрушенья.

Хор духов

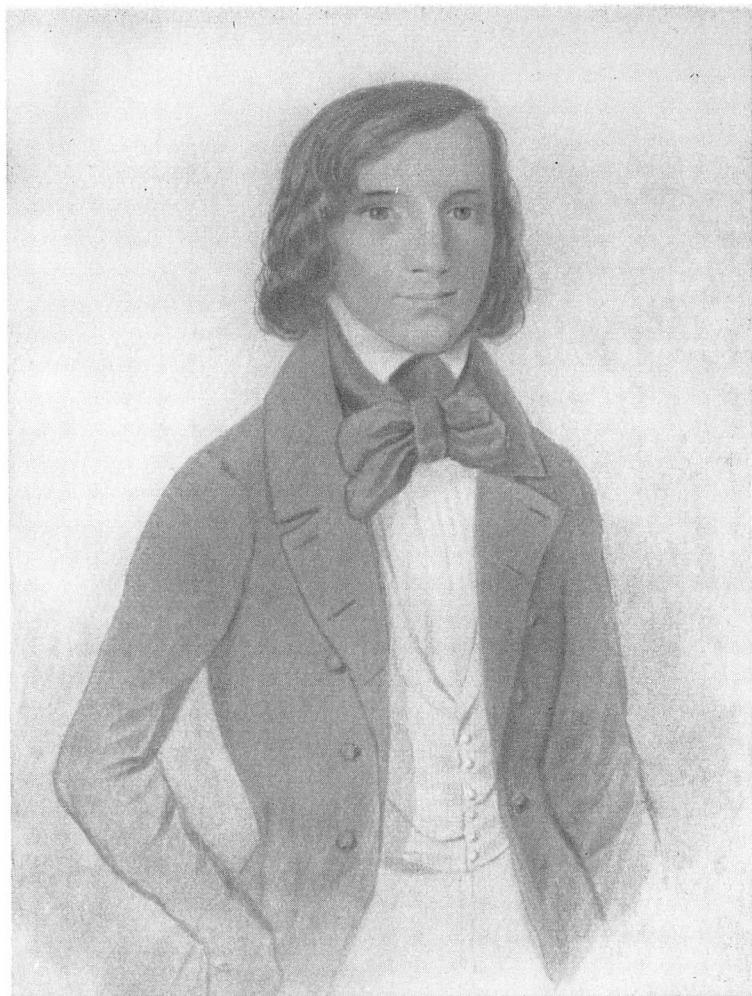
Тщетны слезы и мольба
Над могучим духом брани:
Непременен, как судьба,
Мановеньем сильной длани
Он подвигнет молний строй —
Всюду пламень истребленья!
И над целою страной
Опочиет гробовой
Гений бед и разрушенья.

Дух брани

И протекши, как гроза,
Покорив перуном землю,
Зажигаю небеса,
Глас громов хвалебный внемлю;
Но, наскучив тишиной,
В грудь царей земли влетаю,
Жаждой славы истомляю,
Власть даю им над землей;
И питомец духа брани,
Как всеильный бог земной,
Восседит, с перуном в длани,
Над плодом завоеваний.

Хор духов

Славен сын кровавой брани:
Он, как сильный бог земной,
Восседит с перуном в длани
Над плодом завоеваний.

Н. В. Станкевич

Д у х б р а н и

Ты, могучий! чья рука
Освятилась скиптром царства;
Гром прими, рази коварство,
Устрашай весь мир; в века
Передам твою я славу,
Возвеличу пышный трон,
Укреплю твою державу;
Ты вселенной дашь закон,
Завоюешь землю, море,
Кто ж тебе противный — горе!

Х о р д у х о в

Приими, могучий царь,
Духа брани дивный дар:
Он тебя покроет славой,
Возвеличит пышный трон,
Укрепит твою державу;
Ты вселенной дашь закон,
Завоюешь землю, море,
И противным — горе, горе!

Страшно, дико в небесах
Громы ярые рокоцут;
Огонь блистает на крылах;
Дебри темные грохочут:
За ударом вслед удар!
Облеченные в пожар,
Духи шумною грядою
Мчатся, вьются над землею.
В страхе, в трепете народ
Пред *избранным* упадает,
На коленах слезы льет;
Но великий созерцает
Без боязни сонм духов:
В небе молнии блещут реже;
Тише, тише гул громов;
Расхолмились — и как мрежи
Стали гряды облаков.
Царь взирает светлым оком —
Загорелась над востоком
Утра юная звезда;

Веселей заколебалась
В берегах своих вода
Зарябела и помчалась.
Кто ж, эфира по зыблям
В ризы утра облаченный,
Доблий, царственный, смиренный,
Встречу дня златым лучам
Мчится с кротким, ясным взором?
Блещет радость на челе;
Небо светло. На земле
Всё творенье стройным хором
Духу мира гимн поет,
Радость в дар ему несет.

Общий хор

В ризы утра облаченный,
С ветвью звездной на челе,
Прииди, благословенный,
Мир посеять на земле:
Да смирится горделивый!
Да познает благодать злой!
Орошены кровью нивы,
Как прохладною росой,
Освежи своей слезой!
Залечи народов раны,
Снова троны укрепи
И святую длань прости
Над могучим, над избранным!

Дух мира

Небом данный царь земли!
Духу мира ты внемли:
Он не жаждет битв и крови;
Не прострет он скиптр златой
Над разрушенной страной;
В царстве правды и любви,
Там, где милость и закон,
Где небес прообразитель —
Милосердье, — там мой трон
И любимая обитель.
Я кровавою рукой
Не предам тебе вселенной;

Ты не будешь бог земной,
Горем мира вознесенный:
Я бездушному мечу
Света участь не вручу;
Ты не будешь враг природы,
И у ног твоих народы
С рабским страхом не падут;
Ни стенанья, ни железы,
Ни убийственные грезы
Дух спокойный не смятут.
Но с слезой в очах отрадной,
Освященный, благодатный,
Счастливый любовью чад;
Сердцем чист, душою светел,
Тих и свят, как добродетель,
Сладко будешь созерцать
Добрый плод твоих деяний.
Крови чужд, завоеваний,
Не померкнет твой венец;
Смерти глас забудешь бранный,
Неба сын драгой, избранный
И отчества отец!

Хор

Не померкнет твой венец,
Неба сын драгой, избранный
И отчества отец.

С полным сердцем, умиленный
Духу мира царь внимал —
И, казалось, скиптр вселенной
Так его не утешал.
Слезы чистою росой
Заструились из очей;
Под короной неземною,
В блеске огненных лучей,
Он, как светлый испкупитель,
Кротким взором созерцал
Славы царственной обитель,
Свой народ — и сей припал
Со слезами и молением
Освященного к стопам.

«Не грозой, не разрушеньем
Я величие создам
Мне врученного народа, —
Царь изрек, — нет, меч врагам!
Охранится им свобода;
Я приму его из рук
Громоносца *духа брани*,
Мирт возьму из *мирной* длани,
И громовый славы звук
Возвестит в пределах мира
Счастье скромной тишины,
Сладкий плод златого мира —
Благоденствие страны,
Мне врученной провиденьем».
Он умолк — и с восхищеньем
Каждый подданный лобзал
Кроткую его десницу,
И, вивась кругом станицей,
Шумный хор духов вещал:

Хор духов

Царь! сильна твоя держава,
Тверд, блистателен твой трон.
Чад твоих любовь и слава,
Правда, милость и закон
Да пребудут век с тобою!
Да венец твой процветет,
Просияет неземною
И нетленной красотой,
Да из рода в дальний род
Слава дел твоих пройдет.

<1830>

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Палящий огонь сокрыт в груди моей,
Я напоен губительной отравой,
Во мне бушует вихрь страстей,
И кто смирит его? — Одна десница славы!

Небесная! скажи: узнаю ль я
Бессмертия святыя наслажденья?
Пред взорами веков, при кликах удивленья
Усыновишь ли ты меня?

Все блага — прочь! С тобой лишь в жизни
радость!

Мой путь — к одной мете!
Блуди ж меня, блуди! Да не погибнет младость
В пыли мирской, в бесплодной суете!

<1830>

ФЛИН

(Перевод)

Ночной вещун! буди твои леса,
Долины оглашай могильным криком:
Густеет мрак, и в тучах небеса —
Пой смерть, пой смерть! в твоём зываньи диком,
В ужасных песнях средь ночной тиши
Есть тайная отрада для души;
Твой праздник — смерть; тебя страшат живые,
Дни гибели — то дни твои златые.

Дети персти брэнной, пробуждайтесь!

Одр покоя бросьте — и внимать!

Прозвучал кому-то час последний:

«Пробуждайтесь!» — прокричал вещун.

Когда из недр могилы в час полночной
Ее печальный житель восстает,
Когда земля трепещет и гудёт,
Колеблема его стопою мощной, —
Лишь ты один, с любовию, крылом
Подъяв его могильные покровы,
Песнь гибели поешь над мертвецом,
Ласкаешь лик его суровый.

Дети персти брэнной, пробуждайтесь!

Одр покоя бросьте — и внимать!

Прозвучал кому-то час последний:

«Пробуждайтесь!» — прокричал вещун.

Твой зоркий глаз в дали читает смутной,
Узришь ли смерть — и, крылья расширив,
Летишь туда, где гость земли минутной,
Земной свой жребий тихо совершив,
Отшел к отцам; над свежую могилу
Ты вновь поешь, ужасный бард ночной,
И внемлет вечность глас унылый
И страннику готовит кров родной.

<1830>
Москва

НЕ СОЖАЛЕЙ

Va, l'homme qui vit seul ne saurait
être heureux!
La solitude encore rend nos maux
plus affreux.

La mort d'Abel, acte 2, 1

Ты говоришь: «Жалей, он губит
В кругу невежд свои мечты:
Толпа прекрасного не любит...
Секирой острой клеветы,
Она безжалостно изрубит
Его заветные цветы!»

Не сожалея, он жертва чести...
Но не дерзнет толпа невежд
Врубить клеймо позорной мести
На лучший цвет его надежд;

Не сокрушит она святыни,
Враждебной силой недохнет;
И только вороном пустыни
Вдали добычу стережет.

Не сожалея, он гордо вянет,
Дождись, пока его не станет,
И погляди на мертвеца,

¹ Полно, человек, который живет один, не может быть счастлив. В одиночестве наши горести становятся еще ужаснее. «Смерть Авеля», акт 2 (франц.). — *Ред.*

Когда презрение проглянёт
В чертах холодного лица...

Не сожалею — он не печален!
Увы! Он только одинок...
Не раз бывал среди развалин
Заброшен бурями цветок!

1830

НОЧНЫЕ ДУХИ

Три духа

(показываясь над скалою)

Время, духи! вылетайте:
Гаснет алая заря,
Бор дремучий покидайте,
Долы, горы и моря.
Мчитесь легкою толпою
За серебряной луною;
Прилегая на ручьи
Тихострунные, катитесь;
Иль по звездному пути
Дружно ветром пронеситесь.

Тихо, волны в брег не бьют,
Звезды по небу плывут;
Покидайте, покидайте,
Духи ночи, ваш приют!

Отдаленный хор духов

Тихо... волны в брег не бьют...
Звезды по небу плывут...
Время, други! вылетайте,
Бросим дикий наш приют!

Толпы духов показываются над скалою.

Реже сумрак над землею,
Слабо даль озарена;
Вот урочною тропею
В небо катится луна.

Други! резвою толпою,
Шумно, быстро, веселей
Полетим навстречу ей!

Вьются вокруг луны; к ним присоединяются еще духи.

Краток час волшебной ночи,
Как золотые смертных сны:
Ненадолго свет луны,
Скоро гаснут неба очи!
Но доколе сей намёт
Над безгранною вселенной,
Ярким золотом испещренной,
Пышный свет на землю льет
И доколь на лоне вод
Утра луч не отразится,
Станем в воздухе резвиться.

Один из духов

Дня стряхнув земную ношу,
Через миры я полечу.
В небе пламень засвечу
И в пустые бездны сброшу;
В виде белой пелены,
Обовьюсь вокруг луны,
Блеском звезд свой взор натешу;
Облака огнем разрежу;
И, гремя, вослед ветрам
Прокачусь по облакам.

Улетает; за ним толпа духов.

Второй дух

Я в молчаньи мирной ночи
Пронесуся над землей,
Ослепляя смертных очи
Чародейственной мечтой.
Тихо крыльями повею —
И видения сотку;
Закоснелому злодею
Гибель ада прореку.
Страх стеснит ему дыханье,
Ужас члены окует;
Глухи дикие стенанья,

На челе — печать страданья —
Выступит холодный пот.
Кучей жемчуга и злата
Я скупого наделю;
В золоченые палаты
Сибарита поселю;
Честолюбцу над вселенной
На мгновенье скипетр дам;
В ткань золотую облеченный,
Он узрит к своим стопам
В страхе падшие народы
С горькой жертвою свободы;
Что желал — всего достиг:
Мощен, славен — но на миг.
Кто же тяжкие удары
В битве с роком получил;
Кто любви всесильной чары
Испытал и пережил —
Пусть в час ночи безмятежной,
Ослеплен мечтою нежной,
Позабудет горе он!
Ей не исцелить недуга!
Но родные, но подруга —
Несчастливцу сладкий сон!

Улетает; за ним другая толпа духов.

Третий дух

Продлись, продлись, час ночи безмятежной!
Резвитесь, братья! Мне идти другим путем:
Минувшего в покровы облеченный,
Я сяду на утесе вековом —
Считать года дряхлеющей вселенной,
Зреть ветхий мир в его величьи гробовом.
Там царства падшие, забвенные народы
Я манием из праха воззову!
Их сонмы дикие заропщут, будто воды...
Заноеет грудь земли — и смертного главу
Оледенит непостижимый трепет...
А я — во мрак времен свой углубивши взор —
Торжественно внимать могильный стану лепет...
То глас веков, то с роком разговор!

Лечу... гроба свой алчный зев раскрыли...
Забилась жизнь в груди развалин; гром
Из недр земли рокошет — и кругом
Вертепы дикие завыли!..

Улегают. За ним толпа духов. Ночь. Небо усеяно звездами. Полная
луна сияет над скалою.

<1831>

КРЕМЛЬ

Склони чело, России верный сын!
Бессмертный Кремль стоит перед тобою:
Он в бурях возмужал и, рока властелин,
Собрав века над древнею главою,
Возвысился могуч, неколебим,
Как гений славы над Москвою!
О чернь! пади! страшися осквернять
Твоею пылью эти стены:
На них горит бессмертия печать,
Они веками освященны!
Здесь гордый ум смирен, окованы мечты,
Но сердце русское исполнено отрады;
Порой устремлены к земле немые взгляды:
Там, в прахе, искрятся великие следы,

<1831>

ПЕСНЬ ДУХОВ НАД ВОДАМИ

Из Гете

Душа человека
Волнам подобна:
С неба нисходит,
Стремится к небу;
И вечной премене
Обречена:
Снова должна
К земле обратиться.

С крутой скалы
Бежит ручей
И влажной пылью
Сребрит долины.
Но, заключен в пределы,
С журчаньем кротким,
Всё тише, тише
Катится вглубь.

Крутые ль утесы
Ему поставляют
К паденью препоны —
Нетерпеливый,
Он пену вздымает
И льется по ним,
Как по ступеням,
В бездну!

В гладкой постеле долину
Он пробегает;
А в зеркальном море
Звездное небо горит.

Ветер, моря
Кроткий любовник, —
Ветер из глубины
Волны вздымает.

О душа человека,
Как волнам ты подобна!
О судьба смертных,
Как ты подобна ветрам!

<1831>

БОЙ ЧАСОВ НА СПАССКОЙ БАШНЕ

Как часто, вечером, часов услыша бой,
О Кремль, с высот твоих священных,
Я трепещу средь помыслов надменных!

Невольным ужасом, мольбой
Исполнена душа, и мнится, надо мной
Витают тени незабвенных!

В сих звуках жизнь, сей гул красноречив!
В нем слышится отцов завет великий,
Их замогильный глас, их неземные клики
И прошлых лет задумчивый отзыв.

<1831>

НА МОГИЛУ СЕЛЬСКОЙ ДЕВИЦЫ

Мирно спи, господь с тобою!
Краток, горек был твой путь;
Ты брела по нем с тоскою,
Ты спешила отдохнуть.

Жизнью ты не веселилась:
Горе — жизнь твоя была!
Не на счастье ты родилась,
Не на радость расцвела!

Полно в мире неутешном
Бедной деве горевать;
Знать, не в нашем свете грешном
Тем цветочкам расцветать.

Счастья здесь они не знают,
Их не радует земля;
Нужны богу; засевают
Ими райские поля.

<1831>
Москва

ГРУСТЬ

Ночь темна, снег валит,
Ветер по полю шумит;

Приунылая беседа
В даль пустынную глядит.

«Полно, братья, горевать!
Прояснится даль опять,
Снова небо просветлеет;
Снег сбежит с высоких гор,
Вновь цветы утешат взор,
Поле вновь зазеленеет!

В наших тучных лугах,
На обширных степях,
Как и прежде, ружья грянут...»
— «Но почившие в гробах
Не проснутся, не восстанут!

Нам их жизнь не видна!
Их постеля холодна!
Братцы! в память их наполним
Чашу старого вина!

На холме гробовом
Песню громкую споем:
Песню ту, что мы певали
В дни, как в их кругу живом
Шумно, весело живали!»

*Февраль или март 1831
Москва*

КАЛМЫЦКИЙ ПЛЕННИК

Отрывок из романтической поэмы

глава 1

Этьен, и бледный и печальный,
Расставшись с Питером, летит.
Бубенчик, будто стон прощальный,
Протяжно в слух ему звенит.
«Прощай, мой Питер, Питер милый! —
Он песнь прощальную поет. —
Ах долго, странный и унылый,

Я буду помнить бледный свод
Твоих небес и мостовую,
Вдоль по которой я летал,
И прелесть — деву молодую,
Которой думы посвящал.
Куда несусь теперь судьбою?
В пустой, далекой стороне,
В разлуке, милая, с тобою
Какой искать отрады мне?»
Он скачет вдаль; дожди и грозы,
И ветер, и молния, и все
Над ним бушуют; льются слезы...
И вдаль катится колесо.
Взойдет луна и дол осветит
И звезды в небе голубом;
Но кто его с улыбкой встретит
На поле диком и пустом?
Он в первом цвете жизни, молод;
Но, ах! узнал уже любовь,
Любовь несчастную, и холод
В его душе остался вновь.
Он едет, бедный; погляди-ко,
Как он печалию томим,
И сердце пусто, сердце дико,
Как степь, которая пред ним.
Печален он; лихая тройка
Бежит, летит. «Ямщик-пострел!
Товарищ горести! запой-ка...»
Товарищ горести запел:
«Ах вы, синие глаза!
Ах ты, русая коса!
Присушили, иссушили,
Загубили, уходили
Вы пострела-молодца!
Я ль тебя уж не любил?
Я ль тебя уж не дарил?
Бедным сердцем не крушился,
Не метался, не мутился,
Ночь без сна не проводил?..»

<1832>

МГНОВЕНИЕ

Есть для души священные мгновенья:
Тогда она чужда земных забот,
Просветлена лучом преображенья
И жизнь небесною живет.

Борьбы уж нет; стихают сердца муки,
В нем царствуют гармония и мир,
И стройно жизнь перелилась в звуки,
И зиждется из звуков новый мир.

И радужной блестит тот мир одеждой,
Им блеск небес как будто отражен;
Всё дышит в нем любовью и надеждой,
Он верою как солнцем освещен.

И зрим тогда незримый царь творенья:
На всем лежит руки его печать,
Душа светла... В минуту вдохновенья
Хотел бы я на божий суд предстать!

<1832>

К МЕСЯЦУ

Подражание Гете

Снова блеск твоих лучей
Землю осребрил;
Снова думаю прежних дней
Сердце он открыл.

Ты глядишь печально вдаль
На мои поля, —
Иль тебя, мой друг, печаль
Трогает моя?

Как отрадна для души
Память прежних дней!
Я храню ее в тиши —
Грусть и радость с ней!

Мчися, быстрая вода!
Не расцвествь мне вновь, —
Так умчались навсегда
Верность и любовь!

Я сокровищем владел —
С ним погибло всё!
Сердце, рвись! — но твой удел —
Не забыть его!

Мчися, быстрая река,
Мчися вдоль полей!
Душу мне гнетет тоска,
Песне вторь моей,

В осень бурною волной
Бьешь ли о берега
Или раннею весной
Льешься чрез луга!

Счастлив, кто среди степей
С другом сердца жил;
Кто без злобы на людей
Про людей забыл!

То, что чуждо их душам,
Что их не манит,
В смутный час ночной мечтам
Смутно говорит.

<1832>

СТАРАЯ, НЕГОДНАЯ ФАНТАЗИЯ

«Серые тучи по небу бегут,
Мрачные думы душу гнетут!»
— «Тучи промчатся, солнце блеснет;
Горе не вечно, радость придет!»

— «Ясное солнце блещет высоко,
Радость былая умчалась далеко».
— «Людям до солнца не доходить,
Радость былую не воротить».

— «Звезда горела средь небес,
Но закатилась — свет исчез».
— «В небе других миллионы сияют,
Блеском отрадным взоры пленяют».

— «Сколько ни будут пленять и светить —
Той, что погибла, не воротить!»

Март 1832

ОТШЕЛЬНИК

Покину мир — среди могил
Влачить мне долгое изгнание!
Покину мир — я в нем забыл
Свое высокое призвание!
Не блеск его, не суеты
Во мне глас неба заглушили;
Меня томят мои мечты,
Мои мечты меня убили.
Мне память в казнь! Передо мной
Витают образ вечно милый —
Любовью грешной и тоской
Душа томится, гаснут силы. . .
Но я разрушу тяжкий плен,
Я жизнь найду во тьме могилы
И вольность среди мрачных стен.

Там вновь душа молиться станет,
Вдали от бурь созреет плод —
И падший дух опять воспрянет,
И небо в грудь мою сойдет.
Я понесу святое иго,
Я тьмы стерплю мучений, зол;
Согнусь под тяжкою веригой. . .
Но небо даст мне свой глагол.

Тогда покину мрак гробовый,
Тогда явлюсь перед людей —
И грянет глас судьбы суровый,
Как гром над бездною морей.

Глагол небес прейдет пучины,
И тьмы во прах пред ним падут,
Главы преклонят властелины,
Рабы свободу обретут.

Октябрь 1832
Москва

ДВА ПУТИ

Я на распутии стоял,
С самим собой в борьбе тяжелой:
То мрачный путь, то путь веселый
На поле жизни мне мелькал.
Манила радость — в отдаленьи
Знакомый образ видел я:
К нему с тоской, к нему в томленьи
Душа просилася моя.
И уступал я... улетали
Сомненья быстрою чредой:
Туда!.. Но может, путь печали
Скрывает небо за собой!
В раздумьи стал я: блеск обманет,
Любовь коварна, жизнь летит,
Душа от радости устанет,
И рано сердце загрустит.
Забуду ж свет! К безвестной цели
Пойду через тернистый путь!
К гробам! — чтоб страсти омертвели,
Чтоб охладела к миру грудь!
И, заглушивши сердца злобу,
Благословил я мрачный вход:
Что нужды? Жизнь ведет ко гробу —
Быть может, к жизни гроб ведет.

Но что же мне в замену света?
Брожу один в могильной мгле,
Взываю к небу и земле —
Земля и небо без ответа.

Октябрь 1832
Москва

РАЗДУМЬЕ

Скроюсь от света, угасну в тиши!
Некому вверить горе души!
Звездам — в них чувства иль нет,
 иль сокрыто;
Людам — прекрасное в людях убито.

Край есть далекий; в далеком краю
Бедное сердце — его я люблю;
Ноет, тоскует оно за горами;
Горы не горе — судьба между нами.

Ноябрь 1832

ФАНТАЗИЯ

Люблю я смотреть, как почною порой
Толпятся миры в вышине голубой;
Как тихие воды в берегах отдыхают
И синее небо в раздумьи лобзают.

Но время наступит, но час прозвучит —
И воды иссякнут, и небо сгорит;
Глагол пронесется — он мертвых разбудит;
Проснутся, восстанут — а мира не будет!

Ноябрь 1832

ПЕСНИ

Фантазия под вальс Бетховена

Когда в колыбели дитя я лежал,
Веселую песню мне дух напевал;
За нею душа улетала далеко,
И песня запала мне в душу глубоко.

Отрадные звуки проснутся порой,
Веселые годы встают предо мной,
И дух напевает — где денется горе? —
Про дальнее небо, про синее море. . .

Когда я безумной любовью пылал,
Другую мне песню мой дух напевал;
То звуки блаженства, то стоны печали
Далекие — грудь молодую вздымали.

Душа к ним летела — казалось ей,
Что песня звучала из милых очей;
Но очи не блещут, любовь отлетела,
И звуки затихли, и грудь охладела.

Я в жизни утратой утрату сменял,
Унылую песню мне дух напевал;
И в сумраке ночи на песню печали
Знакомые тени ко мне прилетали.

Напрасно теперь в отдаленном краю
Веселые, старые песни пою!
Нет! жизнь обнажилась! Нет! бездна зияет —
Ужасную песню мне дух напевает.

Декабрь 1832

Я. М. НЕВЕРОВУ

Его зовут Январь,
Но смотрит он веселым Маем,
За то мы песнь ему поем
И велегласно величаем.

Его пленяете не вы,
Невы красавицы молодые, —
Он верен прелестям Москвы
И вам, студенты удалые.

.

Кто верен так друзьям, как он,
Хоть называется Неверов.

1832

СЛАБОСТЬ

В борьбе напрасной сохнет грудь,
Влачится юность без отрады;
Скажи, судьба, куда мой путь?
Какой и где мне ждать награды?

Беспечный, дикий, полный сил,
Из урпы я свой жребий вынул, —
И тяжкий путь благословил,
И весело людей покинул.

Я знал: не радость мой удел —
По ней душа не тосковала,
Высокой жаждой дух горел,
Надежды неба грудь питала. . .

Давно, давно я на пути;
Но тщетно цели ищут взгляды. —
Судьба! Что мне твои награды?
Былую веру возврати!

Март 1833
Москва

ЗАВЕТНОЕ

В моей душе живут прекрасные виденья
И звуки чудные звучат;
Но никогда творящие мгновенья
Их для людей не воплотят.
Мои друзья — они сжились со мною,
Со мною в тихий гроб сойдут;
Но никогда предателя рукою
Я их толпе не выставлю на суд.
Понять ли ей, как те мечтанья святы?
Как сердце юное живут,
И щедро платят за утраты,
И с небесами жизнь дружат?

Благодарю! Ты мне их дал, спаситель!
Мне с ними чужд других людей кумир:
Они мне жизнь, любовь; но сердце — их обитель,
Им безответною пустыней был бы мир.

2 апреля 1833

ПОДВИГ ЖИЗНИ

Когда любовь и жажда знаний
Еще горят в душе твоей,
Беги от суетных желаний,
От убивающих людей.

Себе всегда пред всеми верен,
Иди, люби и не страшись!
Пускай твой путь земной измерен —
С непогибающим дружись!

Пускай гоненье света вздымет
Звездой злосчастья над тобой
И мир тебя возненавидит, —
Отринь, попри его стопой!

Он для тебя погибнет дольный;
Но спасена душа твоя!
Ты притечешь самодовольный
К пределам страшным бытия.

Тогда свершится подвиг трудный:
Перешагнешь предел земной —
И станешь жизнью повсюдной,
И всё наполнится тобой.

Апрель 1833

НА МОГИЛЕ ЭМИЛИИ

Привет могиле одинокой!
Печальный мох ее покрыл
С тех пор, как смерти сон глубокой
От нас ее жилищу скрыл.

Окончен рано подвиг трудный,
Загадка жизни решена!
Любовь почилла беспробудно,
И радость тленью предана.

Какие тайные законы
Тебя б в сей жизни ни вели,
Но участь горькую Миньоны
Ты испытала на земли.

Ты с горем свыклась с колыбели,
Тебя не видел отчий кров,
Звездой падучей пролетели
И жизнь, и младость, и любовь.

Но над печальною могилой
Не смолкнул голос клеветы;
Она терзает призрак милый
И жжет надгробные цветы. . .

Пусть смертный ждет судьбы со страхом,
И чем бы ни был бог земной —
Повсюдной жизнью или прахом, —
Благословение с тобой!

Но если утро воскресенья
Придет на светлых облаках,
Встань с лучом преображенья
В твоих лазоревых очах.

Лети, лети в края отчизны,
Оковы тленья разорви!
Будь с ним одна в единой жизни,
В единой зиждущей любви.

1833

ДВЕ ЖИЗНИ

Я. М. Н<еверов>у

Was ist das Leben ohne
Liebesglanz?

Schiller. ¹

Печально идут дни мои,
Душа свой подвиг совершила:
Она любила — и в любви
Небесный пламень истощила.

Я два созданья в мире знал,
Мне в двух созданьях мир явился:
Одно я пламенно лобзал,
Другому пламенно молился.

Две девы чтит душа моя,
По ним тоскует грудь младая:
Одна роскошна, как земля,
Как небеса свята другая.

И мне ль любить, как я любил?
Я ль память счастья разрушу?
Мой друг! две жизни я отжил
И затворил для мира душу.

<1834>
Тихая Сосна

* * *

Вздывают ли бури глубокую душу,
Цветет ли улыбка на светлом лице —
Я вижу в тебе необъятность природы,
Я вижу незыблемый мир божества!

Ты образ вселенной, стремящейся бурно
Исчезнуть в начале и свете своем,

¹ Что стоит жизнь без сияния любви? Шиллер (нем.). — Ред.

Ты образ отрадный спокойного духа,
Нашедшего мир свой и бога в себе.

Тяжелые, страшные бури нисходят
Порою в глубокую душу твою,
Взрываются страсти, сомненья, и дико
Работу свою начинает хаос.

ЭПИГРАММЫ И ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЭПИГРАММА

«Кутейник всех обрек с Парнаса на изгнание;
Один лишь он иметь там хочет пребыванье».
— «Ты шутишь? Можно ли мне согласиться в том?»
— «Клянуся — истина: он даже муз поносит».
— «Да как священный Феб всё это переносит?»
— «Где смех, там гнева нет: он у него — шутом».

<1829>
Воронеж

ЭПИГРАММА

«Я знаю свет! —
Так говорил Тарас, любезный мой сосед, —
А в свете жить — великое уменье!
Я людям, *нужным* мне, поклоны отдавал,
Дам модных красоту я громко выхвалял,
Всегда мне нравилось их мнение;
Что им не нравилось, я то всегда бранил,
В глаза был другом всех, и всяк меня любил.
Мне подражай, когда счастливым быть желаешь!..»
— «А правда? Долг? ..» — «Ты света, брат,
не знаешь».

<1829>
Воронеж

ЭПИГРАММА

Есть русская пословица одна:
Что всякий и в *грязи* на *золото* укажет;
Но, видя Кличкина, невольно всякий скажет:
Что *грязь* и в *золоте* видна.

<1829>
Воронеж

<ПА КАЧЕНОВСКОГО>

За старину он в бой пошел,
Надел заржавленные латы.
Сквозь строй врагов он нас провел
И прямо вывел в кандидаты.

<1834>

<ПА СНЕГИРЕВА>

Он¹ — историческая мерка;
Тебе ж что скажем, дураку?
Ему — в три фунта табакерка;
Тебе — три фунта табаку...

<1834>

ЯНУАРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ И ТИМОФЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ, ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ НАСЛАЖДАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ

Поспешайте, юноши,
Наслаждаться жизнью!
Предоставьте дряхлости
Логике печальную!
Пусть она пытается
Измерять количество,
Наслаждайтесь качеством
Юных уст и щек.

¹ Каченовский.

Пусть она над мерою
Изломает голову.
Вы же переполните
Меру шумной радости.
Но к чему вся арматура —
И меня в среду. . .
Увлекла карикатура,
Эпиграмма на людей,
Незаконная фигура —
Безобразный Тимофей,
С ним и Строевым Сергеем
(В гнусном обществе таком)
Любоваться Колоссеом
Наказанье поделом!
Сам наверно знал, что в этом
Ни на крошку нет пути,
Занимался б квантитетом,
Труден, бог его прости.

1837 или 1838

ОПЯТЬ В БЕРЛИНЕ

Опять больным, опять невеждой
Я возвращаюся в Берлин;
Опять в душе моей с надеждой
Ведет войну мой старый сплин!
Я стану жить умно, учено,
Я сяду в прежнюю ладью;
Опять увижу Ашерсона,
Опять увижу попадю.
И Озерова-камергера,
И старца, прусского царя,
Барона Фриша, Рибопьера,
Вар. пономаря.
Найду друзей, быть может, новых,
У старых душу отведу,
Напьюся чаю у Фроловых
И ровно в десять спать пойду.
Поутру больно что-то шее,
Желудок плох.

Давай стакан воды скорее,
По предписанию врача.
Потом пошли опять науки.
Гулянья, завтрак и обед,
Тоска и грусть, частичка скуки,
Потом беру в театр билет.
Там Герн: он выше всех условий!
Смешит и мертвых и живых!
Я прихожу домой здоровый,
И ночью снится Клара Штих.

<1838>

* * *

Профессор будущий! преследуем судьбою,
Скажи, что предпринять намерен ты с собою?
Принял ли рвотное? Что чувствовал потом?
Что с грудью деется? Как можешь животом?
Чем занимаешься? Идет ли в ум ученье?
И долго ли еще пробудешь в заточенье?
Доволен ли судьбой? Глаголешь ли хулу?
Или блаженствуешь, простершись на полу?

Но что б тебе судьба терпеть ни повелела,
Не вправе проклинать ты своего удела:
О, как не позабыть и воли и трудов
Под тенью сладкою Армидиных садов,
Где райские плоды горят на каждой ветке.
О птица странная, в какой ты чудной клетке!
За этим, подивясь такой твоей судьбе,
Я кое-что сказать намерен о себе.
Сегодня лучше мне: уж нету боли в шее,
Живот не тяготит и голова свежее.
Штанов не надевал, в подштанниках хожу
(Одежду эту я удобней нахожу);
Пью чай по-прежнему и всё держу диету,
Потею, кашляю немного — денег нету!

А Берта? — Да, была сегодня и вчера,
Но что ж? От этого немного мне добра,

Нельзя — ты сам смекнешь, не предаваясь думе, —
Быть добродетельным в означенном костюме;
Пусть опыт мой тебе послужит как урок,
За это ты пришлешь мне талеров пяток.

Прощай! В политике я вижу пустословье —
Пиши о *чувствах* мне и о твоём здоровье.

<1838>

ПОСЛАНИЕ К Я. М. НЕВЕРОВУ

ПО СЛУЧАЮ ПЕЧАЛЬНЫХ ЗВУКОВ, КОТОРЫЕ ОН ИЗВЛЕКАЛ
ИЗ МУСЕНЕЙСКОГО СТРУМЕНТА

Полно, Неверов, прискорбные звуки
Бледной рукою из струн извлекать, —
В них воплотились душевные муки,
Что́ за охота мне грудь раздирать?
О! посмотри, как кругом всё печально —
Бледное небо и тающий снег,
Нашим друзьям угрожает квартальный,
Горе сулит штифельпуцера смех.
Гаген в насмёрке, Фазона не стало,
Наполитан головою поник,
Смутно грядущего чрез покрывало
Греческий вам угрожает язык.
Сам ты, о яростный, сам ты, могучий,
Перед сарматкой копьё опустил,
Мигом погаснул пламень твой жгучий,
В битву желанную ты не вступил.

.
.
.
.

Что предаваться сим жалостным песням, —
К Арендту в Гамбург — там мы воскреснем!

1838

* * *

Дай руку мне, любезный Тимофей!
Ты слышишь ли, как это сердце бьется?
Но, друг, в ушах моих еще сильней
Рассудка голос отдается
И всё кричит: «Скорей в Берлин!
Иль ты останешься, скотина!»
Туда зовет меня мой сплин,
Рассудок, сердце, медицина,
И овладели мной они!
В Берлин! В Берлин! Мне нету мочи!
О друг! В Берлине — шумны дни!
О друг! В Берлине — сладки ночи!
Там Берта, доктор Ашерсон,
И доктор Вольф, и женский слон...
Там Гропиуса диорама,
Ее хочу увидеть — страх!
Тиргартен там, на лошадях
В нем скачут кавалер и дама!

14 июня 1839

В А С И Л И Й Ш У Й С К И Й

Трагедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В а с и л и й, царь Российский.	О л ь г а, невеста Михаила.
М а р и я, жена его.	М а т ь е е.
Д и м и т р и й Ш у й с к и й, брат царя.	К н я з ь Б о р о т ы н с к и й
Е к а т е р и н а, жена его.	К н я з ь
М и х а и л С к о п и н - Ш у й - с к и й, племянник царя, пред- водитель войска российского.	З а с е к и н
И а к о в Д е л а г а р д и, союз- ный шведский полководец.	З а х а р и й
А н н а ***, приближенная Ма- рии.	Л я п у н о в
	Б о я р е и н а р о д.

} начальники
заговора.

Действие в Москве.

Д Е Й С Т В И Е П Е Р В О Е

Я В Л Е Н И Е 1

Театр представляет тронную Василия. Вдали слышна музыка. Царь, окруженный рындами и боярами, встречает Михаила и Деллагарди.

М и х а и л

Великий царь! Защитник правоты
Невидимый от бедствий нас избавил;
Он хищников достойно покарал
И царство верных защитил, прославил.
Твой царственный, блистающий венец
Оделся новыми лучами славы:
Разбитый враг бежит в свои вертепы,
Влача с собой проклятье и позор!

И мир, желанный мир, крылами неба
Приосенил священный твой престол,
И русские, опять друзья и братья,
Согласные к творцу несут мольбы
И с благодарностью падут пред алтарями.
Веселие, покой и тишина
Везде, — как будто все переродились!
Победа, мир — и лавры и оливы,
Великий царь, падут к твоим стопам.
Хвала творцу — пусть блещут свечи в храме,
Гремит хвалебный лик, курится фимиам.

В а с и л и й

В объятия родные, юный вождь,
Достойный сын державных отчизны!
Ты не жалел для ней ни юности, ни жизни, —
Ты кровию позор ее омыл
И раны ранами своими залечил;
Мятежников отвергнул предложенья,
Злодейством купленный презрел венец,
Отчизне мир принес и избавленье
И положил всем проискам конец.

М и х а и л

Ему, ему единому хвала!
Разрушил он иноплеменных ковы;
Священная столица наша снова
Победами и славой процвела,
Главу свою подъявля над врагами.
Сограждане, во прах пред алтарями!
Отчизны гласом всей благодаря
Творца, союзников и нашего царя.

В а с и л и й

Благодарю, союзник знаменитый,
Услуги ваши вечно не забуду,
И братский мир меж шведами и Русью
Да царствует и ныне и вовеки!

Д е л а г а р д и

Державный властелин!.. горжусь, что был
Сподвижником на поле бранной чести
Бесстрашных, доблестных твоих героев;

Я видел сам, как этот юный вождь,
С мечом в руках, с надеждою на бога,
Прошел сквозь тысячи смертей; он был
Всем воинам их гений: при воззренье,
При слове лишь его одушевлялись
И русские и шведские полки.

М и х а и л

Оставь, мой друг! . . Твои хвалы напрасны!
Нас в правом деле бог благословил:
Союзники связались меж собою
Теснейшею и неразрывной дружбой;
Не русские, не шведы были то,
Но рать одна бесстрашных, благородных,
Один народ, несущий на мечах
Правдивое, священное отмщенье,
Сынам нечестия грозы небесной страх
И хищникам крамольным истребленье!

В а с и л и й

Вожди — пример блистательных вождей,
Герои — образец героев,
Союзники — пример державным братьям!
Благодарю! . . Отчизна спасена!
Отчизна спасена! . . Пусть эти слезы,
Которых я давно не проливал,
Пусть эти радостные слезы будут
Священной данию героям.

(К боярину.)

Ознаменуем этот день счастливый
Всеобщей радостью, весельем!
Народу выставить велите вина
И брашна; царь с своим народом доблим
Спасение отчизны торжествует!

(Михаилу.)

Ко мне, мой вождь, ко мне на дружный пир;

(к прочим)

Ко мне, союзник, верные бояра!
Сегодня русский общий славный праздник —
Да здравствуют поборники спасенья!

Уходят, кроме Шуйского и Ляпунова.

ЯВЛЕНИЕ 2

Димитрий Шуйский и Ляпунов.

Димитрий

(по некотором молчании)

Что думаешь об этом, Ляпунов?

Ляпунов

Что дорого спасение отчины,
Особенно для нас!

Димитрий

Поистине,

Оно нам дорого; быть может, трон...
Быть может, о!.. ужасно и подумать!

Ляпунов

Так, прав ты, князь; народ наш беспределен
В любви и верности, как и в отмщеньи!

Кто б не заметил, как смотрел он
На юного спасителя отчины,
Как он его приветствовал — и слезы
Обильные струилися. Те слезы —
Напиток ядовитый нам: в вожде
Народ наш видит цвет его любезный,
Надеется, что принесет сей цвет
Со временем прекрасные плоды;
Он видит в нем владельца короны,
Отцом отчества его назвали,
Когда он сам отчины сын, не боле!

Димитрий

Так, Ляпунов, по чести, он опасен;
Ты согласишься сам,

(осматриваясь)

мои права:

Родство с царем, сребристые седины;
Но это лишь права одни, не средства,
И Михаил народом так любим,
Прекрасен, молод и, едва из детства,
Уже прославился, непобедим,

И старые вожди за честь считают
Быть другом с ним, его совет,
Как правило, на брани уважают.
А скромность, а прекрасная душа
Народные сердца к нему влекут:
Вошел — струятся радостные слезы,
На встречу хлеб и соль ему несут,

(с досадою)

А мне, я думаю, все рады несть — железы. . .

Л я п у н о в

Зачем себя тревожить так напрасно?
За что тебя народу ненавидеть?
То правда, имя Шуйского. . . оно
Народу неприятно: суеверье
Находит, что все Шуйские опасны,
Что не благая светит им звезда. . .
Признаться должно, не хотел бы он
Иметь. . .

Д и м и т р и й

Довольно: мне пришла благая,
Поистине благая мысль: узнает царь,
Как для него опасен полководец, —
И надолго обременят оковы
Димитрию враждебного героя. . .
А может быть,

(злбно)

а может, ненадолго! . .

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Л я п у н о в

(один)

А может, ненадолго! . . Димитрий! знаю,
Ужасна мысль твоя, ужасны средства,
Ужасен путь к блистающему трону!
Ах! несравненно счастлив тот,

Кто волей подданных на трон восходит,
Державною рукой благотворит
И подданных сердца в восторг приводит.
Ему всё царство — твердый, верный щит
И поприще прекрасное для славы!
Таковыми были русские цари
И некогда. . . такие, может, будут!
Но. . . Шуйский — я его низвергнуть должен:
Быв равным, я теперь его лишь раб. . .
Ты на меня надеешься, Димитрий! . .
Добро!.. надейся: я твой друг, доколе
Твой брат в порфире, на престоле!..

ЯВЛЕНИЕ 4

Театр представляет комнату с старинными украшениями.
Старая женщина сидит за работой.

Ольга
(вбегает)

Я видела его. . . Как он прекрасен!
Во цвете лет, отчизны избавитель,
Гроза врагов — и кроткий ангел мира
Приходит к нам, в столицу, с торжеством:
Он молнии угасил и прёрвал гром,
С усилием стремившийся к столице, —
Мы спасены его десницей.

Мать

Скажи мне, Ольга, где была так долго?

Ольга
(с восторгом)

Была я там, где радостный народ
Приветствовал спасителя России,
Принесшего с собою мир и счастье!

Мать
(качая головою)

О, дочь моя, любовь, любовь!
Ее не охладило время, даль,

Разлука пищу ей дала, печаль,
Сама печаль уважила надежде!

О л ь г а

Я более люблю его, чем прежде!
Как майский день, веселый и прекрасный,
Как ангел добр, собой меня пленил;
К нему пылала я любовью страстной,
И он с горячностью меня любил!
Он посвятил мне лучшие дни жизни,
Мне верен был, — его ли не любить?

Теперь — спаситель всей отчизны,
Посланник неба — мир благовестит! . .
О матушка! когда б могла ты видеть,
Как он провел в столицу храбрых рать,
И кроток взор его, как благодать,
И сладостен. . . Неужли ненавидеть
Должна его?

М а т ь

Храни господь! . .
Лютейший грех — к людям ненависть:
Мы братья все — и дух и плоть,
Добро и грех. . . Но знаешь, зависть! . .
Наговорят; люби, да посмирней,
Люби его, как всех людей!

О л ь г а

О матушка! Пусть люди говорят;
Невинному что злобные наветы?
Пугать людей должны порок и ад;
Но тот, кто свято сохранил обеты,
Кто полюбил пылающей душой,
Кто век пребыл своей любви верен,
Ко смертным добр, к святым нелицемерен, —
Тот, матушка, ей-ей, святой!

М а т ь

О дочь моя! На этом свете,
Господь помилуй, люди злы! . .
Наговорят — не рада будешь,
Век целый проведешь в слезах
И друга милого забудешь!

О дочь! Любить опасно, страх!
Благое небо! дай терпенье,
И силы ей ты ниспосли,
И сохрани! . . На этом свете,
Господь помилуй, люди злы!

О л ь г а

Что злость людей и суетность земная?
Что речи их, когда чиста душа,
Спокойна совесть? Похвала людская. . .
Мне не нужна; превратна и она.
Но как подумаешь, так тяжко право:
Возможно ль Михаила мне забыть?
Гоняться за мирской, непрочной славой
И вечно грусть в душе своей носить? . .
Нет, я люблю его — и невозможно
Любовь мою вовеки истребить.
Мне тягостна разлука с ним,
Он будет мною век любим.

Я В Л Е Н И Е 5

Т е ж е и М и х а и л .

М и х а и л
(бросаясь к Ольге)

Опять со мною, Ольга, ты, опять!

О л ь г а

С тобой, всегда твоя, верна до гроба!
Разлука, даль — не в силах истребить
Сладчайшего, божественного чувства!

М а т ь

Благодарю святую мать:
Сподобила меня благая
Тебя под старость увидеть.
Прими от нас ты благодарность,
Защитник наш, надежда и оплот,
Благослови тебя — господь!

М и х а и л
(целуя у нее руку)

Благодарю тебя! . . Судья незримый
Разгневанной десницей покарал
И в дольный прах низвергнул сонм злодеев;
А русский вождь лишь долг свой исполнял
И, позабыв об этой брэнной жизни,
Лил кровь врагов на жертвенник отчизны.
Хвала творцу! опасности, труды
Любовью, верностью ты, Ольга, увенчала!

О л ь г а

О, как тебя я, друг мой, ожидала!
Разлука принесла прекрасные плоды:
Ты вошел в Москву как ангел примиренья,
Тобой истреблены крамола и киченье;
Ты много видел чуждых стран красот,
И верен мне, облившись вражьей кровью
И благодарностью сограждан; ты пришел —
Приветствовал меня — любовью!

М и х а и л

О Ольга, милый друг! Ты мне верна!
В толпе врагов, в огне, в пылу сражений
Тобой душа моя была полна,
Ты мне была всегда незримый гений!
Убийственных орудий грянет гром,
От топота коней земля застонет,
Раздастся клик — и душный воздух ноет,
Лечу к врагам с блистающим мечом. . .
И твой прелестный образ предо мной
Отвагу льет пылающей струей. . .
Но иногда меня смущала мысль,
Что нет творения непостоянней
И переменчивей девицы юной —
Но нет. . . твои прелестные черты,
Душа твоя, прекрасная как ты,
Мои сомненья тотчас разгоняла,
И я питал прелестные мечты;
Не тщетно верил я надежде,
Я счастлив, я любим, как прежде!

О л ь г а

Не сомневайся, милый друг, во мне:
Моя любовь — мне жизнь; лишь в мрачном
гробе,

В обители безвестной и печальной,
Она меня оставит; но зачем
Заранее грустить о неизвестном?
Быть может, эти голубые небеса
На вечное и сладостное лоно
Соединенные любовью души
Воспримут вместе, может быть... кто знает,
Что может быть?

М и х а и л

Оставь свои мечты;
Мы счастливы взаимною любовью,
И рад всегда тебе я подтвердить,
Что буду век тебя любить!
Клянусь тебе, любовь меня оставит,
Когда мой дух оставит тленный прах,
Навек померкнет свет в очах,
В обитель вечности душа полет направит.

О л ь г а

Зачем напрасные, ужаснейшие клятвы?
Навешивать зачем без нужды цепи?
Кто любит и любим, живет любовью,
Уж тот себе в нем клятву дал
И верностью себя навеки обязал.

М и х а и л

Тебе ль неверным быть, мой лучший друг?
Поверь, что я тебя достоин.
Нет ничего ужаснее измены;
Она отравя жизни, — я спокоен:
Ты мне верна была всегда и будешь!
Ты наделил меня, всещедрый бог,
Твоими светлыми дарами!
Люблю, любим, отечеству помог —
И с благодарностью паду пред небесами!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

явление 1

Театр представляет комнату Димитрия Шуйского. Димитрий сидит задумчиво.

Екатерина
(входя)

Где мысль твоя, мой милый друг?

Димитрий

Екатерина! ты меня любила?

Екатерина

Люблю.

Димитрий

Ты знаешь, я всегда был откровенен
С тобой. Душа моя как бы хотела
Всегда в твою излиться душу, я
Все тайны сердца поверял тебе,
И ты моим не изменяла тайнам;
Ты лучший друг мой и была и будешь.

Екатерина

Всегда; но мне прости одно сомненье:
Ты дик и мрачен с некоторых пор,
Со мной безмолвен; твой смятенный взор
Мне кажется ясно смутное волненье
Расстроенной души — и дружный взгляд
Проникнуть в грудь твою никак не смеет;
Людей чуждаешься, один имеет
Лишь вход к тебе, всегда ему ты рад;
Он иногда друзей с собой приводит —
И тут начнется жаркий разговор,
Советы тайные и длинный спор,
И ночь так часто целая проходит.
Мой милый друг! во всем откройся мне,

Твои и я отчасти тайны знаю —
Обширны и блистательны оне,
Но неприятного не ожидаю.
Конечно. . . может быть и неуспех. . .
Но мы его перенести умеем:
Как быть? Судьба всё делает на смех:
Мы замыслы огромные имеем,
О них лишь думаем и день и ночь —
И вдруг как будто ветром их разносит.
Но что тебе такую грусть наносит?
О, удали печальны мысли прочь;
Не знаю ровно, что тебя тревожит?
Соперников тебе отважных нет. . .

Д и м и т р и й

(смотря на нее пристально)

А может,

И есть.

(Берет ее за руку.)

Тебе, я думаю, известен
Князь юный Скопин?

Е к а т е р и н а

(с жаром)

Кто его не знает?
Равно прекрасный сердцем и лицом,
Начальник храбрых, с верною дружиной
Смирил врага кичливого мечом,
Отчизну спас над мрачною пучиной,
И в древнюю столицу с торжеством
Теперь вошел, как светлый искупитель!

Д и м и т р и й

(с ужасом)

Екатерина! что ты говоришь?
Узнай скорей: он враг мой, истребитель
Моих прекраснейших надежд; причина
Моей печали, бедствий, мой убийца!

Е к а т е р и н а

Возможно ли? Что слышу? Михаил? . .
О нет! . . с его прекрасною душою,
Чтоб он изменником отчизне был?
Чтобы пошел неправую стезею
На светлый трон? Чтобы он скиптр принял
Презренной властолюбия рукою?
Чтобы он долг священный свой попрал?
Чтоб истребил в душе своей он совесть?
Чтоб на порочных степенях он ниспал?

Д и м и т р и й

(с злобным смехом)

Вот верности супружней повесть!
За несколько еще минут пред сим
Я был обласкан ей, я был любим;
От всей души во мне брала участие,
Причину горести хотела знать —
Из любопытства! Подлинно, что счастье
Такой супругой нежной обладать.
И вот теперь ругательства стремятся,
Я похититель, я клятвопреступник!
Я властолюбец — и неправую стезею
Иду принять священный скиптр правленья!
Поди, глази свои нравоученья!
Лети скорей к любимцу своему,
Мои все тайны расскажи ему!
К царю скорей, скажи, что муж твой хищник,
Что вырвать я хочу бразды правленья
Из рук его; — пусть крепкие оковы
Обременят меня, то будет нежный дар
Моей супруги, верной мне до гроба!
Моя глава от тела отпадет —
С своим любезным браком сочетайся,
И с ним ходи в короне и порфире,
Ему открой преступные объятья
И с ним в позорной неге утопай!
А мой заветный дар тебе — проклятье!
Ступай! — плоды злочестия вкушай!

(Хочет идти.)

Екатерина
(останавливая его)

Остановись! . . напрасно в мрачной злобе
Ты изрыгаешь на меня хулы;
Твой гнев несправедлив; скажи мне, чем
Тебе должна я верность доказать?
Скажи! теперь же я на всё готова!
Клянусь! тебе я рада угодить,
Горю желаньем доказать невинность;
Что сделать надобно?

Дмитрий
(с быстротою)

Злодея отравить! . .

ЯВЛЕНИЕ 2

Екатерина
(в бессилии опускается на кресла)

Злодея отравить! О Дмитрий!
Чего ты хочешь? Родины спаситель
Рукой своих сограждан не погибнет!

(Вскакивает.)

Пылай сильнее, безнадежный пламень!
Всесильная любовь, преобрати
Меня во всемогущий дух; должна я
Его спасти или погибнуть; вижу,
Готовятся ужасные злодеяния!
И завтра пир!.. Любовь! вот верный случай!
Решилась я!.. Но если ты посмеешь
Мой нежный пламень снова пренебречь —
Я женщина! — и в мщеньи беспредельна.
Супругу я решилась изменить;
При имени твоем я долг мой позабыла —
Меня ты должен, Михаил, любить!
Взаимная любовь — или могила!

ЯВЛЕНИЕ 3

Театр представляет дворец Василия.
Василий, Михаил, Дмитрий и Деллагарди.

Михаил

Нет, государь! пожавши эти лавры,
Не должно нам в беспечности остаться;
Отечество не спасено еще,
Но успокоено; спокойствие на время
Заставит лишь сильнее ощутить
Все бедствия, грядущие за ним;
О, повели мне, царь, с бесстрашной ратью
Идти опять на поле правой мести
И довершить спасение отчизны,
Доколе враг еще не собрал сил,
Доколе воины единодушно
На гибель хищников готовы устремиться,
Доколе чувство мести и побед
Им может указать врагов бежавших след.

Дмитрий

(в сторону)

Со мной ты должен прежде расплатиться!

Василий

Оставь это; разбитый враг не может
Нам боле принести вреда; зачем
Испытывать он станет счастье снова,
Когда оно так часто изменяло!

Деллагарди

(в сторону)

Я вижу, зависть изощряет жало!

Василий

Пусть лучше войско наше отдохнет
И с силами сберется, а союзник...

Деллагарди

Союзник рад помочь вам в деле правом
С покорностью к державному царю,
Пославшему меня сюда.

В а с и л и й

(тихо)

Димитрий!

Ты, кажется мне, прав.

Д и м и т р и й

(скрывая радость)

Пред государем

Я истину обязан говорить.

М и х а и л

Ты видишь, царь, всеобщую готовность
Предупредить рукой вооруженной
Все замыслы крамольные врагов;
Не допусти, чтоб пламя истребленья
Из пепла злобы вспыхнуло опять
И устремилось на столицу. Царь мой!
У ног твоих прошу в последний раз:
Не допусти, чтоб злоба и хищенье
Повергли снова в пропасть бедствий нас:
Нам кажет путь святое провиденье,
Путь верный к счастью страны родной;
И — горе нам! — его коль презрим дары!
Враги нахлынут хищною толпой —
И не избегнуть нам небесной кары!
Спаси, спаси свою отчизну, царь!
Мы сами бедствия ее причиной;
Давно ль еще над мрачною пучиной,
Над бездной зол и бед она стояла?
Давно ли сенью благотворной мира
Прикрыты доблеи сыны России?
И вдруг падет сия святая сень
Под гнусною разбойника рукою!
Молю тебя, о царь мой, со слезами,
Которые струятся в первый раз
По загорелым воина ланитам, —
За благо родины, любезной сердцу,
Мне повели с бесстрашными сынами
Решительным ударом кончить подвиг,
Врага смирить правдивою рукой;
О, лучше пасть под вражьими мечами,
Чем зреть позор страны своей родной.

В а с и л и й
(поднимая его)

Он создан не с предательской душой.
О мой бесстрашный вождь — обдумай лучше
Столь важное для всей России дело,
Потом на брань идти ты можешь смело!

(К Димитрию.)

Он прав, Димитрий.

Д и м и т р и й
Государь!

В а с и л и й

Оставим.

Нам будет время говорить об этом!

М и х а и л

Так ускорите ж счастья мгновенье,
Сберите завтра же совет бояр,
Чтоб времени изменникам не дать
Собратся с силами и укрепиться.

Царь подает ему руку. Михаил и Делагарди уходят.

ЯВЛЕНИЕ 4

Димитрий и Василий.

В а с и л и й
(с упрёком)

По правде, Дмитрий, я тебе не верю:
Сей юный вождь от сердца говорит.
Ты хочешь, чтоб его я погубил, —
За что?.. Он мне родной и друг...

Д и м и т р и й

Неужли

Так мыслит обо мне мой царь и брат?
Неужли я погибели хочу
Племянника и храброго вождя?

Не думай, царь! Мои все подозренья
Не без причины. . .

В а с и л и й

Ради бога, прочь!

Оставь, отбрось пустые подозренья:
Они отравя жизни; я узнал их
С тех пор, как слух мой преклонился к речи
Обманчивых и хитрых царедворцев;
С тех пор покой со мною не встречался,
Как тень моя; я часто вспоминаю
О прошлых юных, безмятежных днях,
Когда величие, заботы трона
Неведомы мне были; я принял
Правление, хотел народу блага,
Желал знать истину — не мог узнать;
Хотел быть правосудным — клевета,
Ненáвисть, злоба вкрались неприметно
И, ползая вокруг ступеней трона,
Шипеньем заглушали глас закона!
Народ в неведеньи, и мятежи
Смущают всех и разоряют царство;
Я пасть готов всечасно; но доколе
Я жив, заботиться о царстве стану
И не оставлю в бедствии отчизны!
О боже, боже! . . подкрепи Россию
И воцари в ней православный род;
Смири мятежный дух и возврати
Все доблести, врожденные народу.
Счастлив монарх, когда он в силах сделать
Счастливым свой народ. Предвижу, знаю,
Святая Русь! . . воспрянешь ты из праха
Под скипетром царей твоих великих,
И мир колена пред тобой преклонит!

(Берет за руку Димитрия.)

Не разрушай же ты моих надежд!
Пусть он всегда мне будет драгоценен;
Он злобу ниспроверг; в его лета
Врагам своим он сделался ужасен;
А юность, доблести и красота
Влекут сердца к нему. О, как он был прекрасен,

Когда принес в столицу славный мир
И, скромный, воздавал хвалы все богу,
И вновь идти желает в бранный пир,
Ко славе на опасную дорогу!
Когда бы все такие в государстве,
Я покорил бы свет весь без труда —
И каждый подданный был счастлив в этом царстве!

Д и м и т р и й

Ты правду говоришь, могучий царь!
Но если старый воин твой и брат
Осмелится сказать. . .

В а с и л и й

Что за вступленья?
Ты говорил всегда по-братски мне.

Д и м и т р и й

В желаньи этом вижу я причину
Совсем другую. Воины привыкли
К нему и рады следовать повсюду
За ним, в огонь и воду, как на пир.
А это власти, царь, твоей опасно:
Помедли отпустить его на брань. . .

В а с и л и й

Твои советы, брат, благоразумны!

(По некотором молчании.)

Но Михаил не пожелает трона,
Чтоб сделать шаг один против закона!
С презреньем он отвергнул предложенья
Послов рязанских. . .

Д и м и т р и й

Так, сказал ты правду.
Чему же приписать его великодушье
К послам? Оно мне кажется излишним. . .

В а с и л и й

Димитрий, убиваешь ты меня! . .
Пусть будет так: помедлим отправлять
Великого на поле бранной чести.

Обдумав лучше и вернее дело,
Я с радостью его туда отправлю,
Чтобы очистил он родную землю
От всех рушителей ее покоя!
Он обеспечит мне мое правленье. . .
Тогда. . . Но будущее только богу
Единому известно, а не людям.

ЯВЛЕНИЕ 5

Театр представляет сад с решеткой. Вечер.

Е к а т е р и н а
(показывается)

Он должен здесь идти; я знаю,
Жилище здесь соперницы моей! . .
Уже луна серебристыми лучами
Верхи московских башен позлащает.
Он у царя и, верно, скоро будет
Сюда. Любовь не любит замедленья!
Как часто я в трепещущих лучах
Луны златоогнистой, среброокой,
В дни юности, когда моя душа,
Полна восторгов чистых, светлых дум,
Не ссорилась еще с враждебным светом,
Обманчивым, смешным и жалким, скучным,
В разнообразии самом однообразном, —
В дни юности, на этом самом месте,
Любила я смотреть, как вестник ночи
На позлащенном небе появлялся
И рассыпались в дальнем мире звезды —
И наконец светильников ночных
Царица ясная сияла над землею!
Тогда в уме моем родились планы,
Какие планы юность созидает;
Родившись, мгновенно исчезали.
Чиста душой, как этот воздух ночи,
Напитанный цветов дыханьем ароматным,
Как к небесам безмолвная молитва,
Не знала я убийственных страстей
И дни свои в покое провождала.

Но здесь — увидела его. О, как
Он был тогда и молод и прекрасен! . .
Глаза его — чистейшая лазурь —
Ко мне оборотились; быстрый огонь
Мгновенно пробежал по жилам, кровь
Прихлынула к лицу; себя не помня
Бежала я. . . Какое вспоминанье!
Зачем же мне усугублять страданье?
Решительной должна я быть теперь —
Любовь иль смерть! . . иль смерть! Но я ль решусь
Открыть ему во гроб печальный дверь?
Я чашу поднесу. . . его ланиты
Смертельная покроет бледность; взор
Померкнет навсегда; душа его
В знакомую обитель отлетит;
Святая Русь светильника лишится
И украшенья своего земля! . .
Нет, не погибнет он моей рукой. . .
И не потухнет взор его прекрасный!
Но обращался ли когда сей взор
Ко мне с любовью? Одно презренье
За страсть мою наградой было!
Презрение! . . тебе ль его сносить?
Ты не с такой родилася душою!
Ему ль презреть любви чистейшей ласки?
Моей любви? О, нет: решусь я твердо. . .
Любовь иль смерть! Но вот и он. . . идет.
Любовь, отчаянье, подайте силы! . .

ЯВЛЕНИЕ 6

М и х а и л

(останавливается)

Кто здесь?

Е к а т е р и н а

Твой лучший, твой вернейший друг!

М и х а и л

(с удивлением)

Мой друг?

Е к а т е р и н а
Узнай меня! . .

М и х а и л
(*всматривается*)
Дмитрия супруга!
Зачем в такое время?

Е к а т е р и н а
Прочь все чувства,
Кроме любви, приличия пустые
Все в сторону! . . О юный Михаил!
Узнай теперь, какой сгораю страстью.
Оставим все людские предрассудки —
Любви закона нет! Тебя люблю я, —
Люблю не этою мгновенной страстью,
Которая, родившись, умирает;
Люблю тебя пылающей душой,
Все блага жизни презираю; ты
Одна отрада мне, одно лишь благо
И здесь и там. Но что? . . ты отверщаешь
Твой взор; в лице твоём румянец яркий! . .
Любви? . . О нет, негодованья! . . Ты
Сразил меня!
(*В бессилии упадает на камень.*)

М и х а и л
Княгиня, полно! . .
Забудь преступную любовь; супруг твой
Не должен быть обманут мной, — обманут
Позорно! . . Долг твой верной быть всегда
Супругу!

Е к а т е р и н а
Боже! . . он с презреньем внемлет
Все знаки пламенной любви моей,
С холодностью дает мне наставленья,
Велит супругу верной быть! . . и буду! . .
Мои обеты верно сохраню,
Его исполню волю. . . Горделивец!
До времени прощай! . .
(*Уходит.*)

явление 7

М и х а и л
(один)

До времени! Что значит это слово?..
Неужли умышленье зла? О боже!
Как превратился мир, тобой созданный!
Твое подобие в людях исчезло;
Они, забыв священные уставы,
Забывши цель создання, истребили
Высокие, божественные чувства;
И на земле слабейший луч добра
Злодейства тучами подавлен и закрыт!

явление 8

М и х а и л и Д е л а г а р д и.

Д е л а г а р д и

Ты здесь... Смущен!... Послушай, милый
друг мой:

Я вижу, зависть уж готовит
Несчастье тебе. Послушай друга,
Уйдем отсель: мне верны воины,
От Карла я любим, моя отчизна
Признательна к союзникам; мы в счастье
Там будем жить.

М и х а и л
(огорченный)

О нет, Иаков, нет!
И там есть люди!.. Я, по крайней мере,
Исполню долг как человек, как русский.
Пусть зависть на меня лиет свой яд;
Боязни чужд и совестью спокоен,
Я не стараюсь козней замечать:
Порочный лишь презрения достоин!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Комната Марии. Мария и Анна.

Мария

Не утешай! . . Надежды недоступны
Тому, кто скорбь изведал многократно.
Не утешай! . . Предвижу жребий мой!

Анна

А без надежд какая жизнь была бы?
Убитые малейшею тоской,
Страдали б мы и мучились напрасно;
Но всеблагой творец не так судил:
Над бездною надежды утешенье
Несчастливого еще не оставляет!
А ты его теряешь. . . отчего?
По признакам, предчувствиям и страхам!
Забудь мечты. Российского царя
Супруга ты, на тронной высоте,
И на главе твоей блестит корона.

Мария

Мой дивный сон из мыслей не идет.
Вчера, когда румяная денница
Последними лучами заиграла
На золотых главах Москвы церквей,
Задумавшись, я у окна сидела
И мрачные мечты мои питала.
На западе остановивши взор,
Я видела — лучи златой денницы
По небесам зажженным опускались
За край земли и холм огня горел,
И, уменьшаясь постепенно, скрылся,
На западе разливши яркий пурпур,
И к пурпуру прекрасному мой взор
Прикован был непостижимой силой;
В моих глазах всё меркло, исчезало,
Вечернею прохладой ветерок
Повеял вдруг и освежил мне чувства,
И сладкий сон живительной рукой

Уже начал смыкать мне тихо вежды,
А очи всё стремились на закат.
И вижу я — на западе, в сияньи,
Божественно-спокойный, величавый,
Передо мной над пропастью носился,
Манил к себе рукою дивный старец,
И светлого, покойного чела,
Как у него, я никогда не зрела!
Казалось мне, что был то Филарет
Иль Гермоген в святительской одежде,
С такою же сребристою бородой,
С величием, но что-то неземное,
Особенно в очах его, сияло.
С улыбкою небесной и святой,
Которая до сердца проникает
И лечит в нем все тяжкие болезни, —
С улыбкою он сладостно сказал:
«Приди ко мне, о дочь моя Мария,
Ты трон земной должна оставить скоро,
И твой супруг оставит русский трон.
Кипучую ты видишь ли здесь бездну?
Она для вас и для святой Руси
Готовится коварными друзьями —
И упадет; но я восстановлю,
На степени величия поставлю,
И целый мир ей изъявит покорность;
А вы тогда уж будете со мной!»
Сказал, замолк. Прозрачною грядой
Вдруг облака вокруг его собрались
И выше звезд золотых помчались. . .

А н н а

То смутных чувств игра; но если ты
В сем дивном сне страшишься предсказанья
И сущностью считаешь все мечты,
Его отдайся воле.

М а р и я

Без роптанья!
Но, милая, мой сон — есть вещий сон!
Переворот судьбы вещает он;
Ты помнишь ли день страха и смятенья,

Как моему супругу поднесли
Изменники престола отречение,
Лишение наследственной земли?
Всё тем же сном мои смущались думы:
Благой старик мне темно предвещал
И с кротостью на небо отлетал,
Но страшен был оттоле вид угрюмый!
И я в душе ношу сей вещей вид:
Он о бедах мне внятно говорит.

А н н а

Творца моли, царица, да рассеет
Твою печаль и мрачные мечты,
И ангел твой хранитель да навеет
Покой и мир с небесной высоты
Воздушными и быстрыми крылами!

М а р и я

Нет! . . бедствие нависло уж над нами
И на главы давно готово пасть,
И пагубно для нас его паденье!
Корона, скиптр и царственная власть,
И слава, жизнь — всё близко разрушенья!

Молчание.

Не думай ты, чтоб грустная Мария
Страшилася об участи своей!
Нет! . . но супруг, отечество — Россия —
И громкая минувших слава дней!
Я русская душой: мне больно видеть,
Как родина низвергнется во прах. . .
Во прах — во прах. . . толпой иноплеменной
И рабскую заплатит Польше дань!

(Становится на колена.)

О боже! . . Ты внимал, как Евдокия,
К отечеству любовью горя,
На небеса возносила пресвятые
Мольбы за чад своих и за царя!
Ты спас ее — и бедная Мария
Днесь молится, душой к тебе паря:
Ты прежний дух восставь меж нашей ратью
И нас покрой твоею благодатью!

Молю тебя — главу склоняю долу!
Спаси царя, народу вкорени
Священную привязанность к престолу,
Наследие святое сохрани,
Во прах низринь хищенье и крамолу —
И возврати протекшей славы дни!
В тебе моя надежда, испытатель:
Ты благ, правдив, России защититель!

(Вставая.)

Хоть русский радостен теперь народ,
Но не к добру; конечно, не захочет
Неправдою престола Михаил! . .
Но злые и добро ко злу направят,
Народ взволнуют. . . О, в душе моей
Предчувствие ужасного несчастья! . .
Так, так: моя защита он один,
А прочее добра не предвещает.
Ты видишь ли, как всякий божий день
По улицам, на площади толпами
Сбирается и там, и там народ? —
О чем же он толкует меж собою? . .
И слышу я порою восклицанья
О бедствиях России, о царе,
О полководце юном Михаиле
И о враге — Тушинском Самозванце.
Россияне в немом недоумении,
А ложные и хищные друзья
Между царем и подданными сеют
Зловредный и губительный раздор,
Доверие меж нами истребляют! . .
В Москве, родной Москве — гнездится ад:
Клеветники, шпионы, лицемеры,
Изменники — меж доблестным народом —
Хотят престол Руси низвергнуть в прах,
Поколебать россиян верность, веру
И счастье из наших зол создать! . .
А мы, а мы с доверьем простодушным
Им вверились. — Отец небесный мой!
Ты благ, пресвят: твое лишь правосудье,
Твоя любовь — вот все мои надежды!

ЯВЛЕНИЕ 2

Комната Ольги. Ольга, Михаил.

Ольга

О, как бежит с тобою, друг мой, время;
Я каждый миг ловлю и каждый взор твой
Я с жадностью на сердце принимаю,
Чтоб утешать себя, с тобой в разлуке.
В разлуке — как несносно это слово!
Особенно сегодня я боюсь
С тобою разлучиться; будто веки
Тебя не буду видеть; как ты хочешь —
Хоть смейся надо мной, а я скажу:
Не суеверие меня пугает —
Предчувствие печальное. . .

Михаил

Оставь,
Мой милый друг, твои пустые страхи,
Кто может нас с тобою разлучить?
Что за предчувствие? Судьбою мудрой
Нам не дан дар разгадывать вперед
Ее непроницаемые тайны!

(Берет ее за руку.)

Твой, Ольга, страх не вещей, а случайный!

(Всматривается.)

О боже! . . Ольга! . . что всё это значит?
Из глаз твоих катятся слезы! Полно!
Я близ тебя! . . Забудь пустые страхи.

Ольга

Дай бог, чтобы они напрасны были,
Дай бог, чтоб это чувство скорби
Меня счастливо обмануло! . .

Михаил

Ольга!

Меня ты мучишь. . .

Ольга
(отирая слезы)

Ну, я перестану
И как могу развеселюся. Друг мой,
Не оставляй меня!..

Михаил

И целый век
Я был бы рад с тобою оставаться!..
Но скоро должен я идти на пир,
Где длинный ряд приличий, блюд и чашей
Лишь скуку нагоняет; как бы рад
Я был нейти туда и здесь остаться;
Твой взор, твои слова — одна мне радость,
Сама ж ты — жизнь; а с жизнью кто захочет
Безвременно расстаться? Час разлуки
С тобой — всегда безвременный мне час!

Ольга

Оставь пиры, друг милый, ради бога!
Ты говоришь, что сам на них скучаешь;
Не лучше ль будем говорить с тобою
О нашей мы любви, о нашем счастье!

Михаил

Поддай мне только помощь вышний бог
Отечество очистить совершенно
От всех злодеев, и тогда с тобою
Уже ничто меня не разлучит;
Мы жизнью вместе расцветем и вместе,
Оставя тленный мир, вспарим в другой —
Веселый, вечный, стройный и прекрасный!..
Прости!.. да укрепит тебя творец благой
Своею кроткою десницей!..
Да ниспошлет тебе на душу он покой!

Ольга

Прости!.. в последний раз, быть может.

Михаил

Что за предчувствия — чему со мною быть?..
Прости!.. пустые страхи позабыть
Тебе господь поможет!..

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

О л ь г а
(одна)

О нет! недаром смутная тоска
Моёй душой сегодня овладела! . .
От горести была я далека,
И сердце радостью светлело. . .
Когда о друге мыслила моем,
Часы незримо пролетали,
Не видела и тени я печали, —
Теперь тоска моя не пред добром! . .
Но от чего ж? Что с ним случиться может?
По правде — любят искренно его! . .
Но грусть, как червь могильный, сердце гложет,
Храни, о небо, друга моего! . .
Недаром всё так мрачно, так печально!
Недаром враны хищные вились
И бедствия как будто вызывали
Над домом вещим и протяжным криком;
Недаром ласточка, щебеча и вивась,
Влетала к нам сегодня дважды в дом, —
О нет! . . всё это не перед добром! . .

ЯВЛЕНИЕ 4

Площадь.

Князь Воротынский и Ляпунов сходятся.

Л я п у н о в

Итак, совет наш, верно, уж решит
Дела как надобно. А, Шуйский! ты
Узнаешь хорошо теперь нас. Как? . .
России царь, полуночи властитель! . .
И кто же? Кто? Как для меня
Вообразать, что он мой царь, а я
Его лишь воли рабский исполнитель!
Давно бы мой убийственный кинжал
В его крови железо напитал,
Когда б лишь только я мог знать, предвидеть,
Что избранный из нашей ж среды

Нам будет царь!.. О лучше б все беды,
Мучения узнать мне, но не видеть
Его своим главой, своим царем
И равного себе пребыть рабом!..

Кн. Воротынский

Что? равного? Не он ли в смертном страхе
Уж голову свою держал на плахе
И, под рукой презренной палача
Трепещущий, готов уж был к позорной казни?
Но ложный царь, от жалости ль, боязни
Иль притупивши лезвие меча
Злодейства жертвами, простил. И ты равняешь
Его с собой — ты род свой унижаешь!..

Ляпунов

Да, помню, знаю — сердце говорит...
В душе моей сильнее пылает зависть,
И злобы огонь, как ада огонь, горит,
Как к Шуйскому враждебная ненависть!
Внушай, внушай мне средства, злая месть...
А, Шуйский!.. Ты теперь меня узнаешь!
Лишение короны — мало!.. Смерть —
Нет, мало всё!..

Кн. Воротынский

Себя ты забываешь!
Довольно нам, когда он, светлый трон
Оставивши в бессильной лютой злобе,
Спокойствия и царства отчужден,
Нося змию отчаянья в утробе,
С проклятьем на запекшихся устах,
Вспоминать начнет величье, славу
И почести, и раболепный страх
Приближенных, и царскую державу!

Ляпунов

Нет, нам опасно так его оставить...
Его наследие — иль монастырь, иль плаха...
Пойдем — совет собраться должен скоро!..

Кн. Воротынский

Но русское меня тревожит что-то!

Ляпунов

Отбрось женоподобный страх...
И пылкие бывалых дней мечтанья!
Судьба Руси у нас теперь в руках;
Пойдем, теперь не время колебаться:
Стыду ль дерзнуть со мщением сражаться?

(Уходит.)

явление 5

Екатерина, Воротынский.

Кн. Воротынский хочет следовать за Ляпуновым; <она> его встречает.

Екатерина

О ужас... потрясай мне душу! Смерть,
Отверзи хладные твои объятия!
Жилище бед, неугасимый ад...
Зияй передо мной! Греми проклятьем,
Моя душа, на весь сей ветхий мир!
О вечность! вечность! вырви дух из тела!..
Га! слышу гром, в огне горит эфир,
Земля и небо — всё рассвирепело!
Рази весь мир... о страшный ангел кары!..
Отверзлись с громом бездна предо мною —
И поглоти меня навеки!.. Что там?..
То тень его!.. О юный Михаил!
Прости!.. Отечество твое рыдает;
Благослови его с нетленных неба стран!
Ты осени его святым и вечным миром,
Прости... И нет его!.. и тьма простерлась,
И молнии вивются в мрачных тучах,
И гром гремит над грешною землей!
И рушится вселенной ветхо зданье,
И в прах падут сыны презренны праха!
Где скрыться мне от гибели, от страха?..

Кн. Воротынский

Что с вами сделалось, княгиня?

Екатерина

Прочь!

Его уж боле нет!.. Напрасно станешь
Увещевать меня... его уж нет!..

Краса земли, отечества надежда,
Подпора царства, юный Михаил
Не существует. . .

Кн. Воротынский
Боже! что я слышу? . .

Екатерина

Ступай! пади на праге божья храма!
Посыпь главу твою седую пеплом,
Стенай и рвись. . . не возвратить его.

(Убегает.)

явление 6

Кн. Воротынский

(по продолжительном молчании)

И нет тебя! . . О лучший перл великих!
Проклятия достойна та рука,
Которая б тебя сразила; проклят,
Кто мыслит худо о тебе. . . Мы все
Поистине не стоим места, где
В последний раз нога твоя ступала!
Но полно. . . мне не преродиться!

Молчание.

Какая б ни была причина смерти
Твоей: иль действие природы, или
Презренная и злая зависть, — все
В тебе лишились счастья и надежды.
Прекрасный, юный, доблий Михаил!
Ты лучшей участи достоин был.

явление 7

Кн. Воротынский и два боярина.

1-й боярин

Постой, скажи. . . тебе известно, может,
О смерти Михаила?

Кн. Воротынский

Мне известно

Лишь то, что мы всего лишились с ним.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и толпа народа.

Один из народа

Где он? .. Отдайте нам хоть прах его!
Он наш, он наш! Ничто не в силах вырвать
Из наших рук бездыханного трупа.
Он наш! .. Отдайте нам его, не то
Мы обратим все дома в кучу пепла.
Отдайте нам его! .. Он наш,
Народное святое достоянье! ..
Скорее всей столице возвестите
Ее несчастье, ее потерю!

Ударьте в колокол по мертвом. . .

Но что мы здесь стоим? Скорее в дом,
Друзья! с оружием на мщение святое!

Один стреляет в окно — оно разлетается с шумом; несколько воинов выбегают из дому и сражаются несколько минут. Вдали слышны звуки колокола по мертвом. Скоро входит царская стража, и сам царь, в сопровождении Димитрия и Делагарди, всё усмиряет.

В а с и л и й

Остановитесь! .. Вышние судьбы
И в милостях и в казнях непостижны!
Царя и подданных желанья и мольбы
Перед судьбою могут быть бессильны;
И глас людей не внятен небесам
При гласе вечного определенья!
Кто не молил творца, чтобы стратиг спасенья
Служил защитою надолго нам?
Но такова его святая воля —
Оставил нас навеки Михаил! ..
Не воззовут его опасности престола,
Врагов строптивых козни и крамола!
Он в сонме ангельских бесплотных сил
О родине моления возносит.
Так, дети, им поддерживался трон;
Он был венец вождей и наш оплот,
Его нам в милости послало провиденье
И, гневное, — назад свой дар берет.
Покорствуйте ж святому назначенью,
Примите с твердостью удар судьбы;

Кто мог переменить ее уставы?
Бессильны перед ней цари, питомцы славы;
Желания людские и мольбы
Не могут укротить ее десницы! . .
С начала мира вечный положил
Законы ей, дал власть и очертил границы;
Он видел всё, что мир днесь совершил,
Добро и зло, и ропот и моления! . .
Покорствуйте: он благ, отец земных детей;
Умерьте горесть словом откровенья
И вознеситесь над ней!
Кто довершит спасение отчизны,
Когда меня и вас печаль убьет?
Ей дорога минута нашей жизни:
Вы ей одни — надежда и оплот!
Прибегните к творцу с мольбами упования.
Удары часто шлет судьба для испытанья! . .
О дети скорбные! За мной во храм —
Перед творцом излить и горесть и моления.
Небесный и земной да будут вам
Пример, надежда, утешенье! . .
Идет. За ним следует народ в глубокой печали.

Дела гарди
(остается)

Творец! . . К чему такие испытанья?
Мой лучший друг! Ты в вечность преселился
Во цвете лет, — и твой последний час
Приблизила не лютая болезнь,
Не мощный враг на поле бранной чести,
Но женщина. . . в отчизне! и из мести! . .

явление 9

Ольга

(выходит бледная, с распущенными волосами)

Не ты ль зовешь меня, о Михаил,
В свои объятия сим унылым гласом?
Я слышала. . . мой боже! . . Нет, он жив —
Он жив? . . Зачем же этот вещий колкол
Звонит протяжно? Весь народ в печали?

Огонь во храмах и толпятся люди?
И все идут к моленью со слезами?
О, то не радостные слезы. . . нет!
Но где же он? . . . Что сделалось со мною?
Какой пылает жар во мне? . . . О колкол! . . .
Ты мне тревожишь душу воплем.

(Закрывает лицо руками, и по некотором молчании.)

Итак, его печальные остатки
Земля сырая примет, гроб унылый
Сокроет тленный прах его от нас,
И обрастет травую холм могильный!
Огнем любви блиставшие глаза
Закрыла смерть холодною рукою,
И жар ланит погас в ее дыханьи! . . .
Он мертв! . . . Он прах! . . . А я еще жива!
Он больше не прострет ко мне объятий,
Мне о любви не станет говорить!

(В беспамятстве.)

Как? . . . Отчего не станет? . . . Кто
Идет ко мне? — то юный Михаил! . . .
Не с поля брани юный витязь мой
Идет ко мне в знакомую обитель?
Иди! Перекрестись кровавою рукою
Перед иконою святой. . .
Вот мать божия и вот спаситель! . . .
Теперь с любовью прости мне руки! . . .
Но взор недвижим твой, твои объятия
Хладны как лед, ты весь в крови: то кровь
Врагов твоих. . . Но ты молчишь, и трепет
Проникнул в душу мне.

(С ужасом.)

Скажи! . . . не тень ли
Твоя пришла со мной теперь проститься? . . .

Молчание.

(Подходя вперед.)

Ты пал с мечом в руках на поле брани —
Расстался с жизнью, грозя врагам
И стиснув меч в могущественной длани! . . .

Но ты молчишь, запекшиися уста
Безмолвны; ты идешь... Прости!..
О Михаил! еще в последний раз...
Но нет тебя... и мрак везде ужасный!..

(Шатается.)

Огонь!.. Яви в огне... Мне душно, страх;
В глазах темно, и я ослабеваю.
Где, друг мой, ты?.. приди! я умираю.

(Падает в изнеможении.)

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

явление I

Ольга и Дмитрий.

Ольга

Поклон тебе от князя Михаила!
Я видела его — как он прекрасен!
Он, правда, бледен стал, и взоры
Недвижны! Что ж нужды!.. люблю я душу —
А у него душа прекрасна!
Чиста, открыта... да! открыта — тело
Ее не удручает!

(Хватается за голову.)

Боже! что я?

Дмитрий

(с трепетом)

Несчастная.

Ольга

Несчастная?.. Ты прав:
Он навещать меня стал редко; впрочем,
Как часто приходит сюда?.. Тот мир
Далек от этого; в разлуке с ним

Себя я песнью утешаю; горесть
Моя тогда облегчена слезами
И мысли чище; я спою, хотите?
Нет его!.. и тленный прах
Приняла земля сырая,
Дух витает в небесах,
Там, где мать моя родная!
И ее нет на земли?
Так зачем же одиноко
Я живу в тоске глубокой?
Дни блаженства протекли!..
Жизнь покрылась смутным мраком!
Я жила доселе им —
И живу его призраком!
Дух печалию томим:
Полно в мире оставаться,
Нечем больше в нем пленяться!
Смерть — одна отрада мне!
Буду с ним в одной стране!..
Я буду с ним! увижу Михаила!..

(Дико.)

Смотри: вон там разверзлася могила,
И призрак бледный из нее встает;
Смотри — вот он парит теперь над нами,
Приветливо круги вьет
Своими светозарными крылами!..
Приду, приду, мой друг, недолго ждать!..
Скажи же, где мою оставил мать?..
Ах, вот она... с какой улыбкой!..
Лечу, лечу!

(Бежит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Д и м и т р и й
(один)

Повсюду месть небес, везде укоры!
Покоя нет, несносны люди мне:
Их лезть, их подозрительные взоры

Убийственны; страшусь наедине,
И в душу трепет адский проникает:
Мне кажется, везде следят за мной,
И чужды мне отрада и покой.

(Хочет идти, но встречается с Екатериной.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Е к а т е р и н а

Остановись, несчастный! Сколько жертв
Принес ты смерти? Ненависть твоя
Спасителя отчизны погубила
И цвет прелестный — юную подругу:
Она рассудок потеряла свой
И в волны бросилась. Так!..
Исполнилась моих злосчастий мера.

(Показывая ему склянку с ядом.)

Там будет лучше мне иль хуже? — Богу
Известно; смерть, о смерть, прими меня
В отрадные твои объятия!..

Д и м и т р и й

Небо!..

Екатерина, адский сей напиток —
Отрава дней моих. О дай мне
Сосуд проклятый! — полно мне терзаться!
Прости, враждебный мир, прости, корона,
Причина бед моих и цель злодейств!
Навеки разлучусь я с вами!..

(Хочет взять склянку.)

Е к а т е р и н а

(разбивая ее)

Нет!..

Живи еще! в своих злодействах кайся!..
Пока придет твой час, пока земля
Не дрогнет, потеряв свое терпенье,
Под тяжкими разбойника стопами!
Пока сей животворный легкий воздух

Дыханием твоим не воспалитсь
И не пожжет тебя... Но свет темнеет...
Палящий огонь по жилам пробежал,
Теснится грудь... дыхание спирает,
Горю, горю... о, прохлади гортань!
Я жажду, — смерть... ужасна; о, скорей!..
Га!.. ты... опять пришел в сии... минуты,
Неумолимый призрак... удалися!
Или скорей мою исторгни душу!

(Упадает.)

Д и м и т р и й

Мертва!.. Злодей... Чего еще?..
Губящий ад! почто, почто ты медлишь
К себе принять достойного тебя?
Иль и тебе дела его ужасны?..

(Смеется дико.)

Я долго трон старался обрести, —
Нашел... нашел — над бездною злодейства
Я воссежу... кровавая порфира
На раменах моих, секира в длани,
Проклятье неба на главе — корона;
Бездушные тела несчастных жертв —
Мои трофеи; страх и ужас мира —
Мне слава лучшая; мой хор хвалебный —
Треск пламени в неугасимом аде;
Отверженный — союзник верный мой, —
А враг...

(Останавливается.)

Я враг благому небу?..
О честолюбие! куда меня повергло?
В какую пропасть бедствий?.. Я предатель,
Убийца, проклят небом и землей!
Пред мною пропасть, гром небесный надо мною!

(Падает на колена.)

Спаси меня, благой создатель!..

ЯВЛЕНИЕ 4

Театр переменяется и представляет совет бояр и заговорщиков со стороны серпуховской дороги в Москве. Вдали по временам видна пыль и разъезды самозванцевой конницы.

Кн. Воротынский

Сограждане! В опасности Россия,
И верные принять нам должно меры, —
Враг близко, все умы в волненьи,
И в бедствиях народ винит царя. . .
Восстания должны мы опасаться!
Но если враг с оружием придет,
А здесь — раздор, мятеж и несогласья! . . .
Тогда погибла славная держава
Под скипетром разбойника железным,
И прежнего нам горестнее будет!
Сограждане! чтоб избежать сих бедствий,
Чтоб истребить в начале самом зло,
Последнее вам средство предложу я —
Избрать царем России Владислава!

Один из бояр

Чтобы попать и веру и престол?
Чтоб мощная держава застонала
Под скипетром тяжелым чужеземца? . . .
Великая, чтобы низверглась в прах
Пред сонмищем коварных лицемеров? . . .
Воззри с небес, великий наш Донской!
На бедную, гнетомую отчизну —
И сохрани и возвеличь
Страну, тобой спасенную от рабства! . . .
Моли того, кто выше светлых звезд
В величии, во славе, на престоле,
Небесными духами окружен,
Со благостью о смертных промышляет.
Моли его. . . чтоб он Россию спас
От тяжкого иноплеменных ига!
В России есть достойные мужи —
Не будет нам царем иноплеменник!

Кн. Воротынский

Так будет тот, кто, бога позабыв,
На замыслы преступные пустился,

На нашем омраченном небосклоне, —
Оно блеснуло нам — и закатилось!..

Другой

О юный вождь, прекрасный Михаил,
Мы за тебя должны вооружиться!
Ты нас освобождал, забыв о жизни, —
Мы смерть твою не смеем отомстить!
Друзья!.. Друзья!.. Василия с престола,
Как хищника, должны низвергнуть мы.

1-й боярин

Как хищника? Вот подданный! Не клялся ль
Ты в верности законному царю?..
Не клялся ли, что будешь сохранять
Престол его, и жизнь, и честь, и славу?
Не клялся ли, что кровь свою прольешь
При случае опасности царицы?..
Не клялся ль ты, изменник, говори!..

Ляпунов

Негодование тебе внушает речь, —
Послушайся!.. Верней обдумай лучше,
Что предложу совету я:
Тушинские бояре согласились
Отречься самозванца, если мы
Низвергнем Шуйского с престола,
И с нами заодно избрать царя!..

2-й боярин

Могу ль мое я мненье произнести?
Когда царем законным недовольны,
Когда он слаб к тому, чтобы держать
Бразды правления в своей деснице,
Не лучше ль в Швеции царя избрать?
Благоразумный, храбрый вождь, союзник
Вернейший, Делагарди предлагает
Избрать могучего их властелина
Себе в цари — ему враги поляки;
Он защитит от них святую Русь,
Его владычество не так опасно

Для самобытья, счастья России,
А Владислав... под именем его
Владычествовать будет сонм вельмож
Предателей и царь достойный их.

Кн. Воротынский

Бояре!.. наши мненья разногласны!
Но видите ль?.. В пределах наших хищники
Исполним мы желание народа...
И сам всевышний нам царя назначит!
Василию не сделаем вреда,
И, сняв с него священную корону,
Ему дадим мы полную свободу.
Его рука слаба, и скиптр несчастлив:
России бедствия, смерть Михаила —
Всё убивает доблей наш народ
И против Шуйского предубеждает.
Решитесь, доблеи сограждане мои!
Пойдем и Гермогена убедим,
Чтоб он своим святительским вещаньем
Народ на дело славное подвинул —
Отечества освобожденье!..

(Ляпунову.)

Прежде

Пойдем к царю; быть может, и без шуму
Мы убедим его;

(к Засекину)

а ты поди

Проси и угрожай всем Гермогену...

Засекин

Напрасно всё; он только говорит,
Что всякий царь помазанник небес:
Кто враг ему — тот враг судьбе и богу!..

Кн. Воротынский

Другую ж мы возьмем дорогу!..

Уходят. Остаются два боярина

явление 5

1 - й боярин

Вот так преступные невинных ослепляют,
Вот так приверженный к царям своим народ
Из низкой зависти и злобы развращают,
И он, закрыв глаза, на путь злодейств идет,
Прияв изменников презренных уверенья!
Напрасно им дает благие наставленья
Высокий пастырь душ, священный Филарет:
Не внемлет больше им отверженная злоба,
Их адским подвигам пределов больше нет;
Злодействовать готов изменник и у гроба!

явление 6

Дворец царский.

Ляпунов, Воротынский.

Ляпунов

Крепись, соедини в душе
Все чувства ненависти, мщенья,
И под личиною притворства их сокрой!
Но вот он сам идет сюда. Смотри же,
Не изменяй себе.

явление 7

Василий

Мои друзья!

О чем, уединясь, беседуете вы?

Кн. Воротынский

Как сын отечества, могу ли быть спокоен,
Когда в опасности российский трон,
Когда в опасности мой царь и брат?

В. Шуйский

Благодарю тебя, любезный князь,
Твою любовь и нежное участие —

Поверь, поверь — я дорого ценю. . .
Ты тоже здесь, любезный Ляпунов,
 О благе родины беседуешь!
Могу ли я назваться несчастливым,
Коль подданные у меня такие?

Л я п у н о в

Но много ль их? . . Великий государь!
О, если б все с такою же любовью,
Преданностью и вере и престолу,
С такою ж верностью и духом были,
То были б счастливы и подданный и царь;
Но — ужас! — ныне адский, злобный дух
Боготворивные в народе сеет мысли:
Все бедствия приписаны тебе —
Твой скиптр твоих злодеев прикрывает.

(Становится на колена.)

О царь! у ног твоих молю тебя:
Оставь свою золотую багряницу, —
Она тебе поистине опасна!

В а с и л и й

Я русского в тебе не узнаю;
О, встань: ты жалок мне, поклонник рабский,
Поклонник случая и суеты!
Неужли думаешь, что царский сан,
Что золотом блестящую порфиру,
Что мощный скиптр, священную корону
Я принял, чтоб на лоне праздном неги
Покоиться? Нет, защищать народ,
Покоить подданных, карать злодеев
И награждать достойных награжденья!
Нет, не за тем, чтоб в самое то время,
• Как дерзкий наш, богоотступный враг,
Ругаясь священной кровью царской,
С мечом в руках идет к стенам Москвы
Взять скиптр золотой кровавыми руками
И возложить прославленный венец
На буйную разбойника главу;
Чтобы в опасное для царства время,

Коль плавает в крови своей Россия,
Я, положившись на моих любимцев,
В бездействии и праздности дремал, —
Но для того, чтобы поднять перуны
И мстящею десницей в дольний прах
Низвергнуть и попать врагов отчизны!
Дерзну ли я на произвол судьбы
Священное Отечество оставить?
От страха смерти с трона низойти,
Облекшись позором и презреньем?
И на боязнию развенчанной главе
Потомства суд носить и подданных упреки?
О нет! и в гибельный ужасный час,
Когда мои чертоги, полны крови,
В волнах своих затопят мой престол, —
Я буду подымать еще десницу
 За родину, за царство русское!..
Не властолюбье мною управляет —
Нет: чистая, священная любовь
К отечеству и к подданным моим;
Для них готов оставить я корону!
Для блага их, но не из страха смерти!
О нет, друзья, когда хотите вы
Приверженность свою мне доказать,
Заботьтесь о счастье отчизны,
Без сожаления о мне и вашей жизни!

(Уходит.)

явление 8

Ляпунов

Без сожаления удар несу
Тебе, кичливый царь, и первый луч
Блеснувшего на горизонте солнца
Не в царственном венце тебя осветит,
Не в златотканой пышной багрянице,
Но в рубище и бедной власянице!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет тронную комнату Шуйского. При открытии занавеса слышен стук толпящегося народа и звук оружия.

ЯВЛЕНИЕ 1

Кн. Воротынский вламывается с толпою народа в двери; с обнаженным мечом вслед за ним входят Ляпунов и Засекин.

Кн. Воротынский
(вдруг останавливается)

Ни с места дальше: трон, предел отмщенья!
Приди сюда теперь, властитель гордый,
Явися пред лицо народа; он
С покорностью не ждет твоих велений.
Нет, он готов карающей десницей
Самих небес корону снять с тебя! . .
Народа глас — есть глас благого бога!
Народа глас тебе приносит в дар проклятье! . .

Василий Шуйский
*(выходит в царской одежде, короне и порфире,
со скипетром в руках)*

Измученный народ отступает с почтением.

Бог милует, а люди проклинаяют!
И царь, святых небес помазанник,
Рукою хищников не должен быть развенчан.
Народ! чего ты хочешь от меня?

Ляпунов

Короны!

Василий

Вот она; для блага русских
Готов я снять ее — вручить народу,
Но не изменникам преступным! Да,
Я посвятил себя Руси на пользу,
И в жертву рад принести себя сей пользе!
Но прежде, нежели венец мой царский
Сниму с главы моей, скажите мне:
Что к мятежу вас понуждает?

С тех пор
 Как ты принял священное кормило
 Правления, отяготилась Русь
 Злосчастная ужасными бедами,
 Как бы забытая навеки небесами.

В. Ш у й с к и й

С терпением, с надеждою на бога
 Мы можем бедствия преодолеть
 И, съединивши наши силы,
 Попрать врагов и возвратить блаженный,
 Счастливый мир, спокойствие России!
 Не низкое и злое властолюбье
 Меня носить порфиру заставляет —
 Нет, — благо родины; но если вы
 Желаете — вот скиптр и вот корона!

(Снимает корону.)

Кн. Воротынский приближается, чтобы взять ее.

В а с и л и й

(вынимая меч)

Прочь, хищники! она принадлежит
 России; небо мне ее вручило,
 Оно и взять должно в лице народа.
 Не то — из рук моих исторгнете
 Символ священный власти царской
 Лишь вместе с жизнью, с последним только
 Биением сердца!.. Прочь, злодеи! Я ваш царь!

Л я п у н о в

(к народу)

О доблестный народ! Как можешь ты
 Сносить поднесь и дерзость и упорство
 Властителя, которого десница
 Как иго тяжкое над православной,
 Святою, древнею, богохранимой Русью
 Возлегши, мир и счастье подавила!
 Прочь власть зловредная! Друзья! мы
 свергнем
 С короной Шуйского проклятие небес!
 Народ, народ! воскресни падшим духом!

За счастье, за веру, за свободу,
За прах отцов!.. Мы твердою рукою
Богопротивную Василья свергнем власть.
Кто любит бога и свою отчизну —
За мной!.. Не то... сей вероломный
Готов уже всех подданных предать
Иноплеменникам и злomu самозванцу!

(С притворным ужасом.)

И гробы праотцев, и божьи храмы,
И белокаменной Москвы палаты,
И драгоценности — всё хищный враг,
Дрожащими от ярости руками,
Корыстолюбия палимый адской жадной
И злобою отверженных от неба,
Всё истребит — а нас предаст мечу!
Народ! за мной! за веру, за Россию!

Народ повторяет восклицания.

За веру, за Россию!..

В а с и л и й

(снимая корону)

Свершилось всё... и торжествует злоба!..
Развенчанный от подданных своих,
Я возвратил им власть, мне данную от бога!..
И небеса пусть сами судят их!
Народ! что сделал ты?.. Святое мщенье,
Быть может, бедствием обременит
Тебя надолго; знаю, провиденье
Готовит уж перуны грозной мести —
Твой небосклон оделся мраком туч.
Но я молюсь, да солнца светлый луч,
Луч благодати над Русью воссияет. —
Творец! Оставь перун отмщенья!

Или врагов святой Руси

Громами неба поразит!..

Но, хищники! дерзнете ли сравнить
Вы жалкий жребий ваш с моей судьбою?
Покойный совестью, счастлив и без престола!
Но вы — вчера во мраке пресмыкались
Передо мной; еще вы ныне лестью,
Сим свойством низких душ, старались

Закреть мои глаза и усыпить мой дух;
Зачем? .. или боялись вы
Прийти сюда в разбойническом виде?
Боялись, говорю я, потому,
Что все разбойники должны бояться
Не бога. . . нет, одной позорной казни,
И не за тем, что казнь позорна,
Но что должна пресечь им навсегда
К высокой цели их дорогу:
Вредить людям и быть противным богу!
Я не жалею о потере трона,
Но бедствие Руси меня страшит;
Без высшей власти, без закона
Она слаба; ее поработить
Давно уже крамольники стремятся;
Ее спасал лишь дивный бог!
Он был ее защитник, он помог
Вождю младому, но теперь бояться .
Она должна своих врагов.
Не отступись, о правосудный боже!
Заблудшихся твоих сынов;
Не мсти! мне счастье их дороже,
Чем багряница, трон и скиптр златой!
Я выше стал — властитель над судьбой,
Я царь и одного себе царя лишь знаю;
Коварство, почести и козни презираю!

Л я п у н о в

Терзайся ты теперь в бессильной злобе —
Освобожденье мы должны торжествовать!
Ликуй, народ, — сей день, начало счастья,
Мы в радости, весельи проведем!
Уходят все, кроме Шуйского; стража остается у дверей.

ЯВЛЕНИЕ 2

В а с и л и й
(один)

Что ж царский сан и почести мирские? . .
На что к добру стремление души?
Что ж нашей славы звуки громовые?

Развенчанный полуночи властитель,
Могучий царь короны отчужден,
Обширных стран державный повелитель
Неволею предал священный трон
Разбойникам. Великий наш спаситель!
Где ж правосудие и где законы? . .
Творец, прости минутное роптанье. . .
Порыв души, повергнутой в страданье!
Не должен ли я дать ответ народу
За бедствия его? . . Нет, небесам
И в судный грозный день, когда природу
Обымет огонь и землю к облакам
Приблизит гнев карающего бога, —
В тот страшный день ответа я не дам.
Как будто с самой нежной колыбели
За мной следит ужасный бич судьбы,
Как будто небеса меня презрели!
Всё тщетно было — теплые мольбы,
Награды, милости, благодворенья
Не умилили провиденья! . .
И взял народ назад свою свободу!
Свобода ль то? . . Они рабы страстей,
Поправшие священную державу,
Презревшие высокий сан царей
И потемнившие своей отчизны славу!
Они по-своему сей дар употребят!
Вокруг Руси пылает ад.
Как потушить его, когда раздоры
Унизили и подавили дух
Народа, в ком искать ему опоры? . .
В иноплеменниках! . . И всякий вслух
Готов меня в незнаньи обвинить
И трусости. . . Им отказать? — то злоба
Со всех сторон на царство налетит,
Рушительной рукой всё истребит —
От трона царского до тлеющего гроба!
И предпочел я временное горе —
Но мне не выполнить моих надежд!
Я подданных на треволенном море
Оставил в страшном, грозном море бед.
Молю творца — незримый дух хранитель
На счастья путь их да ведет!

А я, Руси свободный гражданин,
Развенчанный ее властитель, —
Доколь во мне горит огонь земная жизни,
Клянусь заботиться о счастье отчизны!..

ЯВЛЕНИЕ 3

В а с и л и й, М а р и я.

М а р и я

Супруг!

В а с и л и й

О ангел-утешитель!

Твой взор и в бедствии отрада.
Утешься ты... зачем теряешь слезы?
Премена жизни, звание достойны ль,
Чтобы глаза твои роняли перлы?..
Чтобы твоя небесная улыбка
Печалию минутной омрачилась?
Оставим жалким, низким властолюбцам
Оплакивать лишение престола —
Мы будем счастливы и без порфиры!

М а р и я

О нет, Василий, мы должны с тобою
Расстаться — и навеки.

В а с и л и й

(с ужасом)

Что?

М а р и я

Расстаться!..

В а с и л и й

(с яростью)

Кто, кто осмелится? Я с целым светом
Готов сражаться; пусть исторгнут дух:
Тогда возьмут из рук моих Марию.
Придите вы сюда, полки злодеев,

С секирами, мечами и стрелами;
Направьте на меня орудия убийства!
Мне ваша злоба силы придает:
Одним ударом я вас ниспровергну,
Вы плавать будете в своей крови.

М а р и я

Василий! .. Боже! .. он в безумстве!
Что сделаешь своим упорством?
Дослушай ты меня, скрепись духом.

В а с и л и й

Я слушаю.

М а р и я

Совет крамольных положил —
Я слышала — нас разлучить с тобою
И заключить навеки в монастырь! ..

В. Ш у й с к и й

Что? .. в монастырь? .. о кровопийцы!
О род отверженных, изменные любимцы!
Еще, еще ужасное насильство! ..
Им мало — сняв с меня порфиру
Разбойников рукою хищной, гнусной, --
Они хотят отнять мое всё счастье —
Любезную, дражайшую супругу!
О нет, я лягу здесь на месте
Под гнусными мечами кровопийц,
Но не пойду, но не пущу тебя! Нам бог
Поможет: он невинных защищает.

М а р и я

Молись ему. . . а я пойду — готова
Упасть к ногам. . .

В а с и л и й

(с негодованием)

Оставь, оставь, Мария!

Пред дьяволами божество
Вовеки преклониться не должно.
Поди отсель: сюда идет разбойник.

Мария уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Василий, Ляпунов.

Ляпунов

Народа волю вам я возвещаю:
Забывая о благе всей отчизны,
Тебя низвел с престола твой народ;
А ныне он определяет вам
Обоим, как людям весьма опасным
И вредным общей тишине и благу,
Как людям, коих ненависть и злоба
И чувство мщения слепого
Подвигнуть могут к злым делам, противным
Спокойствию и благу государства,
Особенно в теперешнее время,
Когда враги внутри и вне Руси,
С поднятыми мечами истребленья,
На Русь злосчастную вперяют взоры, —
Народ, я говорю, определил вам —
Немедленно принять смиренный сан
Монахов. . .

Василий

(с негодованием)

Что? кто может повелеть
Свободному России гражданину
Влачить презренные оковы рабства?
Вчера еще носившему порфиру —
Разбойникам повиноваться. . .

Ляпунов

Так

Определил народ, совет бояр. . .
Как можешь ты послушаться?

Василий

Могу:

Отнявши скиптр, вы воли не отъяли;
Доколе жизнь горит в крови моей,
Доколе Шуйский я — с покорностью
К презренным хищникам, с боязнью низкой
Не стану принимать их дерзких повелений.

Л я п у н о в

Так мы тебя заставим скоро. Стража!

Стража входит со всех сторон.

В а с и л и й

Поставь еще злодеев легионы,
Дай копья им, мечи, луки и стрелы,
Пускай разят меня или насильно
Как труп бездушный пусть влекут меня
На постриженье!

Л я п у н о в

Он безумный; воины! . .
Обстаньте двор кругом; Марии комнаты —
Стрегите их, пока призывный колокол
Развенчанным, как неба глас громовый,
С сим миром прозвучит разлуку!

Стражи расходятся.

В а с и л и й

Боже! . .

Почто я слаб? . . Ты долготерпелив!
Возьми свои священные перуны,
На землю грянь, пожги злодеев племя,
И светлый мир согласными душами
Воздаст хвалу тебе! Но небеса
Безоблачны, красивы, чисты, ясны,
Как в первый день создания; не пошлешь
Карающих перунов ты злодеям;
Ты должен будешь истребить творенье
Твое; большая часть людей погибнет.
Ты дал им срок; пусть торжествуют; скоро
Ты их пробудишь гласом труб громовым —
И поколеблется земля под их стопами,
И ад пылающий в свои объятия примет
Любимцев, сверстников своих и братьев.

(К Ляпунову.)

И ты увидишь спутников незримых
Твоей преступной, жалкой жизни —
Твоих советников всегдашних,
Ты воплощенную увидишь злобу!

Когда б ты знал, в каком прекрасном виде
Она тебе покажется, какое
Там будет общество обширное!..
Знакомы будете друг другу вы:
Там скрежет — музыка и пенье будет плач,
Кипящая смола — напиток сладкий.

Л я п у н о в
(содрогаясь)

Когда окончишь ты?..

В а с и л и й

Я... кончил!

Л я п у н о в

Готовься же к прощанию с друзьями.
Мы много времени тебе дадим
К тому, чтобы обдумать лучше
Предмет, который ты так славно описал.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

В а с и л и й
(один)

Злодей!.. Вот кому вручиться может
Правление над доблестным народом!
Зачем во мне нет столько силы?
Я бы потряс и ниспровергнул дома,
Я в прах преобразил бы эту стражу...
Внутри и вне Руси противников ее
Смирил бы и вознес ее на ступень
Могущества, величия, блаженства...
Но нет — я человек; приверженных мне мало —
По легкомыслию народ пристал к злодеям
И сделал зло, Руси добро желая.
Раскается он скоро; но, творец!
Не дай ему раскаяться бедами!..

(По некотором молчании.)

Мирское поприще окончено!

О Шуйский! в будущем ты много видел,
Мечтал о многом ты, желал, старался,
Надеялся, теперь твои надежды
Рассеялись. Кто мог воображать,
Что счастье Руси под власяницей?

ЯВЛЕНИЕ 6

В а с и л и й, М а р и я.

В а с и л и й

Напрасно ты свои теряешь слезы!
Пусть нас влекут злодеи в монастырь,
Пусть разлучат навеки нас с тобою! —
В минуты скорбные прощанья с миром
 Пребуду я как хладный камень;
В ответ не дам ни слова; хищники
Пусть заключат насильственно меня —
Без церемонии наружной, без обрядов;
Я не позволю им прикрыть злодейство
Священным благочестия покровом.
Пусть мир весь знает, что они злодеи,
Как это знает правосудный бог,
Священною десницей написавший
Их адский подвиг в книге осужденья!
 Еще к тебе одно моленье:
 Неисповедимо судьбам
 Угодно было разлучить нас, —
С покорностью к судьбе и твердостью в сердце
 Перенеси ее удары! . .
Их посылает бог для испытанья —
И наградит сторицей за страданье! . .

М а р и я

Конец мирскому житию,
Конец земным надеждам, наслажденьям!
Я в недра вечности иду.
О вечность! . . как ужасно это слово
 Не испытавшим бед!
Бездонный, бесконечный мрак,
Терновый путь к блаженству неземному! . .

Отделена гранитными стенами
От суеты мирской,
С нетленными благими небесами
Слиюсь я навек моей душой,
Позволю лишь себе одно желанье:
Святых венец стяжать за испытанье;
Переноса беды без скорбного недуга,
Достойной быть державного супруга!

В. Ш у й с к и й

Отец миров! прости еще роптанье...
Зачем так скоро ты отнял
Такое благо — ангел светлый неба
Облекся в тленный образ человека —
И от злодеев пострадал!

Удар колокола. Входят кн. Засекин, Ляпунов, Воротынский и прочие.

М а р и я

Звучит ужасный вестник расставанья —
Прости!..

В а с и л и й

(показывая на небеса, прерывающимся голосом)

До радостных минут свиданья!

Занавес опускается.

В. И. КРАСОВ

Василий Иванович Красов родился 23 ноября 1810 года в городе Кадникове, Вологодской губернии. Сын священника, соборного протоиерея, будущий поэт прошел в детстве суровую школу жизни. С малых лет он познал нужду и не расставался с ней до конца дней своих.

В 1821—1825 годах Красов учился в Вологодском духовном училище. Ему предстояло, как обычно полагалось в те времена, пойти по стопам отца. Но духовная карьера не привлекала молодого человека, любознательного и восприимчивого к истории, поэзии, живописи. Бездушная муштра и схоластика, царившие в училище, возбуждали скорее ненависть к церковной службе, чем благоговение. Но, выполняя волю отца, он вместе с тремя родными братьями исправно посещает занятия, тихо и смиренно тянет лямку.

После окончания училища пришлось всем четверем братьям податься в духовную семинарию. Красов прилежно изучал древние языки — греческий и латинский, словесные и математические науки, священную историю, церковную догматику. Но чем более углублялся он в «тайны» богословских наук, тем отчетливее испытывал отвращение к ним.

Еще в стенах семинарии впервые посетило Красова поэтическое вдохновение. Первые стихи, написанные им, обострили тягу юного бурсака к иной жизни. Захотелось в Москву, в университет, душа рвалась в другой мир, казавшийся таким заманчивым, счастливым и столь отличным от заскорузлой атмосферы, царившей в бурсе. Не закончив семинарию, Красов осенью 1829 года уехал домой, в Кадников. После долгих хлопот удалось вырвать свиде-

тельство об исключении его «из училищного ведомства в епархиальное». ¹ Этот документ окончательно освобождал Красова от бурсацкой неволи и открыл возможность новой жизни.

Осенью 1830 года он прибыл в Москву, полный решимости поступить в университет. В написанном с юношеским пылом заявлении были такие строки: «любить изящные науки и упражняться в оных — было издавна требованием и утехой души моей, и осуществить мысль: образоваться под сению сего высокого заведения в словесных науках было последним и усиленным намерением моим...» ² В сентябре Красов держал экзамены и был признан «способным к слушанию профессорских лекций». ³ От него взяли письменное обязательство, что он ни к какой масонской ложе и «ни к какому тайному обществу не принадлежал и впредь принадлежать не будет», ⁴ и зачислили своекоштным студентом словесного отделения.

В университете Красов сблизился с Белинским, Станкевичем, Ключниковым. Под их влиянием развивалось его поэтическое дарование. Начиная с 1832 года он регулярно печатает свои стихи в «Телескопе», «Молве», затем — в «Московском наблюдателе», «Отечественных записках».

Неплохое знание древних языков, которое Красов вынес из бурсы, очень пригодилось в университете. Слывя первым учеником, он постоянно помогал Станкевичу в изучении латыни и греческого. Друзья вместе штудируют книги по истории, философии, живописи, вместе читают Гете и Шиллера. Красов — едва ли не самый частый гость в квартире Станкевича. 15 декабря 1833 года последний сообщает Я. Неверову, что убеждает Красова избрать в качестве диссертации тему, связанную с историей живописи. ⁵ Красов — одно из самых часто упоминаемых имен в переписке Станкевича. Красову он поверяет свои самые интимные тайны, Красов — его судья и советчик. В мае 1834 года Станкевич пишет Неверову: «Общество, в котором я беседую еще о старых предметах, согревающих душу, ограничивается Красовым и Белинским: эти люди способны вспыхнуть, прослезиться от всякой прекрасной мысли, от всякого благородного подвига!» ⁶ В ноябре 1835 года — к Баку-

¹ «Дело о принятии в студенты В. И. Красова». — МОГИА, ф. 418, оп. 100, д. № 133, л. 4.

² Там же.

³ Там же, л. 6.

⁴ Там же, л. 11.

⁵ «Переписка Станкевича», стр. 267.

⁶ Там же, стр. 287.

нину: «Поверишь ли? Я не могу видеть ровню никого из самых близких друзей, кроме Красова, который живет со мною и делит мою жизнь; я могу быть еще с Ключниковым и Белинским». ¹ Читая эти строки, следует помнить о том романтическом культе дружбы, который царил в кружке, и тех суровых испытаниях, которым она подвергала каждого из его участников. Красов импортировал Станкевичу безукоризненной чистотой своего нравственного облика, абсолютной отрешенностью от прозаической обыденности, благородной мечтательностью своей натуры, ее высокой лирической настроенностью.

Не сохранилось портретного изображения Красова. По обрывкам воспоминаний друзей, их письмам мы можем восстановить некоторые черты его внешнего и внутреннего духовного облика. Это был мягкий, добрый, отзывчивый на чужую беду человек, беспомощный в житейских делах, неприхотливый в быту, совершенно равнодушный к условиям своего, так сказать, материального существования. Рассказывали о его «безыскусственной внешности», о его ненависти ко всякой светскости. Тихий, скромный, застенчивый, он всегда съеживался в присутствии незнакомого человека. Но зато вольно и легко дышал в кругу близких друзей. Он был поразительно наблюдателен. Ф. Боденштедт вспоминал: «В своих рассказах, выливавшихся постоянно в форме отдельных сценок и эпизодов, он умел передать чрезвычайно метко разговор людей разного типа, но вышедших из народа, начиная с простого мужика и кончая священником и мелкопоместным дворянином старого закала, причем он передавал неподражаемо верно все особенности их речи и самое выражение их лица, но положительно не мог представить мало-мальски сносно лиц высшего круга. . .» ²

В 1834 году Красов закончил университет в звании кандидата отделения словесных наук. Неустроенный в жизни и неприспособленный к ней, он должен был серьезно подумать о будущем. Заботами и тревогой проникнуто его письмо к друзьям — Константину и Александре Беер, написанное сразу по выходе из университета: «Я стою один как развалина. Странно, многие радовались окончанию, — я не мог этого сделать. „Как, — был первый вопрос моего духа, — ты кончил приготовление к деятельной жизни? Что ж ты будешь делать, и готов ли ты? Какой подвиг избéрешь в деле отчизны, испытал ли, сознал ли свои силы? и возделал ли талант,

¹ «Переписка Станкевича», стр. 578.

² Фридрих Боденштедт. Воспоминания. — «Русская старина», 1887, № 5, стр. 425.

данный провидением?“ Уныние было ответом, я был невесел, — теперь моя жизнь — длинная дорога, теряющаяся за дальними горами, река, текущая в океан вечности, мысль страшная, беспредельная! Невольно задумаешься долго, глубоко. Но я дал себе святое слово сделать все, что могу, — я посвящаю себя моей Родине, дорогой моей Родине, посвящаю человечеству. Сделаю ли то, чего бы я пламенно желал, по крайней мере сладко жить и умереть по-человечески, без упрека, без раскаяния». ¹

Тревога накануне вступления «в мир самобытной деятельности» перемешана в Красове с чувством одиночества. Ему казалось, что товарищество, столь прочное в университетские годы, внезапно распалось и он всеми оставлен. В том же письме к Беерам мы читаем печальные строки: «Курс университетский кончен, — кончена жизнь университетская. Товарищи разлетелись, общий интерес исчез». Необходимо было найти какую-то новую опору в жизни. Вера в свой поэтический талант невелика. Красов убежден, что его удел «еще сокрыт в темной будущности». А пока надо было искать себе работу.

Но в какой области? О службе в каком-нибудь департаменте не могло быть и речи. Тихий, мягкий, мечтательный, он был совершенно неприспособлен к ней. Красов, по словам Ф. Боденштедта, «содрогался при одной мысли о чиновничьей карьере». ² Тот же Ф. Боденштедт рассказывает о Красове: «Вскоре после окончания курса он получил место домашнего учителя в Малороссии, и тут, живя среди народа, столь богатого песнями, он получил новый толчок к поэтическому творчеству». ³ Обстоятельства этой поездки не вполне ясны, но она была, по-видимому, неудачной. Зимой 1835 года Красов вернулся в Москву.

Он решил искать службу «по ученой части». Найти ее в Москве молодому человеку, ничем еще не проявившемуся в этой области, было невозможно. Пришлось снова подумать о выезде в провинцию. Неожиданно открылась возможность работы в Киевском университете. Воспитанник Московского университета профессор М. А. Максимович, назначенный незадолго перед тем ректором Киевского университета, подыскивал человека на вакансию адъюнкт-профессора по кафедре словесности. М. П. Погодин, к которому он обратился за советом, 16 ноября 1835 года писал

¹ «Литературная Вологда», 1959, № 5, стр. 236.

² Фридрих Боденштедт. Воспоминания. — «Русская старина», 1887, № 5, стр. 427.

³ Там же.

ему: «Я нашел тебе адъюнкта — Красова. Ты, кажется, его знаешь. Он хорошо знает по-русски, ретив и обещает вполне следовать твоим наставлениям, трудиться усердно. Если хочешь, напиши — и он явится немедленно к тебе и будет держать магистерский экзамен». ¹

Решение вопроса, однако, сильно затягивалось. Красов перебивался частными уроками и случайными заработками, терпел острую нужду. В начале 1837 года он получил приглашение в Чернигов, на должность старшего учителя местной гимназии. Пришлось согласиться. Работа была однообразная, скучная. Но больше всего угнетало отсутствие друзей, духовной среды. Месяцы, проведенные в Чернигове, казались вечностью. Но наконец улыбнулось счастье. Его пригласили в Киев, в университет. В сентябре 1837 года Красов приступил к своим новым обязанностям адъюнкт-профессора кафедры русской словесности.

Поначалу работа спорилась. Красов много и упорно трудился над подготовкой своих лекций. Приходилось быстро осваивать новые разделы курса, так худо изученного у профессора И. И. Давыдова в университете. Пробелов в знаниях было много, а времени, чтобы их восполнить, не хватало. Помимо чтения лекций по теории красноречия и теории поэзии на Красова возложили еще руководство занятиями по «изъяснению свойств русского языка». Словом, работы было вдоволь: приходилось урывать от сна, сидеть за столом далеко за полночь.

На первых порах лекции Красова проходили с успехом. Он тщательно готовился к ним, и студенты были довольны. Но так продолжалось недолго. Красов все больше увлекался импровизацией. Говорил он ладно, с жаром и вдохновением, но вместе с тем, как свидетельствовал один из бывших его слушателей, «без обдуманного плана и предварительного приготовления». ² Иным студентам, особенно старшекурсникам, он казался слишком восторженным и поверхностным. С Красовым почти повторилась история, случившаяся незадолго перед тем с адъюнкт-профессором Гоголем в Петербургском университете. История неудачного профессорства Гоголя хорошо известна.

А тут возникла еще одна забота. Красов решил написать и защитить докторскую диссертацию на тему: «О главных направлениях поэзии в английской и немецкой литературах конца XVIII века».

¹ «Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу». СПб., 1882, стр. 9.

² В. Ш у л ь г и н. История университета св. Владимира. СПб., 1860, стр. 123.

В октябре 1838 года ученый совет факультета предварительно обсудил эту диссертацию и, признав ее удовлетворительной, постановил допустить соискателя к публичной защите.

Она состоялась 24 декабря 1838 года. Обстановка на защите была сложной. У Красова обнаружались недоброжелатели, завистники. Его ответы на ряд поставленных перед ним вопросов показались начальству и ученым мужам университета недостаточно аргументированными. Словом, диссертация была провалена. Вот как сам Красов объяснял случившееся с ним в письме к Станкевичу: «Я держал на степень доктора словесных наук, написал диссертацию, долго, черт бы ее побрал, с нею возился; но наши университетские киевские клячи не дали мне степени по диспуту, хоть признали диссертацию вполне достойною степени. Они, мерзавцы, не дали потому, что сами были все только магистры, и когда просили у министра, чтоб и им, то есть ординарным профессорам (здесь я разумею Максимовича, Новицкого — профессоров нашего факультета), позволено было без всякого экзамена — только написав диссертацию — искать докторской степени, им министр отказал наотрез. Они торжественно дали слово не сделать и нас докторами — так и сделали». ¹ В том же письме Красов сообщает Станкевичу, что вскоре после защиты он заявил ректору, что с нового года его «ноги не будет в их скверном университете». Он просил перевести его в Петербургский университет, но под предлогом отсутствия вакансии ему отказали.

Красов решил бросить «ученую службу». «... Пойду в инспекторы гимназии, — писал он Станкевичу, — чтобы под старость занять когда-нибудь место директора — хоть в Сибири, все равно, — и доживу до смерти и деятельно и не без пользы». ² Весной 1839 года он оставил университет и уехал из Киева. В течение 25 дней на попутном «обозе с табаком», в стужу и метель Красов снова возвращался в Москву. «По крайней мере был непокупной табак», — с горькой иронией писал он по этому поводу Станкевичу.

Встреча с Москвой была не особенно радостной. Многие из друзей юности разлетелись — кто куда. Станкевич с Неверовым были за границей, Белинский переехал в Петербург, Ключникова он застал в каком-то подавленно-болезненном состоянии духа, гылкий Константин Аксаков обзавелся новыми друзьями и увлекся славянофильскими идеями. От прежнего кружка мало что осталось.

Красов снова решает заняться частными уроками. Он хочет

¹ ЛБ, 8421/11.

² Там же.

года два-три «копить деньжонки», а потом укатить года на полтора в Италию. Но осуществима ли эта мечта? На грошовых уроках далеко не уедешь! Правда, у него накопилось много стихов. Он подумывал об издании их отдельной книжкой. Но, сомневаясь в истинности своего поэтического призвания, постоянно откладывал осуществление этого замысла.

Тем временем жизнь Красова в Москве никак не устраивалась. Не было ни денег, ни угла, ни постоянной работы. Он влачит почти нищенское существование. Возникает мысль уехать в Петербург, подышать воздухом столицы, усладиться Эрмитажем, а там, «поволочившись» за министром просвещения С. С. Уваровым и петербургским попечителем, исколотать себе место инспектора гимназии где-нибудь в северной, родной губернии. Он хочет познакомиться в столице с Жуковским и В. Ф. Одоевским, рассчитывает на их помощь в устройстве своих дел. Но все эти расчеты остаются благостными мечтаниями. Для отъезда в Питер нужны деньги, а их все нет. Да и Белинский не советует оставлять Москвы. В марте 1841 года он просит В. П. Боткина передать Красову: «В Питер ехать не советую — пропадет. На Одоевского надежда плохая, а на Жук<овского>! и говорить нечего. В Москве его знают, а в Питере он не найдет и уроков».¹

Белинский высоко ценил Красова. Он постоянно побуждал его к сотрудничеству в «Отечественных записках» и в то же время настоятельно просил не посылать своих стихов в «Москвитянин». «Сохрани его аллах дать хоть полстиха в гнусного „Москвитянина“», — пишет он Боткину.² Белинский хотел уберечь талантливого поэта от влияния со стороны М. П. Погодина и его окружения.

А Красов писал все реже и реже. В иной год — два-три стихотворения. Силы поэта иссякали в изнурительной, почти мученической борьбе за существование. Он перебивался грошовыми уроками, опустошавшими всю его душу, не оставлявшими ни времени, ни желания писать стихи. Между делом Красов продолжал заниматься историей. В 1848 году в девятой книжке «Москвитянина» Красов напечатал полемическую статью, направленную против одной из работ историка С. Соловьева о Смутном времени.

В 1850-х годах он преподавал русский язык в кадетском корпусе. Сохранились воспоминания одного из бывших воспитанников этого корпуса — рассказ о том, с каким энтузиазмом относи-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 28.

² Письмо от 25 октября 1840 г. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 565.

лашь детвора к свосму учителю, с каким живым интересом ловила она каждое его собственное поэтическое слово.¹

Летом 1854 года умерла жена Красова, а шесть недель спустя, 17 сентября скончался в больнице и он сам от чахотки, которой страдал последние годы. «Он жил своими трудами и не оставил детям ничего, кроме доброго имени и благословения», — писал один из друзей поэта в некрологической статье, опубликованной в «Москвитянине».² По просьбе того же автора анонимной статьи редакция опубликовала и «последнее стихотворение» Красова «Стоят паликары кругом...» — стихотворение о подвиге поэта, вдохновенным словом своим поднимающего воинов на великие патриотические дела.

¹ Из воспоминаний о поэте В. И. Красове. — «Русское обозрение», 1897, № 5, стр. 423.

² «Москвитянин», 1854, № 18, Смесь, стр. 118.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Н. В. С<танкевичу>

Есть поле победы, широкое поле!
Там ветер пустынный гуляет по воле!
На поле курганы — гробницы костей:
То грозное дело булатных мечей!
Давно там замолкли и крик и удары,
И высохли белые кости бойцов.
Здесь русскою силой разбиты татары,
И здесь их обитель — ряд темных холмов!
Здесь гений России, с улыбкой презренья,
С высоких гробов на вселенну взирал.
Он круг необъятный жезлом начертал:
То грани России, то наши владенья!

Так это здесь — побоище Мамаю,
Позорище решительной борьбы,
Игра кровавая таинственной судьбы,
Спасение отеческого края!
О поле славное, покой тебе, покой!
Немало на тебе гостей отпировало,
Немало ты, широкое, стонало:
О поле славное, покой тебе, покой!
Вот с той страны, как туча, набежала
Неумолимая, жестокая Орда;
Здесь русских рать отмщением пылала
И вековых оков и русского стыда!
Там смуглые бойцы — станицы кочевые —
Их взоры дикие, а чела как туман;

Здесь цвет славян, краса полных стран,
И кудри русые, и очи голубые!

Туманна ночь последняя была:
Два стана спят, безмолвные, в покое.
Заутра шум — и там в кровавом бое
Судьба свершит великие дела!
Вот все бойцы беспечно засыпают!
Но ночь страшна: то слышен крик орлов,
То, в тысячу ужасных голосов,
Стада волков протяжно завывают.

И он вскипел, вскипел упорный бой;
Сразились тиранство и свобода;
И ты, любовь российского народа,
Носился здесь, воинственный Донской!
Ты здесь летал, виновник ополченья,
Для милой родины, при зареве сраженья!
Для родины! Прекрасен твой удел,
Благословен твой подвиг незабвенный
Для родины несчастной, угнетенной!
Хвала тебе! Прекрасен твой удел!

И вот бегут разбитые татары,
Перуны сыплются от русского плеча.
Вновь крики русские, как звонкие удары
Заветного славянского меча!
Теперь молчит, молчит победы поле...
И я здесь был, и я благоговел!..

.
.

<1832>

К УРАЛУ

Урал, Урал,
Тебя Ермак
Переплывал!
Твой белый вал
Не заплескал
Его ладьи!

Шумят струи,
Валы бегут,
Но берегут
Его челнок. . .
Поток глубок;
Ладья летит,
Пловец молчит. . .
Знать, ты узнал,
Седой Урал,
Кто твой ездок. . .
Твой белый вал
Не заплескал
Его челнок!
Почто ж вскипел,
Родной Урал?
Зачем взревел
Твой белый вал?
Ты взволновал
Со дна песок,
Ты распознал
Чужой челнок. . .
В твоих волнах
Заклятый враг,
Коварный лях. . .
То Мнишек. . . Ну!
Топи, волна,
Ладью ко дну!
Плывет она,
Змея жена. . .
Урал, Урал,
Играй, Урал!
В твоих волнах
Заклятый враг! . .

<1833>

БУЛАТ

России мститель роковой,
Булат заветный — радость деда, —
Ты весь избит о кости шведа
Тяжелой русскою рукой!

Ты погулял в полях Полтавы
Для русской чести, русской славы!
Прошла кровавая пора. . .
Ты бушевал без укоризны,
Ты выручал и честь Отчизны,
И честь великого Петра!
Хвала тебе, — как старый воин,
Ты много службы прослужил,
Как сын родной, не изменил
И деда храброго достоин!
Почто ж замолк и в жалком сне
Оделся ржавчины корою,
И в сокрушительной войне
Не бился с западной грозою?
Тебя никто не разбудил,
Никто на брань не наострил! . .
Ты спал, обросший повиликой,
Ты не блеснул, когда Великий
Великой родине грозил;
Ты не встречал Наполеона,
Тебя рука не подняла
На корсиканского орла,
За жизнь родных, за славу трона!
Не подняла. . . ты не найден,
И без тебя вскипели бои,
Где бились вы, мои герои,
Где вас узнал Наполеон!
Напрасно он свой мощный гений
В глубоких думах напрягал. . .
И он разбит, и он бежал —
Звезда войны, судьба сражений!
И — житель дикия скалы —
Он помнил русские удары,
Побег, позор, Москву, пожары
И вас, двуглавые орлы!

Но я нашел, решитель боя,
Я отыскал тебя, булат, —
И как я весел, как я рад
Тебе — товарищу героя!
Как часто в полночь, при луне,
Тебя рассматриваю жадно! . .

Ты милый гость мой, ненаглядный,
Живой рассказ о старине! . .
О! сколько дум, воспоминаний,
Какие жаркие мечты!
И сколько в грудь младую ты
Вдохнул возвышенных желаний!
Греми, труба, уж я точу
Булат, подъятый из забвенья!
Дай руку, К<оля>, я лечу
С тобой на зарево сраженья!

Душа великая Великого Петра,
Благослови булат за честь родного края!
Он твой, святая Русь! Он твой, земля родная!
Сподвижник вековой и чести и добра!

<1833>

ЧАША

Старинная чаша, отцовская чаша,
Широкое дно, расписные края!
Давно ль ты живешь, дорогая моя —
Старинная чаша, отцовская чаша?
О дедов радушных наследственный дар,
Я пью из тебя, старину вспоминая;
Быть может, ты помнишь злодея Мамаю
И тяжкое иго жестоких татар. . .
Ты сохла, ты сохла — и мед искрометный
Во время неволи в тебе не кипел,
И прадед печальный — в цепи долголетней —
Тебя не касался и песен не пел. . .
Но ты загремела во время Донского,
И пены бугры через край полились,
Как предки, отмщеньем пылая, клялись,
Клялись воевать за защиту родного!
И в ранах свободы воинственный дед
Сидел за тобой с дорогими гостями,
А ты украшала их русский обед
Веселым вином, расписными краями,
И слышала, верно, от предка не раз

О подвигах славных горячий рассказ!
Зачем же ты вновь затряслась, пролилась?
Что ж высохло снова широкое дно?
Зачем позабыла свой мед и вино?
Ах! в сердце России Литва ворвалась!
Ты помнишь убийство в Кремлевских стенах,
Где кровью, святыней ругался нам лях!..
Недолго! трубою ты вновь загремела,
И предок наполнил тебя до краев!
Вот Минин, Пожарский пошли на врагов,
И в русских священная месть закипела!
Ну! пейте ж из чаши заветной, друзья,
И пойте победы, нынь очередь наша!
Раздайся, раздайся, отцовская чаша,
Широкое дно, расписные края!

<1833>

ЛИРА БАЙРОНА

Что ж ты замолк в пустынях мира,
Творящий дух, великий человек?..
Увы! о Геллеспонтский брег
Разбилась Байронова лира!
И струны полные пожрались темной бездной,
И дивными играет океан;
Последний звук ее взгремел в пучине звездной,
Как в храме мудрого торжественный тимпан!
Увы, земля! Оплачь свое светило!
Кто ж дерзостный, властительный певец
Восхитит Байрона и звуки и венец
И прогремит его разбитой лирой?
Как может он бессильными руками
Исчерпать бездну темных вод
И овладеть заветными струнами
На дне твоём, священный Геллеспонт?
Кто дерзкий юноша с безумною мечтою
Дерзнет лазурные пучины облетать
И звуки Байрона с волшебною игрою
В младую грудь отважно заковать?
Никто!.. Но есть еще мгновенья...

Когда вскипит свободный океан,
Тогда, тогда в минуты треволенья,
Как по морю бушует ураган,
Чудесные из бездны выплывают
И, натянувшись на скачущих волнах,
При грохоте валов, при буре и громах
Опять по-прежнему играют...
Или когда от дальнего востока
Господен гнев — взойдет гроза;
И волны бурные гремящего потока
Зальют святые небеса,
Когда орел неистово играет,
Когда земля, как грешница, дрожит,
Когда небесный гром гремит
И с облака на облак пробегает, —
В сей грозный час наш дух трепещет и кипит...
О други, там не гром, а Байрон говорит!

Март 1833

ЭЛЕГИЯ

Не говорите ей: ты любишь безрассудно,
Твоя печаль — безумная печаль!
Не говорите так! — разуверяться трудно,
И вы ее уверите едва ль.

Нет! вы не видели немых ее страданий,
Ночей без сна, рыданий в тьме ночной,
Не испытали вы любви без упований,
Не знаете вы страсти роковой!
О, как она любила и страдала!
Какое сердце в дар несла!

Какая юношу награда ожидала!
Увы! его душа ее не поняла.
Я видел: бедная, бледна и молчалива,
Она приход любимца стерегла;
Вот вспыхнула, подходит боязливо —
И тайна снова в сердце умерла!

Не говорите ж ей: ты любишь безрассудно,
Твоя печаль — безумная печаль!
Не говорите так! — разуверяться трудно,
И вы ее уверите едва ль!

1834

ЭЛЕГИЯ

Я скучен для людей, мне скучно между ними,
Но — видит бог — я сердцем не злодей:
Я так хотел любить людей,
Хотел назвать их братьями моими,
Хотел я жить для них как для друзей!
Я постирал к ним жаркие объятия,
Младое сердце в дар им нес —
И не признали эти братья,
Не разделили братских слез! . . .
А я их так любил! К чему воспоминанья?
То были юноши безумные желанья;
Я был дитя. Теперь же вновь люблю
Обитель тихую, безмолвную мою.
Там зреют в тишине властительные думы,
Кипят желанья, волнуются мечты, —
И мир души моей, то светлый, то угрюмый,
Не возмущается дыханьем клеветы.
Но ты со мной, благое PROVIDENЬE!
Не ты ли, мой творец, не ты ли, вечный бог,
Не ты ль послал в мое уединенье
И чистый, пламенный восторг,
И тихое, святое размышленье?
Когда же по душе пройдет страстей гроза,
Настанет тягостная битва,
Есть на устах тебе горящая молитва,
А на глазах дрожащая слеза.
Тогда бегу людей; боюсь их приближенья
И силюсь затаить и слезы и волненья,
Чтоб взор лукавой клеветы
Не оскорбил моей мечты,
И грустно расстаюсь я с думами моими;
Я скучен для людей — мне скучно между ними!

1834

Зачем зовешь ее: «Бесстрастная,
 Она как мрамор холодна!»
 Узнай: душа ее прекрасная
 Для сильной страсти рождена,
 Для слез любви, для упоения,
 Для нежной, пламенной мечты. . .
 И — благодатное видение —
 Она явилась на мучение
 В юдоли хладной суеты!
 Враждебным роком увлеченная
 (Цветок, взлелеянный в тиши!),
 Она любила, упоенная,
 Всей бурной силою души:
 В молодой груди, кипящей страстию,
 Сказалась тайна бытия;
 Душа доверилась счастью,
 Душа прекрасная ся!
 О, как она любила пламенно,
 Боготворя свой идеал! . .

.

И все надежды пылкой младости
 Несла ему, всю жизнь свою,
 За миг единый полной радости,
 За звук чарующий: люблю!
 И все свои молитвы чистые,
 Обеты сердца своего —
 За кудри темные, волнистые,
 За речи сладкие его!

Как рассказать ее страдания,
 Тоску любви, померкший взор,
 Когда погибли упования,
 Свершился страшный приговор?
 Но вот, среди толпы ликующей,
 Где всё и блещет и кипит,
 Она явилася горюющей .
 И хладным мрамором стоит!
 Мой друг, прочти ее страдания,
 Вглядись в печальные черты:

В них нет земного ожидания,
В них нет чарующей мечты!
На них следы тоски глубокие,
Ночей мучительных печать,
На них желания далекие,
Загробной жизни благодать!

<1835>

ПЕСНЯ

Взгляни, мой друг, — по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака, —
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаяся слегка.

Мой милый друг, твои молодые годы
Прекрасный цвет души твоей спасут;
Оставь же мне и гром и непогоды...
Они твое блаженство унесут!
Прости, забудь, не требуй объяснений...
Моей судьбы тебе не разделить...
Ты создана для тихих наслаждений,
Для сладких слез, для счастья любить!

Взгляни, взгляни — по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака, —
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаяся слегка!

<1835>

ЗВУКИ

Они уносят дух — властительные звуки!
В них упоение мучительных страстей,
В них голос плачущей разлуки,
В них радость юности моей!
Взволнованное сердце замирает,
Но я тоски не властен утолить:
Душа безумная томится и желает
И петь, и плакать, и любить!

<1835>

ГРУСТЬ

Какая-то разгневанная сила
От юности меня страданью обрекла:
Огнем страстей мне сердце воспалила,
 А сердцу счастья не дала!
 Как утолить неспящие волненья?
Какая смертная возможет разделить
 Моей души весь пламень упоенья
 И равную любовь любить?
<1835>

ОНА...

Как радостен отцу возврат молодого сына,
 Цветущего и нежного душой;
Как сладостен оаз для сердца бедуина;
С зеленой пальмою, с прохладною струей, —
Так ты мне жизнь и рай, оаз прелестный мой!
 Ко мне, ко мне, ты — с чудными очами,
 С благоуханными устами,
 С темнокудрявой головой!
О! где мой гимн творцу за все его награды?
Нет, никогда отца не радовал так сын,
 Нет, никогда под деревом пролады
Так сладко не дышал пустынный бедуин!
 О, никогда! . .
<1835>

К ***

Она бежит играющих подруг;
Она грустна; ей скучен их досуг,
Их игры резвые, их смех и разговоры
Про юношей, про танцы, про наряд,
Ее глубокие, задумчивые взоры
 О тайной страсти говорят. . .
Кто ж юноша? Где он теперь? Давно ли? . .
Но нет, таи, прекрасная, таи,
 Тоску сердечных неволи,
 Мечты любимые твои!

Таи! Холодный свет святого не оценит,
Толпа мертва для чувства и страстей,
Завистливо душе твоей изменит
Коварная подруга юных дней.

Но здесь один знаком с опасными страстями,
И тайна дум твоих от взора не ушла:
Я знаю, отчего под черными кудрями
На мраморном челе забота налегла;
Я знаю, отчего ланиты погасают,
Какою тайною закованы уста,
Что взоры грустные кого-то ожидают
И отчего тиха, безмолвна красота.
Ты помнишь песнь любви с заветною мольбою,
При шумном говоре собравшихся гостей?..
Как вся страдала ты! Твой взор блеснул слезою...
Я видел всю игру взволнованных страстей...
1835

* * *

О! есть пронзительные стоны!
То крик страдающей души,
То вопль ужасной Дездемоны
В глухой полуночной тиши... .

О! стоны те — глубоки, бесконечны!
Им внемлют небо и земля;
Они на суд зовут тебя, о вечный,
Податель грозный бытия!

1835

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

Может быть, в кругу прелестных
Полек ветреных, младых,
Чаровниц мне неизвестных
Позабудусь я на миг.

Говорят — они опасны,
Как небесная гроза,
Их движенья сладострастны,
Страшны черные глаза.

О, когда б они умчали,
Как живой поток весны,
Все сомненья и печали,
Все несбывшиеся сны!

Знаю, жизнь не обновится,
От недуга не спастись!
Дайте ж миг мне позабыться,
В шумных танцах унести!

Столько лет в борьбе мятежной!
Я, как схимник, одичал;
Не внимал речам я нежным,
Белых рук не целовал!

15 октября 1837

ВОЗВРАТ

Мчусь домой. — Ах! в зимни выюги
Сколько раз я мчался к *ней!* . . .
Вот у *ней*, в домашнем круге. . .
И я с бледныя подруги
Не свожу моих очей. . .

Вот стоит в дали пустынной
С белой розою в кудрях. . .
Я целую локон длинный. . .
Как она любила сильно!
Сколько жизни в прошлых днях!

Сны мои! . . Там, помню, ивы
Зеленелись над водой. . .
В первый раз она ревнива. . .

Вдруг чуть слышно, боязливо
Обвила меня рукой.

О, довольно! . . нет, тоскою
Сердце сжалось, боже, вновь,
Смутный взор дрожит слезою,
Над усталой головою
Веет давняя любовь.

Да, не даром ты любила;
Всё взяла ты у меня!
О, ты дорого любила;
Ты навек мне погубила
Цвет и прелесть бытия! . .

И зачем уж в сновиденьи,
Призрак милый, пролетишь,
Обольстишь воображенье,
Лишь на миг уединенье,
Светлый ангел, озаришь? . .

И не так ли засияет
Над гробницею луна?
Мрамор, вспыхнув, оживает, —
Но блеснет — и исчезает
В темном облаке она. . .
 Всё прошло! . .

15 октября 1837

ПЕСНЯ

Не гляди поэту в очи,
Не внимай его речам,
Убегай, как призрак ночи,
Недоступная мольбам;

Не буди его желаний,
Жизнью, другом не зови;
Ты страшись его признаний
И не верь его любви. . .
Не желай с ним тайной встречи,
Разговор его — беда. . .
Обольстительные речи
Очаруют навсегда.
Распусти же покрывало
Над пылающим лицом,
Крупным жемчугом, кораллом
Слух завесь перед певцом!
Но душа твоя желает —
И любимец твой вошел. . .
Над челом его играет
Вдохновенья ореол.
Ты с улыбкою встречаешь,
Унеслась твоя печаль,
Ты речам его внимаешь,
Опершися на рояль.
Вся желанье, вся томленье, —
Ловишь звук его речей. . .
Что не скроешь ты волненья,
Не сведешь с него очей?
Берегись, перед тобою
Обольстительный певец.
Он к ногам твоим с мольбою
Бросит гордый свой венец;
Берегись, его объятья
Стан покорный обовьют.
Ты погибнешь. . . но проклятья
Светлых дней не приведут! . .
Не приколешь, дева, розы
Над кудрявой головой, —
Побегут, как жемчуг, слезы
По ланите молодой. . .
Он тебе дороже мира,
Но любимец твой исчез —
И уж нового кумира
Жадно просит у небес!

<1838>

ДУМА

Она была его единым вдохновеньем,
Младой любви страдальческим венцом,
Она одна, с слезами и томленьем
Боготворимая задумчивым певцом. . .
Для ней он был готов лететь на поле битвы,
Когда нахлынули от запада враги,
В восторге петь прощальные молитвы
И весть на брань отмстителей полки.
Для ней бы он надел одежды пилигрима
И обувь странника и — рыцарь молодой —
Пошел бы в дальний край, к полям Ерусалима,
Чтоб только выполнить обет ее святой. . .
И как бы пламенно певец об ней молился!
Об ней бы думая, под пальмой отдыхал,
И снова бы на полночь возвратился,
Благословение возлюбленной сказал.
Принес бы ей фиал со влагой Иордана,
Над коим некогда гремел Иеговы глас, —
И странника чарующий рассказ
Для ней бы слаще был и гуслей и тимпана.
А он замолк — любимый наш певец,
Расстался с звонкою цевницей,
Повесил он лавровый свой венец
Над хладною, печальною гробницей.
Не спрашивай, зачем он не поет:
Увы! мой друг, она его любила. . .
Он кончил песнь; она его зовет. . .
А проводник туда — могила.

<1838>

ПЕСНЯ

Прочь, прочь, ни слова!
Не буди, что было:
Не тебя — другого
В жизни я любила. . .

Мой ангел милый —
Он не дышит боле;

Он лежит в могиле
На кровавом поле.

Увяла младость!
Такова ль была я?
Ах, на что мне радость!
И зачем жива я! . .

Лишь им дышала,
Лишь ему клялася;
С ним я всё узнала. . .
И как жизнь неслася!

В тени черешен,
В тишине глубокой,
Кто так был утешен
На груди высокой? . .

Наш край спасая,
Но тая разлуку,
Он стоял, рыдая, —
Молча сжал мне руку.

Прочь, прочь, ни слова!
Не буди, что было:
Не тебя — другого
В жизни я любила!

<1838>

СТАНСЫ К ДЕЗДЕМОНЕ

Зачем так поздно ты явилась,
Или зачем явилась ты,
Когда уж жизнь разоблачилась,
Погибли лучшие мечты?

Явись тогда, явись мне прежде,
Тебе отдал бы я одной

Все сны, все гордые надежды,
С кипящей жизнью молодой!

Увы! И что же от волнений
Осталось пламенных тогда?
Лишь хлад душевный, яд сомнений
И мир безвестного труда. . .

И ни единыя надежды,
И ни единыя мечты! . .
Убиты все! . . Зачем не прежде,
Что раньше не явилась ты?

Быть может, ты бы оправдала
Святую тайну бытия;
Я верю, меньше бы страдала
Душа пустынная моя.

О Дездемона, Дездемона!
Скажи, верна ль твоя любовь?
Ты хочешь слез моих и стога? . .
Возьми, но дай мне счастье вновь!

Умчи меня, как вихорь танца!
С тобой чудесна жизни даль! . .
Во мне, как в сердце *африканца*,
Не вспыхнет дикая печаль.

. . . .
.
.
.

Так блещут сумрачные воды,
Хотя их бездна всё мрачна,
Когда в них после непогоды
Глядится чистая луна. . .

6 января 1838

ЭЛЕГИЯ

Посвящ<ается> Себастиану
Пав<ловичу> Романовскому

При сильных страданиях, при едкой печали,
Когда же вы слезы мои замечали?
Когда же я плакал, стонал иль роптал?
Быть может — то правда, — над свежей могилой,
Привлекшей меня роковой своей силой,
 За жертву я жизнь вопрошал;
Быть может, как мать над сыном стонала
И с воплем во гробе его целовала,
Отец же с печалью немою глядел, —
Я плакал, я слез удержать не умел;
Быть может, из сердца раз вырвались стоны
При тихом стенанье *другой* Дездемоны. . .
Но всё о себе же я слез не пролью,
Но я нераздельно несусь мое горе, —
Пусть воет, пусть вырвет житейское море
Мой парус последний — и топит ладью! . .
Когда-то в другие, безумные годы,
 В порывах стремительных сил —
Я смело сзывал на главу непогоды,
 Мятежные бури любил!

10 августа 1838

ЭЛЕГИЯ

Когда порой, свободный от трудов,
Свободно я дышу под небом полуночи,
Когда Альдебаран горит мне прямо в очи,
А с севера идут громады облаков, —
 Чело восторг обнимет, как и прежде,
Воображение, мой демон, загорит,
И что-то схожее на давнюю надежду,
На стон, на вздох любви во мраке прозвучит.
Тогда я чувствую, как быстро набегают
Слеза тяжелая, невольная слеза;
Уста без слов дрожат; душа живея страдает,
И долго, долго в даль глядят мои глаза. . .
Есть имена — увы, магические звуки!

Каким волнением им вторит грудь моя!
Есть образы в душе — и с ними нет разлуки, —
Светила бледные в тумане бытия,
Святые, милые! . .

1838

САРА

*Посвящается Николаю
Гер. Черемисинову*

За рекою за Десной
Есть шинкарочка одна;
У шинкарки молодой
Много меду и вина.
И к ней с ранния зари
Наезжают молодцы,
И гуляют до зари
Из Чернигова купцы.
К ней обозы пристают,
Наливаются ковши,
И танцуют и поют
У шинкарочки-души. . .

Али мед у ней иной,
Али водка веселей,
Что у Сары молодой
Полон двор шумит гостей?
Нет, к шинкарке молодой
Ручки белые манят,
Под пунцовою чалмой
Очи черные горят;
Слышно, горек сладкий мед,
Если нет ее речей.
Так затем-то весь народ
Приворачивает к ней!

Что ж по сердцу нет у ней
Молодца из молодцов, —
Ни из бойких писарей,
Ни из вежливых купцов?

Кто б подумал? . . К ней один,
К чаровнице молодой,
Вздумал ездить господин
Заполночную порой;
Для него-то одного
Сара сердце сберегла,
Для него лишь одного
Спала жаркая чалма . . .
Он прискачет на коне,
На коне на вороном;
Их свиданья при луне,
Под лазоревым шатром . . .

И я помню, за Десной,
Где я долго кочевал,
Близ дороги, под горой,
Сару бедную встречал . . .
Как украинская ночь
Вдохновения полна!
Как твоя, Израиль, дочь
В поздний час упоена!
Пилигрим так средь степей
Оживит порой мечты;
Отдыхая у ключей,
Рвет он дикие цветы.
И один из них возьмет
Как заветный талисман,
И на север принесет
Он цветок восточных стран . . .

1838

ТЕНИ

Вот сквозь облако прозрачное
Месяц дол осеребрил.
Покидайте ж, тени мрачные,
Ложе хладное могил!
Грозной силой заклинания,
В роковой полночный час,
Из гробов для ликования
Вызываю, тени, вас!

Вас отвергли небожители,
Ваша жизнь была грешна,
Пронеслась она в обители,
Буйных радостей полна.
Не Пречистую молили вы
О спасении в грехах,
Пылких юношей манили вы
И ласкали на грудях.
И на ложе сна в молчании
Вы влекли молодых друзей, —
Только слышались лобзания
В тайном сумраке ночей. . .
Вот сквозь облако прозрачное
Месяц дол осеребрил.
Покидайте ж, тени мрачные,
Ложе хладное могил!
Вот и девы появились,
Вьются кудри по плечам,
В буйной пляске закружились,
Понеслись по гробам.
В адском вое, в дикой радости
Узнаю я, девы, вновь
Ту же жизнь безумной младости,
Ту же грешную любовь. . .

1838

ПАННА

Тайно, в полночь, у фонтана
Застоялась что-то панна.
Долго ждет она. . .
Тихо ветви расступились,
Грудь высокая забилась. . .
Панна — не одна. . .
Не одна. — Под шум фонтана
Что-то страстно шепчет панна,
Кто-то с ней стоит, —
И при свете лунной ночи
Ей в заплаканные очи
Юноша глядит.

Вот садится, вижу, панна
Под черешню, близ фонтана;
Он у ног ея, —
И, откинув покрывало,
«Милый друг, — она сказала, —
Я ждала тебя!»
Как сказать, что с сердцем было?
В первый раз оно любило! . .
Юноша молчал;
Только жарко, в тайной сени,
Он лобзал ее колени,
Руку ей сжимал.

Тише, тише струй фонтана
Говорила снова панна:
«Любишь ли меня? . . .»
И с улыбкою небесной
Так роскошно, так чудёсно
Друга обняла.
«О, люблю ли, друг жестокой? . .
Я для панны черноокой
Всё давно забыл. . .»
И при бледном свете ночи
Милой панне в ясны очи
Взор немой вперил.
Как фонтана тихий ропот,
Снова слышен сладкий шепот, —
Друг заговорил:
«Если нет меня с тобою,
Обо мне одна, порою,
Думаешь ли ты?
Веселясь в кругу с гостями,
Панна, ясными очами
Ты меня ль ждала?
Если пыль вдруг в отдаленьи
И я мчусь — хоть на мгновенье,
Рада ль мне была?»

— «Рада ль? О! мой милый,
Для тебя я всё забыла,
Ты лишь жизнь моя!
Если ты когда далеко,

Грустно панне одинокой,
 Страшно без тебя!»
И концом она вуаля
Тайно слезы отирала.
 Юноша молчал;
Только внемля тихой речи,
Он, как мрамор, панны плечи
 Белые лобзал.
Ночь неслася сновиденьем,
Скоро утро — в отдаленьи
 Конь зовет давно.

«Время! Время! На прощанье
Панна даст ли мне лобзанье —
 Милая — одно? . . .»
— «Никогда! . . . О! это много. . .» —
И с улыбкою, но строго
 Отвела лицо;
И, как призрак, быстро встала,
И уныло взор бросала
 Панна на кольцо.

«Прочь обеты! На прощанье
Дай одно, одно лобзанье! —
 Юноша вскричал. —
Завтра в битву, завтра в поле!»
Он не мог сказать ей боле —
 Голос задрожал.

«Я твоя!»
 Мир исчез для них. . .
Пронеслося упоенье. . .
Что ж ты, бурное мгновенье, —
 Вечность или миг? . . .

С той поры, лишь полночь, панна
Тихо станет у фонтана,
 Дико вдаль глядит;
Иль одна, во тьме черешен,
Где был друг ее утешен,
 Бледная сидит. . .

<1839>

МЕЧТА

Есть на душе заветная мечта;
Она моя; в ней всё, что сердце любит.
Не знаю я, спасет или погубит
Меня прекрасная мечта...

Она родилась в минуту упоенья,
Когда я пил надежд ласкающий фиял,
И молодой восторг эфирное творенье
В горящие объятия принимал.

Небесная, отрадно просияла,
Гармонии чарующей полна;
Торжественна, светла, без покрывала
Душе моей явилась она.

И я люблю ее, над ней так сладко плачу,
Я к ней ревнив, — она моя!
И горе мне, когда тебя утрачу,
Мечта высокая, прекрасная моя!

При ней молчат жестокие сомненья,
Мой темный путь надеждой озарен...
О, оправдай ее, святое провиденье, —
И брани нет, и мир преображен,
И божеству мое благодаренье
За жизнь мою, за день, в который я рожден;
И мне ясней мое предназначенье,
Доступней тайна бытия;
Душа полна и сил и упоенья!..
Не оставляй меня, отрадное виденье,
Мечта высокая, прекрасная моя!

<1839>

СОН

Не знаю где, но помню живо
Широкий пруд и дом в один этаж;
Там над водой качались тихо ивы,
А у крыльца стоял готовый экипаж.
С востока туча находила,
И ласточка кружилась над волной,
И ветер дул, и роща говорила,

И рог звучал за дальнею горой.
А между тем душа чего-то ожидала,
Неясным трепетом вся грудь была полна;
Гляжу: там девушка у входа уж стояла;
Высокий стан ее мантилья обвивала,
Она была прекрасна, но бледна,
Кого-то ждет. Смотрю: к ней выходили
Еще две девушки, в весне счастливых лет;
Они, смеясь, о чем-то говорили,
За ними юноша вослед.
Ужели он? Черты напоминали
Мне друга юности моей...
Давно, давно судьбы его умчали...
Но как узнать тебя, товарищ лучших дней!
Лицо твое одел могильный цвет печали,
А на челе следы глубокие страстей!
Зачем ты здесь? Кто этот призрак нежный?
Что он тебе? Зачем твой беглый взор
Вдруг выразил и радость, и укор,
И тайну ревности мятежной?
Волшебница, зачем она с тобой
Так холодна, так страшно равнодушна?..
Ты не замечен; ей не нужно
Твоих речей; прозрачною рукой,
Смотри, откинула вуаль она послушный
И топит взор за дальнею горой.
Зачем ты здесь? Но все сокрылись в отдаленьи,
И сцена новая опять в моем виденьи.
Вот — где-то — дом высокий и старинный,
Тенистый сад раскинут по реке;
Там вдоль аллеи темной, длинной
Идет она, с ней он, письмо в его руке.
И видел я, как быстро проходили
И возвращались опять;
Они о чем-то говорили,
Как будто спорили, но я не мог понять.
Зато в минуту их разлуки,
Мне показалось, когда он говорил,
Что на его устах дрожали как-то звуки,
Склоненный взор был полон скрытой муки,
Что он ее о чем-то всё молил...
Но гордая, откинув покрывало,

«Напрасный труд!» — с досадой отвечала.
И нет ее, и бледен он стоял,
И... мне слышалось: «Бог с вами!» — он сказал.
Он на коня, он мчится в отдалёны...
Но сцена новая опять в моем виденьи.
Ложился вечер молчаливо,
Опять широкий пруд и дом в один этаж,
Вновь над водой качались тихо ивы,
А у крыльца стоял готовый экипаж.
И я вхожу: открыта зала,
Смотрю: она, опять она!
Но показалось мне, теперь она страдала,
Какой-то тайною была поражена,
Как будто что-то потеряла...
Но... может быть, каприз, иль, может быть, устала;
Таилась ли любовь, была ль она больна,
Я разгадать не мог. Но гости позабыты;
Она сидит одна, поникнув головой,
И у нее бледней ланиты
Лилеи, сорванной грозой.
Вдруг входит он. Вдали от ней садится,
И на вопрос ее, скрепя в груди печаль,
Он говорит, что едет в даль
И что заехал к ним проститься.
Казалось, стало дурно ей,
Казалось, стон в груди едва она тайла,
И — странно! — от его очей
Она теперь своих не отводила.
О нет! но долгий, грустный взгляд
Был обращен к нему, — напрасно!
Он помнит всё, он видел слишком ясно,
И не возьмет ее из жалости наград,
Не оскорбит ее тоской своей глубокой:
В последний раз очей с нее он не сводил,
Но этот взор без просьбы, без упрека
Был неподвижен и уныл.
Проходит час. Его уж провожали,
Давно к крыльцу уж тройка подана,
Все счастливой ему дороги пожелали,
И все ушли. Одна стоит она
Еще, как статуя печали,
И неподвижна и бледна.

Зачем-то раз еще он оглянулся,
Медь зазвенела, он помчал.
Мне стало грустно, я проснулся,
А колокольчик всё звучал.

<1839>

ЭЛЕГИЯ

С шумящим потоком, с весенней волной
Страдалица очи закрыла;
Навеки, навеки с последней борьбой
Сердечные бури забыла.
В минуты томленья, заботы полна,
Кого-то искала очами,
Какое-то имя с тоскою она
Невнятно шептала устами.
Чье было то имя? — понять не могли.
Кого еще видеть хотела?
Но подвиг окончен, и с грустной земли
Далеко душа улетела!
Так скоро, так рано, едва расцвела —
И хладны уж перси молодые!
Не злая болезнь твою жизнь унесла,
Нет, страсти твои роковые! . .
Давно ли, о боже, на юных очах
Блестали веселья безумные слезы?
Давно ль над челом, в твоих черных кудрях,
Дышали весенние розы,
Как в залах роскошных являлася ты?
И вот уж увяла, как эти цветы!
К кому-то ревнуя, о ком-то рыдая,
Кого-то напрасно ждала! . .
Каким-то недугом безмолвно сгорая,
Ты быстро в могилу сошла! . .
Но страшная тайна с тобой умерла.
Прости, до свидания, тень молодая!

Над гробом подруги, в раздумьи стоя,
Подруга слезы не роняла! . .
Лишь бедная мать над несчастной рыдала
И с воплем на труп охладелый ея

Безжизненным трупом упала;
Лишь кто-то один в отдаленьи стоял,
И жарко молился, и долго рыдал. . .
Печально, уныло святые напевы
Неслися за телом усопшия девы.
Они провожают в загробную даль,
Из нашей юдоли к обители вечной,
Куда не доходит ни скорбь, ни печаль, —
На лоно любви бесконечной.

<1839>

РАЗЛУКА

Пронесется ли буря мятежная
И пустынную розу сорвет,
Затоскуется ль горлица нежная,
Как птенцов ее коршун убьет.
Гибнет роза в степи одинокая,
Не воскреснет поблекший цветок,
Твои очи, подруга далекая,
Не утешит венчальный венок.
Рано высохла грудь твоя страстная,
Рано взор твой веселый потух.
Не на счастье любила, прекрасная,
Не на радость узнал тебя друг!
О, как рано с блаженством простилася —
И уж столько бессонных ночей,
Столько стонов во тьме утаилось,
Столько пролито слез из очей! . .
Его нет — не придет на свидание:
Он в туманную даль полетел;
Не сбылися, как сон, упования,
Неизбежен несчастной удел.
При прощаньи, как тень над могилою,
Ты стояла с поблекшим челом,
Ты упала на грудь тебе милую,
Ты рыдала на сердце младом.
Было тяжело для друга прощание,
Но по-прежнему милый ласкал,
Его стоны, глухие рыдания
Только ветер в степи услышал. . .

Отуманен тоскою глубокою,
Охладел он для жизни душой,
Только помнит тебя, одинокую,
И что счастье погибло с тобой. . .
Допую ли я песню печальную?
Если сорван надежды цветок —
Вы не куйте кольца обручального,
А готовьте могильный венок.

<1839>

ПЕСНЯ

О, как сердце вдруг запало!
Или то была мечта?
Что ж сдавило, оковало
Задрожавшие уста?
Иль еще страданий мало?
Иль еще мой рок зовет?
Иль еще в груди усталой
Буря новая пройдет?
Ни погибель, ни могила,
Ни кинжалы, ни позор
Никогда б с такою силой
Не могли смутить мой взор.
Так давно! Но правда ль это?
Иль мне льстит лукавый день?
Предо мной с немим приветом
Пронеслась она, как тень!
Сколько раз ночной порою
Ты с улыбкой прошлых дней
Проносилась над главою
Одинокою моею!

<1839>

ОБЛАКО

Долу глухо, долу мрачно, —
Встал туман от хладных вод,
Даль небесная прозрачна,
Необъятен звездный свод!

На полуденной лазури
Вижу облако одно;
Знать, дитя протекшей бури
Там блуждать осуждено.
Чьей же силою гонимо,
Вдаль от севера летит?
Где приют для пилигрима,
Где свой бег он прекратит?
Отчего ж один, так мрачно,
Будто дум смертельных полн,
Он явился на прозрачный,
Необъятный небосклон? ..
И зачем пред ним в мерцанье
Блещет севера звезда? ..
Он затмил ее сиянье
И покинул навсегда. . .
Он понесся в даль эфира,
Омрачая хоры звезд,
Пилигрим в пустынях мира,
В бесконечности небес!

Но гляди: встает с востока
Тихо чистая луна,
И серебряным потоком
Льет сияние она;
Купол вокруг нее пылает,
Озарен внезапно дол,
Над челом ее играет
Недоступный ореол.
О луна! от мирозданья
Не была прекрасней ты!
Сколько дум в твоём сияньи!
Сколько сладостной мечты!
Сколько раз мое светило,
Сколько раз со мной она,
Было время, проводила
Ночи чудные без сна! . .

И они в молчаньи ночи
Быстро, трепетно сошлись,
И магические очи ¹

¹ Луна.

В облак сумрачный впились.
И стоит, как очарован,¹
И — смотрю — недвижим он,
Будто страстию окован,
Беглым счастьем упоен. . .
Долго ль? Миг один! — Печально
Вот уж снова вдаль помчал,
Лишь улыбкою прощальной
Пышный край его сверкал. . .²
И, глядя на бег крылатый
По воздушному пути,
Я невольно, будто брату,
Говорю ему: «Прости!»

И коня останавливаю,
И с мечтою давних пор
Я на север обращаю
Отуманенный мой взор. . .
О! когда ж туда — в дорогу? . .
Там — прошедшее давно,
Там без надписи так много
Мной надежд погребено! . .
Не сбылись же! — обманули! . .
Только сон сердечной бури
Остается навсегда,
Как высоко там, в лазури,
Неподвижная звезда! . .³

<1839>

ЭЛЕГИЯ

Спокойно всё, лишь ярко на лазури
Светила вечные горят;
Всё спит; сомненья лишь не спят,
Не спит страстей неистовая буря,

¹ Когда облако проходит мимо луны, то кажется, как будто облако стоит, а луна идет, но когда пройдет луну, то летит опять по поднебесью.

² Край облака освещен луною и кажется серебряным, а иногда золотым.

³ Вероятно, звезда надежды.

Чело горит. О! в сердце мысль одна:
Она, она, она мне изменила!..
Так для чего ж являлась мне она?

Зачем душа на муки полюбила?..
Волшебница из звуков и лучей!
С благоуханными, коварными устами,
С кудрями черными, роскошными кудрями,
С ланитой бледною своей!
О, для чего твердила ты «люблю»?
Зачем узнал тебя?
Зачем всё это было?
Зачем, дитя, играя, отравила
Ты юность гордую мою?..
Иль, разлюбив, что не дала ты яду?
Быть может, я б еще простил!
Твой дар мне был прощальною наградой,
Последней мыслию б он был.
О, как тебя хочу я ненавидеть!..
Как ненавижу и... люблю!

<1839>

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Звездой любви тебя именовали;
Жрец Пафоса тебя боготворил;
И девы юные восход твой выжидали...
Звезда надежд моих, звезда молодой печали,
Опять твой бледный луч закат осеребрил!
Светило тихое любви и вдохновенья,
Знаком мне твой привет под ризою ночей!
И снова темное и грустное волненье
В душе проснулося моей;
Как будто хочет вновь понять она значение
Твоих задумчивых, серебряных лучей!
Звезда любви моей, тебя затмили тучи!..
Вперед, хоть без надежд! — не всё же жизнь взяла:
Да, жизнь — она могла терзать меня, измучить,
Но задушить покамест не могла...
Прости, звезда любви, прелестное светило!

<1839>

ПАЖ ГЕНРИХА ВТОРОГО

Баллада

Il ne se trouvait qu'un page fidèle qui
le couvrit de son manteau.¹

Он умер внезапно. Уж Генрих Второй
Не сядет на троне. И годы, и злоба,
И поздние страсти, и труд боевой
Сразили; король уже требует гроба.
Вот ночь. Пилигрим, притаяся во мгле,
Всё видел незримый: растворена зала;
Там труп короля обнажен на столе;
Лишь кудри на мрачном белелись челе,
И что-то, как пламя, на пальце сверкало;
Толпа же рабов между тем расхищала
Покровы, сосуды, золотые бокалы.
И тихо и страшно в полуночной мгле!
Вдруг дверь боковая, гремя, растворилась,
Паж бледный, как тень, к королю подбежал:
Младое чело его пот покрывал,
С плаща и кудрей его влага струилась.
Вот раб еще перстня с руки не сорвал,
Как в сердце ему паж вонзает кинжал,
И кровь, как фонтан, зашипев, заклубилась!
Толпа разбежалась. Всё тихо кругом!
И юноша, полный смятенья и муки,
Скрестя на груди трепетавшие руки,
Склоняет колёно, поникнув челом.
Вот тихо встает и на труп он взирает,
На белые кудри над грозным челом;
И с нежной заботой, как сын над отцом,
Он, скинувши плащ свой, согретым плащом
Цепенеющий труп покрывает.
«Прости!» — повторял он; но голос дрожал;
И долго с мольбой и любовью
Паж хладную руку владыки лобзал.
И вот; одинок у его изголовья,
Он духом-хранителем стал.
Завоет ли ветер в готической зале

¹ Не нашлось никого, кроме верного пажа, который закрыл его своим плащом (франц.). — *Ред.*

Иль легкая тень по стене пробежит,
Он чутко внимает, он зорко глядит;
И рука уж лежит на кинжале.

Кто б ни был!.. но после предсмертного стопа
Да смолкнут проклятья и крик клеветы!
Мой друг, и на мрачной гробнице Нерона,
И там находили заутра цветы!..
И может, одно его сердце любило!
Как знать! — может, друг еще был у него...
Как знать! — может, тайно любовь приходила,
Рыдала одна на гробнице его...
Прощенье всему, что сокрыто могилой!

<1839>

ПЕСНЯ

Пронеслась, пронеслась моя младость,
Навсегда она сном унеслась;
А твоя — светлоокая радость, —
Твоя юность едва началась!

Ты дитя, но опасных волнений —
Знаю — грудь молодая полна;
Не зови, не готовь откровений:
Мне без слов твоя тайна ясна.

Не зови, не готовь откровений!
Мы не властны догнать, воротить
Пролетевших, далеких мгновений
И заставить вновь сердце любить!

Если ж быстро, средь радости шумной,
Сердце вспыхнет потухшее вновь, —
Ты не верь моей клятве безумной:
То минутный порыв — не любовь!

На минуту веселье обманет,
Его снова подавит тоска, —
Так осеннее солнце проглянет —
И закроют его облака.

Омрачу ли удел твой прекрасный?
Я — как дуб, опаленный грозой:
Для чего ж его нежно и страстно
Обвивать тебе, плющ молодой?

<1839>

СТЕПЬ

Как мчался ты, конь добрый мой!
Из душных городов
Ты выносил меня стрелой
На свежий злак лугов!
И вот далеко от людей
Как бурно я воскрес!
Взор быстрый обнял даль степей,
Весь синий свод небес.
И кто, мой конь, догонит нас,
Кто мчится нас быстрей?
О! кто б постигнул в этот час
Восторг души моей?
Она была утомлена,
Страдала долго так. . .
Но вот — могуча и вольна —
Ей сладостно в степях!
Ах! если б вечно мчаться мог
В ту даль, где взор исчез, —
Туда, туда, где только бог,
Да степь, да свод небес!

<1839>

МОЛИТВА

Хвала тебе, творец, хвала, благодаренье!
Ты сердце пламенное дал!
Как я любил твоё прекрасное творенье,
С какой слезой тебя благословлял!
Я плачу: слезы эти святы;
То дань творцу от сердца моего
За радости мои, за горе и утраты.

По гласу вечному закона твоего
Как я любил в твоём прекрасном мире,
Какие чувства испытал!
Я ликовал на светлом жизни пире,
Тебя, незримого, в твореньи созерцал;
И падал я, знал слезы и волненья. . .
Плоть брэнна; но душой парю!
К тебе любовь моя, к тебе мои моленья.
Благодарю, творец, за всё благодарю.

<1839>

КЛАРА МОВРАЙ¹

Посвящено Е. А. Карлгоф

Кто скачет, кто мчится на белом коне
Нагорной, опасной тропею?
Кто бледная дева — при бледной луне —
С блуждающим взором, с поникшей главою?
Ей горы знакомы; ей полночь — как день,
Конь добрый не знает удара.
Кто ж призрак печальный? Кто бледная тень?
То мчится безумная Клара.

Над ликом могильным сияет луна. . .
О боже! как страсти ей долго играли! . .
Но всё ещё чудно прекрасна она,
Хоть взоры потухли, ланиты завяли!
Не флер погребальный над белым челом —
Порывисто черные кудри летают.
О бедная Клара, всё тихо кругом, —
Всё тихо. . . Что ж муки твои не стихают?

Вот пристально, дико на горы глядит:
Там что-то припомнить желает;
Какое-то тайное имя твердит. . .
Вот смотрит на небо! Вот глухо рыдает. . .
Да, бедная Клара безумна давно;

¹ Баллада сия написана по прочтении Валтер-Скоттова романа «Сен-Ронанские воды».

Мятежная страсть погубила;
И в памяти смутной спаслось лишь одно,
Что сердце здесь раз полюбило. . .

На этих горах дожидался твой друг;
Ты здесь ему клятвой клялася;
Забуть ли? Лишь полночь — ты тайно, как дух,
К нему на свиданье неслася;
И милого друга ласкала, звала
На страстное, верное лоно;
И, горная роза, ты чудно цвела!
А ныне — кто, Клара, сочтет твои стоны?

Шесть лет уж промчалось в разлуке ужасной.
И сердце разбито, и жизнь отцвела!
Могила, могила, для Клары несчастной
Могила одною надеждой была!
Кто ж это? Иль тени свой мир покидают? . .
Как! тот, кого сердце не властно забыть! . .
О нет! так жестоко судьбы не карают. . .
Нет! так не могло б провиденье шутить! . .

Ужели, о боже великий? Ужели?
Но нет, невозможно! . . Нет, Клара, то сон!
Как! — здесь еще. . . в жизни увидеть Тирреля?
Как! — юноша грустный — ужели то он? . .
То он! . . Повода, задрожав, покидает
И, руки скрестивши, на друга глядит, —
Могильная бледность в лице выступает,
Уста ее сжаты — и долго молчит. . .

И спишь ты, прекрасная, в ранней могиле!
Безвременно бури сошлись над тобой. . .
Безжалостно люди тебя погубили. . .
Да будет же сладок твой вечный покой!
А друг? . . Его грозное море умчало. . .
Но ты навсегда унесла его рай, —
Ты, бедная Клара, безумная Клара,
Злосчастная Клара Моврай!

<1839>

ИЗВЕСТИЕ

Мне говорят: она как тень пуглива,
Бежит от юношей, бледнея день за днем;
В кругу подруг горда и молчалива,
Стоит одна с поникнутым челом.
Мне говорят: ее живые взоры
Кого-то часто ждут, потопленные в даль;
Что на устах порой молитва и укоры,
А на челе младом забота и печаль.
С улыбкой грустною, качая головою,
Ревниво стон прекрасная таит,
Иль, подпершись задумчиво рукою,
На дальний путь сквозь слез она глядит. . .
Мне говорят: во мраке полуночи
Какой-то вопль слетает с ложа сна,
И долго, долго плачут очи,
Рыдает бедная она;
Разбросив локоны, сдавив чело рукою,
Так бледная сидит, недвижима, как тень, —
И всё для ней равно: над жаркой головою
Луна ль блестит иль светит новый день.
Есть на груди письмо с заветными словами,
Их гордый юноша, прощаясь, начертал,
Когда, от ней отторгнутый судьбами,
Он безнадежно в даль тоску свою умчал. . .
<1840>

МЕТЕЛЬ

Поздно. Стужа. Кони мчатся
Вьюги бешеной быстрей.
Ах! когда бы нам добраться
До ночлега поскорей!
У! как в поле темно, бледно.
Что за страшная метель!
И далек ночлег мой бедный,
Одинокая постель.

Мчуся. Грустно. Злится вьюга
По белеющим полям;

И сердечного недуга
Я постичь не в силах сам.
То — прошедшее ль с тоскою
Смутным чувством говорит?
Иль грядущее бедою
Мне неожиданно грозит? . .

Пусть всё сгибло в раннем цвете,
Рок мой мрачен и жесток;
Сладко думать мне: на свете
Есть блаженный уголок. . .
И в полночи глубокой,
Как спешу к ночлегу я,
Может — ангел одинокой
Молит небо за меня. . .

<1840>

ВРЕМЯ

Время, летучее время,
Кто остановит, губитель, тебя?
Ты неподкупно, ты неподвластно,
Вечный, властительный гений миров!
На нивах вселенной всевластной рукою
Ты, сумрачный, сеял начатки миров;
Миры зацвели, понеслись пред тобою —
И ты указал им долину гробов. . .
Так юная прелесть и сын вдохновенья
Блистают и гибнут по воле твоей,
Из темных могил ты ведешь поколенья —
И пальма выходит из желтых костей. . .
Давно ли муж века боролся с тобою
И мир трепетал при могучей борьбе? . .
Но гром прокатился над грозной главою, —
И в славном изгнании, над мрачной скалою,
Герой покорился безмолвно тебе. . .

<1840>

**О ТРУБАДУРЕ ГЕЛИНАНТЕ И О ПРЕКРАСНОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЭЛЕОНОРЕ**

1

Король Филипп был с хладною душою,
И Августом по праву назван он:
Тому льстил шут Гораций похвалою,
А этого изволил петь Бретон.
Мне всё равно, не о Филиппе слово,
Хоть жалок мне подкупленный поэт;
Будь я в тот век — я выбрал бы другого.
Мне нравится Ричард Плантагенет.
За ним в мечтах люблю летать поныне
В восточный край, в сирийские пустыни.

2

И где ж они — соперники в боях,
Цвет рыцарства? . . Увы! одно забвенье
Равно всех ждет. Их кости стали — прах,
На их давно исчезнувших гробах
Далекое толпятся поколенья,
И жизнь людей проходит, как волна,
Как вешний цвет, как тень, как призрак сна.

3

Кой-где еще готический их храм
Стремится, горд и мрачен, к небесам;
И в храме том — вдоль окон, на стенах,
Виднеются воители в бронях,
И дальний край, и сарацинов ряд
О днях давно минувших говорят.

4

И там, в углу, как мумия времен,
Стоит с челом нахмуренным барон
Из мрамора, со шпагой и в плаще,

С ним пёс у ног и сокол на плече;
И если вдруг раздастся с башни звон,
Всё кажется: он слушает сквозь сон.

5

Пою и я? . . . Пою, о муза, лиру!
Люблю, Филипп, тебя я за одно:
Что ты давал роскошные турниры,
Что ты любил фазанов и вино,
Что ты смотрел без ревности и гнева,
Как Гелинант — мой рыцарь и певец —
Входил порой в блестящий твой дворец.
И юношу ласкала королева! . . .
Их нет давно, но горестный рассказ
Про их любовь дошел, друзья, до нас. . .

. . .

<1840>

ЭЛЕГИЯ

Когда душа скорбит, а сердце без желаний
И грустно юноша глядит на шумный свет, —
Вся жизнь, весь рай его в стране воспоминаний,
И для него грядущего уж нет.
При громкой радости торжественного пира
Лишь он один без песен, без кумира
И, гордый, пред толпой страдания таит;
С презреньем смотрит он на радость, на волненья,
Но в память прошлых дней любви и упоенья
Слеза тяжелая неслышимо бежит!

<1840>

ВОСПОМИНАНИЕ

Не спрашивай, чего мне стало жаль,
Что грустию мне память омрачило:
Мой друг, тоска пройдет, как прежде проходила, —
Я вспомнил детских лет волнующую даль,

Несвязную, но сладостную повесть
Весенних дней моих, волшебный, светлый сон.
Мне стало жаль его! Давно исчез уж он. . .
Укором восстает тоскующая совесть. . .

Наш старый дом, наш бедный городок,
И темные леса, и бурный мой поток,
И игры шумные, и первое волнение —
Всё живо вновь в моем воображеньи. . .
Вон дом большой чернеет над горой,
Заря вечерняя за лесом потухает,
Кругом всё спит, — лишь робкою рукой
Она окно свое для друга открывает. . .
Луна взошла, зари уж нет давно,
А я смотрю, влюбленный, на окно! . .

<1840>

ОНА

Я трепетно глядел в агат ее очей:
Там целый мир любви под влагой
сладострастья, —
И, полный прежних дум, тревоги и участия,
Я грустно любовался ей.
Я думал: чудное создание,
О гений чистой красоты,
Какой судьбой сюда, в юдоль изгнания,
С каких небес явилась ты?
Кипит вокруг тебя младое поколение,
Тебе назначено владеть судьбой сердец,
Перед тобой возвышенный певец
С мольбою совершит коленопреклоненье
И с гордого чела отдаст тебе венец;
Младой герой, краса и ужас боев,
Упившись пламенем чарующих очей,
Забудет лавр — кровавый лавр героев,
Войну, коня и шумный круг друзей;
И юноша, алкающий познаний,
С челом возвышенным и полным строгих дум,
Вперивший в тайны мирозданий
Всеиспытующий свой ум, —
Узрев, прекрасная, тебя перед собою,
Постигнет сердцем он источник бытия,

Благословит творца высокою хвалою,
И будет для него пророческой звездою
 Душа невинная твоя.

Но, милый цвет потерянного рая,
 Зачем ты здесь, создание красоты? . .
Увы! в юдоли слез, мгновенно расцветая,
Мгновенно вянут все прекрасные цветы! . .

<1840>

ТОСКА

Возьмите всё, святые неба силы,
Но дайте мне прошедшее назад!
О! день один — за цену всех наград,
Хоть час один из жизни давней, милой!
 Не боле — час! я только час прошу,
Потом тяжелую веригу наложу
 И сам свою я вырою могилу,
 И лягу в гроб — за час, за час один. . .
О! внемлете ли вы, святые неба силы?

<1840>

СТАНСЫ К ДЕЗДЕМОНЕ

О, ты добра, ты — ангел доброты!
Ты — гурия прелестная Корана,
Ты — нимфа вод, ты — чудо красоты,
И тени нет в душе твоей обмана!

Ты искренна. Что ж сердце так болит?
О, для чего так пламенно желаешь? . .
Твоя любовь так страшно обольстит,
Но, как волна, ты быстро покидаешь.

В груди твоей, роскошной, огневой
(Она свежей, чем вод пустынных пена),
Где веет рай, есть демон роковой,
Он просит жертв, восторгов, перемены.

Когда гроза неслася надо мной
И я стоял с открытой головою,
Я не поник, не дрогнул под грозой;
Я думал: всё любим еще тобою.

И знаешь ли, с волнением каким
Я после бурь к тебе, моя лилея,
Спешил, летел, разлукою томим,
Входил в тебя, пылая и бледнея!

Волшебница! мой взор *его* сыскал. . .
Но ты к *нему* волнений не таила!
Хотел тогда. . . Нет, я тогда узнал,
Узнал одно: как мало ты любила!

Узнал одно. . . К чему упреки здесь?
Вы в прах, мои цветущие надежды!
Перенесу. . . Чего не перенести?
Не в первый раз. . . Перенесу, как прежде. . .

С душой, к бедам привыкшею давно,
Смотрю сквозь слез на новую утрату:
Всё, что любил, что сердцу было свято,
Всё мне на миг, на миг один дано.
Прости, прости! . .

<1840>

ПРОСТИ НАВСЕГДА

Прости! Уж парус на волнах;
Бледнеют звезды в небесах;
Лепечет тополь с камышами;
Пронесся гул над островами!

Гляжу на милые черты:
Зачем рыдаешь, ангел, ты?
Я твердость духа, всё утрачу,
И я, как женщина, заплачу.

Здесь без надежд я долго жил,
Мой мир давно уж без светил,

В тьме бытия передо мною
Была последней ты звездой.

Еще твою целую грудь
И очи в тяжком упоенье. . .
Прости навек! Одно моление:
Скорей, скорей меня забудь! . .

<1840>

ВЕСЕЛАЯ ПЕСНЯ

Подай нам скорее вина и бокалы!
Вина и бокалы сюда!
Забудем же, дева, о жизни бывалой,
Забудем о ней навсегда!
Пусть вьются над нами круги голубые,
Пусть льются, запенясь, струи;
Бокал мой за страсти твои молодые,
За черные кудри твои! . .
Склонясь на твое трепетавшее лоно,
Как грудь отдыхала моя!
Ты — пальма пустыни, ты — остров зеленый
В печальных волнах бытия,
Где, может, судьбой не отъято одно —
Ты, смуглая дева, да это вино. . .
Как я отнимал твои дерзко одежды,
Как легкий твой стан обнажал —
Так рок мой от сердца младые надежды
Далеко и быстро умчал! . .
Ни слова! Наполним же снова бокалы,
Ко мне, моя дева, — сюда!
Ни слова! Забудем о жизни бывалой,
Забудем о ней навсегда!

<1840>

ВИДЕНИЕ

Ее уж нет! В таинственной долине
Исчезли легкие следы.
Но где же ты? О, где ты ныне,
Печальный гений красоты?

Куда ушла? Откуда приходила,
С красой без имени и с тайной на устах?
Ни звуки, ни резец тебя не уловили, —
Ты вся сокрылась в небесах!
Блажен в юдоли слез, кому судьба, лаская,
Как лучший жизни дар — узреть ее дала;
Печальная она, в красе своей сияя,
Каких-то дивных снов царицею была;
И буря жизни, пролетая,
Эдема розу берегла. . .
В последний раз, прощаясь с землею,
Она, безмолвная, стояла на скале;
И длинны локоны под дымной пеленою
Отражены в обманчивом стекле;
Как зыбкая струя летучего тумана,
Высокий стан мелькал на влаге океана.
Чего же взор тоскующий искал,
Где солнца луч над бездной догорал?
Зачем же ты со стоном и мольбою
Вдруг повела туда прозрачную рукою?
О чем же плакал ты, мой светлый серафим? . .

<1840>

ПЕСНЯ

Ты долго ль, цветущей долины хранитель,
Могучий и гордый мой дуб, расцветал?
За что ж и давно ли перун-сокрушитель
Из темных тучи на дуб мой упал?

И долго ль с любимой долины туманы
Над мрачной главою печально вились? . .
Закрылись твои исполинские раны,
Но тяжкие годы с тех пор пронеслись!

Долина, как прежде, блистает красою,
В долине над розой поет соловей;
Но ты не покрыт уж зеленой чалмою —
Любовник долины, у звонких ключей. . .

Зачем же порой, как по дальней лазури
Нежданно перун пробегал, —
На голос знакомый враждебных бури
Ты глухо, но тяжко стонал?

Поймет ли меня легковерная дева?
Иль сны позабыты с улыбкою дня?
Когда-то под звуки другого напева
Она и клялась и ласкала меня. . .

<1840>

AVE MARIA ¹

Коленопреклонен, с смятённым сердцем я
Приветствую тебя, владычица моя!
К святым отшельникам в печальные пустыни
Являлась, мать, ты во время их кончины;
И схимник в трепете блаженства умирал,
И мертвый лик его неведомым сиял. . .
Небес владычица! Услышь мое моление:
Да загорит и мне звезда преображенья,
Да духом скорбным я восстану, укреплюсь,
Да пред тобою вновь и плачу и молюсь,
Вдали от пристани, средь новых треволнений,
Я сердце сохраню от ран и заблуждений.
Приветствую тебя — на светлых небесах,
С душой измученной, с слезами на очах!

<1840>

ВЕЧЕР

Я каждый раз невесело встречаю
Заботы мелкие и шум докучный дня,
И только с сумраком я снова оживаю —
В ночи есть тайная отрада для меня.
Люблю я час, как тихо над зарею
Звезда вечерняя на западе горит

¹ Славься, Мария (лат.). — *Ред.*

И быстро облако под твердью голубою
Куда-то вдаль от севера летит;
Когда в тиши свеч робкое сиянье,
И неба полусвет, и всё на сердце вдруг
Навеет долгое, глубокое мечтанье. . .
Порою задрожит слеза воспоминанья,
И книга падает из рук.

<1840>

БАБУШКА

Много езжу я по свету —
То забавен, то угрюм, —
И чего, друзья, поэту
Не придет подчас на ум:
То волшебные картины
Дальней, милой стороны,
То гроза моей судьбины,
То несбывшиеся сны.
Но всех более люблю я
Детство бедное мое,
С сладкой грустию бужу я
Стародавнее житье.
Вот за рощей, с колокольни —
С бедной, старой — слышен звон;
Вот народ наш богомольный
В храм спешит со всех сторон.
Утро тихо, небо ясно,
Весь в цветах знакомый луг.
Мы идем (я в куртке красной)
В церковь с бабушкой сам-друг.
И старушка говорила:
«Как была я молода,
Так же с бабушкой ходила
В эту ж церковь я тогда.
Сколько лет она в могиле! . .
Долго жить мне бог привел, —
И уж жизнь мне через силу,
Мой уж век за век зашел.
Много горя я узнала,
Мало счастья в жизнь мою. . .

Вот и внука увидала —
Буйну голову твою».
Я и слушал, и дивился. . .
Но минуту чуть спустя
Я в лугу уже резвился —
Своенравное дитя. . .
Много езжу я по свету
То забавен, то угрюм, —
И чего, друзья, поэту
Не придет подчас на ум!

<1840>

ПЕСНЯ

Уж я с вечера сидела,
Призадумавшись,
В зеленý луга глядела,
Пригорюнившись.
Груды белые, высокие —
Что лист дрожат;
Знать, мила-друга далекого
Всю ночь прождать. . .
Как хорош душа-голубчик, —
Не старик-борода,
Молодой, удалой купчик
Из Нова-города!
Я травую шелковóю
Устелю крыльцо,
Я водою ключевою
Освежу лицо.
Топот в поле раздается. . .
Замер дух во мне!
Это он — мой свет несется
На лихом коне.
Вижу: шляпой мне махает,
Соскочил с коня;
Он целует, обнимает,
Как огонь, меня.

.
.

<1840>

ФЛЕЙТА

Звуки флейты одинокой
Пронесли в вышине,
Разбудив в душе жестоко
Время, памятное мне.

Под другими небесами
Мы внимали им порой,
Над зелеными холмами
Вместе с панной молодой.

И бледнея, и пылая,
Как страстей была полна
Ты, литвинка молодая,
Пана старого жена!

Как алкали тайной встречи. . .
Как воздушна ты была!
Стан и мраморные плечи
Легкой шалью обвила. . .

Оттенял, как флёр могильный,
Панны бледное лицо
Локон черный, локон длинный,
Локон, свившийся в кольцо.

<1840>

ПЕСНЯ ЛАУРЫ

Не знаете ль, где милый,
Где друг мой удалой —
Повеса из Севиллы
С курчавой головой?

Мой друг — краса Мадрита,
Боец — всегда с мечом,
Гидальг, плащом покрытый,
С гитарой под окном.

Когда ж раздастся топот
Серебряных подков,
Твой громкий смех и шепот
И звук твоих шагов?

О! верно, где у донны. . .
О ветреник Жуан! —
Как душно на балконе!
Как скучно бьет фонтан!

Не видели ль вы беса?
Он друг мой удалой,
Отъявленный повеса
С курчавой головой.

<1840>

ОКТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ

Октябрьский день, но чудная природа.
Звучит кристалл днепровских синих вод;
Повеял жар с лазоревого свода,
По улицам везде шумит народ;
Открыт балкон, забыта непогода —
И музыка, и громкий хоровод.
Природа-мать зовет на пир богатый,
Хоть тополь без листьев, цветок без аромата.

Сын севера, с унылою душою —
Стремлюсь и я покинуть свой приют,
Грудь оживить воздушной теплотою,
На свод небес с отрадою взглянуть,
Смешаться вновь с веселою толпою,
Вновь весело у жизни отдохнуть.
Вчера была гроза осенней непогоды,
А ныне блещет май полуденной природы.

Но отчего ж ты, спутник безотрадный,
За мной, как тень, незванная печаль?
Проснулась ли с утратой невозвратной
Безумных лет темнеющая даль?

Иль вдруг веспы минувшей, ароматной,
Полуденной весны мне стало жаль?
Я живо вспомнил май: сад ароматом веет,
Русалка в камышах, и тополь зеленеет. . .

И где ж опять? и встречу ли с весною
Грядущею? На выси ль крымских гор,
Над морем ли, над светлою ль Невою
Обрадует она мой грустный взор?
Или мне спать сном вечным под землею, —
Жизнь пролетит, как быстрый метеор,
Как звук пустой? . . . О, дай же духом жадным,
Дай, я упыюсь теперь мгновением отрадным!

Не так ли, друг, когда промчится младость
И опадет надежд неверный цвет,
Когда до дна иссякнет жизни сладость
И мы стоим на повороте лет,
И девушка, веселая, как радость,
Напомнит вдруг нам призрак юных лет,
И в осень дней блеснет знакомым маем, —
Не так ли снова мы и любим и страдаем?

20 января 1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, мать моя, змея-мачеха,
Не ходить уж мне в зеленý луга,
Во зеленый луг к тихой заводи —
Хоровод водить, пляской тешиться,
Звонким голосом перекликнуться, —
Ты не бей меня, не позорь меня!
Я пойду гулять, разгуляюся,
С молодым купцом повидаюся. . .
Молодой купец — радость, жизнь моя!
Я пойду гулять, наряжу себя,
Уберу себя по-бывалому:
В косу длинную, в косу русую
Заплету — вот так — ленту алую;
Разгорись кольцо на белой руке!

Ах! подруженьки, вы не слышали,
Как в глухую ночь, в темной горнице
Мать зарезала добра молодца,
Деньги вынула, полбы вымыла? —
Что ты бьешь меня, что ты мучишь?
Я пойду гулять, полечу к нему,
Завернусь в туман, вместе с месяцем!
Что ж ты бледен так в белом саване?
Я пришла к тебе, как ты сам велел:
Видишь — месяц уж ходит на небе,
А в сыром бору соловей запел...

*5 декабря 1840
Москва*

СТАНСЫ

К ***

Ты помнишь ли последнее свиданье?
В аллею лип велела ты прийти. . .
Дала одно безмолвное лобзанье
И безотрадное «прости».

Твой смутный взор, поблекшие ланиты,
Твой слабый стон мне душу растерзал,
Как я, двойным отчаяньем убитый,
В последний раз тебя лобзал.

Несчастный друг, увы! во мраке ночи
Я и теперь с слезами помню вновь
Твой дальний край, потупленные очи,
Твою безмолвную любовь.

Аллею лип с шумящими ветвями,
Где мы навек расстались с тобой,
И твой вуаль над черными кудрями,
И как вдали махнула мне рукой. . .

1840

СТАНСЫ К СТАНКЕВИЧУ

Мы сожгли без сожаленья
Юность гордую дотла;
А надежды и волненья
Буря жизни унесла.

Прихоть бешеная страсти,
Злость людей, мечты обман —
Не имеют больше власти
Нанести нам новых ран.

И звучит еще отрадой
Только прошлое одно. . .
Счастья нового не надо!
Жизнь изведена давно.

Мы походим на солдата,
Что вдали под тучей стрел,
Под скалою Арарата
Песню севера запел.

1840

СОСЕДИ

Как я рад, что иностранцы
Поселились у нас, —
Что за песни, за романсы,
Что за танцы каждый час!
Старый поляк, пан вельможный,
Выезжает, чуть лишь день,
Ус седой крутя безбожно,
Вздввши шапку набекрень.
Кунтуш синий, с закидными
Рукавами за спиной,
Свит цепями золотыми,
Полы блещут бахромой;
Жупан алый из суэта,
В сто червонцев ткапый пас, —
Поляк в краковской карете
Разъезжает напоказ;

Ногу панскую сжимает
Шитый золотом сафьян.
Так по Киеву гуляет,
Ус крутя, вельможный пан.

Но когда б, друзья, вы знали,
Что за панья у него!
Вы прелестней не встречали,
Не встречать вам ничего!
Как магически блистают
Чудно нежные черты!
У нее благоухают
Ароматные цветы;
У нее порой из окон,
Лунной ночью, в темный сад
Блещет ручка, вьется локон,
Очи дивные глядят. . .
У нее ль, у милой паньи,
Всё банкеты да пиры,
Всё музыка и собранья
До полуночной поры.
Раз я, панью молодую
Встретя, розу ей сорвал. . .
«Барзо пана я дзенькую!»¹ —
Милый голос прозвучал. . .
А вчера уж я встречаю —
Крепко ручку паньи сжал. . .
«О! цо робит пан!»² — внимаю —
Милый голос мне шептал.

<1841>

ПЕСНЯ

Взгляни на тучу! Слышишь гром?
Она несется к нам воздушною странюю!
Люблю ее, мой друг, на небе голубом,
Люблю встречать ее с тобою!

¹ Покорно благодарю (польск.). — *Ред.*

² О! что вы делаете! (польск.). — *Ред.*

С тобой, одна с тобой! . . О милый друг!
Как ты меня лобзаньями живыми, —
Ее сманил волшебный знойный юг
Лазурью темною, волнами голубыми. . .

Как мрачен Днепр в зеленых берегах!
Вот тополи, дрожа, залепетали,
А чайки белые, мелькая в камышах,
Протяжно, звонко закричали.

Вгляни на тучу! Слышишь гром?
Она несется к нам воздушною страной!
Люблю ее, мой друг, на небе голубом,
Люблю встречать ее с тобою!

<1841>

РАЗУВЕРЕНИЕ

С единой памятью бывшего упоенья
Я жил один, в тиши, далеко от людей;
Передо мной вились минувшие виденья, —
Но тих был мир подавленных страстей.
Явились вы с невинной простотою,
С знакомою улыбкой на устах,
С внезапной радостью, с какою-то тоскою,
С какой-то тайною в задумчивых очах.
Ваш чудный взор так полон был душою,
Такая искренность в младенческих речах!
И я воскрес для новых обольщений,
Я вас преследовал, я жаждал ваших слов,
Молил у вас сердечных откровений —
И чувству нежному предаться был готов. . .
Бегите ж прочь моих обманчивых волнений!
Не верьте мне! Все это — не любовь.
Нет, внемя вам, я вместе помнил стоны,
Я помнил сад, прощальный, долгий взор. . .
Другой, покинутой, далекой Дездемоны
Во тьме ночей мне слышался укор. . .

<1841>

МЕЛОДИИ

1

Мне снится вдруг — и запах роз,
И зелень светлая берез,
Прохлада утра, плеск ручья,
В дубраве пенье соловья,
Старинный дом, знакомый дом.
Всё те ж ракиты над прудом.
Мне снятся милые черты
Во блеске прежней красоты;
Кудрями черными облит
Цвет бледно-маговых ланит, —
И будто долго, как тогда,
Целую бледные уста. . .
Вот будто молод стал я вновь,
И верю в счастье и в любовь;
И будто снова должен я
Навек покинуть те края. . .

2

Подруга тайная на вечную разлуку —
Когда я покидал долины южных стран, —
Литвинка милая, полна сердечной муки,
Вручила мне тебя, заветный талисман!
Ты — не браслет с руки, не перстень обручальный,
Не цепь, не медальон в оправе золотой, —
Бесценный дар любви, мой талисман печальный,
Храню, как жизнь, тебя я, локон шелковой!
Бывало, как змея, в час ночи ароматной
По бледному челу неслышно ты скользишь. . .
Теперь, товарищ мой в судьбе моей превратной,
Ты сердце хладное ревниво сторожишь. . .

3

Не пышный катафалк раскинут над тобою;
Тебя не провожал карет блестящий ряд;
Твой гроб простой с бесцветною парчою
Подруги юные задумчивой толпою
Несли земле, как матери, отдать.

Ты сирота была, ты рано так почила!
Но, говорят, была прекрасна ты...
И вот уже на бедную могилу
Подруги нежные безмолвно и уныло
Бросают свежие цветы.

<1841>
Село Прыски

КОРОЛЬ

Из Гете

Король был на острове Фуле;
По гроб он был верен душой.
Ему, умирая, подруга
Вручила бокал золотой.

Всей жизни бокал стал дороже!
Его, что ни раз, осушал.
Он жадно вонзал в него очи
И жадно до дна выпивал.

Когда же почуял кончину,
Король города сосчитал, —
Всё отдал наследнику царство,
Не отдал дареный бокал.

И сел он за пир, как бывало.
С ним рыцари сели кругом —
В высоком, наследственном зале,
Там — в замке, на берегу морском.

Вставал он тут, бражник старинный,
Последний бокал осушал, —
И разом он в волны бросает
Святой, заповедный бокал!

И видел, как неся, сверкая,
Как в бездну пошел он ключом.
Закрылись тогда его очи,
Ни капли уж не пил потом.

<1841>

ИЗ ГЕЙНЕ

Жизнь — не насытнный мучительный день;
Смерть — ночная прохладная тень.
Уже смеркалось. Сон вежды смежил;
Я устал: меня день истомил.

Вот уж ива стоит надо мной. . .
Там запел соловей молодой, —
Звонко пел про любовь свою он,
Его песням я внемлю сквозь сон.

<1841>

СТАНСЫ

Опять пред тобой я стою очарован,
На черные кудри гляжу, —
Опять я тоской непонятной взволнован
И жадных очей не свожу.

Я думаю: ангел! какую цену
Куплю дорогую любовь?
Отдам ли я жизнь тебе с жалкой борьбою,
С томленьем печальных годов? . .

О нет! но, святыней признав твою волю,
Я б смел об одном лишь молить:
Ты жизнь мою, жизнь мою — горькую долю
Заставь меня вновь полюбить!

<1841>

ПЕСНЯ

Уж как в ту ли ночь,
Что под бурею
Собирался в путь
Душа-молодец,
Не на званный пир,

Не в беседушку —
Через три села,
В гости к барину —
Допросить, узнать:
«Али весело
Подстрелить ему
Лебедь белую,
Что увезть, отнять
Молодú жену —
Жену молодца
Чернобровую?»
На кудрях его
Шляпы не было,
Дорогой кафтан
Не запахивал,
Соколиный глаз
Не прищуривал.

Уж как в ту ли ночь
Что есть сил скакал
Из гостей домой
Душа-молодец.
У него в лице
Крови не было, —
Рука правая
По локоть в крови. . .
Как в луга влетит —
Да усмехнется,
Через темной лес —
Расхохочется,
Али зелен бор
Откликается!

*19 июля 1841
Село Прыски*

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ

«Отопри мне, голубица!
Выйди, добрая моя!
Отзовись, моя царица,
Совершенная моя!

Шенк

Ужь как в тули новь,
Тмо погъ бурю -
Собираем вь пунт.

Душа - молодецъ -

Не на сваной пирь,

Не вь вьсадушкы,

Тереть три сина,

Крощи не барину

Допросить, ухитив:

"Али всемо

Подружмуть ~~внучку~~ ему

Лебедь вь мучо,

Тмо увезъ, отинадъ

Молоду жему -

Жему молодца

Териобовуло ? а

Махуръ вь со

Шушно не было,
Дорогой кафтанъ
Не запыливать,
Соколиной' глазъ
Не пугивать.

~~Ужъ какъ въ ту же ночь~~
~~Съ ^{своею сестрой} ~~сестрой~~ ^{сестрой} ~~сестрой~~~~
~~Ужъ ^у ~~сестры~~ ^у ~~сестры~~~~
Душа — молодая.
У него во штырь
Крови не было,
Рука правая
По-покою в хробу...
Какъ в миге висталъ,
Да улетелъ,
Тереть мениш' итв
Пароковетъ, —
Или' земли топъ
Откинуаетъ!

В. Кривош

Уж ланиты молодые
Упитались росой,
И с кудрей моих ночные
Капли падают струей».

— «Я одежды уж сложила;
Как же вновь я облекусь?
Брат мой! ноги я умыла, —
Как я с ложа подымусь?»

Но рука меня искала,
Неотступная, во тьме...
О! как вся затрепетала
Я в смятении и в огне!

Дверь для брата мной отверста...
То — возлюбленный мой брат!
Полны мирра мои персты,
С ручек каплет аромат.

И, полна благоуханья,
Я под сень его ввела, —
И, горя, в его лобзанье
Вся душа моя прешла!

*5 сентября 1841
Село Прыски*

7 ЯНВАРЯ

Тоска души, тоска неутолимая!
Зачем забвенью не дано?
Зачем вставать с упреком, тени милые?
Ведь я оплакал вас давно...

Ведь я давно за всё ценой страдания,
Годами муки заплатил, —
Ведь я ж давно безумные желанья
В безумном сердце заглушил...

1841

АНАКРЕОН

Он был седой, веселый старичок,
За чашею забавный греховодник.
Любил он дев и юношей кружок, —
Любовь им пел — их вечный хороводник.

На старости потешник дев молодых, —
Они его лукаво целовали,
Его чело гирляндой роз живых,
Плющом и лавром обвивали,

Твердя ему: «Ты стар, Анакреон!»,
Без памяти проказника любили, —
И песни те, что пел шалуньям он,
На память музы затвердили.

1841

* * *

Скучны, други, под шатрами
Кочевые ваши дни:
И тоскою, и дождями
Отуманены они.
Не привыкнув к вашей доле,
Сердце сжалось и грустит;
Как уныло в диком поле
Небо серое глядит!
Сыро стелются туманы,
Потянулись журавли,
И вставать под барабаны
С первым проблеском зари.
Своеравными судьбами
Я к вам в гости занесен
И под легкими шатрами
Кочевать здесь осужден.
Но люблю порой в палатке,
Поместившись между вас,
О войне, о жаркой схватке
Слушать воина рассказ.

Есть забвенье в этой доле!
Душен воздух городов!
Мне отрадней в диком поле
Кровля легкая шатров, —
Веселее мне с зарею
Встрепенуться и вскочить,
И холодную росую
Сонны очи освежить,
И встречать с живым волненьем
Грохот пушек вестовых,
Ратей грозное движенье,
Ржанье коней боевых!

1841

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

Со кручиннушки шатаюсь,
Выйду в сени постоять;
На перильца опираясь,
На крылечке подышать.
С милым другом я рассталась, —
Как же мне не горевать?

У меня ль, у черноокой,
Зелен садик расцветал,
Вдоль по заводи широкой
Белый лебедь мой гулял;
В светлый терем издалика
В гости сокол прилетал. . .

Терем тучка обложила,
Зелен сад уж не цветет,
Пышно лебедь белокрылый
Через заводь не плывет, —
Для чего ж ко мне мой милой,
Свет, не жалует, нейдет?

1841
Село Прыски

К чему ты, мрачное томленьё?
 Я не боюсь судьбы угроз, —
 Я не хочу уж обновленья
 Безумных радостей и грез. . .
 О! я молю, хоть на мгновенье,
 Одно отраднсе забвеньё,
 Да каплю-две бывалых слез!

1841

НОЧНОЙ ТОВАРИЩ

В чистом поле что есть силы
 Скачет конь мой вороной.
 Всё кругом, как бы в могиле,
 Полно мертвой тишиной.

В чистом поле, на просторе,
 Мчусь я с песней удалой.
 Кто-то — слышу — в темном боре
 Перекликнулся со мной. . .

Полночь било; в темной дымке
 Полумесяц молодой.
 Чую: кто-то невидимкой
 Скачет об руку со мной. . .

<1842>

РОМАНС

Всё безгласно, как в пустыне,
 В тихих улицах Москвы.

.

Ароматом и прохладой
 Воздух ночи напоен;
 Перед стройною громадой,

Под гербом, над колоннадой,
Для чего ж открыт балкон?

Вот хозяйка молодая
Показалась при луне,
Легким призраком мелькая
На воздушной вышине.
Вдруг с чугунного балкона
Черны кудри наклоня,
Как кумир Пигмалиона,
Вспыхнув страстно, беспокойно,
Внемлет топоту коня. . .

Пред воздушной красотою
Стройный всадник проскакал.
«Завтра, в полночь, я с тобою!» —
Слышу, внятно ей сказал.
И, как вихорь, за оградой
Невидимкой скрылся он.
Перед стройною громадой,
Под гербом, над колоннадой —
Пуст привешенный балкон. . .

<1842>

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Увы! Столько лет пролетело!
Пора перестать нам грустить;
В нас сердце давно охладело,
Давно перестало любить.

Иная чреда ожидала,
Молили и мать и отец;
Ты долго им, знаю, внимала —
И тихо пошла под венец.

Любви не дала ты с рукою;
Всё было равно для тебя. . .
Что ж? Может, обычной чредою,
Я буду женат, не любя.

Сойдемся ль чрез долгие лета,
В помине не будет любовь —
В пустыне ли, в вихре ли света
С тобою мы встретимся вновь. . .

<1842>

* * *

Мечтой и сердцем охладелый,
Расставшись с бурями страстей
Для мук любви окаменелый,
Живу я тихо меж людей.

Мои заветные желанья
Уж в непробудном сне молчат,
Мои сердечные преданья
Мне чудной сказкой уж звучат.

Но я живу еще: порою
Могу я чувствовать, страдать;
Над одинокой головою,
Хоть редко, — веет благодать;

Созданья гения — поныне —
И добродетели простой
Высокий подвиг, как святыня,
Моею властвуют душой. . .

1842.

* * *

Свой век я грустно доживаю.
Вы — только начали лишь жить.
Я ваши чувства понимаю,
Хоть не могу их разделить.

Увы! Среди толпы ничтожной
Судьба назло сводила нас;
Я предался неосторожно
Очарованью видеть вас.

Я бы не должен забываться,
Давно изведав сам себя, —
Мгновенным чувством увлекаться
И возмутить вас, не любя. . .

И мы страдаем, хоть и разное,
Но горе вместе будем пить:
Вы — что любили так напрасно,
А я — что не могу любить.

<1843>

ПОСЛАНИЕ ПЕНЕЛОПЫ К УЛИССУ

Героида Овидия

Ныне твоя Пенелопа это тебе посылает, Улисс!
Но ты не пиши мне ответа. Сам приходи.
Знаю, что Троя погибла, ненавистная девам данайским,
Будто уж не было Трои, и не было вовсе Приама.
О, если б тогда, как из Спарты на флоте бежал он,
В ярых волнах утонул — обольститель лукавый,
Я б не лежала теперь на холодном, покинутом ложе,
Я б не роптала, что медленно дни так проходят, —
Мне, что ищу обмануть эти долгие ночи,
Праздных бы рук не томили навитые крѣсны.
И когда ж не боялась я бед еще больших, чем были?
Ведь любовь же заботы полна, хлопотливого страха.
Всѣ мне троянцы, казалось, злые тебя настигают,
При имени Гектора вся бледнею, бывало;
Если расскажут, что Гектор сразил Антилоха, —
Антилох причинял уж нам страх несказанный;
Иль Менетиас погиб от незримой засады, —
Плакала: хитрости ваши могли не удасться;
Кровью своей Триптолем раскалил ли ликийскую
стрелу —
С смертью его и томленье мое оживало;
Кто б ни погиб, наконец, у вас — в стане ахейском, —
Вечно, как льдом, цепенело влюбленное сердце.
Но чистой любви поспешил он — Зевес правосудный:
Пал Илион навсегда от бесстрашного мужа!

Вспять возвратились вожди, алтари закурились,
Отчим богам отдана дорогая добыча.
Жены за милых мужей несут благодарные жертвы, —
А они все про славу поют — победители Трои!
Дивятся им строгие старцы, и пугливые девы дивятся;
Супруга, на выс повиснув, слушает речи супруга.
И иной же из них на столе представляет свирепые бои,
Малою каплей вина целый Пергам нарисует:
Здесь протекал Симоис, там стоило гигейское поле,
Здесь был высокий чертог злополучного старца Приама,
Сюда вот Аякс, сюда же Улисс устремлялся,
Здесь весь растерзанный Гектор пугал бурно мчавшихся
коней,

Всё это нашему сыну родному (о тебе я спросить
посылала)
Нестор сказал престарелый, а после дитя мне сказало.
Сказало оно, как зарезаны Рез и Долона,
Как этот был сном, тот лукавой изменой был предан.
Дерзнул ты, о, слишком и слишком своих позабывший,
Ночью прокрасться коварно к фригийскому стану,
И только вас двое — отважные! — столько мужей
умертвить.

Но то хорошо, что ты был осторожен, что ты обо мне
прежде вспомнил;
Даже ужас объял твою грудь, когда ты, победитель,
промчал,
Другом сказавшись врагам, через стан их коней
исмаирских.¹

Но что для меня, что мышцами сильных разметан
В прах Илион, что поле теперь, где стена возвышалась, —
Если я всё остаюсь, как была, когда Троя стояла,
Если по-прежнему всё много сердцу не вижу?
Пусть его нет для других, для меня же Пергам
остается,

Где пленным волом уже пашет пришлец-победитель, —
Уж жатва, где Троя была, и ярко, роскошно
Земля зацвела, потучнев от фригийския крови;
Полупогребенные кости мужей поражает
Выгнутый плуг; руины трава уж покрыла.

¹ Кони, которые, по воле богов, должны были ввести в Илион машину, наполненную греческими воинами.

Тебя только нет, победитель! — И узнать не могу я,
Зачем ты, жестокий, в какой стороне остаешься!
Кто к сим брегам ни направит кормы чуждедальней,
Отсель не уйдет о тебе без многих и долгих

расспросов;

Ему, чтоб вручил тебе (если он где повстречает),
Свиток всегда я отдам — там знакомую руку увидишь.
Мы посылали уж в Пилос, в землю нелейскую
Старого Нестора; в Пилос дошли лишь неверные слухи;
Мы посылали и в Спарту, но правды и в Спарте
не знают.

В каких ты странах поселился, о, где ты безжалостно
медлишь?

Лучше б стояли поныне Феба высокие стены!
Сержусь малодушная я, увы! на свои уж обеты.
Знала бы, где ты сражаешься, только б войны
и боялась,

С многими жалобы те же, долю одну бы делила.
Чего я боюсь — не знаю; однако всего же, всего я
боюсь.

Безумная! — Горю конца уж не вижу. . .
Сколько на море опасностей, сколько их суша скрывает,
Столько причин всё ищу я отсутствию долгому друга.
Подчас и безумно помыслию: какое у вас сладострастье,
И ты уже, может, пленен чужеземной любовью,
Может быть, с нею и речи заводишь,
Какую ты дома простую покинул супругу:
Только что прясть она грубые нити умеет.
Пусть ошибаюсь, и грешное слово пусть ветер
развеет.

Ужели ты, вольный, в разврате отсутствовать
хочешь? —

Меня ж с одинокого ложа сойти принуждает
Родитель Икарий — бранит мою долгую верность;
Но пусть что угодно ему: я твоя, и твоей я должна
называться;

Пенелопа — останусь я вечно супругой Улисса.
Он же стыдливой мольбой и святыней моей
сокрушается

И сам свое сердце смиряет.
Дулийцы, самосцы и те, что высокий Яцинт посылает,
Толпой сладострастной ко мне женихи набежали;

Уж твоим завладели двором, и никто удержать их
 не может.
 Так верное сердце мое, а богатства Улиссовы гибнут.
 Что́ я тебе расскажу о Пизандре, свирепом Медонте,
 Эвримахе, о жадной душе Антиноя
 И о всех, что на стыд себе ты питаешь
 Чрез труд и чрез кровь добытым достояньем?
 Ир неимуший и жалкий Медантес, последний
 из смертных, —
 Крайний нам стыд и позор! — и они обижать тебя
 смеют.
 Трое нас здесь беззащитных: робкая сердцем супруга,
 Да старец Лаэрт, да наш Телемак — еще отрок.
 Он же недавно едва не погиб у меня через козни,
 Когда собрался было в Пилос, нашим не внемля
 советам.
 Но молю, да велят это боги — по ходу судеб
 неизменных, —
 Чтоб сын наш, в минуту кончины, и мне и тебе закрыл
 очи.
 Но здесь — ни Лаэрт, ко брани уже неспособный,
 Царством управить не может, теснимый от злобных
 соседей
 (Только бы жил Телемак: он будет и храбрый
 защитник,
 Хоть отроку ныне ему нужна родителя помощь),
 Ни я отогнать не могу врагов от нашего крова:
 Ты возвратись к нам скорее, наша защита и пристань!
 Есть — и молюсь, чтобы жил он! — сын у тебя; его
 в нежные лета
 Ты должен всему обучить, чтоб был он достойным
 героем,
 Спешн на Лаэрта взглянуть и навеки сомкнуть ему
 вежды:
 Он последний, судьбою назначенный срок доживает;
 И я, что ребенком тебя проводила, — наверно,
 Когда возвратишься домой, тебе покажусь уж
 старушкой.

<1843>

ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Увы! как лживый сон, судьба играет нами,
От резвой юности до сеней гробовых;
Смеется злобно жизнь над чувством, над страстями,
Над клятвами безумцев молодых.
Как я любил тогда! В разлуке безнадежной,
С минуты горестной, с минуты роковой,
Когда в последний раз блеснул мне образ нежный,
 Как бледный дух над урной гробовой, —
В разлуке горестной я с ней не разлучался,
В душе тоскующей одну ее носил,
С другими девами, чуть встретясь, расставался:
 Я никого с тех пор уж не любил.
И йспил все до дна сомненья и страданья —
Скиталец сумрачный в краю чужом — вдали,
И всё казалось, что с нею мне свиданья
 Не перенести. . . Но годы шли да шли!
И встретил я ее. . . То было в полдень ясный;
На празднике весны прошла передо мной. . .
Опять увиделись! . . Она была прекрасна,
 Но уж не та, и я уж был другой.
Что ж? Ничего в тот миг во мне не пробудилось;
Я в сердце прошлого следов уж не сыскал,
Лишь думал, на нее смотря: «Как изменилась!»
 «Ты постарел!» — мне взор ее сказал.

29 августа 1843

Ф. Ф. БОДЕНШТЕДТУ

Что пожелать на путь для вас?
Пусть будет цел ваш тарантас —
С Лубянки Малой до Кавказа,
Да не коснется вас зараза,
Ни пуля горца, ни аркан,
Да будет полон ваш карман,
И гор гранитные узоры
Пускай обрадуют вам взоры.

Но ваших спутниц, юных дам,
Доставьте ж в целости... мужьям
И после пейте заодно
Там кахетинское вино.

Октябрь 1843

РОМАНС ПЕЧОРИНА

Как блудящая комета,
Меж светил ничтожных света
Проношуся я.
Их блаженства не ценил я;
Что любил, всё погубил я...
Знать, так создан я.

Годы бурей пролетели!
Я не понял, верно, цели,
И была ль она?
Я б желал успокоенья...
Сила сладкого забвенья
Сердцу не дана.

Пусть же рок меня встречает,
Жизнь казнит иль обольщает —
Всё уж мне равно.
Будь то яд, или зараза,
Али бой в скалах Кавказа, —
Я готов давно.

<1845>

М. П. Б.

Когда вы будете большие,
В те дни не будет уж мсня;
Через ворота роковые,
Мой друг, уйду далеко я.

О темном будущем гадая,
Уверен только я в одном:
Как я, и книжка записная
При вас недолго проживем.

1840-е годы

ПЕСНЯ

Он быстрее, он отважней нагорных орлов,
На нем кивер косматый кавказских полков,
Он озлоблен душой, он отчаянно смел,
Рано в бурях и в людях мой друг охладел.
Его верная пуля над жизнью вольна,
Его речь беспощадной насмешки полна.
Но не знаете вы, как он нежен порой,
Как любить он умеет — шалун молодой,
Но не знаете вы, как он горько грустит,
Как он гордые слезы порою таит.

1840-е годы

* * *

Как звуки песни погребальной,
Как в темну бурю вихря вой,
Так безотраднa и печальна
Душа, убитая тоской.

Я не желаю обновленья
Погибших радостей и грез;
Нет, я молю хоть на мгновенье
Одно отрадное забвенье,
Да капли две бывалых слез.

1840-е годы

ОЖИДАНИЕ

Встречай, моряк, в равнинах океана
С отрадою веселый островок;
Верь, мусульман, за книгою Корана,
Что заповедал твой пророк:
Я — весь томление, я жду, как талисмана,
Еще вчера обещанных мне строк.

1840-е годы

* * *

Нас с тобой обручило несчастье,
Обвенчали нас буйные страсти,
Обменялись восторгами мы,
Хоть без клятв, средь полуночной тьмы...

Отчего же, скажи, друг мой милый,
С той поры наши встречи унылы?
Отчего ж мы так часто молчим
И ни смеху, ни слез не хотим?

1840-е годы

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

О! приди ко мне скорее,
В заповедный час, —
Здесь никто в густой аллее
Не увидит нас.

Полный робкого желанья
Средь ночной тиши,
Я несу тебе признанья,
Всю любовь души.

С милых уст я поцелую
Жду лишь для себя,
Да сказать тебе хочу я,
Как люблю тебя!

О, приди же! Над закатом
Уж звезда взошла,
И как дышит ароматом
Тихой ночи мгла.

О, приди ж ко мне скорее,
В заповедный час, —
Здесь никто в густой аллее
Не увидит нас. . .

1840-е годы

* * *

С дарами чаша предо мной сияла,
А на глазах моих слеза дрожала;
А к чаше той смиренно приступал
Украшенный звездами генерал;
Шли набожно — и пышная графиня,
И в рубище одетая рабыня,
Калека-нищий, чуть живой старик,
Богач-купец и сильный временщик.

И чаша та недаром же сияла,
Слеза недаром на очах дрожала;
Все были тут любовней и дружней,
И с умиленьем я пред чашей сей
Прочел в вельможе и в рабе убогом,
Что братья мы, что все равны пред богом.

1840-е годы

* * *

Недаром же резвых подруг,
Дитя, ты покинула круг,
Недаром же в вечер глубокий
Уходишь ты в сад одиноко —
И тихо, шалунья, потом
Мелькнешь под заветным окном. . .

Горят твои быстрые глазки,
Зовут твои робкие ласки. . .

О! скоро — мне всё говорит —
Невинный твой смех улетит,
Заплачут веселые очи,
Настанут бессонные ночи, —
Что жадно коварный порок
Убьет тебя, бедный цветок!

1840-е годы

ЖЕНИХ

Вот от невесты он примчался,
Ее покинув лишь на миг;
С разгульной жизнью он расстался,
И скоро свадьбе быть у них.

И вот он весел и прекрасен,
И только грезит, что об ней:
Как взор ее небесный ясен,
Как темен мрак ее кудрей;

Какой Дианой молодою
Она проходит меж подруг.
Но вдруг поник он головою,
И бледен, смутен стал он вдруг.

И так сидел, потупя очи,
На зов любви не полетел,
И целый день до темной ночи
Промолвить слова не хотел.

Уж не ревнивое ль сомненье
Успело радость омрачить,
Или блеснуло убежденье,
Что он не будет уж любить?

Иль этот дар заветной розы
Напомнил, может быть, укор,
Разлуку давнюю и слезы,
Другой, когда-то милый взор?

1840-е годы

* * *

Как до времени, прежде старости
Мы дотла сожгли наши радости.
Хоть и нет седины в молодых кудрях,
Хоть не тух огонь в молодых очах,

Хоть и кровь кипит, у нас силы есть,
А мы отжили, хоть в могилу несть.
Лишь в одном у нас нет сомнения:
Мы — несчастное поколение.

Перед нами жизнь безотрадная —
Не пробудится сердце холодное.
Нам чуть тридцать лет, а уж жизни нет, —
Без плода упал наш весенний цвет.

1840-е годы

* * *

Стоят паликары кругом,
Заслушались речи поэта.
В крови было платье на нем,
За поясом два пистолета.

Изранен и бледен был он;
Но блещут орлиные взгляды. . .
Пред ним зеленел Марафон,
Плескалось море Эллады.

«На брань, паликары, на брань!
При вас ли мечи и пищали?»

Брат-грек! за отчизну восстань,
Как предки твои восставали!

Ведь это отчизна чудес! —
Здесь слышались речи Платона,
Здесь Фидием создан Зевес,
Возникли столпы Парфенопа.

Не здесь ли, Эллада, твой сын
Развил необъятные силы?
Бессмертен, друзья, Саламин!
Лишь в Греции есть Фермопилы.

Когда же постыдную дань
На вольных орлов налагали?
На брань, паликары, на брань!
При вас ли мечи и пищали?»

— «При нас! — паликары гремят. —
Во имя Христа и Софии;
За нас великаны стоят —
Друзья из далекой России.

Уж грозно их блещут штыки
На бреге заметном Дуная:
Как тучи, находят полки
Спасителей бедного края».

6 декабря 1853

* * *

Нескучное наскучило,
Новинское старо,
На Пресне пруд заплесневел,
А в парке никого.

В Сокольниках не соколы,
Вороны лишь живут,
Там жители московские
Не птиц — баклуши бьют.

Нет, несколько подалее
Я от Москвы хочу,
В Коломенское, в лагери,
К кадетам укачу.

Там дерево любимое
Великого Петра,
Там юные друзья мои,
Туда пора, пора!

1854

К. С. АРСАНОВ

Константин Сергеевич Аксаков родился 29 мая 1817 года в селе Ново-Аксаково Оренбургской губернии. До девяти лет он прожил в патриархальной тиши отцовского имения. Лишь в 1826 году его отец, писатель С. Т. Аксаков, вместе со всей, к этому времени уже довольно разросшейся семьей переехал в Москву.

Первоначальное образование Аксаков получил в деревне, в доме родных. Много времени уделял воспитанию своего старшего сына-первенца сам С. Т. Аксаков. Внутри семьи царила та атмосфера взаимной любви и уважения, которая создавала чрезвычайно дружественный характер отношений между взрослыми и детьми. Летом 1832 года К. Аксаков в течение двух месяцев провел в Подмосковной М. П. Погодина, в его пансионе, где занимался под руководством Ю. И. Венелина. А в августе того же года Аксаков успешно сдал экзамены в Московский университет и был зачислен на словесное отделение.

По свидетельству Аксакова, он мало почерпнул знаний из профессорских лекций, но много вынес из университетской жизни. Попад в студенческую среду, Аксаков сразу окунулся в атмосферу серьезных умственных интересов. Поэзия и философия, история и эстетика — таков был духовный мир, в котором жила университетская молодежь. И пожалуй, больше всего увлекалась она философией. М. П. Погодин вскоре после поступления Аксакова в университет заметил «опасную» перемену, происшедшую с его бывшим воспитанником. В его дневнике появляется тревожная запись: «Неприятнейшие известия о Константине Аксакове, который с ума сходит от самолюбия... Новое направление. Толкует о философии. Действительно может причинить вред». ¹

¹ Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 14. СПб., 1891, стр. 307.

Уже на первом курсе Аксаков через Дмитрия Топорнина познакомился со Станкевичем, который был двумя курсами старше. Почти каждый день у него собирались друзья: Иван Ключников, Василий Красов, Виссарион Белинский и другие. Знакомство с этими людьми, которое вскоре переросло в дружбу, оказало существенное влияние на духовное развитие Аксакова. Многим был обязан он и некоторым профессорам университета — особенно Н. И. Надеждину, М. Т. Каченовскому.

К студенческим годам относится пробуждение серьезного интереса Аксакова к поэзии. До нас дошло около четырех десятков его стихотворений тех лет. Далекие от художественного совершенства, они вместе с тем существенны для понимания внутреннего мира автора и того круга молодых людей, в котором он жил. Некоторые из этих стихов печатались в «Телескопе», «Молве», позднее — в «Московском наблюдателе»; они обратили на себя внимание читателей и вызвали положительные отзывы Белинского.

Летом 1835 года Аксаков закончил университет и 28 июня этого года «за отличные успехи и поведение» был утвержден кандидатом отделения словесных наук.

После окончания университета мало что изменилось в условиях жизни Аксакова. Он продолжал писать стихи, изучать историю и немецкую философию, особенно Гегеля. В тихой, внешне безмятежной жизни Аксакова были свои коллизии, порой даже очень драматические. Серьезным душевным испытанием явилось вспыхнувшее в нем глубокое чувство к его двоюродной сестре Марии Карташевской, проживавшей в Петербурге. Умная и образованная девушка была постоянным корреспондентом Аксакова. Их переписка, почти целиком сохранившаяся, является интереснейшим документом духовной жизни русской молодежи 30-х годов прошлого века. Мать девушки — сестра писателя С. Т. Аксакова (та самая, которая послужила прототипом героини его повести «Наташа») и отец ее — Григорий Иванович Карташевский, бывший некогда воспитателем С. Т. Аксакова в казанской гимназии, — категорически воспротивились роману, который начал завязываться у молодых людей. Им запрещено было встречаться, даже переписываться.

Летом 1838 года Аксаков совершил пятимесячную поездку за границу. Он побывал в Германии и Швейцарии. Впечатления, вынесенные из этой поездки, укрепили Аксакова в его страстной приверженности к немецкой культуре, особенно к Гегелю, Шиллеру и Гете. Он продолжал писать оригинальные стихи, но кроме того много переводит немецких поэтов.

К концу 30-х годов внутри кружка Станкевича начались серь-

езные осложнения. Возникшее было разномыслие между Аксаковым и Белинским быстро углублялось и близило их отношения к полному разрыву. После переезда Белинского в Петербург и смерти Станкевича в идейной эволюции Аксакова произошли серьезные перемены. Он сближается с И. В. Киреевским и А. С. Хомяковым и очень быстро становится одним из самых пылких и фанатичных «бойцов славянофильства», одним из его идеологов.

Сам Аксаков считал 1842 год переломным в своем духовном развитии. Кончилась юность, наступило «время мужа», как он сам отмечал. Интересы эстетические, философские начинают быстро уступать место увлечению «земным делом». Аксаков проникается политическими идеями, которым он теперь с радостью готов отдать в жертву свою недавнюю страсть к немецкой философии.

В 40—50-х годах поэзия Аксакова претерпевает существенную эволюцию. Темы лирические и философские почти иссякают, и в его творчестве начинает преобладать политическая струя. В стихах он становится таким же страстным пропагандистом славянофильских идей, как и в своих статьях.

Аксаков, как и все славянофилы, горячо прокламировал свою приверженность к национальным традициям, к русской старине, уважение к народным обычаям. Он отрастил себе бороду и появлялся в обществе не иначе как в зипуне и мурмолке. Это стремление возродить национальное «русское платье» вызывало в Москве насмешливые пересуды. «Во всей России, кроме славянофилов, никто не носит мурмолок», — смеялся Герцен и, ссылаясь затем на свидетельство П. Я. Чаадаева, добавлял: «А К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персиянина...»¹ Даже Иван Аксаков не мог удержаться от иронических комментариев в адрес своего брата: «Любопытно было бы мне знать: какое впечатление на крестьян произвел костюм Кости? Я думал, что он тщетно старался уверить их, что это костюм когда-то русский».² Когда в октябре 1845 года Шевырев сообщил за границу Гоголю, что Аксаков «бородой и зипуном отгородил себя от общества и решился всем пожертвовать наряду»,³ Гоголь с раздражением ответил: «Меня смутило также известие твое о Константине Аксакове. Борода, зипун и прочее... Он просто дурачится, а между тем дура-

¹ А. И. Герцен. Былое и думы. — Собр. соч. в тридцати томах, т. 9. М., 1956, стр. 148.

² Письмо к родным от 22 июля 1844 г. — «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. 1. М., 1888, стр. 173.

³ «Отчет Публичной библиотеки за 1893 год», СПб., 1896, Приложения, стр. 23.

чество это неминуемо должно было случиться... Он должен был неминуемо сделаться фанатиком, — так думал я с самого начала». ¹

Эти увлечения К. Аксакова и некоторых его друзей стали в Москве предметом всеобщих насмешек. «Вне литературного круга, — вспоминал Б. Н. Чичерин, — на них смотрели как на чудаков, которые хотят играть маленькую роль и отличаться от других оригинальными костюмами». ²

Аксаков пытался придать зипуну и мурмолке «принципиальное» значение, видя в них некий символ древнерусского благочестия и смирения. «Фрак может быть революционером, — писал он А. Н. Попову, — а зипун — никогда. Россия, по-моему, должна скинуть фрак и надеть зипун — и внутренним и внешним образом». ³ Эти строки были написаны в начале 1849 года, под влиянием настроений, которые вызвали в Аксакове недавние революционные события на Западе. Они глубоко потрясли и опечалили Аксакова и его друзей, еще более укрепив их в том фальшивом понимании народности, которое давно было ими выношено. Теперь, уже без всяких околочностей, Аксаков пишет все в том же письме к А. Н. Попову: «Как пачкают эти западные люди народность! Во-первых, у них нет настоящей народности; их народность искусственная, сочиненная, натянутая. Во-вторых, они марают народность тем, что придают ей революционный характер, несовместный с истинной народностью. Народное начало есть, по существу своему, антиреволюционное начало, начало консервативное. Такова народность русская, народность истинная». В ней видит автор «вечную поруку тишины и спокойствия». ⁴

Весной 1849 года произошло событие; взбудоражившее весь дом Аксаковых. В Москву прибыл адресованный всем губернским предводителям циркуляр министра внутренних дел, именем царя запрещающий дворянам носить бороды. Возмущенный этим предписанием С. Т. Аксаков расценил его как покушение на личную свободу и как намерение правительства «задавить наше направление». Он писал сыну Ивану: «Мне это ничего, я уже прожил мой век, а тяжело мне смотреть на Константина, у которого отнята всякая общественная деятельность, даже хоть своим наружным видом. Мы решаемся закупориться в деревне навсегда». ⁵

¹ Письмо от 20 ноября 1845 г. — Полн. собр. соч., т. 12. М., 1952, стр. 537.

² Борис Николаевич Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, стр. 240.

³ ПД, ф. 3, оп. 8, д. № 15, л. 16.

⁴ Там же, л. 15 об.

⁵ Письмо от 25 апреля 1849 г. — «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. 2. М., 1888, стр. 142.

Завершился этот инцидент тем, что обоих Аксаковых вызвали в полицию и потребовали от них расписку в том, что указание министерства внутренних дел будет немедленно выполнено.

Между тем Аксаков продолжал напряженно заниматься научной деятельностью — изучением русской истории, и с особым увлечением — лингвистикой. Еще в 1839 году он написал обширную статью по поводу «Оснований русской грамматики» Белинского. Ряд последующих лет он посвятил исследованию, которое он решил защищать в качестве магистерской диссертации. Оно было издано в 1846 году под названием «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». После долгих проволочек Аксаков наконец был допущен к защите и в марте 1847 года после публичного диспута в Московском университете был удостоен звания магистра.

Это звание могло открыть перед Аксаковым возможность профессорской кафедры и ученой карьеры. Ему был предложен университетский курс в Киеве. Но Аксаков не принял этого предложения. Он не мог представить себя вне Москвы, вне родительского дома, в разлуке с любимым «отесенькой». По-видимому, Аксаков рассчитывал получить кафедру в Московском университете. Но планам этим не привелось сбыться.

Аксаков продолжает свои филологические исследования. Он пишет работу «Несколько слов о нашем правописании» (1846); позднее — «О русских глаголах» (1855), незадолго перед смертью выходит первая часть его «Опыта русской грамматики» (1860), который должен был подвести итоги его многолетним занятиям теорией и историей русского языка. В своих лингвистических работах Аксаков стремился раскрыть национальное своеобразие грамматического строя русского языка и выступал против подражательности русских грамматик западноевропейским образцам и традиционной логической грамматике.

В 40-х годах Аксаков увлекся театром. Он написал водевиль «Почтовая карета» (1845), в следующем году — драму «Освобождение Москвы в 1612 г.» (1846), затем — комедию «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» (написана в 1851, издана в 1856), драматическую пародию в стихах «Олег под Константинополем» (1858). Умозрительная и дидактическая в своей основе, драматургия Аксакова лишена была художественной цельности. Ни одна из его пьес успеха на сцене не имела.

В 40-х годах широко развернулась и литературно-критическая деятельность Аксакова. Он был одним из основателей и активных сотрудников задуманного славянофилами «Московского сборника», а затем — славянофильского же журнала «Русская беседа». В своих

статьях он выступал против писателей «натуральной школы», защищая искусство в духе философии «примирения с жизнью».

В 1855 году Аксаков написал один документ, которому придавал исключительно важное значение: записку «О внутреннем состоянии России», и передал ее через графа Д. Н. Блудова на имя только что вступившего на престол Александра II. В обсуждении и редактировании этого документа принимала участие вся семья Аксаковых. Сам К. Аксаков видел в нем своего рода символ веры славянофильства. Настоятельно и страстно рекомендовал он молодому царю созыв земского собора, как совещательного органа правительства, отмену крепостного права, введение ряда либерально-буржуазных реформ и так далее. Любимые идеи Аксакова, которые он прежде многократно высказывал, теперь были выражены в очень острых и отточенных формулировках.

Эта записка К. Аксакова сделалась вскоре широко известной и вызвала множество толков. В том же 1855 году имя Аксакова прогремело еще в связи с одним инцидентом. По случаю пятидесятилетия сценической деятельности М. С. Щепкина его друзья в Москве решили отметить этот юбилей торжественным обедом. Чествование состоялось в актовом зале Училища живописи и ваяния в присутствии двухсот гостей. Перед обедом К. Аксаков прочитал статью своего отца «Несколько слов о М. С. Щепкине», специально написанную к юбилею. Потом читали адреса, произносили спичи. В ответ на один из тостов, поднятых за С. Т. Аксакова, на середину зала вышел с бокалом К. Аксаков и, поблагодарив присутствующих, предложил тост «в честь общественного мнения!»¹ Тост был встречен громом рукоплесканий и на другой день стал злобой дня в Москве. Власти же признали выступление Аксакова неуместным, и по распоряжению московского генерал-губернатора Закревского сообщение о нем в печати было запрещено.

Имя К. Аксакова давно уже находилось на подозрении властей. Его поведение нередко казалось вызывающим, идеи, им провозглашаемые, — чересчур смелыми, на некоторые его сочинения цензура налагала запрет. Вот почему, когда в 1857 году Аксаков решил начать издание собственной газеты «Молва», ему пришлось подумать о подставном официальном редакторе. Выбор пал на молодого юриста С. М. Шпилевского. Фактически же руководил газетой Аксаков. Всего вышло 38 номеров в течение восьми с половиной месяцев. Это была небольшого формата, еженедельная, выходившая по суббо-

¹ Письмо С. Т. Аксакова сыну Ивану от 1 декабря 1855 г. — «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. 3, М., 1892, стр. 214—215.

там газета. Все важнейшие, «батареинные», по выражению П. А. Вяземского, статьи, появлявшиеся в большинстве своем без подписи, либо под псевдонимом «Имрек», принадлежали Аксакову. Они были посвящены разъяснению теоретических идей славянофильства. На страницах «Молвы» появился и ряд стихотворений Аксакова. Издание газеты причиняло Аксакову массу хлопот. Цензура придиралась к каждому слову. Тот же П. А. Вяземский, по своему официальному положению товарища министра народного просвещения, хорошо информированный об отношении высших петербургских властей к Аксакову и его газете, по-дружески увещевал издателя «во имя Карамзина, Жуковского, Пушкина» заколотить «несколько нескромных пушек» на его батарее и воздержаться «от пальбы в заповедные места».¹ Цензура давно косилась на «Молву», одно ее неудовольствие следовало за другим. В 36 номере появилась хлесткая фельетонная заметка Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ», в которой со славянофильских позиций подвергалась резкой критике дворянская аристократия, преклоняющаяся перед Западом и утрачившая связи с народом. Заметка вызвала взрыв негодования в Петербурге и даже специальную резолюцию царя. Это означало последнее предупреждение газете. А через два номера она прекратила свое существование.

Последние годы жизни Аксакова были едва ли не наиболее кипучими и деятельными. Публицистика, литературная критика, поэзия, драматургия, филология — с необыкновенной энергией работал Аксаков в самых различных областях. И только глубокое потрясение, пережитое им в результате смерти отца, Сергея Тимофеевича, надломило его — человека, по словам Ивана Аксакова, «от природы геркулесовского сложения» — и девятнадцать месяцев спустя свело в могилу. События этих месяцев развивались очень быстро. Силы Аксакова таяли на глазах окружающих. Он заболел легочной чахоткой и по настоянию врачей был отправлен для лечения за границу. Здесь, вдали от родины, он и умер, подобно Станкевичу. Это произошло 7 декабря 1860 года на греческом острове Занде. Прах Аксакова был перевезен в Москву и захоронен рядом с могилой отца.

Смерть К. Аксакова вызвала многочисленные отклики в печати. «Честным и благородным гражданином» назвал его «Современник». «К. С. Аксаков, — говорилось в этом журнале, — носил в себе несокрушимую веру в светлую будущность России. Он любил свою

¹ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 15. СПб., 1901, стр. 282.

родину с энтузиазмом». ¹ На страницах «Колокола» откликнулся сочувственным некрологом Герцен. Назвав Аксакова одним из «благородных, неумолимых» деятелей России, Герцен подчеркнул серьезные идейные разногласия, которые были у него со славянофилами, и отметил вместе с тем: «Аксаков так и остался вечно восторженным и беспредельно благородным юношей, он увлекался, был увлекаем, но всегда был чист сердцем». ²

¹ «Современник», 1861, № 1, стр. 141.

² А. И. Герцен. Константин Сергеевич Аксаков — Собр. соч. в тридцати томах, т. 15. М., 1958, стр. 9, 10.

РУЧЕЙ

Шумит ручей, бежит ручей,
И чист, и светл, и ясен, —
В счастливой юности своей
Так человек прекрасен.

Вот, с камней падая, ручей
Клокочёт и бушует, —
Так время бурное страстей
Людей собой волнует.

Но вот уж не бежит ручей,
А стелется широко
По злаку сочному полей,
Прельщая смертных око.

Так в старости и человек
Спокойно, безмятежно
Оканчивает бурный век,
Покрыт сединой снежной.

30 июля 1830

* * *

На бой! — и скоро зазвенит
Булат в могучей длани,
И ратник яростью кипит,
И алчет сердце брани!

И скоро, скоро... Мы пойдем,
Как наказание бога,
Врагов стесним, врагов сомнем,
Назад лишь им дорога!

Кто, кто пред нами устоит?
Кто, кто сразится с нами? —
Повергнут меч, повергнут щит —
Враги бегут толпами.

Вперед! На бой нас поведет
Наш вождь непобедимый.
Вперед! и дерзкий враг падет
Иль побежит, гонимый.

Начало 1830-х годов

К. Н. Н.

Что лучше может быть природы!
Взгляни, как чисты небеса!
Взгляни, как тихо льются воды,
Как на цветах блестит роса!
Послушай — внимлешь ли ты пенье
Неподкупных лесных певцов?
Кто им внушает вдохновенье?
Кто учит языку богов?

Природа, всё она — природа!
Они всегда ее поют:
Как тучи с голубого свода,
Омыв лицо земли, сойдут;
Или когда рассвет туманный,
Играя в водяной пыли,
Им возвестит приход желанный
Светила неба и земли;

Или когда в сияньи чистом
Луна всплывет на небеса,
И блеском томным, серебристым
Покроет воды и леса,

И небо пышно уберется
В блестящий звездами покров,
И пенье соловьев несется —
Неподкупных лесных певцов!

<1832>

К Н. И. НАДЕЖДИНУ
(ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ В ТЕАТРАЛЬНОЙ ШКОЛЕ)

Ах, как приятно было мне
Смотреть на юные таланты —
На грустном жизненном венце
Они блестят, как диаманты.

Как нежно-юные цветы,
Которые златой весною,
Живяся солнца теплотою,
Пускают первые листы,
Они должны иметь большое попеченье,
Пекущийся — и навыв и умение.

В них силы должно пробуждать,
И их лелеять, укрепляя,
И поливаньем освежать,
Но поливать, не заливая.

Их силы слабы, и мороз
Малейший повредить им может, —
Увянет прелесть юных роз,
Когда садовник не поможет.

А ведь каков мороз Москвы?
Как он морозит сильно, дружно!
Искусного садовника здесь нужно,
И вот таков садовник — вы.

И пусть под вашей рукою,
Кропаясь учения росой,
Таланты юные растут
И силы смело разовьют!

О, расцветай, изящное искусство!
Украсьте же его собой,
Самарина талант прямой,
И Григоровичевой чувство,

И Максина забавная игра,
И Виноградовой прекрасный голос чистый, —
Так сцену оживят достойные артисты.
Пора! давно, давно пора!

Учитель вы и раздувайте
Святую искру в их сердцах

• • • • •
Достигнуть цели и греметь в веках.

И от себя пусть каждый возжигает
На алтаре священном фимиам
И рвением к искусству превращает
Сей дом — в священный храм.

Стремите их исполнить назначенье
Талантов истинных своих
И первое на это побужденье —
Патриотизм внушите в них!..

<1832>

ЭЛЕГИЯ

Безбрежное небо,
Когда я к тебе,
От тела свободный,
Стремглав полечу,

Я неба равнины
Измерю тогда,
И всё обниму я,
Везде разольюсь.

Мной зримые звезды
Отсюда с земли

Пред самым собою
Увижу тогда,

И в сем океане
Я плавать начну,
Проникну веками
Сотканную тьму.

Всего бесконечность
Постигну тогда,
И страшная вечность
Мне будет ясна.

О, скоро ль с землею
Ничтожной прощусь
И в небо душою
Свободной помчусь!

1832

* * *

Я видел Волгу, как она
В серебристом утреннем уборе
Лилась широкая, как море;
Всё тихо, ни одна волна
Тогда по ней не пробегала,
Лишь наша лодка рассекала
Воды поверхность и за ней,
Ее приветно лобызая,
Струя лилась вослед, сверкая
От блеска солнечных лучей.
Спокойность чистого кристалла
Ничто тогда не нарушало;
Казалось, небеса слились,
И мир глазам моим являлся:
С двух солнцев в нем лучи лились,
Я посредине колебался.

1832
Москва

Зачем я не могу среди народных волн,
Восторга пламенного полн,
Греметь торжественным глаголом!
И двигать их, и укрощать,
И всемогущим правды словом
Их к пользе общей направлять;
Сердец их видеть умиление,
Из глаз их слезы извлекать
И всё души своей волнение
В отверзтые их души изливать!
Зачем я не могу среди народных волн
Направить свой отважный челн!

1832
Москва

ВОСПОМИНАНИЕ

Как живы в памяти моей
Мои младенческие лета,
Когда вдали от шума света
Я возрастал среди полей,
Среди лесов и гор высоких
И рек широких и глубоких,
Когда в невинной простоте
На лоне матери природы,
Среди младенческой свободы,
Вослед играющей мечты,
Я наслаждался жизнью полной,
Как наших рек могучих волны.
О, как священны те места,
На них печать воспоминанья,
И легче наши нам страданья
И бремя тяжкого креста,
Когда нам память представляет
Картину прошлых первых лет;
Как дорог всякий там бывает
Для сердца нашего предмет.
Воспоминание святое!

Как живо помню я тебя,
О время детства золотое,
Деревню нашу и себя,
Когда, беспечный друг забавы,
Я был природы целой друг
И не тревожили мой дух
Мечты бессмертия и славы.
Не всё же время унесло!
Я помню тихое село,
Тебя я помню, двор обширный,
С зеленым бархатным ковром,
Тебя я помню, дом наш мирный,
Довольства и веселья дом.
И садик наш уединенный,
Где я так часто, восхищенный,
Цветы сажал и поливал!
Я помню золотые нивы —
Их ветер приветно лобызал,
И земледел трудолюбивый
Серпом златые волны жал.
Я помню рощу, где березы
Шумят тенистою главой
И где роса, как неба слезы,
Блестит алмазной красотой,
Там грусть задумчивая бродит,
Шумят леса — о этот шум!
О, сколько он теперь наводит
Мне грустных и приятных дум.
Мне что-то слышно в нем родное
И непонятное — бывшее,
Он что-то хочет мне сказать,
Он хочет мне напоминать,
О чем — не знаю, но порою
Люблю в тени густых лесов
Внимать тебе, о шум дерев,
С какой-то сладкою тоскою.
О, кто же разгадает мне,
О чем сей шум напоминает,
О чем так сладко напевает, —
Не о родной ли стороне?
Вот те места, куда желанье
Души моей меня влечет,

И на крылах воспоминанья
Я направляю свой полет.
Я обозрел их с грустным чувством,
Я повторил в душе моей
Картину невозвратных дней —
Как мог, как видел без искусства.
О, как прелестно предо мной
Мое прошедшее предстало,
Какою чистой красотой,
Какою радостью сияло.
Я должен был сказать: прошло,
Тебе не возвратиться боле
Навек, навек — и поневоле
Не плакать сердце не могло.
Но мне осталось утешенье:
Бог человеку даровал
Такое чувство, что мученье
И радость с ним он сочетал.
Оно сопутница страданья,
Оно всё время прошлых дней
Нам представляет у людей,
Его зовут — *воспоминанье*.

17 июня 1833
Богородское

ОРЕЛ И ПОЭТ

Видал ли ты, когда орел,
Взмахнув широкими крылами,
Далече оставляет дол
И плавает под небесами?
Он смотрит на светило дня,
Он сознает довольно мочи,
Чтоб свет бессмертного огня
Принять на блестящие очи!

Так и поэт, когда мечты,
К нему слетев, его обнимут
И высоко его поднимут
Над миром дольней суеты
И загорится взор поэта

Огнем божественного света, —
Тогда-то, в этот час святой,
Творит он силой вдохновенья,
Оттуда сносит он с собой
Свои чудесные виденья!

1833
Богородское

КУПЛЕТЫ Н. И. Н<АДЕЖДИНУ>

Высокая пред нами цель —
Изящное искусство!
Прияла нас их колыбель,
Воспитывало чувство.
Сияет светлый храм вдали,
В нем звуки и движенье —
Вот наше место на земли,
Вот наше назначенье!
Но кто ж нам путь сей указал,
Возвышенный, свободный,
Кто силы нам стремиться дал
К сей цели благородной?
Кто нас теперь ведет туда
Высокими речами? —
Вы угадали други, да —
Он здесь, он вечно с нами.

1833
Москва

ПОСВЯЩЕНИЕ

Когда, идя по поприщу науки,
Гомера речь я начал понимать,
Тогда его высоких песен звуки
На наш язык богатый передать
Зажглось во мне горячее желанье —
Но труд еще не может быть свершен,
Час не пришел — и в робком ожиданьи
Я остаюсь пока наступит он.
А может быть, прельщаюсь я мечтами

И не могу сказать теперь,
Заговорит ли русскими словами
Об Одиссее доблестном Гомер,
Свершится ли задуманное мною,
Найду ли я, чего ищущу, —
Но всё с надеждой дорогою
Я расставаться не хочу.
Кому ж сей труд, хотя и несвершенный,
Кому желание души моей
Я посвящу, надеждой обольщенный,
Когда не Вам, не маменьке моей?..

1833

ОТРЫВОК ИЗ ПОСЛАНИЯ К Б<ЕЛЕЦКОМУ>

Я из-за Волги, из-за бурной.
Лелеясь на ее струях,
Видал я часто свод лазурный,
Потопленный в ее водах;
Я помню, как она, бывало,
На волны вскинувши ладью,
Меня качала и певала
Мне песнь заветную свою.
Б<елецкий>, над твоей главою,
Нет, не родные небеса
Блестят приветной синевою,
Тебе не внятна их краса;
Не землю родины ногами
Ты попираешь; бросишь взгляд —
То стен и башен грозный ряд,
То наши древние соборы
Вокруг твои встречают взоры.
Да, да, Б<елецкий>, этот град —
Град нашей славы, нашей силы,
Враги сходились сюда
И находили здесь могилы
И участь громкую стыда.
А ты, Б<елецкий>, нет, не брани,
Не лавр победы твой удел,
Не громкий гул завоеваний,
Не честь кровавых ратных дел, —

Нет: в мире есть другая слава,
Она растет одна, сама,
Она звучна и величава —
То слава дивного ума.

1833
Богородское

Г. ТЕПЛОВУ, Д. ТОПОРНИНУ, М. СОМИНУ

Друзья, садитесь в мой челнок,
И вместе поплывем мы дружно.
Стрелою нас помчит поток,
Весла и паруса не нужно.

Вы видите вдали валы,
Седые водные громады;
Там скрыты острые скалы —
То моря грозного засады.

Друзья, нам должно здесь проплыть;
Кто сердцем смел — садись со мною:
Через волны, чрез скалы стрелою
Он бодро к берегу полетит.

Друзья, прочь страх! Давайте руки!
И сядем на челне одном,
И веселее без разлуки
Мы море жизни проплывем.

1833
Москва

А. В. Г.

Как рано собралися тучи,
И загремел над вами гром!
Удел печали, слез горючих
Как рано вам уже знаком!

Я видел ваш восток прелестный,
Был ясен тихий ваш рассвет,

И вам с улыбкою небесной
Младая жизнь несла привет.

Сиял безбрежный мир лазури,
Всё было радостно кругом,
Но в тишине сбирались бури
И зарождался скрытый гром.

Вот тучи дружную толпою
Поднялись медленно с земли
И небо черной пеленою
Со всех сторон заволокли,

Сошлись, — гром по ним катится,
Мрак потопил небесный свет,
Перун блестит — куда укрыться?
Приюта нет, приюта нет!

Но успокойтесь, упованье!
То благодатная гроза,
И облегчает нам страданье
Печали горькая слеза.

Не всё реветь свирепой буре, —
Наступит снова ясный день,
И облака слетят с лазури,
Как перед утром ночи тень.

Хоть труден жизни путь тернистый
И бремя тяжкого креста —
Идите смело с верой чистой,
С любовью чистой во Христа!

*4 января 1834
Москва*

* * *

Я счастлив был во времена былые,
Когда я в жизнь так весело вступил,
И вокруг меня вились мечты златые, —
Я счастлив был.

Я счастлив был: мне грех роптать на бога,
От радостей земных и я вкусил.
Через цветы вела моя дорога, —
Я счастлив был.
Я счастлив был — и та пора золотая
Живет во мне, тот дальний край мне мил,
И я люблю мечтать, вспоминая, —
Я счастлив был!

9 октября 1834
Москва

А. В. Г.

Чем в этот час в своей деревне дальней
Вы заняты? Что делаете вы?
Сидите ли, задумавшись печально,
Отдалены от суетной молвы,
Иль веселы прекрасною душою,
Смеетесь вы над бурей и грозой?
Но знайте, здесь, в Москве, от вас далеко
Есть человек, который помнит вас
И образ ваш хранит в душе глубоко
И слышит ваш давно умолкший глас.
Он не забыл прелестных дней былого,
Минувшего он счастья не забыл,
И чистый пламень чувства неземного
В своем он сердце свято сохранил!

1834
Москва (Университет)

СТРЕМЛЕНИЕ ДУШИ

Природа, я знаю, ты тайны хранишь
Под пестрой своею завесой;
На наши вопросы упорно молчишь,
Да мы не нарушим святыни.
Тебя я подслушал в журчании струй,
В раскатах небесного грома,
В задумчивом шуме тенистых лесов,
В глухом завывании ветра.

Тебя подсмотрел я в лазури небес,
В сиянии светлого солнца,
В высоких, до неба всходящих горах,
В безбрежной дали океана.

Напрасно скрываться, сними свой покров.
Тебя я люблю, о Природа,
Тебе посвящаю живые труды
И юности милые годы.

О, дай мне проникнуть в волшебный твой мир —
В мечтаниях часто он снится —
И жадно из урны волшебной твоей
Источника знаний напиться.

1834
Москва

ФАНТАЗИЯ

Был вечер. Торжественно солнце зашло,
Разлившись по небу зарею,
И свет исчезающего ясного дня
Сливался с вечернею тьмою.

Один я на бреге высоком сидел,
У ног моих воды струились,
И долго на небо и воды глядел,
Любуясь прелестною ночью.

И вдруг, погрузясь в мечты, я исчез
И весь перелился в природу —
Лучами луны я спускался с небес
На тихо бегущую воду;

В воде я лучи на струи принимал,
И, с ними играя, катился,
И небо в объятиях тихо качал
С луной и золотыми звездами;

Таинственным мраком под сенью дубрав
Чернел я, спокоен и страшен;
По мягкому лугу пестрел я в цветах,
Роскошным дыша ароматом.

И всю наполняя природу собой,
Я с нею летел в бесконечность —
И таинств завеса редела пред мной,
Доступной казалась мне вечность.

Уж истины луч предо мной заблестел...
Но вдруг я вздрогнул и очнулся:
Один я на бреге высоком сидел,
У ног моих воды струились.

1834
Богородское

* * *

Когда, бывало, в колыбели
Я плакал, малое дитя,
То мне в утеху песни пели,
Тогда баюкали меня.

И под родимые напевы
Я сном беспечным засыпал,
А голос песни сельской девы,
Слабея, тихо замолкал.

И эти звуки заронились
Глубоко в памяти моей,
И в этих звуках сохранились
Воспоминанья прежних дней.

Когда я их услышу снова,
То тихо встанет предо мной
Картина времени былого
С своей туманной красотой.

1834
Москва

РАЗДУМЬЕ

Ужели я во всем разочаруюсь!
Ужели весь прекрасный этот мир —
Одна мечта, пустое заблужденье,
И некогда слетит с него покров?

Ужели я не должен верить чувству,
Не увлекаться пламенной душой?
Сомнение жестоко разрушает
Всё лучшее, прекрасное мое.

Но отчего ж, когда мы отдыхаем
От мыслей тяжких, от сует мирских,
Мне иногда становится так сладко,
Как будто что-то душой осенит?

Передо мной мелькают дни былые
С своею прежней, милой красотой,
Украшенной еще воспоминаньем, —
Ужели то один обман пустой?

Когда ж обман — то истину возьмите,
Она гнетет, она томит меня;
Но мне обману верить так отраднo,
В обмане жить так сладко для меня.

О, прилети ж скорей, моя отрада,
Лети скорей, воздушная мечта,
Тебя я жду, тебе душа вновь рада,
Поэзии святая Красота!

1834
Москва

МЕЧТАНИЕ

Я здесь, в Москве. Судьба взяла меня,
Безжалостно младенца отрывая
От сельского, беспечного житья,
От милого, отеческого края.

Josephus Shekol

К. С. Аксаков

Но я с собой воспоминанье взял,
От горечей и бедствий в утешенье,
И часто в мир мечтаний улетаю
И забывал житейские волненья.

Фантазия, подруга дней моих,
Ты над моей виляла колыбелью,
Внушала мне неверный, первый стих,
Спускалася в студенческую келью.

Мне весел был неожиданный твой приход,
И я всегда встречал тебя с приветом,
И не слышал свистящих непогод,
Лелеемый твоим волшебным светом.

Не покидай, не покидай меня,
Мне много бурь готовит жизни море;
К толпе валов плывет моя ладья,
И ждут меня вдали беды и горе.

1834
Москва

* * *

Да, я певал, когда меня манило
Прелестное, земное бытие,
Когда луна молилась и любила
И целый мир был храмом для нее.

Когда, не зная ни бури, ни ненастья,
Я весело ветрило развивал —
Я веровал в земное счастье
И горького сомнения не знал.

1834
Москва

РУССКАЯ ЛЕГЕНДА

Могилу рыли: мертвецу
Покой и ложе нужно;
Могильщики, спеша к концу,
Кидали землю дружно.
Вдруг заступы их разом хлоп,
Они копать — и что же? — гроб
Увидели сосновый,
Нетронутый и новый.

Скорее гроб из ямы вон
Тащить принялись оба
И, осмотрев со всех сторон,
Отбили крышку с гроба.
Глядят: на мертвеце покров
Как снег и бел, и чист, и нов;
Они покров сорвали —
И чудо увидали.

Покойник свеж в гробу лежит;
Тлен к телу не касался,
Уста сомкнуты, взор закрыт:
Как бы сейчас скончался!
Могильщиков тут обнях страх,
Свет потемнел у них в глазах,
Бегут, что есть в них силы,
От страшной той могилы.

И весть о чуде принесли
В свое село; оттуда,
И стар и молод, все пошли
Взглянуть на это чудо.
И в ужас целое село
Такое диво привело;
Крестьяне толковали
И за попом послали.

Зовут его; приходит поп,
И смотрит он, смущенный,
На белый саван, крепкий гроб,
На труп в гробу нетленный.

«Не помню я, — он говорит, —
Чтоб здесь покойник был зарыт,
С тех пор как я меж вами
Служу при божьем храме».

Тогда один из поселян,
Старик седой и хилый,
Сказал ему: «Я помню сам,
Когда могилу рыли
Покойнику, тому назад
Прошло, никак, лет пятьдесят;
Я знал и мать-старуху,
Об ней давно нет слуху».

Тотчас пошли ее искать
По сказанным приметам,
И, точно, отыскали мать:
Забыта целым светом,
Старушка дряхлая жила
Да смерти от бога ждала;
Но смерть ее забыла
И к ней не приходила.

Она идет на зов людей,
Не ведая причины;
Навстречу поп с вопросом к ней:
«Ведь ты имела сына?»
— «Был сын; давно уж умер он,
А где он был похоронен —
Коли я не забыла,
Так здесь его могила».

— «Поди сюда, смотри сама:
Твой сын в земле не тлеет!»
Старушка, словно без ума,
Трепещет и бледнеет;
Священник на нее глядит.
«Ты знать должна, — он говорит, —
Что значит это чудо?»
— «Ох, худо мне, ох, худо!»

Винюсь: я сына прокляла!» —
И тихо, в страхе новом,
Толпа, волнуясь, отошла
Перед ужасным словом,
И пред покойником одна
Стояла в ужасе она.
На сына мать глядела,
Дрожала и бледнела.

«Ужасен твой, старушка, грех,
И страшно наказание, —
Сказал священник, — но для всех
Возможно покаянье:
Чтоб дух от гибели спасти,
Ты сыну грешному прости,
Сними с него проклятье,
Открой ему объятия».

И вот старушка подошла
Неверными шагами,
И руку тихо подняла
С смеженными перстами:
«Во имя господа Христа
И силой честного креста,
Тебя, мой сын, прощаю
И вновь благословляю».

И вдруг рассыпалось в прах
При этом слове тело,
И нет покрова на костях,
И в миг один истлело;
Пред ними ветхий гроб стоял,
И желтый остов в нем лежал.
И все, с молитвой, в страхе,
Простерлися во прахе.

Домой старушка побрела,
И, плача, в умиленьи,
Она с надеждою ждала
От господа прощенья,

И вдруг не стало мочи ей,
До ветхой хижины своей
Едва она добралась,
Как тут же и скончалась.

<1835>

ГРОЗА

Туча небо обтянула
Черной мрака пеленой;
Тихо молния сверкнула
Над равниной водяной;
Ветр завыл и поднял воды,
Встали дикие валы,
Дети грозной непогоды,
Под покровом сизой мглы.
Буря! Поскорее в море
Я спущу мою ладью,
Поплыву, с волнами споря,
И веслом их разобью.
Подхватил ладью холодный,
На хребет свой принял вал,
И далеко он, свободный,
В море легкую помчал.
Сильно на море упругом
Ветр качает легкий челн,
И несутся друг за другом
Волны туч и тучи волн.
Море бьется, море стонет,
Вал девятый недалек,
Недалек! — челнок мой тонет!
Пусть же тонет мой челнок!
Сладко с гордою улыбкой,
При напеве гробовом,
Скрыться под волною зыбкой
И заснуть на дне морском.

<1835>

СТЕПЬ

Есть песня у меня старинная,
Я вам спою теперь ее:
Как хороша ты, степь пустынная,
Житье привольное мое!

Как над тобою, безграничною,
Раскинулся небесный свод,
А по небу, стезей привычною,
Светило вечное идет!

Был в городах я и измучился:
Нет, не житье там для меня!
Я скоро по тебе соскучился
И оседлал себе коня!

К тебе бежал я: здесь мне весело,
Здесь я один, здесь волен я,
Здесь вижу я, как небо свесило
Со всех сторон свои края!

Тебя, привольем благодатную,
Поймет ли житель городской
И обоймет ли, необъятную,
Своею тесною душой?

Как сладко песню заунывную
В степи, под вечер, затянуть,
Залиться в звуки переливные
И в них исчезнуть, потонуть!..

Меня томит печаль глубокая:
С тобой я поделю ее,
Раздолье ты мое широкое,
Мое привольное житье!

*3 января 1835
Москва*

Как много чувств во мне лежат
 Глубоко,
Как много дум меня манят
 Далеко.
И много б я сказать хотел --
Но нет, молчанье — мой удел.

О, в этом мире много слов —
 Конечно!
Язык богат, но не таков
 Язык сердечный.
Нет, он в слова неуловим,
Так не понять меня другим!

Зачем так много истощать
 Усилий?
Напрасно: можно ли летать
 Без крылий!
Смеялся б надо мною свет,
Нет, лучше замолчу я, нет.

Итак, высокие души
 Движенья
Пускай глубоко спят в тиши,
 Без разделенья.
Я схороню их, схороню,
Не выдам суетному дню.

Но, может быть, здесь встречу я,
 Кто чувством
Поймет, чего сказать нельзя
 Искусством. —
О, ангел милый, поспеши
Принять тоску моей души.

9 февраля 1835
Москва

ПУТЬ

Туда, туда! Умчусь далеко!
Родную Русь покину я —
В дали неясной и глубокой
Таятся чуждые края.

Давно Германия манила
Воображение мое,
Жуковский лирою унылой
Напел мне на душу ее.

С тех пор всегда она туманной
Меня пленяла красотой,
И часто я к стране избранной
Летел воздушною мечтой.

Там пел он, мой поэт любимый,
Там в первый раз ему предстал
Прелестный Тэклы идеал
И Валленштейн непостижимый.

28 февраля 1835
Москва

ТЭКЛЕ

1

Прости, прелестное виденье!
Ты к нам слетело с вышины,
И здесь тяжелые мученья
Тебе от бога суждены.

С твоей страдающей душою
Ты бремя жизни не снесешь
И, недовольная землею,
В родное небо перейдешь.

Пусть скажут: ранняя могила
Тебя безвременно взяла —
«Ты всё земное совершила,
Ты здесь любила и жила».

14 марта 1835
Университетская аудитория

2

О, скажи мне, что с тобою?
Тайну сердца мне поверь,
И сердечною тоскою
Поделись со мной теперь;

Мне знаком язык несчастья,
Я слова твои пойму.
Говори — во мне участие
Встретишь горю твоему.

И печаль на сердце станет
Так отрадна, так легка,
И надежды луч проглянет
Сквозь густые облака.

1835
Москва

3

Сбылись души моей желанья,
Блеснул мне свет в печальной мгле:
Я встретил дивное создание
На этой суетной земле.

И веру теплую в небесное,
И сердца сладкие мечты
Собою, существо прелестное,
Собою оправдало ты.

На все упреки и сомнения,
В юдоли горестей и бед,

На все хулы и обвинения —
Господь тебя послал в ответ.

О, счастлив я! Мои сомнения
Бегут от взора твоего.
Мне есть кому нести моления,
И есть мне веровать в кого!

9 мая 1835
Москва

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Я счастлив был мечтой своей прекрасной,
Хранил ее от первых детских лет;
Да, я любил возвышенно и ясно,
Смотрел тогда на дивный божий свет.

Я предался любви очарованью,
Поэзии мечтаний молодых
И сладкому о ней воспоминанью,
О лучших днях, о первых днях моих.

Я возростал — и с каждым днем яснее,
Обширнее мне открывался свет,
И с каждым днем надменней и сильнее
Был гордых дум возвышенный полет.

Пришла пора, минута вдохновенья,
И из груди стесненной потекли
Свободными волнами пенопенья,
И новый мир обрел я на земли.

Когда ко мне поэзия сходила
И за стихом стремился звучно стих,
Всё о тебе мечтал я, друг мой милый,
Всё о тебе, подруга дней моих.

Бывало, грусть на сердце мне наляжет
И странные томят меня мечты,

И мне никто участия не покажет,
И все своей заботой заняты.

Тогда меня безумцем называют.
О, в те часы как часто думал я:
Пусть они меня не понимают,
Но ты, мой друг, но ты поймешь меня.

Когда меня ты, Шиллер вдохновенный,
В свой чудный мир всеильно увлекал,
И в этот час, коленопреклоненный,
Я целый свет забвенью предавал, —

Как мне тогда *ее* не доставало!
Как я хотел, чтобы *она* со мной
Создания поэта созерцала
И пламенный восторг делила мой. —

Теперь, увы! Разрушен призрак милый,
Исчезла ты, прекрасная мечта, —
Теперь брожу угрюмый и унылый,
И в сердце одиноком пустота.

12 апреля 1835
Москва

ВОЗВРАТ НА РОДИНУ

Убитого душой прими меня к себе,
Моих отцов пустынная обитель.
И здесь, опять деревни мирный житель,
Я дам отпор враждующей судьбе.

О, усмири души моей волненье,
Прошедшею мне жизнью повеи,
Родимый край! Среди твоих полей,
Быть может, я найду успокоенье.

За юные отравленные дни
Не нанесу судьбе упрека,
Забуду здесь страдания мои,
Неправые обиды рока.

И тихое уныние сойдет
Мне на душу, и, горестью счастливый,
Пойду один, печальный, молчаливый,
Куда меня дорога поведет.

16 апреля 1835
Москва

ДУМЫ

Меня навещают угрюмые гости,
Тяжелые думы приходят ко мне,
Придут и обсядут — и трепет невольный
По членам и жилам моим пробежит.

Но смело я очи на них устремляю,
Их тусклые лица я жадно ловлю,
И долго веду я немую беседу
И долго стараюсь гостей разгадать.

О многом узнал, но ко многому только
Едва прикоснулся я слабым умом,
И то, что постигнул, волнует мне душу
И силится тщетно излиться в словах.

Но твердо я верю, что день тот наступит,
Когда разрешится бессильный язык,
В устах заколеблется мощное слово,
И миру я тайны свои прореку.

13 сентября 1835
Москва

ВОСПОМИНАНИЕ

Кто отдаст мне молодость, время незабвенное,
Время наслажденья? —
Ты, воспоминание, чувство драгоценное,
Чувство утешения!
Я стою задумчивый: ты лучом живительным
Гонишь мрак минувшего —
И картины тянутся призраком пленительным
Счастья мелькнувшего!

Время их окутало сумрачною дымкою;
Многое скрывается. . .
Горесть в душу бедную входит невидимкою,
Сердце надрывается!
Это слезы радости, это слезы сладкие
Милого свидания:
От скупого времени я хожу украдкою
В мир воспоминания;
У Сатурна старого там оно, игривое,
Крадет дни минувшие,
И страдальцу видятся времена счастливые,
Радости уснувшие.
Снова вижу деву я в тишине торжественной,
В дымке фантастической;
Снова слышу голос я девы той божественной,
Голос мелодический!
И стремлюся радостно я к мечте таинственной,
По пути страдания;
Верный друг идет со мной, спутник
мой единственный —
Ты, Воспоминание. . .

*17 ноября 1835
Москва*

СКАЛА

Скала наклонилась над бездною морской
И в воды отважно глядится;
На ней, недовольный долинь красотой,
Орел бурнокрылый гнездится.
Ее обвивает волнистая мгла,
И, в сизом покрове тумана,
Стоит, чуть видна, вековая скала,
Как призрак бойца-великана.
Печально выл ветер, и мраки легли
На землю густым покрывалом,
Неслись на скалу и взлетали валы —
Скала им в ответ напевала:
«Бейся, море, со мной, мой старинный злодей,
Высылай своих ратников шумных!

Их напор встречу я твердой грудью моей
И назад отобью их, безумных!
Не прокатится вал по моим раменам,
Не омоет высокой вершины —
Я стою — не боюсь — и назло временам,
И назло твоей злобе старинной.
День придет, может быть, так угодно судьбе,
На последнюю битву я стану,
И паду я в борьбе, но паденьем тебе
Нанесу я смертельную рану
Глубоко, глубоко — до песчаного дна,
Не засыплешь своими песками!
Широко, широко — не сольется она,
Не замоешь своими волнами!»
Настал грозный час, и две тучи сошлись,
И надулося гневное море,
И воздух, и воды, и огонь собрались,
И горе противнику, горе!
Скала уперлась и готова на бой —
Небесный палит ее пламень,
С чела ее льется поток дождевой
И волны взбегают на камень!
Но буря сильнее, сильнее, и вот,
Дитя первобытной природы,
Скала заскрипела, качнулась вперед —
И рухнула в бурные воды!
Удар был ужасен, и, в пыль раздробясь,
Всё море на воздух взлетело;
На дне его гордо скала улеглась,
Любуясь на славное дело;
Но море, вошедши в пределы свои,
Волнение бури смирило,
Собрало опять голубые струи
И в цельное зеркало слило.
И солнце взошло на лазоревый свод
И, мир озаряя лучами,
На чистой и гладкой поверхности вод
Гляделось опять с небесами.

19 ноября 1835

Посмотри, милый друг, как светло в небесах,
Как отрадно там звезды горят,
Как лазоревый свод спит над бездною вод
И бледнеет румяный закат.

Друг мой, помню я дни, промелькнули они,
И возврату их нечем помочь.
Помню звезды небес, и задумчивый лес,
И иную, прелестную ночь.

Где ж такая страна? Там она, там она,
За широкой, могучей рекой.
Там я счастливым был, там беспечно я жил,
Не знаком ни с людьми, ни с судьбой.

Мы пойдем, милый друг, на зеленый тот луг,
Где срывал я весенни цветы,
А потом ты меня поведешь в те края,
Где возрастала, прелестная, ты.

Над мечтой юных лет насмехался злой свет,
Расставался я с верой моей,
Но с тобою любовь возвратила мне вновь
Упованье младенческих дней.

1835
Москва

ВОДОПАД

Спадает с высокой горы водопад,
Сребристые струи кипят и гремят,
И гул раздается по лесу далеко;
Приветны студеные волны потока.
Но, жаждой томяся в полдневны часы,
О путник, страшись их коварной красы,
Страшись отдохнуть под древесною тенью,
Забуться, объятый роскошною сенью.
Страшись испить очарованных вод:
Струя их не хладом по жилам пройдет,

Но огненной, бурно кипящей волной —
И призрак восстанет из мглы пред тобой,
И ты устремись за призраком в путь,
И люди безумцем тебя назовут.

1835
Москва

* * *

Ангел светлый, ангел милый!
Ты зовешь, манишь меня —
За тобою, легкокрылый,
Унесусь далеко я!

Ты напевы райских песен
Рассыпаешь надо мной;
Ты поешь: мой мир чудесен,
Улетим туда со мной!..

Дух надежды, дух прелестный,
Я знавал тебя, знавал:
Ты когда-то, гость небесный,
Сон младенца навещал.

Ты поешь, и это пенье
Наполняет душу мне:
В ней тоска, в ней сожаленье
По далекой стороне.

1835
Москва

* * *

И вместе мы сошлись сюда,
С краев России необъятной,
Для просвещенного труда,
Для цели светлой, благодатной!
Здесь развивается наш ум
И просвещенной пищи просит;

Отсюда юноша выносит
Зерно благих, полезных дум.
Здесь крепнет воля, и далекой
Видней становится наш путь,
И чувством истины высокой
Вздывается молодая грудь!

1835

* * *

Как быстро годы пролетели,
И, полный грустию немой,
Свершенный путь от колыбели
Я повторяю пред собой.

Как много сильных впечатлений
По сердцу юному прошло,
Как много сладких заблуждений
Губитель-время унесло!

1835

По окончании курса в университете

* * *

Скоро зимний ляжет путь,
Снег поля покроет,
Резво кони побегут
По большой дороге.

Колокольчик зазвенит,
Версты замелькают,
И дорога побежит
Под кибиткой нашей.

Ну, ямщик, ступай скорей!
Ну, неситесь, кони!
Шибче, шибче бег коней,
Весело на сердце.

Скоро зимний ляжет путь,
Снег поля покроет,
Резво кони побегут
По большой дороге.

<1836>

* * *

Души безумные порывы,
Любви гроза и тишина,
На сердце мощные призывы,
Природа вся пробуждена.

Всё храм один, везде служенье,
Одно во храме божество, —
Неумолкаемо там пенье,
И непрестанно торжество.

И этот сердца мир могучий,
Где светит тихая лазурь,
Где гром гремит, и мчатся тучи,
И солнце светит после бурь.

<1836>

РАЗГОВОР

Я

Там, далёко, неземной,
Целый мир очарований,
И таинственных мечтаний,
И надежд и упований
Развернулся предо мной.
Прочь все суеты мирские,
Прочь все истины сухие!
И к наукам и к трудам
Прежде пылкое стремленье —
За единое мгновенье
Неземное я отдам!

С

Пришла пора: восстань, восстань,
 О богатырь; ослаб твой дух могучий;
 Перед тобой лежит святая цель,
 А ты стоишь задумчивый, унылый;
 Мечтаешь ты, и опустилась длань,
 И гаснут пламенные силы.

Я

Передо мною мир чудесный,
 Он вечною цветет весной. . .
 О друг бесценный, друг прелестный,
 Мы улетим туда с тобой!

С

Нет, не за тем из недр природы
 Ты встал, могучих мыслей царь,
 Чтоб погубить молодые годы
 В слепых, бездейственных мечтах.
 Не для того в груди высокой
 Забилась к истине любовь
 И благородные желанья
 Младую взволновали кровь.
 Перед тобой везде вопросы,
 И ты один их можешь разрешить:
 Ты должен многое свершить! . .
 О, вспомни, вспомни те мгновенья,
 Когда, с тоскующей душой,
 Добыча раннего сомненья,
 Ты жаждал истины одной.
 Ты помнишь прежние мученья,
 Когда ты высказать не мог
 Твои святые откровенья,
 Непостижимый твой восторг! . .
 Томяся жаждою священной,
 Сзывал ты мысли в тишине —
 И на призыв одушевленный
 К тебе слетались оне.
 Своей могучею душою
 Всё перенести ты был готов. . .

О, вспомни, вспомни: пред тобою
Редел таинственный покров!

Я

Я помню, помню: над водою
Унылый шум и тень лесов,
И луг вечернею порою,
И тихий сад, и сельский кров. . .

С

Зачем теперь твой дух смутился?
Зачем, призвание забыв,
Ты, малодушный, обратился
К твоим бессмысленным мечтам?
Ужели в грудь твою отчаянье втеснилось?
Нет, нет, в тебе довольно сил,
Чтоб совершить высокий подвиг, —
Восстань, восстань: час наступил!

Я

О, горько, горько мне проститься
С моей любимой страной!
Куда идти, к чему стремиться?
Какая цель передо мной?
Зачем меня лишают счастья?
Чего *им* нужно от меня?
В *них* нет любви, в них нет участия.
Для них полезен буду я —
И вот *они* лишают счастья
И в шумный мир влекут меня.

С

Кто десять талантов
От бога приял,
Тот двадцать талантов
Ему принеси.
А кто не исполнит
Завета его,
Тот ввергнут да будет
В геенну огня,
Где слышно стенанье
И скрежет зубов.

21 февраля 1836

Целый век свой буду я стремиться
Разрешить божественные тайны,
Взволновали душу мне они.
Я иду к ним с верой и надеждой.
На пути терплю и труд и горе,
А в душе смиряю нетерпенье.
И когда неясной новой думой
Бедный ум страдалец посетится,
И когда схватить ее не в силах,
И когда я мучусь и терзаюсь, —
Я тогда волнение смиряю,
Говорю: пождем, и мысль яснее
Снова мне предстанет, и постигну —
И, постигнув, облеку словами,
И другим ту мысль я передам.
И тогда с глубоким упованьем,
С тихою надеждой повторяю:
Целый век свой буду я стремиться
Разрешить божественные тайны,
Взволновали душу мне они.
Я иду к ним с верой и надеждой.

26 марта 1836

ПЛОВЕЦ

Посмотри: чернеют воды,
Тучи на небе сошлись,
Дунул ветер непогоды,
Волны с плеском поднялись.

Посмотри, как он бесстрашно
Взял широкое весло,
Сел в ладью, и челн бесстрашный
Как далеко унесло.

Видишь: там он, на середине,
Он валами окружен;
Но бунтующей пучине
Не легко поддастся он, —

Нет! Весло ему послушно,
И могучая рука
Отгоняет равнодушно
Волны прочь от челнока;

И отвагою упорной
Вся душа его зажглась:
Силы с влагой непокорной
Он испытывал не раз.

Буря волн ему знакома,
Любит он их плеск и вой,
И на них он будто дома —
Весел, радостен душой:

Никогда призыва к бою
Не пропустит мой пловец;
Он всегда готов, с ладьею,
Неслабеющий боец.

Больше бурь из недр природы
Высылай ему, судьба! —
Как сладка ему, о воды!
С вами дикая борьба!

Март или апрель 1836

* * *

Да, я один, меня не понимают,
И людям-братьям я чужой.
Напрасно высказать себя стараюсь:
Для них не внятен голос мой.

Да, я один; так отрекусь от мира,
Свои мечты в себе я заключу,
И пусть, непонятый, в юдоли света
Я жизнь свою пустынно провлучу.

Да, я один; надежды разлетелись;
Не передать, не высказать себя!
Хоть грустно мне, но грусть моя спокойна,
С покорностью свой жребий принял я.

Пусть я один; но чудные мгновенья
Ко мне зато слетают с вышины:
Предчувствия, неясные виденья
И грустные и радостные сны.

4 апреля 1836

* * *

В сумерки дева
Взошла на балкон,
Очи вперила
В синюю даль.
Грустно ей стало,
На душу ей,
Бог знает как-то,
Пала тоска.
Мысли толпою
В ее голове
Встали высоко,
Высоко взвились,
Свившись, далеко,
Далеко неслись:
Их не поймаешь,
Не выскажешь их.
Чудное чувство
Объяло ее,
Святая минута
Настала теперь;
Дева мечтает,
Дева грустит.
Долго стояла,
Забывшись, она, —
О как прекрасна!
О как свята!
Вот безотчетно,
Будто роса,
Слезы блеснули
У ней на глазах.
С тайной тоскою,
Склопивши чело,

Медленно дева
С балкона сошла.
Долго ей было
Грустно потом:
Эти мгновенья
Памятны ей.

10 июня 1836

* * *

Тяжело-тяжело на душе залегло,
И тоскует-тоскует она;
И мечтами ее далеко унесло
В золотые мои времена.

Далеко от меня прелесть прошлого дня,
И туманами день тот одет, —
Но тревожит меня, но счастливит меня
Память прежних младенческих лет.

Преодо мной тихий пруд, волны в берег не бьют,
Камыши зеленеют на нем;
Вот село, барский двор, деревянный забор,
На дворе сельский видится дом.

Тихий вечер, тепло, а в окошках светло,
В доме люди, дом жизнью кипит... —
Что! — уж нет их давно, в доме глухо, темно,
Непробудно минувшее спит.

11 июня 1836

О, SEHNSUCHT¹

Одного прошу у судьбы моей,
Одного я жду утешения:
Дайте высказать мне сердцам людей
Все страдания, все мучения.

¹ О, стремление (нем.). — *Ред.*

Дайте высказать, передать другим
Все предчувствия, все видения. . .
Что томит меня — непонятно им:
Слова нет мне для выражения!

Дайте слово мне, дайте слово мне! —
И тогда мой дух успокоится,
И торжественно миру целому
Новый, чудный мир откроется.

1836

Петербург

* * *

Помнишь ли ты, помнишь ли ты?
Здесь по весенним долинам цветы,
В полдень торжественный шум водопада,
Звуки рожка и бродящее стадо,
Легкий румянец вечерних небес,
Звездную ночь и задумчивый лес, —
Помнишь ли ты?

Помнишь ли ты, помнишь ли ты?
Чудные светлые детства мечты,
Счастье с улыбкою, с радостью вечной,
Игры, забавы той жизни беспечной,
Детства прекрасного ясные дни,
Облаком легким промчались они, —
Помнишь ли ты?

1836

* * *

Туда, туда! Иди за мною!
Я знаю чудный, светлый край, —
Простись с коварною землею,
Там ждет тебя небесный рай.

Свет, полный суеты, не знает
Той очарованной страны,
Где прелесть вечная сияет
Неувядающей весны.

Но путь я знаю сокровенный
В тот край, где радость и покой, —
О друг мой милый, друг бесценный,
Туда, за мной! Туда, за мной!

1836

* * *

Тучи грозные покрыли
Небосклон лазурный мой,
Солнце в мраке потопили,
В недрах грома затаили
И повисли надо мной.

И, чреватая бедами,
Буря страшная близка;
Может быть, за облаками
Смерть скрывается над нами
И уж ищет бедняка.

Скоро разразятся тучи,
Огонь блеснет и грянет гром,
И засвищет ветер могучий,
Встанет вверх песок летучий,
И завоюет лес кругом.

Может быть, и мне готова
Громоносная стрела, —
Я пойду; а с голубого
Неба вновь исчезнет мгла.
Освежатся лес, дуброва,
И природа будет снова
И прекрасна и светла.

1836

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из крыльев комаришки
Сделал две себе манишки
И — в крахмал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из грецкого ореха
Сделал стул, чтоб слушать эхо,
И кричал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из листика сирени
Сделал зонтик он для тени
И гулял!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы яичной
Фаетон себе отличный
Заказал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы рачонка
Сшил четыре башмачонка,
И — на бал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что, одувши одуванчик,
Он набил себе диванчик,
Тут и спал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что наткать себе холстины
Пауку из паутины
Заказал!

* * *

О, если б можно было,
Я собрал бы лучи блестящей славы,
Сияние божественного света,
И светом этим и его лучами
Я окружил бы вас и далеко
И высоко бы в небесах поставил,
А сам бы я, оставшись на земле,
Стоял, глядел, и плакал, и молился.
Но пусть же будет божество мое
Для всех равно высоко, недоступно,
Пускай никто из смертных не дерзнет
И мыслью до него своей достигнуть!

<1837>

* * *

И вот мой путь. Он скоро предо мною
Окончится печально. Близок я
К неведомой и грозной той минуте,
Которой жизнь окончится моя.
Давно, давно меня она тревожит,
И мысль о ней сроднилася давно
С душой моей. Сначала страхом смерти
Она пугала робкое дитя.
Потом непроницаемую тайной
Она так сильно юношу влекла.
Вопрос о жизни, об уничтоженьи,
И о бессмертии, и о грядущем —
Теснились вдруг, и в ней, казалось мне,
Найду всему, всему я разрешенье.
И странно жизнь свершалася моя,
И странно я развился, и страданье
Мне странное досталось в удел.
И вдалеке мелькала утешеньем,
Отрадою минута роковая.
И на нее я взор свой устремил
С надеждою, и мне спокойней стало.
Я чувствую в душе ее потребность,

И с той поры я к ней идти решился.
Потом еще судьбе угодно было
Мой мирный дух глубоко взволновать
Минутами и счастья и горя,
Блаженства и мучения. Но горе
Осталось последним ощущеньем,
Несчастье превозмогло, и гордо
Свою победу злые торжествуют;
И низкая презрительная тварь
И зло творит, и муки вымышляет,
И плевелы кидает на пути
Небесного великого создання,
Здесь на земле явившегося.
Решен мой жребий, я иду на битву
Последнюю, жестокою, без сожаленья
Исчадие неправды истреблю
И с корнем вырву гнусное растенье.
И радостно я брошусь к моему
Давно желанному таинственному другу,
Который ждет, и руки простирает,
И уж давно, давно зовет меня
К моей мечте, к моей невесте, к смерти.

<1837>

Богородское

* * *

Меня зовет какой-то тайный голос, —
Я не могу противиться ему.

Смотрю вперед: вдали передо мною
Несется дым по серым облакам.
И что за чувство пробудилось смутно
В душе моей? Мне грустно, тяжело,
Неясное, далекое я вспомнил.

Уж к западу склонилось солнце, вечер,
Весеннею всё дышит теплотой.
На улицах снег тает, и потоки,
Шумя, бегут, так весело струясь,

И тихий звон вечерний раздаётся...
О, что со мной! Как хорошо теперь,
Какое чувство полное, благое
И грустное теперь в душе моей,
И нет ему названия. Приходит
На память мне наш сельский мирный дом,
Наш луг, покрытый свежую травую,
И сельская прекрасная весна.

О, хорошо теперь! Прочь с ней, с землею,
И с этим светом. мелким и пустым, —
Прочь от него! К вам, чудные мгновенья,
К тебе, неясное, святое чувство, —
Чудесный край в туманных облаках.

Меня зовет какой-то тайный голос, —
Я не могу противиться ему.

1837

МОЛОДОЙ КРЕСТОНОСЕЦ

М. А. Бакунину

Вновь крестовые походы,
Вновь волнуется земля,
И торопятся народы
Бросить родины поля.
И, снедаемый, томимый
Непонятною мечтой,
Покидает край родимый
Крестоносец молодой.

Бьется сердце молодое;
Перед ним вдали, как сон,
Всё небесное, святое,
Всё, чем в жизни дышит он.
И от Запада к Востоку,
Меч и посох под рукой,
Он идет к стране далекой,
Крестоносец молодой.

О Восток, о край избранный,
Край таинственных чудес,
Полный сил, благоуханный,
Полный благости небес,
Где всё живо, где всё веет
Звуком арфы золотой, —
Пред тобой благоговеет
Крестоносец молодой!

О, прости, мой замок гордый
На обрыве, у скалы,
Пусть, шумя, в твой камень твердый
Бьют свирепые валы.
Чья-то светлая могила
Там сияет предо мной, —
Ей несет молодые силы
Крестоносец молодой.

Переплыл он понт суровый;
Совершен далекий путь;
Он вступил на берег новый,
И отрадней дышит грудь.
И Восток его встречает
Полной неги красотой,
Но ее не замечает
Крестоносец молодой.

Он идет, — и вот священный
Засиял Ерусалим.
На колени, умиленный,
Упадает он пред ним,
Полный радости и страха,
И прекрасною главой
Преклоняется до праха
Крестоносец молодой.

Скоро первый отзыв брани
Огласил кругом места,
И бегут магометане
От защитников креста.
Ты ворвался в бой кипящий,
И высоко над толпой

Виден был твой меч блестящий,
Крестоносец молодой.

Кончен бой; враги сокрылись;
Заперлися ворота;
Ночь отрадная спустилась
На священные места.
Бледный месяц тихо всходит.
На Сион взглянуть святой,
Из шатра один выходит
Крестоносец молодой.

Там, у врат Ерусалима,
Где сионский ключ бежит,
Одинока, недвижима
Дева юная стоит.
С белых плеч ее нисходят
Кудри темною волной.
К ней с участием подходит
Крестоносец молодой.

«О, скажи мне, что с тобою,
Что на сердце залегло,
Что глубокою тоскою
Омрачить твой взор могло?
Но печалию своею
Не смущай души покой!»
Дева смотрит: перед нею
Крестоносец молодой.

«С жизнью дал нам примиренье
Наш господь, взойдя на крест.
Есть печали утоленья,
На земле блаженство есть.
У поклонников пророка
Вырвать гроб его святой
Из страны пришел далекой
Крестоносец молодой».

И предчувствием неясным
Девы грудь теперь полна.

Перед юношей прекрасным,
Как в плену, стоит она.
Льются речи, вдохновенья,
Полны истины живой, —
Весь исполнен чарованья
Крестоносец молодой.

Совершилось: он подругу
Встретил там, в чужом краю,
Передал младому другу
Жизнь прекрасную свою,
И блаженствует беспечно
Просветленною душой.
Будь же счастлив бесконечно,
Крестоносец молодой! . .

8 апреля 1838
Москва

* * *

А прежде солнце мне светило,
Вы помните, — и всякий день
На ясный горизонт всходило,
Ночную прогоняя тень.

Его живительным сияньем
Я благодатно был согрет
И, полон тихим созерцаньем,
Так радостно глядел на свет.

О, как я счастлив был! — Ужели
Не грезы, не мечты одни,
А наяву и в самом деле
Такие промелькнули дни?

Есть существа; свет солнца ясный,
Веселый день — противны им,
Их мучит злобы яд ужасный,
Их радость — зло творить другим.

Они-то собирают тучи,
Они смущают мир полей,
И гонит бури вихрь могучий
Блаженство зыбкое людей.

Гроза настала, солнце скрылось,
И мрачно небо надо мной,
Но в этом мраке мне светилась
Надежда ясной полосой.

О солнце, скрыт твой свет прекрасный!
Увижу ли тебя я вновь
Опять торжественным и ясным,
Без этих тяжких облаков!

23 июня 1838
Кенигсберг

* * *

Далёко, далёко желанный приют —
Под темной древесною тенью...
Там тихо, там волны так мирно идут,
Покорны родному влеченью.

И домик красивый стоит над рекой...
Вдали, на краю небосклона,
Высокие горы туманной грядой
Земли опоясали лоно.

И в домике комната. Солнце давно
С полудня на запад свернуло.
Вот вечер спустился. Раскрыто окно...
Вот чем-то далеким дохнуло.

И кресло, и стол небольшой у окна,
А в комнате — жизнь и движенье,
И мысли, и чувства — жилище она
-И тихий приют наслажденья.

13/25 июля 1838

Несутся, мелькают одно за другим
Виденья в неясном тумане.
И сердце трепещет и мчится вслед им...
И плачет о тяжком обмане.

Далеко — но память сроднилась с душой,
И счастья бывшего мгновенья
Живут и теперь благодатной семьей,
Даруя мне грусть в утешенье!

13 июля 1838

ПУТЕШЕСТВИЕ НА РИГИ в швейцарии

Прочтя в своей дорожной книге,
Что Риги — чудная гора,
Решился я идти на Риги,
Отправясь с самого утра.

Мои хозяева со мною
Хотели на гору идти
И в лодке раннюю порою
Через озеро перевезти.

Бьет два часа. Они уж встали
И будят сонного меня.
Вскочил и я. Мне свечку дали,
С которою оделся я.

Еще под небом мгла лежала,
И только звезды с вышины
В спокойном озере дрожали
При блеске трепетном луны.

Мы медленно и бодро плыли,
И, нарушая тишину,

Рыбачьи весла мерно били,
Будя уснувшую волну.

Швейцары пели песни, сладко
Напевам горным я внимал
И песни родины украдкой
В душе своей припоминал.

Уже восток алел, но горы,
Широкою кидая тень,
Еще задерживали скоро
Уже рождающийся день.

Вот мы у берега оставить
Спешим у привязи челнок
И на гору наш путь направить;
А восход и долог и высок.

1838

ИЗ ШИЛЛЕРА .

ТАЙНА

Она стояла молчаливо
Среди толпы — и я молчал;
Лишь взор спросил я боязливо,
И понял я, что он сказал.
Я прихожу, приют ветвистый,
К пустынной тишине твоей:
Под зеленью твоей тенистой
Сокрой счастливых от людей!

Вдали, чуть слышный для вниманья,
День озабоченный шумит,
Сквозь смутный гул и восклицанья
Тяжелый молоток стучит.
Там человек так постоянно
С суровой борется судьбой —

И вдруг с небес к нему неожиданно
Слетает счастье порой!

Пусть же люди не узнают,
Как нас любовь животворит:
Они блаженству помешают —
Досада им блаженства вид.
Да, свет не позволяет счастья:
Как за добычею, за ним
Беги, лови и от участия
Людского строго сохрани!

Оно прокралось тихо, любит
Оно и ночь и тишину;
Нечистый взор его погубит,
Как смерть, ужасен он ему.
Обвейся, о ручей безмолвный,
Вокруг широкою рекой,
И, грозно поднимая волны,
Наш охраняй приют святой!

10 марта 1838

ВСТРЕЧА

Еще она стоит передо мною,
Окружена покорною толпой,
Блистательна, как солнце золотое;
Я был вдали, смущенный и немой.
О, что тогда сбылось с моей душою,
Как яркий блеск разлился предо мной:
И вдруг, как бы унесшись в мир подлунный,
Ударил я нетерпеливо в струны.

Что испытал я в этот миг святого
И что я пел — всё скрылось предо мной;
В себе тогда орган нашел я новый, —
Он высказал души порыв святой!
То был мой дух, разрушивший оковы,
Оставил он плен долголетний свой —

И звуки вдруг в груди моей восстали,
Что в ней давно, невидимые, спали.

Когда совсем мои замолкли песни,
Душа ко мне тогда слетела вновь.
В ее чертах божественно-прелестных
Я замечал стыдливую любовь;
Мне чудилось: раскрылся свод небесный,
Как услышал я тихий шепот слов.
О, только там, где нет ни слез, ни муки,
Услышу вновь те сладостные звуки!

«Кому печаль на сердце налегла,
И кто молчать решился, изнывая, —
О, хорошо того я поняла;
С судьбою в бой я за него вступаю,
Я б лучший жребий бедному дала,
Цветок любви сорвет любовь прямая.
Тому удел прекрасный и счастливый,
В ком есть ответ на темные призывы».

30 марта 1838

ИДЕАЛЫ

Так от меня ты мчишься, младость,
И все отрадные мечты,
Восторг и грусть, тоску и радость —
С собою вдаль уносишь ты!
Златое время жизни полной!
Постой, еще со мной побудь —
Вотще! твои стремятся волны
И в море вечности бегут!

Потухли ясные светила,
Пред мной блиставшие в тиши;
Мои мечты судьба разбила —
Созданья пламенной души,
И вера сладкая — далеко
В святыя прежде существа,
Добыча истины жестокой —
Все идеалы божества.

Все тускло, мило, странно, смущаю,
Тускло и мило на дуги носят;
Душа надежда мила становится
Скучно и загадочно и грустно.

Она ирландия ирландия ирландия
Останет кто теперь со мной?
"кто ирландия мила ирландия,
кто го пошлю ирландия мила?
Ты, ирландия ирландия, рана,
там ирландия, ирландия ирландия,
Кто ирландия ирландия ирландия,
Ты ирландия ирландия ирландия

Ирландия ирландия ирландия,
Ты ирландия, ирландия, ирландия ирландия;
Ты ирландия не ирландия,
не ирландия, ирландия ирландия.
Ирландия, ирландия ирландия,
Ирландия ирландия ирландия,
Ирландия ирландия ирландия,
Ирландия ирландия ирландия.

28 Август

1838 году

Константин Александрович.

Москва

Как некогда в объятья камень,
Любя, Пигмалион схватил
И чувства трепетного пламень
Холодный мрамор оживил, —
Так я к природе весь приникнул
Умом, душою, жизнью всей,
Пока согрел ее, подвигнул
На пламенной груди моей.

Она любовь мою делила,
Безмолвная — язык нашла,
Мне поцелуй мой возвратила
И сердца трепет поняла.
Леса и горы стали живы.
Поток серебряный мне пел,
Отвсюду на мои призывы
Ответ желанный мне летел.

Вселенная во мне кипела,
Теснила грудь, и всякий час
В звук, в образ, и в слова, и в дело
Жизнь из груди моей рвалась.
О, как велик мне мир явился,
Пока скрывался он в зерне!
Но — ах! — как мало он развился,
Как беден показался мне!

Как смело, с бодрою охотой
Мечты надеясь достигнуть,
Еще не связанный заботой,
Пустился юноша в свой путь!
Туда невольное стремленье,
Где хор далеких звезд горел;
Нет высоты, нет отдаленья,
Куда бы он не долетел!

Как он легко вперед стремился!
Что для счастливца тяжело?
Какой воздушный рой теснился
Вкруг светлого пути его!
Любовь с улыбкой благосклонной,

И счастье с золотым венцом,
И слава с звездною короной,
И в свете истина живом.

Но среди дороги скоро
Все спутники расстались с ним;
Свернули в сторону, от взора
Один сокрылся за другим.
Умчалось счастье, друг летучий,
Отрады знанье не нашло,
Сомненье потянулось тучей
И истину заволокло.

Горел над прѣзренной главою
Венец и славы и добра,
И скоро скрылась за весною
Любви прекрасная пора.
Всѣ тише, тише становилось,
Пустынней на пути моем;
Одна надежда мне светилась
Своим бледнеющим лучом.

Из шумных спутников стремленья
Остался кто теперь со мной?
Кто подает мне утешенье,
Кто до могилы спутник мой?
Ты, исцеляющая раны,
Ты, дружба, всех отрада зол,
Товарищ горестей желанный,
Тебя искал я — и нашел.

И ты ее сопровождаешь,
Ты, труд, души покой хранишь,
Ты никогда не изнуряешь,
Не разрушая, ты творишь, —
Слепляешь среди сил природы
Песчинку за песчинкой ты,
Зато минуты, дни и годы
У времени тобой взяты.

*28 апреля 1838
Москва*

К РАДОСТИ

Радость, мира украшенье,
Дочь родная небесам!
Мы вступаем в упоенье,
О чудесная, в твой храм.
Ты опять соединяешь,
Что обычай разделил;
Нищего с царем равняешь
Веяньем отрадных крыл.

Х о р

Миллионы, к нам в объятья!
Люди, поцелуй сей вам!
Над небесным сводом там
Должен жить отец наш, братья!

Тот, кому быть другом другу
Жребий выпал на земли,
Кто нашел себе подругу, —
С нами радость тот дели;
Также тот, кто здесь своею
Душу хоть одну зовет;
Кто ж не может — пусть скорее
Прочь, рыдая, отойдет!

Х о р

Всё, что мир сей наполняет,
Пред сочувствием смирись!
Пусть оно покажет в высь,
Где незримый обитает.

Все творения живые
Радость средь природы пьют,
Все, и добрые и злые,
По стезе ее идут.
Сон, вино, привет участия,
Друга нам она дарит;
Дышит червь животной страстью,
К богу херувим летит.

Х о р

Миллионы, в прах падите!
Мир, ты чувствуешь творца?
Выше звездного венца
В небесах его ищите.

Радость — мощная пружина
Всех бесчисленных миров;
Радость двигает машины
Вечных мировых часов,
Из семян цветы выводит,
Хоры звездны из небес,
Сферы в отдалении водит,
Недоступном для очес.

Х о р

Как светил великих строен
В небе неизменный ход, —
Братья, так всегда вперед
Бодро, как к победе воин!

Улыбается приветно
Средь стараний и забот
И страдальца неприметно
К цели доблестной ведет.
Веры на вершине ясной
Ее веют знамена,
И она сквозь гроб ужасный
В хоре ангелов видна.

Х о р

Миллионы, здесь терпенье!
Лучший мир для вас готов —
Там, за цепью облаков,
Бог воздаст вам награжденье.

Над богами ль возвышаться?
Хорошо быть равным им.
Горе, бедность веселятся
Счастием пускай одним.

Будь забыта злость и мщенье!
Смертный враг наш будь прощен!
Пусть не знает он мученья,
Пусть теперь не стонет он!

Х о р

Мы долги свои забыли;
Свет теперь свободен весь;
Братья, над шатром небес
Судит бог, как мы судили.

Радостно кипят бокалы,
И в крови вина златой
Пьют смиренье — каннибалы,
А отчаянье — герой.
Братья, встаньте! Драгоценный
Обходить нас кубок стал;
Пусть же к небу брызжет пена!
Духу доброму бокал!

Х о р

Тот, кому греметь хвалами
Целый мир не преставал, —
Духу доброму бокал
Там высоко над звездами!

Твердость горю и страданьям,
Помощь бедному во всем,
Вечность данным обещаньям,
Правда — с другом и врагом,
Мужество — пред троном надо!
Братья, пусть погибнуть нам,
Но достоинству — награда,
Наказанье — злым делам!

Х о р

В круг священный все стеснитесь
И хранить союз святой
Этой влагой золотой
Всемогущим поклянитесь!

2 мая 1838, 1839

ВЕЧЕР

Опустись, блистающий бог! Уж жаждут долины
Росы освежительной, и человек утомился,
 Медленно движутся кони, —
 Опусти колесницу свою!
Посмотри, кто из волн кристального моря
Манит с улыбкой тебя? Узнало ли сердце?
 Быстрые кони несутся —
 Фемида манит из волн!
Быстро в объятия к ней ездок с колесницы
Прыгает; коней под уздцы берет Купидон:
 Остановились кони,
 Волны прохладные пьют.
Неслышными на небо всходит шагами
Ночь благовонная; тихо следом за нею —
 Любовь. Покойтесь, любите! —
 Покоится любящий Феб!

<1839>

БОРЬБА

Нет, наконец мои слабеют силы
 В мучительной за долг борьбе.
Ты пламени во мне не потушила,
О добродетель! жертвы нет тебе!

Поклялся я, да, помню, я поклялся
 Мятежный дух смирить.
Вот твой венец, я с ним навек расстался, —
Возьми его, оставь меня грешить.

Не жди теперь обетов исполненья!
Она моя: мне твой венец смешон.
О, счастлив тот, кто в сладком упоеньи,
Как я, своим паденьем не смущен.

Червь близится к прекрасному растению,
 Летит моя весна. —
Она дивится смелому решенью,
Но мне за всё наградою она.

Не верь, мой друг, в дары небес беспечно!
К преступному влекут твои черты.
Но если в царстве жизни бесконечном
Награда лучшая, чем ты,

Чем преступленье, бывшее преградой, —
Неправ судьбы язык!
За добродетель ты должна мне быть наградой.
И добродетели ты мой последний миг.

<1839>

ИЗ ГЕТЕ

НОВАЯ ЛЮБОВЬ, НОВАЯ ЖИЗНЬ

Сердце, сердце, что с тобою?
Что за странные мечты?
Жизнью новой, молодою
Что так сильно бьешься ты?
Прочь всё то, что ты любило,
Всё, что горесть наводило!
Прочь заботы и покой!
Сердце, что сбылось с тобой?

Этот образ чародейный,
Этот тихий, нежный взор,
Полный силы беспредельной,
Оковал тебя с тех пор.
Захочу ль от ней сокрыться,
Убежать, освободиться —
Всё напрасно: к ней одной
Снова путь приводит мой.

Жизнь мою, мои желанья
Против воли изменяя,
Держит цепью обаянья
Дева милая меня.

Должен в этой чудной доле
Жить, ее покорный воле.
Что со мною, тот ли я?
О любовь, пусти меня!

<1838>

НА ОЗЕРЕ

Как освежается душа,
И кровь течет быстрее!
О, как природа хороша!
Я на груди у ней!

Качает наш челнок волна,
В лад с нею весла быют,
И горы в мшистых пеленах
Навстречу нам встают.

Что же, мой взор, опускаешься ты?
Вы ли опять, золотые мечты?
О, прочь мечтанье, хоть сладко оно!
Здесь всё так любовью и жизнью полно!

Светлую толпою
Звезды в волнах глядятся,
Туманы грядую
На дальних высях ложатся.

Ветер утра качает
Деревья над зеркалом вод,
Тихо отражает
Озеро спеющий плод.

<1838>

УТРЕННИЕ ЖАЛОБЫ

Ветреная девушка! скажи мне,
Чем я пред тобою провинился,
Что меня измучила ты столько,
Не сдержала данного мне слова?

Вечером вчера так дружелюбно
Ты мне жала руки и твердила:
«Да, приду, приду я перед утром —
Жди меня, друг милый, непременно».
Притворил тогда свои я двери,
Хорошенько осмотрел я петли, —
И был рад, что петли не скрипели.
О, какая ночь прошла в томленьи!
Я не спал — все четверти считал я;
Если ж засыпал я на минуту,
Не дремало вовсе мое сердце,
Не давало легким сном забыться.
Да, благословлял тогда я сумрак,
Что на всем покоился так мирно,
Радовался общему молчанью;
Вслушивался: среди молчанья
Не подымет ли легкий шорох.
«То же ли у ней теперь на мысли?
Те же ли у ней на сердце чувства?
Что бы ей не дожидаться утра!
Что бы ей придти сюда теперь же!»
Тихо визгнет ли на крыше кошка,
Заскребет ли в уголке мышонок,
Шум какой подымет ли в доме, —
Всё твои шаги, казалось, слышу,
Всё мне чудилась твоя походка.
Так один лежал я долго, долго;
Наконец и день белеться начал,
Вот и здесь и там шум пробудился.
«Не ее ли дверь? . . . когда моя бы!»
Я сидел, облокотясь, в постели
И смотрел на дверь, еще так слабо
Освещенную, — не распахнется ль;
Но притворенные половинки
Неподвижно на крюках висели.
День же всё светлее становился;
Заскрипели двери у соседа:
Он спешил уж за дневною платой;
Скоро загремели экипажи;
Городские отперлись ворота,
И с своею пестротой и шумом
Скоро целый рынок пробудился.

В доме уходили и входили
Вверх и вниз, шумели беспрестанно,
Стук шагов, скрип двери раздавался,
Но не мог я, как от милой жизни,
От моей надежды оторваться.
Наконец, когда уж ярко солнце
Осветило комнату и стены, —
Я вскочил и в сад спешил скорее, —
Жаркое, тяжелое дыханье
Утреннюю освежить прохладой,
И тебя в саду, быть может, встретить;
Но тебя не было ни в беседке,
Ни в высокой липовой аллее.

<1838>

МАГАДЭВА И БАЯДЕРА

Индийская легенда

В шестой раз, отец творенья,
Магадэва сходит к нам:
Смертных радость и мученье
Да изведает он сам,
Да — как гость земного края —
Сохранит его закон,
И, щадя или карая,
Человеком будет он.

И город, как путник, везде обходил он,
На сильных взирал он, и слабых хранил он,
И вечером дале пускается в путь.

Вот выходит он — и вскоре,
Домы крайние пройдя,
Видит он — с огнем во взоре
Сладострастия дитя.
Он сказал ей: «Здравствуй, дева!»
— «Здравствуй, спутник, подожди!»
— «Кто же ты?» — «Я баядера:
Пред тобою дом любви».

Она ударяет в цимбалы и мчится,
Она так искусно, так страстно кружится,
Сгибается, гнется — и кажет цветы.

Речь ее звучит отрадой:
«Милый странник, кончен путь!
Скоро тихою лампадой
Озарится наш приют!
Ты устал — тебя обмою,
Освежу тебя я вновь.
Что ты хочешь? — пред тобою
Отдых, радость и любовь!»

Она услаждает усталость и горе;
Божественный видит, с улыбкой во взоре,
Прекрасное сердце сквозь тяжкий порок.

Он услуг рабы желает:
Новой радостью полна,
Все веленья исполняет
Гостя юного она.
Так природы животворность
Плод выводит из цветка:
Если есть в душе покорность,
То любовь недалеко.

Но строже и строже ее испытанья,
И радость, и ужас, и муки страданья
Послал ей постигший и глуби и высь.

Он в чело ее целует, —
И в душе любовь зажглась,
И стоит она тоскует,
Льются слезы в первый раз.
Обняла его колена,
В ней уж нет страстей земли,
И ее молодые члены,
Истомясь, изнемогли.

И вот уж к отрадному празднеству ложа
Соткали, вечерние мраки умножа,
Густую завесу ночные часы.

Поздно отдых к ней приходит;
Рано пробудясь от сна,
На груди своей находит
Мертвым юношу она.
Страшный крик ее не в силе
Жизнь в умершего вдохнуть —
И уж к пламенной могиле
Тело хладное несут.

Она хор жрецов погребальный внимает,
В безумьи бежит и толпу раздвигает.
«Кто ты? И к могиле стремишься зачем?»

Протеснясь в средину круга,
С воплем падает она.
«О, отдайте мне супруга!
Я за ним пришла сюда.
Как! огню ль пожрать, пылая,
Этих членов красоту?
Мой он был, моим звала я,
Ах, но только ночь одну!»

Жрецы вторят гимны: «И старцев согбенных,
Измученных жизнью, годами смиренных,
И пылкую юность к могиле несем.

Вспомни голос нашей веры:
Не был он супруг тебе;
Долга нет для баядеры,
Покорись своей судьбе:
Лишь за телом, провожая,
В царство мертвых тень сойдет,
Лишь супруга, исполняя
Долг, супругу вслед идет.

Гремите, дромметы, священные песни.
Примите, о боги, цвет жизни прелестный,
Примите во пламени юношу к вам!»

Так безжалостно ей муки
Умножает строгий хор,

И она, простерши руки,
В жаркий ринулась костер.
Но из пламенного круга
Дивный юноша встает
И прелестную подругу
На руках своих несет.

С весельем раскаянье боги приемлют,
Бессмертные падших нередко подьемлют
В объятиях пламенных к светлым звездам.

11 марта 1838

ТИШИНА НА МОРЕ

Тишина легла на воды,
Без движенья море спит,
И с досадой корабельщик
На поверхность вод глядит:
Ветр не веет благодатный,
Тишина, как смерть, страшна,
На пространстве необъятном
Не поднимется волна.

16 марта 1838

СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ

Туманы редеют,
Безоблачно небо,
Опять пробуждает
Эол тишину.
Шумя, ветер веет,
Спешит корабельщик
Скорее, скорее;
Колеблются волны,
Ясней отдаленность,
Уж берег в виду.

19 марта 1838

РЫБАК

Волна идет, волна шумит;
На берегу крутом
Рыбак задумчиво сидит;
Спокойно сердце в нем.
Глядит на воды с вышины —
Раздвинулась волна,
И выплывает из воды
Прекрасная жена.

Поет она, твердит она:
«Зачем моих друзей
Манишь к погибели со дна
Ты хитростью своей?
Ах, если б знал ты, как по дну
Привольно рыбкой плыть, —
Ты сам сошел бы в глубину,
Чтоб вечно счастлив быть.»

Луна и солнце с высоты
Не моются ль в водах?
Не вдвое ли прекрасней ты
На трепетных волнах?
Тебя ли небо не манит
Лазурной глубиной?
Тебя ли не влечет твой вид
Ко влаге голубой?»

Волна бежит, волна шумит,
К ногам бегут струи;
В нем сердце сжалось и дрожит,
Как на привет любви.
Она твердит, она поет —
Удел его решен...
Она влечет — он к ней идет, —
И не вернулся он.

30 марта 1838

ПЕВЕЦ

«Что там я слышу за стеной?
Что с моста раздается?
Пусть эта песнь передо мной
В чертогах пропоется».
Король сказал — и паж бежит.
Приходит паж. Король кричит:
«Сюда впустите старца!»

— «Привет вам, рыцари, привет...
Привет и вам, прекрасным!..
Как ярок звезд несчетных свет
На этом небе ясном!
Пусть в зале блещет всё вокруг,
Закрой глаза: не время, друг,
Восторгам предаваться!»

Певец закрыл глаза; гремят
Напевы, полны силы:
Взор рыцарей смелей, и взгляд
Прекрасные склонили.
Король доволен был игрой
И тут же цепью золотой
Велел украсить старца.

«Не надо цепи мне золотой —
То рыцарей награда:
Враги твои бегут толпой
От гордого их взгляда.
Дай канцлеру ее: пусть там
Прибавит к тяжким он трудам
И бремя золотое.

Пою, как птица волен я,
Что по ветвям порхает,
И песнь свободная меня
Богато награждает! —
Но просьба у меня одна:
Вели мне лучшего вина
Подать в златом бокале!»

И взял бокал, и выпил он.
«О сладостный напиток!
О, будь благословен тот дом,
Где этот дар — избыток!
Простите, помните меня,
Хвалите бога так, как я,
За этот кубок полный!»

16 апреля <1838>

ПЕРЕМЕНА

Лежу я в потоке на камнях... Как рад я!
Идущей волне простираю объятия,
И дружно теснится она мне на грудь;
Но, легкая, снова она упадает,
Другая приходит, опять обнимает, —
Так радости быстрой чредою бегут!

Напрасно влачишь ты в печали томящей
Часы драгоценные жизни летящей,
Затем что своею ты милой забыт:
О, пусть возвратится пора золотая!
Так нежно, так сладко целует вторая, —
О первой не будешь так долго грустить!

<1839>

СПАСЕНИЕ

Мне изменил друг милый мой:
Я предался тоске глубокой
И побежал к реке широкой, —
Река бежала предо мной.

Стоял я там, отчаян, нем,
Безумством были мысли полны,
Я броситься готов был в волны,
Прощался с жизнью я совсем.

Вдруг что-то вскрикнуло легко...
Я оглянулся: неизвестный
Звенел там голосок прелестный:
«Остерепись, здесь глубоко!»

В моей крови огонь, игра:
То девушка; часов не тратя,
Ее спросил я: «Кто ты?» — «Катя».
— «О, милый друг, как ты добра!

Тебе обязан жизнью я,
Меня от смерти удержала
Сегодня ты, но это мало:
Будь счастьем жизни для меня».

Я горе ей свое открыл —
Ее глаза к земле склонялись,
Мы обнялись, поцеловались,
И я о смерти позабыл.

<1839>

ПАСТУХ

Там, на горе, так высоко,
Там я нередко стою,
Склонившись на бедный свой посох,
И вниз на долину смотрю,

Смотрю на бродящее стадо;
Собака — его часовой.
Я вниз сошел и не знаю,
Как это случилось со мной.

Пестреет долина цветами,
Цветы так приветно глядят,
Я рву их, не зная, кому бы,
Кому бы теперь их отдать.

И бурю, и дождь, и ненастье
Под деревом я провожу:
Смотрю всё на дверь запертую...
Так всё это сон лишь один!

Вот радуга тихо поднялась,
Над домом красиво стоит, —
Она же куда-то умчалась,
Куда-то далёко теперь.

Куда-то далёко и дальше,
Быть может, за море совсем,
Идите, овечки, идите...
Горюет, горюет пастух.

<1839>

ЭЛЕГИЯ

«Мальчик! зажги мне огня!» — «Светло еще, тратишь
ты только
Светильню и масло напрасно: и ставни еще не закрыты.
Спряталось только за дома от нас, а не за горы
солнце.
Должно пождать с полчаса; недолго до звона ночного».
— «Несчастный, поди и исполни: я милой своей
дожидаюсь.
Утешь же, лампа, меня, ночи ты вестник драгой!»

<1839>

ПОСЕЩЕНИЕ

К милой я хотел прийти сегодня,
Но нашел я двери запертыми;
У меня от них был ключ в кармане...
Растворяю потихоньку двери.
Девушки я не нашел ни в зале,
Девушки я не нашел ни в спальной.

Наконец, еще дверь отворивши,
Вижу я, лежит она, одета,
На софе и тихо поживает.
За работою она заснула,
Между нежных рук ее лежало
С спицами начатое вязанье.
Близ нее я тихо поместился
И с собой стал думать: разбудить ли?

Я смотрел тогда на мир прекрасный,
Что у ней покоился на веках,
На устах лежало постоянство,
На щеках дышала скромно прелесть,
И невинность любящего сердца
Грудь ее волною подымала.
Каждый член ее лежал свободно,
Освежен божественным бальзамом.
Радостно сидел я, созерцанье
Укрощало более и более
Разбудить ее мое желанье.

Милая, я думал, сон не может —
Обличитель лживого движенья —
Огорчить, открыть тебе не может,
Что мешает нежным мыслям друга.

Милые глаза твои закрыты,
Что меня так часто восхищали;
Двигутся твои молодые губы,
Но не к речи, но не к поцелую. . .
Разрешен волшебный круг объятий,
Что меня так часто обвивали,
И рука, прелестная подруга
Нежных ласк и шуток, неподвижна.
Будь мое влечение ошибкой,
Будь любовь моя к тебе обманом,
Я б узнал, что это предо мною
Сам амур сидел, и без повязки.

Долго я сердечно любовался
Красотой ее, моей любовью:

Спящая, понравилась она мне
Так, что я будить ее не вздумал.

Тихо я кладу два померанца
И две розы вместе ей на столик;
Сам домой тихонько пробираюсь.

Как она, мой друг, глаза откроет,
Вдруг увидит пестрый мой подарок,
Удивится, как сквозь запертую
Дверь подарок друга очутился...

Если ночью я ее увижу,
О, как будет рада и за жертву
Чувства нежного воздаст мне вдвое.

<1839>

<ИЗ «ФАУСТА»>

1

<ОТРЫВОК ИЗ «ПРОЛОГА»>

1-й голос

С мирами солнце соединяет
Свое хваленье заодно,
И, с громом шествуя, свершает
Свой путь предписанный оно.
Источник сил — к нему воззренье!
Чья мысль постичь его могла?
Торжественны, как в день творенья,
Непостижимые дела!

2-й голос

И быстро, и быстрее, мелькая,
Кружится пышен мир земной;
Сменяется сиянье рая
Глубокой ночи темнотой.
К утесам море в разъяренье
Несет набег своей волны —

И море и утес в движенье
Летящих сфер увлечены.

3 - й голос

И бури спорят и бушуют
То над землей, то над водой, —
И цепь, бушуя, образуют
Глубоких действий меж собой.
Пред громом блещет разрушенье
Молниеносного огня,
Но чтут послы твои теченье
Тобою созданного дня!

Все трое

Источник сил — одно возренье!
Чья мысль постичь тебя могла?
Торжественны, как в день творенья,
Все дивные твои дела.

6 мая 1839

2

(МОНОЛОГ ФАУСТА ИЗ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ)

Фауст

О, счастлив тот, кто верует мечтам,
Что здесь спастись от заблужденья *можно!*
Не знаем мы того, что нужно нам,
Что знаем мы — на деле невозможно.
Но пусть теперь отрадного часа
Такие мысли не омущают...
Смотри: зарей зажглись небеса,
И хижины в огне ее пылают;
Она бежит от прожитого дня,
За жизнью новой вдаль она стремится...
О, для чего нет крыльев у меня —
За ней, и всё за ней носиться?...
В вечерний свет попружена,
Земля лежала б подо мною:
Холмы озарены, в долинах тишина,
Ручей бежит серебристой полосой.

Божественный полет неудержим,
Громады гор ему уступят в споре! . .
Уж в берегах вдали синее море
 Пред взором радостным моим. . .
Но к западу склоняется царица, —
И новой страстью дух наполнен мой;
Я мчусь вперед огнем ее упиться,
За мною ночь, и день передо мной;
Над мною небеса, и волны под ногами!
 Прекрасный сон! . . А блеск зари потух.
Увы, не суждено, чтобы крылатый дух
 Был одарен телесными крылами!
 Но всякому зато врожденно
 Стремиться пламенно вперед,
 Когда далеко вдохновенный
 Нам жаворонок песнь поет.
И, распростершись над соснами,
Орел на воздухе висит,
И над полями, над морями
В родимый край журавль летит. . .

8 апреля 1839

3

〈ОТРЫВОК ИЗ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ〉

Ручьи и потоки катятся свободно.
Упорные льды растопила весна,
И зеленью новой земля убрана;
Старухи-зимы все усилья бесплодны,
И в дикие горы уходит она.
Оттуда спор вновь начинается, и вдруг
Бессильную льдину с утеса уронит,
Засыплет на миг зеленеющий луг;
Но солнце повсюду всё белое гонит;
Повсюду стремленье, всё просится жить,
Всё красками хочет оно оживить;
И если цветов на лугах не встречает,
Нарядных людей за цветы принимает.
 Оглянись — и с высоты
 Посмотри на город ты,

Как из темных там ворот,
Шумя и пестрея, выходит народ;
Всех дума весельем одним занята:
 Празднуют воскресенье Христа!
Сами воскресли они в день веселый
Из душных жилищ, из домов, переходов,
От уз ремесла и работы тяжелой,
От гнета их низменных кровель и сводов,
Из улиц, давящих своей теснотою,
Из ночи таинственной храмов своих, —
Все они вышли на свет в этот миг.
Смотри же, смотри, как толпа за толпою
Бежит средь садов и зеленых полей,
Как река всей шириною
Столько веселых колеблет ладей.
Последний, тяжело нагруженный,
Вот челн вверяется волнам.
С горы, я вижу, отдаленной
Цветные платья блещут нам.
Но гул растет сильнее вдвое,
Народа небо здесь прямое,
Здесь всякий радостно шумит,
Здесь человек я, здесь могу им быть.

<1839>

4

ПЕСНЬ МАРГАРИТЫ

Ах, склони,
Многоскорбящая,
Твой взор до горя моего!
 В груди со сталью,
 С немой печалью
Глядишь на смерть ты сына своего;
 К отцу зрираешь
 И воссылаешь,
Страдая горько, вздохи за него.
 Кто слышит,
 Как пышет
Вся горем грудь отравлена;

Сердце здесь чего боится,
Что дрожит, к чему стремится —
Знаешь ты, лишь ты одна!
Везде, куда ни йду я, —
Тоску, тоску, тоску я
Несу всегда с собой;
Одна ли время трачу,
Я плачу, плачу, плачу;
Весь дух истерзан мой!
Цветы перед окошком
Слезами улила,
Когда поутру рано,
Я их тебе рвала;
Как солнце, подымаясь,
Блеснуло мне в окно,
Сидела уж, терзаясь,
В постели я давно.
Спаси меня: смерть и позор прозят!
Ах, склони,
Многоскорбящая,
К моей печали милостивый взгляд!

17 мая 1839

* * *

Не говорить, молчать должна я,
Мне клятва эта — долг святой,
Перед тобой бы всё сказать желая, —
Не так назначено судьбой.
В урочный час меняет солнца луч
Ночную тень, и свет его сменяет,
Из недр скалы бьет тихо вешний ключ,
Она своих даров от мира не скрывает.
Отрадно всем в рыданиях и слезах
Пред другом всё излить, что сердце гложет,
Но клятва на моих лежит устах —
И только бог лишь разрешить их может.

Ноябрь 1839

КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Юноша, оставивши Афины,
В первый раз в Коринф пришел, и в нем
Отыскать хотел он гражданина,
С кем отец его бывал знаком:
Еще в прежни дни
Сына, дочь — они
Назвали невестой с женихом.

Но приветы и прием радушный
Стоить дорого ему должны:
Читатель он богов еще послушный,
А они уж все окрещены.
Входит вера вновь —
И тогда любовь
Часто с верностью истреблены.

Тихо в доме, мирно почивает
Вся семья, лишь мать не спит одна;
Гостя радостно она встречает.
Комната ему отведена;
Пища и вино,
Всё припасено,
И спешит проститься с ним она.

Но его не манит вкусный ужин;
Он дорогой дальней утомлен;
Вот постеля, — ему отдых нужен,
И ложится, не раздевшись, он.
Дремлет он, — и вот
Кто-то там идет
К дверям. . . Он смотрит, изумлен.

Видит он — с лампадою, несмело
Дева в комнату к нему вошла,
В белом платье, в покрывале белом
И с повязкою вокруг чела.
Бросив взгляд, она,
Ужаса полна,
Руку белую приподняла.

«Разве я в семье своей чужая?
Мне и весть о госте не дошла.
Да, в своей темнице заперта я!..
Мне стыдливость душу обняла...
 Мирно отдыхай,
 Ложа не бросай,
Я уйду сейчас же, как пришла!»

— «О, останься, милое создание, —
К ней вскричал, вскочивши, гость молодой. —
Вот Цереры, Бахуса даянье, —
Ты Амура привела с собой.
 Ты дрожишь, бледна...
 О, приди сюда,
Воздадим богам хвалу с тобой!»

— «Юноша, не прикасайся, бедный!
Не делить восторгов пылких нам.
Мать моя свершила шаг последний:
Предана болезненным мечтам,
 Поклялась она
 Посвящать всегда
Младость и природу небесам.

И богов старинных рой любимый
Бросил дом в добычу пустоте!
В небесах теперь один, незримый,
Лишь спаситель чтится на кресте.
 Прежних нет здесь жертв:
 Сам падет здесь мертв
Человек, в безумной слепоте!»

Жадно внемлет каждое он слово,
Не пропустит буквы ни одной:
«Как, ужели здесь, под тихим кровом,
Милая невеста предо мной?
 Будь моей теперь!
 Нам с небес, поверь,
Счастье шлет обет отцов святой!»

— «Юноша, не нам соединиться,
Ты второй назначен уж сестре.

Ах, когда меня гнетет темница,
Помни на груди ее о мне!
Я тебя люблю,
И любя — делю,
И сокроюсь скоро я в земле!»

— «Нет, Гимен доволен нашей страстью!
Этим пламенем святым клянусь!
Да, жива ты для меня, для счастья, —
В дом к отцу с тобой я возвращусь...
Милая, постой,
Торжествуй со мной
Брачный неожиданный союз!..»

Знаки верности они меняют:
Цепию дарит она златой,
Он взамен ей чашу предлагает
Редкую, работы дорогой.
«То не для меня —
Но, прошу тебя,
Дай один мне светлый локон твой».

Страшный час пробил под небесами.
И всё жизнью стало в ней полно...

Конец 1830-х годов

ИЗ ГЕЙНЕ

* * *

Как луна лучом пронзает
Облаков туманный рой,
Так из темных лет выходит
Легкий образ предо мной.

Все на палубе сидели,
Вниз по Рейну лодка шла;
В свете вечера горели
Зеленевшие брега.

Я сидел у ног прекрасной,
Милой дамы — и молчал;
На ее ланитах бледных
Отблеск розовый играл.

Звуки лютен, пенье песен...
Жизнь чудесно-хороша!
Небо всё вокруг синело,
Расширялася душа.

Сказкою тянулись мимо
Рощи, замки на скалах,
И я видел их чудесно
Милой женщины в очах.

30 ноября <1839>

ИЗ ВЕТЦЕЛЯ

СТРЕМЛЕНИЕ

Огнем к тебе горит мой дух;
Твой образ носится вокруг.
Куда ни йду я — ты за мной,
То с наслажденьем, то с тоской.

Тебя встречаю я во всем:
В лесу и в небе голубом.
Гремит ли песня соловья —
Твой сладкий голос слышу я.

Сияют звезды в небесах —
Какой огонь в твоих глазах!
Благоуханья ночь полна —
Твое дыханье пьет она.

И звездный блеск, душистый луч
И всё сливается вокруг,
А там далеко вал шумит,
Мир гаснет, чувство прочь летит.

И, в упоеньи, из себя
Во всё переливаюсь я.
Живу ли я, дышу ли я?
Я всё люблю, и нет меня.

Я — сине море, мнится мне,
Ты солнцем светишь в вышине,
И всё вперед, вперед, грядой,
Валы идут к тебе одной.

Тебя хватаю жадно я,
Вниз, солнце, я влеку тебя,
Вниз, к алой вечера заре,
Вниз, к смертной сладостной поре.

И вот ты наконец со мной:
Шумите ж, волны, чередой,
Луна, всходи и заходи.
Мы спим — никто нас не буди!

<1839>

НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

«Милая, что так поздно?
Тебя я долго, долго ждал;
Годами я часы считал.
Тоска всю душу обняла:
Мне думалось, ты умерла.
Милая, что так поздно?»

— «Путь мой был так далек!
Средь темных вод челнок мой плыл.
Я вышла в ночь: день жарок был.
Светляк светил мне в темноте,
И я неслась, неслась к тебе.
Мой путь был так далек!»

— «Милая, как поздно в ночь!
Но кто впустил тебя теперь?
Я нынче ночью запер дверь.

Легко же, друг, прокралась ты
Среди неверной темноты.
Милая, как поздно в ночь!»

— «Тише, о, тише, друг!
Я в ночь пришла. При свете дня
Ты не увидел бы меня.
Ведь к милому приходят в ночь,
И я пришла. Сомненья прочь!
Тише, о, тише, друг!»

Добрая, добрая ночь!
Высоко солнца луч сиял,
А он еще глубоко спал.
Он спал: едва ль проснется он...
И был с невестой схоронен.
Добрая, добрая ночь!

<1839>

РАССТАВАНЬЕ

Ты спишь еще, а мне расстаться
Судьба велит, влечет меня,
Как долго буду я скитаться
И горевать — не знаю я.

Еще звезда стоит высоко,
И спит прекрасная земля,
Светило дня еще далеко.
Прости, прости, звезда моя.

Ее одежда здесь — целую
Ее одежды легкий край.
Прощай, тебя я именую
Мой свет очей, мой друг, прощай!

Я мчуся вдаль с моим стремленьем
Без остановок на пути.
Вы, птицы, оглушайте пеньем,
Ты, ветер, вой, и, лес, шуми!

Взглянуть назад — иль удержаться?
Здесь дом исчезнет меж ветвей,
Хоть взгляд — не в силах так расстаться! —
И руки простираю к ней.

Еще раз: темно пред глазами.
Прости, прекрасный ангел мой;
Не видно дома меж древами,
Я мчусь засохшею тропой.

14 апреля <1839>

ИЗ МИЦКЕВИЧА

ПЕСНЬ ИЗ БАШНИ

Из «Конрада Валленрода»

Мои страдания перечтут ли люди?
Так долго я вздыхала и томилась,
Так едко горе и в очах и груди,
Что ржавчиной решетка вся покрылась.
Когда слеза на камень упадает,
В него, как в сердце друга, проникает.
Есть вечный пламень в замке Свенторога, —
Хранит тот пламень сонм жрецов избранных;
Есть вечный ключ на высотах Мендога, —
Живят тот ключ и снѣги и туманы.
Кто слезы мне, кто вздохи обновляет,
А всё — и сердце и глаза страдают.
Отца заботы, матери старанья,
Богатый замок, милый край родимый.
Дни без печали, ночи без мечтанья,
Спокойствие души невозмутимой!..
А днем и ночью и в полях и дома
Меня стрegli невидимые громы.
Три дочери у матери нас было,
Замужство мне готовили с участием;
Счастливая пора, удел счастливый!
Кто ж мне сказал, что есть иное счастье?
Ты, юноша прекрасный, мне поведал,
О чем в Литве никто еще не ведал.

О бoге дивном, ангелах крылатых,
О городах великих и просторных,
Где люди в храмах молятся богатых
И где князья красавицам покорны,
Бесстрашные, как рыцари прямые,
И нежные, как пастухи младые.
Где человек, земное покидая,
Душой несется в небо голубое.
Я верила, ах! я, тебе внимая,
Уж чувствовала счастье неземное.
С тех пор живу ль спокойно, иль страдаю, —
Всё о тебе, о небесах мечтаю.
Как радовал меня твой знак крестовый —
В нем счастье мне минувшее светило.
Когда ж с него блеснул Перун громовый,
То всё вокруг угасло и уныло.
Не жалуясь, хоть горько плачут вежды, —
Ты отнял всё, но не лишил надежды.

2 апреля 1838

—
* * *

Всякое древо, не принесшее
плода, отсекается. . .

Готовьте, топоры точите,
Вам будет скоро что рубить;
Есть дерево в долине, посмотрите, —
Ему недолго жить.

Уж черви корень подъедают,
Уже кору его сожгло,
И листья с сучьев опадают —
Оно плода не принесло.

А было время, ветви гордо
Оно подъяло к небесам,
Шумело и стояло твердо;
Казалось — чудным быть плодам!

Но сохнет, сохнет не для мира,
По гордым не суди ветвям;
Жизнь угасает, — и секира
Ударит скоро по корням.

Конец 1830-х годов

* * *

Пускай другие там холодными стихами
Без чувства мать свою дерзают воспевать, —
Нет, не могу того я выразить словами,
Что сердцем лишь одним могу я понимать.

Нет, нет! Я не рожден для тех похвал холодных,
Которые поэт поет вельможе в дар:
Порывы сильных чувств, порывы чувств свободных
Не могут передать словами весь свой жар.

Но сердце если бы свое имело слово
И если бы душа имела свой глагол,
Огнем бы запылал я чувства неземного
И выше бы небес поставил вам престол.

И песнь моя была тогда бы вас достойна,
И жадно бы тогда внимал мне целый свет,
И звуки бы лились пленительно и стройно, —
Тогда б я счастлив был, тогда б я был поэт!

Конец 1830-х годов

ДВЕ КАРТИНЫ

По небесам катался гром,
И молния из туч сверкала;
Всё с треском падало кругом,
Свирепо буря бушевала.
И страшно грешник умирал,
Сверкал безумными глазами,
Час роковой над ним летал —
Отдать отчет пред небесами.

Он видел в черных облаках
Своих мучений бесконечность,
Ударил гром на небесах —
И с воплем отошел он в вечность.

Светило тихо достигало
Конца течения своего,
Ни облачко не помрачало
Заката ясного его.
Муж доброй смерти приближенье
С сердечной радостью встречал
И в ясном солнца заходеньи
Конец себе он представлял.
Вот солнце за горами село,
Заря весь запад обняла.
Душа от мира отлетела, —
Остались добрые дела.

Конец 1830-х годов

ТОЛПЕ ЭМПИРИКОВ

Напрасно мысль горит и блещет
Пред близорукою толпой,
Напрасно свет далеко мещет
И гонит мрак перед собой:

Не им понять ее деянья!
Невыносимо для очей
И ослепительно сиянье
От чистых истины лучей.

Но слабые покоит очи,
Но нежит их пугливый взор
Неверный сумрак темной ночи,
Где вспыхнет легкий метеор.

А вечной истины сиянье,
Неотразимый, строгий свет,
Гонящий сумрака созданья,
Толпу теней, рассудка бред, —

Им ненавистен; им милее
Знакомый сумрак; в нем идти
Привольней им; они бодрее
На осязательном пути.

Пусть мысль сияет, путь свершая, —
Им блага свет не принесет,
И луч, в их область проникая,
Им только призраки дает.

24 ноября 1841
Москва

К ИДЕЕ

Посвящается Ю. Ф. Самарину

Es existiert nichts, als Idee.¹

От радостей я личных отказался;
Отрекся я от сладостной любви;
Сердечных снов, видений рой умчался,
Спокойны дни свободные мои.
И новый мир передо мной открылся;
Рассыпались бессильные мечты:
Твой строгий образ в душу мне втеснился,
Суровые и бледные черты.
И жизни шум, безумное стремленье
Устранены присутствием твоим;
Везде твое я слышу дуновенье,
Случайное скрывается пред ним;
И важное отвсюду выступает,
И тайный смысл явлений обнажен;
Твой строгий свет всё в мире обнимает,
Неумолимо озаряет он.
Да, ты везде, везде ты тайно дома;
В явленьях жизни шумной и живой
Я узнаю твой образ, мне знакомый;
Отвсюду он выходит предо мной.

Тебе всю жизнь, часы, и дни, и годы,
Я посвятил, и ты всегда со мной;

¹ Нет ничего, кроме идеи (нем.). — *Ред.*

В тебе нашел я таинство свободы,
Незримое случайности земной.
Предчувствием давно я волновался,
Им были полны молодые дни:
И шум забав неслышанный промчался,
Непризнанный, погас огонь в крови.
Во время то, вся счастьем блистая,
Дням молодым посланница небес,
Ко мне любовь слетала неземная,
И жизнь была полна ее чудес.
Но дальше я душою устремлялся,
Ей отдал я сны прежние мои:
От радостей я личных отказался,
Отрекся я от сладостной любви.
За мной давно уже лежит далеко
То время, что, бывало, я любил,
Безумствовал, кипел, вздыхал глубоко, —
Где я тебе еще не предан был.
Но иногда какой-то вздох забытый,
Какой-то взор, какой-то темный сон
Ко мне дойдут из дали той сокрытой,
И я стою, задумчиво смущен. . .
Но никогда я не стремлюсь душою
К моим давно, давно прошедшим дням;
Нет, — постигать и вечно быть с тобою,
Сокровище, что ты даруешь нам,
Нет, истины великое сиянье,
Передо мной создавшее всё вновь,
Дороже мне, чем прежнее мечтанье,
Чем прежняя прекрасная любовь.

<1842>

А. Н. ПОПОВУ

(ПЕРЕД ПОВЕЗКОЙ ЕГО В ЧУЖИЕ КРАЯ В 1842 ГОДУ)

Вы едете, оставя за собой
Родную Русь с ее привольем и пространством,
С ее младою, девственной красой,
С ее живым нарядом и убранством,
С ее надеждой, верой — и Москвой.

Знакомиться с германскою столицей
Спешите вы — за длинной вереницей
Пустых людей, которых нам не жаль
(Их поделом взяла чужая даль!),
Таких людей чуждаетесь вы сами.

Итак, Берлин предстанет перед вами,
Где так сиял и закатился ум,
Где, говорят, идет и брань и шум.
Там жил герой Германии последний, —
Торжественный прощальный жизни цвет!
Свой дивный путь, в течение многих лет,
Прошел он всех славнее и победней.
С ним рыцарей воскресли времена,
Железная в нем вновь проснулась сила,
Дивилася ему его страна,
Его рука тяжелая страшила.
Германский дух доспех ему сковал,
Невиданный, огромный, непробивный;
Им облечен, могучий, он стоял,
Смирняя всех своею силой дивной.
И нет его; доспех его лежит,
Оставленный в добычу поколенья, —
И вокруг него, ведя войну, шумит
Толпа пигмеев, жадная движенья.
Доспех у них, но нет могучих сил,
Но нет руки, оружием владевшей,
Но нет того, который бы взложил
И бодро нес доспех осиротевший!
Пусть селятся и рвутся сгоряча
Хоть по частям схватить убранство боя:
Им не поднять тяжелого меча,
Не сдвинуть им оружия героя!
И крик и брань в стране возникли той,
Движенья там и шумно и нестройно,
И жизнь в своей минуте роковой
Торопится, волнуясь беспокойно.
Туда теперь вам долгий путь лежит. . .

Средь шумного, тревожного движенья
Вас не обманет жизни ложный вид,
Не увлечет вас сила разрушенья.

Пусть часто там, на стороне чужой,
Мечтаются вам образы родные. . .
Высоко Кремль белеет над рекой,
Блестят кресты и главы золотые;
Колокола гудят — и торжества
Священного исполнен звук обильный,
И внемлет им надежды, веры сильной
И жизни полная Москва!

*19 апреля 1842
Москва*

* * *

Страшная буря прошла, —
Солнце блеснуло из туч,
В каплях деревья горят,
С неба бегут облака,
Шире и шире лазурь.

Будешь любить ты меня?
Наш неразрывен союз,
Тихое счастье мое,
Верить ли должно тебе,
Милый, прекрасный мой друг?

Нет уж ни облака там,
Ярко блестит синева,
Солнце горит в небесах.
Чудный, торжественный день,
Дивных исполненный сил!

Будешь любить ты меня?
Дашь ты мне руку свою?
Счастьем жизни полна,
О, как прекрасно вдали
Небо над нами горит!

1842

ПЕРВОЕ МАЯ

А. С. Хомякову

Мы все живем: всем жизнь дана судьбою,
И дни бегут обычной чередою,
И молодость приветно настает.
Коварная нас манит и влечет
Всем временным блаженством наслаждений,
Всей яркостью пестреющей цветов,
Всем трепетом минутных упоений...
Бегут за ней, прося ее даров;
И счастливы, кому она их бросит!
Минута — их, конца не видно им;
Но всё пройти должно путем своим;
Что временно, то время и уносит.
Опомнимся — а молодость прошла
И сколько жизни вместе унесла!

Но вы, свершая луть, не таковы:
Не временных искали упоений;
Других надежд, высоких наслаждений,
Не гибнущих, исполнились вы.
Опасен свет, прелестный и лукавый,
Могуществен соблазна древний глас;
Но молодость не обольстила вас,
И перед жизнью вы правы.
Благое дело вами свершено;
Не даром юных дней была утрата, —
И что у молодости взято,
То жизни самой отдано.

От настоящего, хоть мчится быстротечно,
Вас время не умчит в стремлении своем,
И голос современный вечно
Вам будет внятен и знаком.
И потому не страшно вам течение,
Не страшен бег часов, и дней, и лет;
Пусть он другим приносит разрушение,
Но жизни в нем вам слышится привет.

Понятно вам, что молодое племя
Волнуется, с надеждой вдаль глядит;

Понятно вам, что нынешнее время
В груди своей невидимо таит;
И ласково вы руку подаете,
Не снисходя, не уступая нам:
Вы сами той же жизнью живете,
И наше время также близко вам.

И потому всегда с улыбкой ясной —
Бог даст! — встречайте ваш рожденья день;
Пусть долго-долго всходит он прекрасно,
И никогда невольной грусти тень —
Рожденья день — на вас он не набросит;
По всем правам да вечно день такой
Вам чувство жизни новое приносит
И силы новые с собой!

1842
Москва

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Ответ

Благодарю. Мне драгоценен
Приветный, сильный голос твой,
Будь всё, как прежде, неизменен,
Об Руси нашей громко пой!
Свершится наше ожиданье,
Вперед недаром смотрит взор;
Но вот ответ мой на посланье,
На дружелюбный твой укор.
Нигде и ни в какое время
Тому руки я не подам,
Кто чтит тот град, народа бремя,
Всея России стыд и срам,
Кто, разорвав с народом связи,
Москве и Руси изменив,
Ползет червем в столицу грязи,
И твой упрек несправедлив.
Но между нашими врагами —
Другие есть; открытый бой
Ведут они; открыто с нами
Упорной тешатся борьбой.

Гроза в твоей пусть будет встрече,
Рука тверда, душа строга, —
Но пусть и в разъяренной сече
Ты чтишь достойного врага.
Дела такие встарь бывали,
И наша память их хранит:
И прежде руку подавали
Друг другу Главк и Диомид.

Декабрь 1844

СОЮЗНИКАМ

Не наша вера к вам слетела,
Не то дает огонь словам;
Не за одно стоим мы дело;
Вы чужды и противны нам.

Ты, с виду кающийся мытник!
России самозванный сын,
Ее непрошенный защитник,
На всё озлобленный мордвин!

Ты — нарицательное имя,
Местоименье подлеца,
Зовущий к господу: «Смири мя!» —
И днесь смиренный до льстеца!

И ты, писатель запоздалый!
Классических носитель уз,
Великий злостью, телом малый,
Упрямый почитатель муз!

И много мелочи ничтожной —
Ее и глаз не разберет, —
Но разъяренный, но тревожный,
Но злой и мстительный народ!

Не соединит нас буква мненья;
Во всем мы розны меж собой,
И ваше злобное шипенье —
Не голос смелый и прямой.

Нет, вас не примем мы к совету;
Не вам внимать родному зву!
Мы отказали Маржерету,
Как шли освободить Москву!

На битвы выходя святые,
Да будем чисты меж собой!
Вы прочь, союзники гнилые!
А вы, противники, — на бой!

1844

МОСКВЕ

Москва нужна для России;
для Петербурга нужна
Россия.

*(Из статьи «Современника»
«Петербургские записки»)*

Ты знаменита — кто поспорит?! —
Ты древней славою полна,
Твое святое имя вторит
Вся необъятная страна.

Чрез горы, и леса, и воды
Молва прошла по всем землям,
И знают все тебя народы,
Родные и чужие нам.

• И справедливо величают
Тебя по подвигам благим
И всю Россию называют
Великим именем твоим.

Была пора: страна родная
Бедам казалась предана;
Волнуясь с края и до края,
Тебя одной ждала она.

Велик был час, когда восстала
Ты средоточием земли:

Двухвековое иго пало,
И все волнения легли;

Проснулись силы молодые
С тобою вновь, прошла беда, —
И возвеличилась тогда
Тобой скрепленная Россия.

С неодолимой высоты
Напасть встречая за напастью,
От Руси царственной властью
Облечена, стояла ты.

Но час пришел, и новой силой
Была вся Русь потрясена:
С презреньем брошено что было —
Всё одолела новизна.

Тебя постиг удел суровый,
И мановением одним
Воздвигся гордо город новый,
Столица — с именем чужим...

<1845>

ПОЭТУ — УКОРИТЕЛЮ

Напрасно подвиг покаянья
Ты проповедуешь земле
И кажешь темные деянья
С упреком гордым на челе.
Их знает Русь. Она омыла
Не раз нечистые дела,
С смиреньем господа молила
И слезы горькие лила.
Быть может, и теперь рыдают
В тиши, от нас удалены,
И милость бога призывают
Не изменившие сыны.
Знакомо Руси покаянье,
О нем не нужно говорить,

С покорностью свои страданья
Она умеет выносить! . .

Но есть пленительный для взора,
Несознанный, тяжелый грех,
И он лежит клеймом позора
И на тебе, на нас, на всех!
Тот грех — постыдная измена,
Блестящей куплена ценой,
Оковы нравственного плена,
Надменность цепью золотой!
То — злая гордость просвещения,
То — жалкий лепет слов чужих,
То — равнодушие, презренье
Родной земли и дел родных! . .
Легко мы всё свое забыли
И, обратясь к чужим странам,
Название «Руси» уступили
Не изменившим ей стенам;
И древней Руси достоянье,
С чем было слито бытие, —
Нам стало чуждо покаянье,
Когда мы бросили ее!

Не там тот грех, где Русь и нужда! . .
Ты видишь блеск чужих одежд,
Ты слышишь звуки речи чуждой
Сих образованных невежд;
Ты видишь гордость снисхожденья,
И лоск заемный чуждых стран,
И пышный блеск благотворенья,
И спесь ученых обезьян;
И ты ли, пользуясь плодами,
Что всем измена нам дает,
Гремишь укорными словами
На тяжко стонущий народ?!
Нет, к нам наплавь свои укоры,
Нас к покаянию зови,
Да увлажятся наши взоры,
Сердца исполнятся любви!
Пусть покаянье нам поможет
Прогнать преступный шум утех,

Пусть отчужденье уничтожит,
Пусть смоем наш тяжелый грех!

Я верю: дело совершится,
Преобразим мы жизнь свою,
И *весь* народ соединится
В одну великую семью;
И дух один, и мысль, и слово
Нас вместе мощно обоймет, —
И сила покаянья снова
Во всем народе оживет!

12 августа 1845

ДВА ПРЯТЕЛЯ

Один

Идут тысячелетья мимо.
Свет солнца прогоняет тень,
И над землей неутомимо
Уходит ночь, приходит день.

Природа та же всё от века,
В убранстве прежней красоты,
И возмущают человека
Всё те же надежды и мечты.

Решеньем древнего вопроса
Всё занят он, а между тем
Катятся времени колеса,
Неудержимые ничем.

И, жаждой мучимый, с вершины
На пройденный он смотрит путь.
Ответов много, — ни единый
Вполне не успокоит грудь.

Он всё добыча тех сомнений,
Его встречавших с первых лет;
Всё та же цель его стремлений,
И так же достижения нет.

Побед и славных дел так много,
Вокруг так много свершено...
Зачем в душе живет тревога,
Успокоенье не дано?

Словам я, жаждою томимый,
Высокой мудрости внимал,
На мысли блеск невыносимый
Я смело взор свой устремлял.

И в трудный путь я бодро вышел,
Светлело небо впереди, —
И трепет истины я слышал
В своей взволнованной груди.

И всё земное отпадало,
И всё бледнело предо мной:
Редело мрака покрывало,
Густой лежавшее грядой.

И веял на меня сильнее
Таинственный сладчайший хлад,
И новый луч сверкал светлее,
Смущенный поражая взгляд.

И мир мне открывался новый,
Где мыслью всё озарено,
Где красок нет, где всё сурово,
От пестроты обнажено.

Но страшен вид такой пучины,
Непреходящей той зимы.
И хлад таинственный долины
Нам тяжек: видно, слабы мы.

Другой

И я, как ты, волненья духа,
В нас обитающего, знал,
И я, как ты, все силы слуха
К его ответам напрягал.

Но знаю я, что знанье это
Я должен жизнью глушить

И что за луч блестящий света
Мир целый мраком окружить.

Скажи, не правда ли, ужасна
Та область, тот суровый мир?
А жизнь вокруг тебя прекрасна,
И прав ее прекрасный пир.

Но знанье может ли быть живо
И благостно, когда оно
Всё попирает горделиво
Что жизнью дышит и полно!

О д и н

Согласен я, но невозможно
Одно соединить с другим,
Когда неясно и тревожно
Ты жаждой истины томим.

Иди вперед, суровой сталью
Несокрушимой весь покрыт;
Там, за неясной, темной далью,
Источник истины сокрыт.

Смотри, как пестро и прекрасно
Цветет земля в своих полях —
Но оттого, что солнце ясно
Горит в далеких небесах.

1845

ВОЗВРАТ

Прошли года тяжелые разлуки,
Отсутствия исполнен долгий срок,
Прельщения, сомнения и муки
Испытаны, — и взят благой урок.
Оторваны могучею рукою,
Мы бросили отечество свое,
Умчались вдаль, пленясь чужой землею,
Земли родной презревши бытие.

Преступно мы о ней позабывали,
И голос к нам ее не доходил;
Лишь иногда мы смутно тосковали:
Нас жизни ход насильственный давил.
Изменников, предателей немало
Меж нами, в долгом странствии, нашлось;
В чужой земле ничто их не смущало,
Сухой душе там весело жилось.

Слетел туман! Пред нашими очами
Явилась Русь!.. Родной ее призыв
Звучит опять, и нашими сердцами
Могущественный овладел порыв.
Конец, конец томительной разлуке,
Отсутствию настал желанный срок!
Знакомые теснятся в душу звуки,
И взор вперед с любовью на Восток.
Пора домой! И, песни повторяя
Старинные, мы весело идем.
Пора домой! Нас ждет земля родная,
Великая в страдании немом.
Презрением отягчена жестоким,
Народного столица торжества,
Опять полна значением глубоким,
Является великая Москва.
Постыдное, бесчестное презренье
Скорее в прах! Свободно сердце вновь,
И грудь полна тревоги и смятенья,
И душу всю наполнила любовь.. .

Друзья, друзья! Теснее в круг сомкнемся,
Покорные движенью своему,
И радостно и крепко обоймемся,
Любя одно, стремясь к одному!
Земле родной — всё, что нам небо дало,
Мы посвятим! Пускай заблещет меч, —
И за нее, как в старину бывало,
Мы радостно готовы стать и лечь.
Друзья, друзья! Грядущее обильно;
Надежды сладкой веруйте словам,
И жизнь сама, нас движущая сильно,
Порукою за будущее нам!..

Смотрите — мрак уж робко убегает,
На Западе земли лишь он растет;
Восток горит, день недалек, светает —
И скоро солнце красное взойдет!

1845

ПЕТРУ

Великий гений! муж кровавый!
Вдали, на рубеже родном,
Стоишь ты в блеске страшной славы,
С окровавленным топором.
С великой мыслью просвещенья
В своей отчизне ты возник,
И страшные подъял мученья,
И казни страшные воздвиг.
Во имя пользы и науки,
Добытой из страны чужой,
Не раз твои могучи руки
Багрились кровию родной.
Ты думал, — быстрою взора
Предупреждая времена, —
Что, кровью политые, скоро
Взойдут науки семена!
И вокруг она лилась обильно;
И, воплям Руси не внемля,
Упорство ты сломил, о сильный!
И смолкла Русская земля.
И по назначенному следу,
Куда ты ей сказал: «Иди!» —
Она пошла. Ты мог победу
Торжествовать... Но погоди!
Ты много снес голов стрелецких,
Ты много крепких рук сломил,
Сердец ты много молодецких
Ударом смерти поразил;
Но, в час невзгоды удаляся,
Скрыв право вечное свое,
Народа дух живет, таяся,
Храня родное бытие.

И ждет он рокового часа;
И вождельенный час придет,
И снова звук родного гласа
Народа волны соберет;
И снова вспыхнет взор отважный,
И вновь подвигнется рука!
Порыв молодой и помысл важный
Взволнуют дух, немой пока.
Тогда к желанному пределу
Борьба достигнет — и конец
Положит начатому делу,
Достойный, истинный венец!

Могучий муж! Желал ты блага,
Ты мысль великую питал,
В тебе и сила, и отвага,
И дух высокий обитал;
Но, истребляя зло в отчизне,
Ты всю отчизну оскорбил;
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давил.
На благородный труд, стремленья
Не вызывал народ ты свой,
В его не верил убежденья
И весь закрыл его собой.
Вся Русь, вся жизнь ее доселе
Тобою презрена была,
И на твоём великом деле
Печать проклятия легла.
Откинул ты Москву жестоко
И, от народа ты вдали,
Построил город одинокой —
Вы вместе жить уж не могли!
Ты граду дал свое названье,
Лишь о тебе гласит оно,
И — добровольное сознание —
На чуждом языке дано.
Настало время зла и горя,
И с чужестранною толпой
Твой град, пирующий у моря,
Стал Руси тяжкою бедой.
Он соки жизни истощает;

Названный именем твоим,
О Русской он земле не знает
И духом движется чужим.
Грех Руси дал тебе победу,
И Русь ты смял. Но не всегда
По твоему ей влечься следу,
Путем блестящего стыда.
Так, будет время! — Русь воспрянет,
Рассеет долголетний сон
И на неправду грозно грянет, —
В неправде подвиг твой свершен!
Народа дух распустит крылья,
Изменников обьет страх,
Гнездо и памятник насилья —
Твой град рассыплется во прах!
Восстанет снова после боя
Опять оправданный народ
С освобожденною Москвою —
И жизнь свободный примет ход:
Всё отпадет, что было лживо,
Любовь все узы сокрушит,
Отчизна зацветет счастливо —
И твой народ тебя простит.

1845

**СТИХОТВОРЕНИЯ В ДУХЕ
НЕДАВНО ПРОШЕДШЕЙ ПОЭЗИИ**

1

Мой друг, любовь мы оба знали,
Мы оба, в сладостном огне,
Друг к другу страстию пылали,
И я к тебе, и ты ко мне.

Царило сладкое безумье,
Лилися слезы, взор горел...
Но наконец пришло раздумье,
Полет любви отяжелел.

Улыбка злая промелькнула,
Извив насмешливо уста;
Она о многом намекнула,
Что впереди. Вдали сверкнуло...
Свет новый озарил места.

Счастлива ты, моя подруга,
Что так же гордо, как и я,
Сосуд любовного недуга
Разбила вмиг рука твоя.

Так, мы не стали дожидаться
Тех вялых, бесполезных дней,
Когда любовь начнет скрываться,
Когда обманы нужны ей.

И неспособны мы, как дети,
Одно мечтать, одно любить
И детски в собственные сети
Себя самих всегда ловить.

Смеемся мы теперь с тобою
Над тем, что было счастьем нам.
Разрушен, тешит нас собою
Хвалы когда-то полный храм.

<1846>

2

Твои уста, твой взор молили,
Чтоб я тебя не покидал;
Младые очи слезы лили,
И голос, плача, замирал;

Просила ты хотя участия;
Ты клятвы вспоминала мне,
Пору безумия и счастья;
Ты бредила о прежнем сне.

Но я, с улыбкой горделивой,
Сказал: «Оставь свои мечты!

Носи оковы терпеливо,
Коль их разбить не хочешь ты.

Страдай, сама виной страданий;
Мечтай, коль не устала ты
От вечных грез и упований;
Влачи всю жизнь рабой мечты.

Плачь над развалинами счастья,
Встречай в стенании зарю!
Безумью жалкому — участья
Я никогда не подарю.

А я, смотри, как птица волен;
Не зная мнения препон,
Всегда свободен и доволен,
Всегда я сам себе закон.

Одето сердце будто сталью.
Оставь мольбы свои, пусти!
Смеюсь я над твоей печалью,
С улыбкой говорю: прости!»

<1846>

И. С. АКСАКОВУ

Я убежал от всех мечтаний,
Рукоплесканий и волнений,
И шумных возгласов друзей,
И всех общественных движений,
И разволнованных страстей.

Из волн шумящего потока
Люблю я выйти иногда
И сесть на берег, издалека
На волны белые глядя.

И оторвавшись от движенья,
Сидя недвижно над рекой,

Бегущей мимо, в размышленья
Впадаю я своей душой.

И мыслю я: когда так мирно
Цветут зеленые поля,
И ясен неба свод сапфирный,
И рада пышная земля, —
Зачем от тихих наслаждений,
Так сродных сердцу моему,
Кидаюсь я в разгул волнений,
В разлив общественных движений,
Стремглав, не внемля ничему?
Зачем? Прекрасная подруга,
Прекрасный день и сень деревьев,
Часы труда, часы досуга,
И вид безоблачных небес,
И взор, наполненный участья,
И звучный, вдохновенный стих —
Всё для меня так полно счастья
И дум глубоких и простых.
Зачем же я, слепец, безумно
Кидаюсь в грозные валы,
Плыву под бури ропот шумный,
Через лучины и скалы?
Зачем так дерзостно вступаю
Я в исполинскую борьбу
И неразумно вызываю
На суд могущую судьбу?
Когда для жизни тихой, нежной
С душою мирной создан я, —
Зачем на волны скоробежны
Летит отважная ладья?

Так мыслю я, не часто думой
Объят такую, я готов
Покинуть волн собор угрюмый
Для тихих, мирных берегов. —
Но отзыв бури донесется,
Его привычный ловит слух, —
И снова вспрянет и проснется
Борьбы упорный, жадный дух.
Пусть хороша вокруг природа,

Но чей-то голос вновь зовет, —
И образ царственный народа
Перед очами восстает.
И вновь призыву я покорный
Кидаю мирны берега,
И вновь спешу на бой упорный
Встречать могучего врага,
И голос внутренний вновь громок
В душе проснувшейся возник, —
Пускай челнок и слаб и ломок,
Будь дух отважен и велик.

Апрель 1846

СОН

На юношу вещей спускается сон,
Мечта его сердце лелеет;
И видит он: утро, уже небосклон
Зарёю с востока алеет.

Угрюмые тучи пылают в огне
И медленно в нем исчезают,
Белеют, ложась полосами, оне
И неба лазурь открывают.

Но нет еще солнца. Вдруг искра — и луч
Далеко промчался мгновенный. . .
Вот солнце, вот красное солнце без туч! . .
И день наступил вождеденный!

И слышит он: песни родные поют,
Родные несутся напевы,
И вот в сарафанах блестящих идут,
В повязках прекрасные девы.

И слышит он: воздух потрясса кругом
Под звуками меди гудящей;
И видит он: муж покидает свой дом,
На звуки призывны спешащий.

И сходится много на площадь людей,
Которой гордится столица:
Одежды родные, и разум очей,
И древние сильные лица.

На площади много народа стоит,
На вольном широком просторе;
Волнуясь, как море, народ говорит,
Шумят его речи, как море.

Он видит, он слышит — восторженный взор,
Восторженный слух, весь — вниманье!
Он видит Великий Народный Собор,
Он слышит его совещаенье!

И солнце приходит стезею своей,
Лучи рассыпая густые
На белые стены, на пышных церквей
Кресты и главы золотые.

И силы и доблесть, добро и любовь
В великой воскресли державе,
И старые песни хвалебные вновь
Поются и Миру и Славе!

Апрель 1846

* * *

Безмолвна Русь: ее замолкли города,
В ней, в старину, вещавшие так сильно,
И скрылась жизнь, кипевшая тогда
Разнообразно и обильно.
И не слышать бывалых голосов!
Но по земле великой безответно
Несется звук командующих слов
И множит скорби неисчетно.
И то не речь к народу всякий раз,
Когда гремит подобное вещанье:

Нет, то чужой бесчувственный возглас,
Повелевающий молчанье.
Судьба родной земли — уверить нас хотят, —
Ее удел — не наше дело;
Ее историю нам во дворце чертят,
Лишь денег и людей собирая смело.
С презрением народ и русский человек
Клеймятся именем невежды...
Одежда русская — в наш просвещенный век —
Есть угнетенного одежда!
Но не смущаюсь я: стоит, к соблазнам глух,
Народ великий в древней вере;
В себе, и не в одном, я слышу русский дух —
Он распахнет темницы двери!
Ты презрена, о русская земля!
Смеется над тобой отступников станица,
Ты презрена, судьбу ее деля,
Безмолвна ты, о древняя столица!
Безмолвны вы стоите, города!
Кругом идет чужое ликованье,
И мнится — нет былого и следа...
Но тот не нем, кто лишь хранит молчанье!..

1846

С. М. СОЛОВЬЕВУ

Не страшись квартального,
Приходи ко мне
Из предела дальнего
Пеш иль на коне.

И занятие сладкое,
Труд оставив свой,
Кинь на время краткое
Город Земляной.

Расправляй-ка ноженьки,
Полно, не пиши,
С улицы Остоженки
В Бел-город спеш!

Пусть первоначальные
Рюрик и Олег
Твой чрез стогны дальние
Провождают бег,

Мономах, избранная
Руси красота,
И Мстиславов бранная
Удалых чета.

Устремим прилежнее
В старину свой взгляд:
Вспомним время прежнее
И былой наряд.

В жизнь былую втянемся —
Миг забвенья быстр, —
На себя оглянемся:
Ты и я — магистр.

В платье мы немецкое
Облекшись, сидим,
Время молодецкое
Учено следим.

Хроники штудлируем,
Логикой идем,
Жизнь анализируем, —
Жизнью не живем.

Наше поколение
Ценит мысль одну;
Все мы тем не менее
Любим старину.

Чтоб преданья длинные
Вместе повторять,
Грамоты старинные
Вместе почитать,

Русский старый, ярого
Заложив коня,
Русского ты старого
Посети меня.

P. S.

Бросьте, не коспя, вы
Нынче всякий труд,
Ибо вас Свербесвы
На вечер зовут.

<1847>

Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Едва ты юности коснулся,
Едва волнений полный свет
Перед тобою распахнулся
И шлет обычный свой привет;

В твои года, когда ты молод,
И бодр, и силами богат, —
Непостижим твой сердца холод
И равнодушный, вялый взгляд.

К чему несовременный опыт
К душе заране прививать?
Восторг похвал, хуленья ропот
В груди насильно заглушать?

Умей понять своевременность,
Искусственность далеко кинь;
Увидишь, может быть, ты брэнность
Изменой созданных твердынь.

Не там, где громко, многолюдно,
Где блещет блеск и шум шумит,
Где всё великолепно, чудно,
Где всё незыблемым глядит,

Где горделиво тяготее
Полугорастолетний плен, —

Не там и не оттуда веет
Дух новых, будущих времен, —

То ночь, горящая огнями,
При звуке непристойных лир,
И солнца первыми лучами
Тот пышный постыдится пир. . .

Но там, где тихо слышно слово,
Где нет ни копий, ни мечей, —
Там возрастает семя ново,
Залог иных, грядущих дней;

Но там, где ветхая лачуга,
Где честный обитает труд,
Где сталь косы, серпа и плуга,
Где песни старые поют;

Куда не вкралась измена
И не вошли ее дары;
Где только цепь чужого плена,
А не богатство и пиры, —

Оттуда дух грядущей жизни
Возникнет, полный сил благих,
Подаст свободу вновь отчизне
И разорвет оковы их!

Среди насмешки и сомненья
Благое дело восстает,
И поколенью поколенья
Свой славный труд передает.

И чувство в нас проснулось снова,
И древний голос слышен вновь,
Произнеслось живое слово:
Измену победит любовь.

Спадает с каждым часом боле
С очей густая пелена,
И богатырь выходит в поле,
От долгого очнувшись сна.

И жизнь, и труд, и ум народа
Стрясают цепь и долгий плен,
И улыбается свобода
Былых, но памятных времен!

Быть может, время недалече,
Когда, приняв свой мощный вид,
Как море заколеблясь, вече
Заговорит и зашумит.

И ты ль пред добрым начинаньем,
Боясь насмешки и труда,
Пребудешь чуждый ожиданьям,
Теря юные года?

Не бойся полюбить сверх меры;
За благо надо не робеть —
Принять и труд и силу веры
И в добром деле не слабеть.

Еще совет: насмешку дале
Гони, — она всего вредней;
И, властелин ее вначале,
Ты покоришься перед ней.

Она смутит твою святыню,
На всё свою наложит цепь
И душу обратит в пустыню,
В бесплодную, сухую степь.

Но я надеюсь, бог с тобою! —
Ты одолеешь вражий строй
Душой правдивой и простою,
Глубокой сердца добротой.

Так с богом, доблестно и смело —
Сомненья прочь! — иди на брань,
За земское святое дело
Неколебимо твердо стань!

Февраль 1847

Я не знаю, найду ли иль нет
Я подругу в житейской тревоге,
Совершу ли священный обет
И пойду ли вдвоем по дороге.

Но подруга является мне
Не в немецком нарядном уборе,
Не при бальном потешном огне,
Не с безумным весельем во взоре.

Не в движеньях иль глупо пустых,
Иль бесстыдных и ветренных танцев,
Не в толпе шаркунов молодых —
И своих и чужих иностранцев,

Не под звуки музыки чужой,
Помогающей света злоречью,
Не с искусственной бальной душой,
Не с чужой иноземною речью.

Нет, подруга является мне
Вдалеке от золотого кумира,
В благодатной, святой тишине,
В светлой жизни семейного мира.

Предстоит она в полной красе,
Обретенная сердцем заране,
С яркой лентою в темной косе,
В величавом родном сарафане,

С русской песнию в алых устах,
Непонятной ушам иноверца,
С русской думою в ясных очах
И с любовью русского сердца,

Красной девицей, с жизнью родной,
И с семьею, и с верою дружной,
С молодою девичьей красой
И с девичьей душою жемчужной.

28 ноября 1847

ГУМАНИСТУ

Ты — эгоист, хотя бы наслажденья
Высокие испытывал твой дух;
Ты — эгоист, хотя б других мученья
Болезненно тревожили твой слух;
Хотя б тебе высокое искусство
Открыло свет таинственный во мгле;
Хотя б в тебе горело свято чувство
К прекрасному, благому на земле;
Хотя б своєю любовью широкою
Ты всех людей и целый мир объял;
Хотя б ты плакал и страдал жестоко
И радостью прекрасною сиял.
Но ты сидишь с простертыми руками,
С возвышенным мечтаньем на челе,
С блестящими и влажными глазами,
Уединен далеко на скале.
Перед тобой толпа стремится тесно —
Ты полон к ней участия и любви;
Ты для людей придумал мир чудесный,
Огонь мечты горит в твоей крови. . .

Нет, и не так участие прилично!
И правды нет в волненьи дум твоих;
Беды людей ты испытываешь лично,
И плачешь ты не с ними, но об них.
Не понял ты великого значенья
В один поток соединенных волн;
Могущества их общего стремленья
Не понял ты, *своей* тоскою полн.
Оставь же свой *отдельный* мир страданья,
Где ты живешь — вдали людей любя!
Участия не нужно подаянье,
Из целого не исключай себя.
Пойми всю силу общего потока,
Уединенье гордое оставь,
Далеко брось оружие упреха
И чувствами неволью не лукавь.
Лишь откажись от личных притязаний,
Живую связь поймешь ты вмиг, — и вот
С своею судьбой и морем колебаний

Величествен является народ!
Скорьбь общая и общая невзгода
Тебе твои страданья заменят, —
Сильней всего великий глас народа,
Пред ним твои все вопли замолчат!
Пойми себя в народе! Не сжимает,
Как океан, твоей свободы он:
Тсбе он только место назначает,
Ты общему в нем живо покорен.
А без того — ты эгоист без силы,
И жизнь твоя прекрасная пуста,
Страданья вялы, и оружья гнилы,
Порыв бесплоден и ложна мечта.

К народу лишь свобода низлетела,
Могуществен народа только клик,
Принадлежит народу только дело,
И путь его державен и велик!

<1848>

9 ФЕВРАЛЯ

Позабывши о твердом стремленьи
И закрывши от света глаза,
Я, как прежде, впадаю в волненье,
И дрожит на реснице слеза.

Снова стих я зову позабытый;
Снова рифма мне сладко звучит;
Снова голос, не вовсе убитый,
Поднялся и опять говорит.

Снова сердце, всё полное чувства,
Подымает свою старину,
Снова юность, любовь и искусство
Предстают сквозь времен пелену.

Но минута глубоко печальна;
Но не то, что бывало, в душе;
Точно в дом прихожу я опальный,
Мною виденный в полной красе,

Дом знакомый и милый мне много,
Полный жизни и счастья причуд;
Грусть и память стоят у порога
И по комнатам тихо ведут.

Но не тот уж пришедший; угрюмо
Он встречает все прошлые сны;
Не одна пронеслася в нем дума,
Потрясая души глубины.

Чувство живо, но чувство печально;
Он отрекся от счастья любви;
И он дом покидает опальный
И все грезы молодые свои.

Что теснишься ты, прежняя, жадно,
Жизнь моя, в беззащитную грудь?
Мне явленье твое не отрадно;
Никогда не свратишь мой путь.

И восторг, и волненье, и слезы,
И надежда, и радость с тоской,
Ясно солнце, и частые грозы,
Освежавшие воздух собой, —

Мне печально видение ваше;
Я болезненно чувствую вас;
Из разбитой и брошенной чаши
На земле мне не пить еще раз.

Что ты рвешься, о бедное сердце?
Что ты шепчешь свои мне права?
Ты преданьем живешь староверца,
Ты твердишь всё былые слова.

Ты довольно наставшей минутой,
И, к умчавшейся жизни маня,
Прошлым счастьем, тревогой и смутой
Ты безжалостно мучишь меня.

Мне знакомую, старую повесть
Подымаешь ты тихо со дна;

Внемлет ей непреклонная совесть, —
Но тебя не осудит она.

Мне другой, и крутой и опасный,
Предстоит одинокий мне путь;
Мне не ведать подруги прекрасной,
И любовь не согреет мне грудь.

И досуг мой умолкнет веселый
Без раздела с подругой моей;
Одинок будет труд мой тяжелый,
Но его понесу я бодрей.

Глас народа зовущий я слышал,
И на голос откликнулся я.
Бодро в путь, мной избранный, я вышел;
Подвиг строго налег на меня.

И я принял на твердые плечи
Добровольно всю тяжесть труда.
Загремели призывные речи,
И призыв не прошел без следа.

Отдал я безвозвратно и смело
И любовь, и подруги привет —
За народное, земское дело,
За борьбу средь препятствий и бед.

Личной жизни блаженство мне сродно;
Всё откинул решительно я,
Взяв в замену труд жизни народной
И народную скорбь бытия.

Здесь просторно народным простором;
И ничтожен один голосок
Пред народным торжественным хором,
Как пред морем ничтожен поток.

Не от бедности сердца, пугливо,
Тех блаженств я себе не хотел;
Но их голос народа ревнивый
Осудил и оставить велел.

И не было изъято решение
От страданья и скорби в тиши:
Незнакомо мне чувство презренья
К справедливым движеньям души.

Но слабеют и блекнут, не споря,
И любовь и все прежние сны
Перед шумом народного моря,
Перед движеньем народной волны.

Кто народу явился причастен
И кого обнимает народ,
Тот назад воротиться не властен,
Тот иди неослабно вперед.

Пусть же людям весь мир разнородный
И любви и всех радостей дан.
Счастье — им! — Я кидаюсь в народный,
Многобурный, родной океан!

1848
Москва

ПОДЛЕЦ

Подражание Пушкину

Покуда своего призванья
Подлец в душе не узнает,
Среди других он без вниманья,
Еще неузнанный, живет.
Ничто в нем духа не тревожит,
Не бродят козни в голове —
И с честными людьми он может
Жить незаметно и в Москве.
Но только подлости призыв
До слуха чуткого коснется, —
Подлец душою встрепенется,
Мгновенно силы ощутив.
Он бродит праздный, недовольный;
Уже порыв его влечет
Туда, где подлости привольно,
Где много дела он найдет.

Бежит он, полон весь заботы,
От скучной для него Москвы,
На плоские берега Невы,
На многогрязные болота.

1840-е годы

АКРОСТИХ

Мои мечты и силы молодые
Одной тебе я отдал, посвятя;
Судьбой своей чудесной в дни былые
Как сильно ты тревожила дитя!
Всю жизнь свою останусь я с тобою,
А ты сияй бессмертной красотою.

1840-е годы

К Ю. Ф. САМАРИНУ

Не душ влечение,
Не сердца глас, —
Цепь убежденья
Связала нас.

Мечты высокой
Один порыв
Умчал далеко,
Соединив.

Нас занял много
И общий труд,
И мысли строгой
Высокий суд.

На самом деле
Когда-нибудь
Достигнуть цели —
Пошли мы в путь.

1840-е годы

СОВЕТЫ

Дело великое жизни —
Ею объаты кругом —
В нашей великой отчизне
Все мы покорно несем.

Жизнь, ты загадка от века,
Ты нас тревожишь давно —
Сердце и ум человека
Нам разгадать не дано.

Жизнь и ничтожество, — что вы?
Тайну я слышу вокруг,
Всюду вопросы готовы,
Но не готов им ответ.

Нет, мы к вопросам не глухи,
Слышим мы тайну кругом,
Слышим мы темные слухи
В мире о мире другом.

Нам лишь загадка известна —
Жажду мы знаем одну,
Знаем, что в мире нам тесно,
Но не уйти в вышину.

С пылким восторгом усилъя
Мы лишь к вопросу идем.
С горьким сознанием бессилья
В прах безответны падем.

О, если б в жизни ошибки
Мы забывать не могли,
Не было б в мире улыбки,
Не был бы смех на земли.

Ум благороднейший бродит,
Бредит и сердце в мечтах,
В душу отчаянье входит,
Мрак нависает в очах.

<1850>
Тула

ЛУНА И СОЛНЦЕ

Тебя мечтательницы любят,
Луна, в далеких небесах!
Свои мечты они голубят
В твоих серебряных лучах.

К тебе, о робкое светило,
Стремится робкая душа,
С тобой блаженствуя уныло,
Тоскою праздною дыша!

В твоём мерцании пристрастном,
В твоей прозрачной полумгле
Всё стало призраком неясным,
Виденьем странным на земле.

Гоня везде определенность
И утверждая власть мечты,
Простую жизни откровенность
Сомненьем окружила ты.

Твой бледный луч какой-то тайной
Весь мир действительный облек,
Всему дал вид необычайный —
Везде загадка иль намек.

Завеса легкого тумана
На всё наброшена тобой:
Очарование обмана
Объяло тихо мир земной.

Но греет он, твой луч холодный,
Лелеет он в ночной тиши
Пустого сердца сон бесплодный
И ложь мечтательной души.

Твоих поклонников довольно,
Довольно в мире, о луна!
Тоски и скорби добровольной,
И лжи, и нравственного сна!

Есть люди: в них всё так же зыбко,
В них всё — загадка иль намек;
В их сердце — вечная ошибка;
Дары природы им не впрок.

Мила им область снов неясных
И недоконченных речей,
Иносказаний ежечасных,
Смешенье света и теней.

Насмешкам, шуткам бесконечным —
Как будто делу преданы;
Они всю жизнь, в просонье вечном,
Свои рассказывают сны.

Но вот прозрачный мрак рдеет
Зари багряной полосой:
Всё небо постепенно рдеет,
И всходит солнце над землей,

И солнца луч, решитель спора,
Блеснул — и прогоняет тьму:
Всё освещает он для взора,
Но недоступен он ему.

О солнце, враг видений лживых!
И полумрак, и полусон
Бегут лучей твоих правдивых!
Весь мир открыт и озарен,

Всё смотрит ясно и отратно,
Нигде, ни в чем обмана нет,
Всё озаряет беспощадно
Твой, солнце, правосудный свет!

Что дышит жизнью настоящей,
То встретит с радостным лицом
Твой неподкупный луч блестящий
И новых сил добудет в нем.

Торжественный, и многогласный,
И непрестанный с древних пор,

Тебе, светило правды ясной,
Гремит хвалебный жизни хор!

Тот только солнце любит смело,
Кто жизнь в мечту не обратил,
Кому доступно в мире дело,
Кто не изнежил данных сил,

Кто полумысли, почувства
В своей душе не допускал,
Речей загадочных искусства
Презренного не изучал,

Кому противен путь намека
И ненавистней для кого
Благообразие порока,
Чем безобразие его,

В ком чувство жизни вечно ново,
Кто речи хитро не двоит,
Чья мысль ясна, чье прямо слово,
Чей дух свободен и открыт!

<1851>

НОВГОРОД

Всё вокруг, поля и воды,
Всё мороз сковал.
Но не мерзнет синий Волхов
И крутит свой вал.

Долго ты с народом вольным,
Волхов, дружно жил,
Долго синею волною
Ты ему служил.

Разнося свой звон далече
Вдоль твоих берегов,
Колокол сзывал на вече
Новграда сынов.

И, волнуясь, как море,
Шумен, как оно,
Собирался на просторе
Весь народ в одно.

Господина Новаграда
Глас тогда звучал,
Он творил и суд и правду
И дела решал.

Был тогда великий Новград
Славен и богат
И держал в руках могучих
Злато и булат.

Всё прошло. Не слышно вече, —
Колокола нет:
Снят и увезен далече, —
Позабыт и след.

Всё пустынно и уныло,
Имя лишь одно
Говорит о том, что было
И прошло давно...

Нет, таким печальным вздохом
Можно ль кончить речь?
Русской жизни надо шире,
Не Новградом течь!

Новгород, ты целой Руси
Уступил права,
И, избранница всей Руси,
Поднялась Москва.

И в Москву, на вольны речи,
Всей Землей с тех пор,
Заменяя древне вече,
Собрался *собор*.

И Великой Руси дело —
Собиранье сил —
Русью Малой, Русью Белой
Бог благословил...

1851
Новгород

ВЕСЕЛЮ

Веселье — образ жизни ясной,
Сердечный спутник чистоты,
Златой удел души прекрасной,
Всегда благословенно ты!
На светлом общем жизни пире —
Ты жизни лучшая краса.
Играет радость в божьем мире,
Весельем блещут небеса.

Пред нами бесконечны годы,
И неизменна и светла
Улыбка вечная природы:
Природа вечно весела.
Своей красой она целебно
Врачует наш усталый дух;
Творцу вселенной — гимн хвалебный
В ее веселье внемлет слух.

Путей для человека много,
Мрачится дух его легко;
Тревога жизни за тревогой
Колеблют душу глубоко.
Себя он в мире понапрасну
Среди сует да не смутит;
Да сохранит он душу ясну
И в ней веселье водворит.

Не только праздник своенравный
Блестящей светской пустоты
Таит в себе обман тщеславный

Для нашей суетной мечты, —
Есть зло иное: там, где твердость
Превозмогла соблазна шум,
Неслышно к нам подходит гордость,
Ожесточая смелый ум.

Стой за добро неколебимо,
Будь духом тверд; но не гони
Младую жизни радость мимо,
Веселья в мире не кляни.
Соблазна шепот нам для слуха
И в келье внятен; будь боец,
И помни, что веселье духа —
Его всех подвигов венец.

Блажен, чей дух ни пир, ни келья
Не могут возмутить до дна;
Кому источником веселья —
Души прекрасной глубина;
Кто света путь оставил зыбкий,
Как лебедь бел, и сохранил
Всю прелесть чистую улыбки
И стройный хор душевных сил.

15 апреля 1852

СВОБОДНОЕ СЛОВО

Ты — чудо из божьих чудес,
Ты — мысли светильник и пламя,
Ты — луч нам на землю с небес,
Ты нам человечества знамя!
Ты гонишь невежества ложь,
Ты вечною жизнью ново,
Ты к свету, ты к правде ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана, —
В животной же силе нет прока:
Для истины — гибель она,
Спасенье — для лжи и порока;
Враждует ли с ложью — равно

Живет его жизнью новой...
Неправде — опасно одно
Свободное слово!
Ограды властям никогда
Не зижди на рабстве народа!
Где рабство — там бунт и беда;
Защита от бунта — свобода.
Раб в бунте опасней зверей,
На нож он меняет оковы...
Оружье свободных людей —
Свободное слово!
О, слово, дар бога святой!..
Кто слово, дар божеский, свяжет,
Тот путь человеку иной —
Путь рабства преступный — укажет
На козни, на вредную речь;
В тебе ж исцеленье готово,
О духа единственный меч,
Свободное слово!

1854
Москва

ТЕНИ

Над всею русскою землею,
Над миром и трудом полей
Кружится тучею густою
Толпа нестройная теней.

Судьбы непостижимым ходом —
Воздушным, бледным, сим теням
Дано господство над народом,
Простор их воле и мечтам.

Вампира жадными устами
Жизнь из народа тени пьют
И просвещения лучами
Свой греют хлад... Напрасный труд!

Им не согреть свой хлад мертвящий!
Ни просвещение, ни народ

Им жизни полной, настоящей
Не может дать и не дает.

Народа силы истощая,
Народу заслоняя свет,
Отколь взялась теней сих стая?
Отколь сей странный Руси бред?

Когда Петра жестокой силой
Была вся Русь потрясена,
Когда измена к ней входила,
Ее грехом возбуждена,

Когда насилие с соблазном
Пошли на Русь рука с рукой,
Когда, смущаясь в духе разном,
Сдавался русских верхний строй

И половина Руси пала,
Отдавшись в плен чужих цепей, —
Тогда толпа теней восстала
На место попранных людей.

Соблазн, насилие, коварство
До цели избранной дошли,
И призраков настало царство
Над тяжким сном родной земли.

Вампира жадными устами
Жизнь из народа пьют они
И, греясь чуждыми лучами,
Ведут свои беспечно дни.

Но срок плененья близ исхода;
Судьба неслышно подошла,
Сказалось слово... Лик народа,
Редея, открывает мгла.

И вот свились, смутившись, тени
И жалкий поднимают клик:
Проклятья, стоны, брань и пени,
И шум, и гам кругом возник.

Мягутся, будто галок стая,
Завидев сокола вдали;
Шумят, кричат — не понимая
Друг друга и своей земли.

Да, столько лет прожив беспечно,
Без цели, мысли и труда,
В забавах жизни тешась вечно,
Народу чуждые всегда, —

Что будут тени в час, как новый
Их жизни озаряет свет,
И на вопрос судьбы суровой
Какой дадут они ответ? ..

А ты молчишь, народ великий,
Тогда как над главой твоей
Нестройны раздаются крики
Тобой владеющих теней.

Предмет их страха, укоризны,
Молчишь, не помнящий обид:
Языческой свирепой тризны
Дух христианский не свершит.

В тебе ключ жизни вечно новый,
В тебе загадки смысл сокрыт...
Что скажешь ты? .. Твое лишь слово
Нам тайну жизни разрешит!

<1856>

* * *

Я не знал, что солнце скинет
Нынче облачный покров,
Волны света с неба двинет
И свой луч приветно кинет
На меня из облаков.

Я не знал... и луч желанный
Тем отрадней для меня,

Что, негаданный, неожиданный,
Он блеснул с высот, посланный
Солнца дар на радость дня.

Солнцу гимн я шлю хвалебный,
Правды свет я петь хочу.
Полумрак луны волшебный,
Сердцу робкому потребный,
Солнца уступи лучу!

Солнце, луч твой неподкупный
Светит строго и равно.
Всё, что мелко, всё, что крупно, —
Всё известно, всё доступно,
Всё кругом озарено.

Видеть мне в душе отрадно,
Как твой луч, вред злу и мгле,
Всё, что ладно, что не ладно —
Беспристрастно, беспощадно
Обличает на земле.

Истине щита не нужно,
Пусть лишь солнца свет горит,
Озаряя землю дружно,
Всё исчезнет, что недужно,
И здоровье победит.

14 февраля 1856

ВЕСНА

Краснеет лес, темнеют степи,
Весенний ветер потянул...
И тают ледяные цепи,
Везде движение и гул.

Отрадно мягок воздух; птица
Напев тревожный свой ведет;
Надеждою сияют лица:
Зима прошла, весна идет.

Весна идёт! Но власть не скоро
Зима свою уступит ей,
И силой грозного отпора
Не раз смутит сердца людей.

Вдруг ветер с севера завоюет,
Метель с морозом налетит,
И снова землю снег покроем...
Опять зимы суровый вид!

Но этот снег не страшен, — даром
Что вид зимы с собой несет.
«То новый снег идет за старым», —
Премудро говорит народ.

Не устрашат нас ни морозы,
Ни снег весеннею порой.
Простим бессильные угрозы
Зиме, идущей на покой!

<1857>

РАЗУМУ

Разум, ты паришь над миром,
Всюду взор бросая свой,
И кумир вслед за кумиром
Низвергается тобой.

Уповая всё постигнуть,
Ты замыслил искони
Мир на мире вновь воздвигнуть,
Повторить творенья дни.

Ты в победу гордо веришь,
Ты проходишь глубь и высь,
Движешь землю, небо меришь, —
Но, гигант, остановись!

Как титаны в древней брани,
Кинув горы к облакам

И явивши силу длани,
Не опасную богам,

Сражены обратно павшим
Градом полетевших гор
И легли всем родом, ставшим
Нам в преданье с оных пор, —

Так и ты, из всех титанов
Горделивейший титан,
От породы великанов
Уцелевший великан!

К небесам идешь ты смело,
С двух сторон на них всходя,
Обращая мысли в дело,
Дсло в мысль переводя.

Но напрасно: многодельность
Не дойдет к причине дел;
Ты нашел не беспредельность,
Но расширенный предел.

Чтоб вселенную поверить
И построить вновь ее,
Гордо мыслию измерить
Ты мечтаешь бытие.

Рассекая жизнь на части
Лезвием стальным ума,
Ты мечтаешь, что во власти
У тебя и жизнь сама;

Ты ее добычей числишь;
Но откинь гордыни лесть:
Умерщвляя, ты ли мыслишь
Жизни тайну приобрести?

В недоступные пучины
Жизнь ушла, остался след:
Пред тобой ее пружины,
Весь состав, — а жизни нет.

И какое же решение —
Плод гигантского труда:
Постижение — до творенья
Не достигнет никогда.

Отрекись своей гордыни,
В битву с небом не ходи,
Перед таинством святыни,
Перед богом в прах пади!

Вмиг получит смысл от века
Исполинский труд бойца,
Приближая человека
К познанию творца.

И титана след суровый —
Груды сдвинутых громад —
Благозвучно, с силой новой
Славу бога возвестят.

<1857>

* * *

Грустно видеть, как судьба порою
Человека беспощадно гонит;
Как он силы напрягает к бою
И опять главу печально клонит;
Как вся жизнь — невзгода да лишение,
Как нужда с трудом не растается,
И в немом и сумрачном терпенье
Человек с лихой судьбою бьется.

Но еще грустней на сердце станет,
Как свершается паденье брата;
Как душа в нем робко, грустно вянет
Под дыханьем грубого разврата;
Как высокий дух и разум ясный
Средь страстей невежественных никнет,
Как потом, черствея ежечасно,
Человек к бездушию привыкнет.

Но грустней, когда лежит тяжелый
Мрак на жизни целого народа,
И живет он скорбный, невеселый —
Силам нет свободного исхода.
Он раскрыть даров своих не смеет;
Смутно он свое призванье внемлет,
Слово робко на устах немеет,
Ум во тьме, душа пугливо дремлет.

Но когда с народа мрак снимает
Провиденье благодатной дланью —
Вспрянет ум и крылья простирает;
Сознает народ свое призванье,
Свой он подвиг замышляет смело;
В божьем мире людям дела много...
И исполнен дум, готов на дело,
В мир народ идет и славит бога.

<1857>

ЕРШ

Телом мал, велик он духом
И точь-в-точь — Наполеон,
Даже, если верить слухам,
Не боится шуки он.
Серый, пестрый он собою,
Чешуя его проста,
Весь вооружен он к бою
Ото рта и до хвоста.
Знаменит в странах он водных,
Он задорен, он бреттёр,
Мыслей держится свободных,
Независим он и скор.
Он пылает бранным жаром,
Хоть живет в прохладе вод,
И зато ерша недаром
Русский полюбил народ.
Про его проказы славны
Он давно сложил рассказ,
И веселый и забавный —
Назидательный для нас.

А. П. ЕФРЕМОВУ

Тебе, студент времен далеких,
Первоначальных, — я пою;
Ты помнишь ряд палат высоких,
Свою зеленую скамью;
Перегородок ряд железных
Ее на части разделял,
И их, как вовсе бесполезных,
Я в упоеньи силы рвал.

Ты помнишь множество историй
(Истории учились мы),
Нестройный шум аудиторий,
Где наши юные умы
Пускались в путь, велися споры;
Веселой шуткой и умом
Сверкали живо разговоры
За чаем, редко за вином.

Не всё гремели наши речи,
Мешались руки между слов,
И тяжело падали на плечи
Удары дружных кулаков.
И мой — тебе знаком довольно:
Когда ты глупости мне врал,
Он убедительно и больно
Соседа в спину упрекал.

А ты, — ты был не то, что ныне,
Ты молод был, ты был хорош;
Знал на пятак ты по-латыни,
А географии — на грош.
Хранил ты светских лоск приличий,
Но жизнь и сельскую ты вел:
Охотник главный, много дичи
Всегда и нес ты и порол.

Ты нравился во время оно;
Ты слушал, лестью упоен,
Что ты похож на Аполлона. —
Теперь, какой ты Аполлон!

Вокруг тебя весною пахло,
Теперь ты в пристань стал, на рейд;
Ты ветхий деньми, старец дряхлый...
O meines Leben's golden Zeit!¹

¹ О моей жизни золотое время! (нем.) — *Ред.*

**О Л Е Г П О Д
К О Н С Т А Н Т И Н О П О Л Е М**
*Драматическая пародия, с эпилогом,
в 3-х действиях, в стихах*

ОТ АВТОРА

Считаю нужным сказать несколько слов в объяснение драматической моей пародии «Олег под Константинополем».

В тридцатых годах русскую историю преподавал в Московском университете М. Т. Каченовской, имя которого навсегда останется в летописях русской исторической науки. Студенты были увлечены скептическим его взглядом. Молодость любит критическое направление и охотно сомневается. По-видимому, это противоречит стремлению верить, — стремлению, которое составляет отличительную черту молодости; но здесь противоречие только видимое, ибо самое сомнение молодость часто принимает за веру. В таком, очень нередко одностороннем влечении к скептицизму лежит часто прекрасная основа: все испытать, все проверить своим умом, ничего не принимать без труда и ради авторитета.

Увлекаясь тогда, вместе с другими, скептическими мнениями профессора, я увидел потом их ошибочность. Тогда, под влиянием этого скептицизма, написал я, с одобрения товарищей, эту пародию, в которой преувеличил до крайности мнения противников, представив Олега государем эпохи развитой и просвещенной. Вместе с тем это была пародия и на стихотворные идеализации истории в появлявшихся тогда некоторых патриотических драмах, и вообще на звучность стихов, иными принимаемую еще и теперь за поэзию.

Небольшой отрывок из этой пародии был напечатан в «Телескопе» под псевдонимом «Эврипидин».

Вот что счел я нужным сказать читателям «Олега», если они будут. Пародия эта потеряла современность, а вместе с тем, может быть, и занимательность, но я полагаю, что для иных будет любопытно узнать, какого рода литературные пародии писались в 30-х годах нашего столетия.

К. Аксаков

Москва 1858

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Олег, князь Киевский.	Северяне.
Игорь, сын Рюрика, предшественника Олега, наследник престола.	Тиверцы.
Свенельд, военачальник.	Радимичи.
Леон, царь греческий.	Дулебы.
Греческая царевна.	Хорваты.
Дулеб, воин.	Греки.
Древляне.	Варяжская дружина, воины, народ и проч.
Поляне.	Якун и Ингелот, варяги.
Лутичи.	Всеслав, молодой воин.
	Людмила, киевлянка, его невеста.

В эпилоге — профессор и студенты.

Первое и второе действия драмы — в Киеве, третье — в Греции, близ Константинополя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ВИД ПЕРВЫЙ

ТРОННАЯ ЗАЛА КИЕВСКОГО ДВОРЦА

ЯВЛЕНИЕ 1

Олег сидит на троне, окруженный своими военачальниками, вельможами и проч. Представители всех подвластных ему народов поочередно подносят ему дани и говорят речи. Многие уже представлялись и отошли к стороне, некоторые еще подходят.

Древляне

Перед тобой, о князь, твои древляне,
Суровые владетели дубрав.
Мы скудные тебе приносим дани,
Плоды своих воинственных забав.
В густых лесах и волки и медведи
С издетства нам угрюмые соседи.
Мы всюду их с оружием следим
И тешимся опасною забавой,

Пока опять труба войны кровавой
Не воззовет нас к подвигам иным.

(Подают дани и отходят.)

Поляне

Прими, о князь, твоих полян радушных!
Мы любим мир, мы любим тишину,
Живем в полях и в играх простодушных
Встречаем мы прекрасную весну.
Прочь, прочь от нас оружия боевые!
Зубцом сохи, когда придет весна,
Взрываем мы свои поля родные
И в недра их кидаем семена.
Придет зима, и мантиею белой
Покроется печальная земля, —
Мы лета ждем, с надеждою несмелой
Глядим мы вдаль на снежные поля.
Уже опять теплее солнце блещет,
И тает снег, сбегая на луга;
И снова Днепр, сломив оковы, плещет
Свободною волною в берега.
На зов весны откликнулась природа.
Растут, растут молодые семена.
Им льется жизнь с лазоревого свода,
Из недр земли им пища послана.
Пора, пора! В полях желтеют нивы,
Колеблются упруго волны их!
Пора, пора! И серп трудолюбивый
Блестит в рядах колосьев золотых,
Поют жнецы, их раздаются клики,
И тянутся кругом ряды снопов!
Тебе, о князь, властитель наш великий,
Приносим мы плоды своих трудов!

(Подают дани и отходят.)

Хорваты

Высокие горы,
Крутые скалы —
Вот родина наша.
С младенческих дней

Привыкли мы к дикой
Природе своей.
Отрадно взбираться
На скалы, обломки,
Откинувши страх!
А рога отзвывы
Так звучны, так громки
В пустынных горах!
Ты скажешь, что только
Под сводом небесным,
От шумной земли
Далеко, природу
Лишь можно подслушать;
Что там, где и следа
И признака нет
Ноги человека,
Дает человеку
Немая природа
Желанный ответ.
Долины так мирны,
И тучные овцы
Пасутся на них,
Ленивы и жирны.
Тебе, о наш князь,
Межами, волною
Приносим мы дани.
Пусть Киев искусный
Из них тебе выткет
Богатые ткани!

(Подают дани и отходят.)

О л е г

Благодарю, усердные народы,
За речи благовещие и дани!
С отрадою внимает им мой слух,
Зане богатством, счастием и славой
Племен, живущих под моей державой,
Властительский мой веселится дух.
Идите, представители! На пире
Увижу вас! Теперь идите в мире!

Стражи и все, кроме Олега, уходят.

явление 2

О л е г
(один)

Как радостно мне гордое сознание
Могущества и необорных сил!
Как счастлив тот, кого таким уделом
Всесильный рюк на жизнь благословил!

Как всё вокруг меня разнообразно!
Как разнятся народы меж собой,
Которые руке моей подвластны!
Вражде бы должно между ними быть:
В леса древлянин дикие уходит,
Гражданственность не уважает он,
С оружием, неукротимый, бродит:
Страсть дикая один ему закон;
С своих полей незлобный киевлянин
Сдирает дерн прилежною сохой;
Кидает сети в воды северянин,
Лутич играет с бурей морской;
Отважные и гордые хорваты
Живут в горах, стреляют диких коз,
Иль весело, в дни осени богатой,
Жмут светлый сок из виноградных лоз.
Все жизньию живут разнообразной.
И как и чем бы съединиться им?
Как вырваться из неприязни кровной?
Где точка соприкосновенья их?
И вечно бы вражда у них кипела,
Но власть, как центр, соединила их;
Их силами, их духом овладела
И всем свободный указала путь.
Исчез хаос. Из элементов стройно
Возник живой, могучий организм,
Где каждый член свободно, сообразно
Своей природе, действует, живет;
Где каждый член необходим, но только
Как член, как часть великого явления,
Явления, в котором проявилась
В различии единая идея.
Сей организм могучий — государство!

Его единство — я! Мои народы —
Те исполинские живые члены.
Я им даю живительную силу:
Свободу и закон я им даю.
Мной эта жизнь в могущественном теле
Равно, разнообразно разлита.
И нет вражды! И стройность, и движенье,
И счастье отрадное везде!
Велик удел! О, как высоко дышит,
Порывисто волнуясь, грудь моя!
Какой огонь в душе могучей пышет!
Живу, живу, весь полон жизни я!
Гляжу я в даль: даль длится бесконечно,
Мне нет конца, я славой озарен!
Как величавый, неумолчный гром,
Мое там имя будут слушать вечно
Ряды благоговеющих племен!

Гром и молния. Является дух. Олег, в изумлении, отступает.

Д у х

Тебя свет и помнить не будет!
Напрасно мечтаешь, Олег!
Твои он дела позабудет,
Тебя он жестоко осудит;
В твоём сомневаться он будет
Существованья, Олег!

(Исчезает.)

О л е г

Исчезло ты, коварное виденье,
Смятением наполнив душу мне!
Я ль осужден на вечное забвенье,
Я, давший жизнь родимой стороне?
Не может быть! Душа моя в смятении.
Всё предо мной как бы в туманном сне.
Ужель теперь — предсказанное будет?
Ужель меня потомство позабудет?

Итак, мечты возвышенной порывы,
И глубина правительственных дум,
И стольких битв далекие отзвуки,
Победный меч и гениальный ум,

Великого свершитель горделивый,
И мудрых дел повсюду громкий шум, —
Проглотит всё губительная Лета,
И жизнь моя погибнет для поэта? ..

Простите ж вы, прекрасные надежды
Жить славою в грядущих временах!
Ударит час, навек закрою вежды,
И примет гроб мой безымянный прах!
К чему ж теперь пурпурные одежды
На царственных взвывают раменах?
И каждый год к чему венок лавровый
Мое чело венчает славой новой?

Не для меня потомства удивленье,
Историков нелестная хвала!
Не для меня племен благословенье
За славные, великие дела!
Не юбо мне поэтов песнопенье!
Всё у меня судьбина отняла!
Проститься мне с отрадною мечтою!
Мне смерть в удел назначена судьбою! ..

Как, смерть? Но нет! Могущественной волей
Я покорю враждебную судьбу;
Неустрашимо с роковою долей
Вступлю теперь в открытую борьбу;
И сам себе воздвигну капитолий
И славе дам бессмертия трубу!
О злобный рок! Не смейся надо мною!
Бессмертие! Тебя возьму я с бою! ..
Эй! Юноша!

явление 3

Олег и молодой варяг.

В а р я г

Ты звал меня, властитель?

О л е г

Где киевский вешун, где старый волхв?

В а р я г

Народ собрался шумными толпами
На берега широкого Днепра.
Там хоровод и песни над водами,
Там видел я и мрачного волхва.

О л е г

Позвать его!.. Иль нет! Простые латы
И меч и шлем простой мне приготовь.
Иду туда. Ты будь мой провожатый.
Быть может, там я успокоюсь вновь.

ВИД ВТОРОЙ

М Е С Т О Н А В Е Р Е Г У Д Н Е П Р А

я в л е н и е 4

Вдали гуляющие толпы народа. Якун и Ингелот выходят
на авансцену.

Я к у н

Как нравится тебе, товарищ, Киев?
Как нравится его житье-бытье
И вся держава смелого Олега,
Которого прозвали вещим здесь?

И н г е л о т

Я с изумлением глядел на Киев.
Нелживая идет о нем молва:
Украшены изображеньем змиев,
Летят его крылатые суда;
Виднеются везде водопроводы,
Полезное устройство для граждан;
Везде висят мостов крутые своды,
И сносят дань из южных стран
Олегом покоренные народы.
Величием блестит его чертог,
Усердными варягами хранимый.
Могущество его неодолимо,
Его богатств никто исцель не мог.

Но, друг Якун, ты знаешь: груды золота,
Обширность стран не привлекут меня.
Любимый мой наряд — стальные латы;
Любимый дом — крылатая ладья.
Небесный свод, печальный и туманный,
Родного моря опененный вал,
Среди зыбей отрада встречи бранной
И скальда песнь с вершины диких скал
Милее мне.

Я к у н

Ты говоришь родное
Душе моей. Забилось сердце вновь.
Я вспомнил всё: и море роковое,
И грозный крик бестрепетных бойцов.
Всё вспомнил я! Но время пролетело,
Лишь память нам осталась о былом.
Кипела жизнь, и утомилось тело.
Покою, друг, желаем мы и ждем.
Здесь, под державой мощного Олега
Мы наконец желанное нашли.
Но не подумай, чтоб забыли сечи
Когда-нибудь варяжские бойцы.
Труба звучит, блестят стальные брони,
И, как всегда, разит варяжский меч.
Мы здесь живем, и смелый дух воинской
Вливаем мы в бездейственных славян,
Их жизнь теперь мы делаем полнее,
Внося к ним новый, свежий элемент.
И грозное восстанет государство,
Могучее наукой и войной.

И н г е л о т

Пусть так, но кровь еще кипит во мне,
Я жажду бурь, и брани, и тревоги;
И пышные оставлю я чертоги,
И вновь предамся гибельной войне...
Но, друг, сказать ли? Не одно желанье
Кровавых битв домой меня влечет.
В моей груди еще воспоминанье,
Не бранное, не грозное, живет.

Нет, нет! Одна, над сизыми волнами,
В одежде белой дева на скале
Сидит и ждет. Волнистыми власами
Играет ветер; унынье на челе;
Над ней покров свинцового тумана;
Взор устремлен в верхи морских зыбей.
Якун! Ты знаешь песни Оссиана,
И, друг, ты понял, что в душе моей?

Якун молча пожимает ему руку. Вдали раздаются песни. Показывается новая толпа киевлян.

Я к у н

Но тише! Вот подходят киевляне!
Веселые ты слышишь песни их?
Свирель, и песнь, и пляска — вот забавы
Единые их тихих, мирных дней.
Друг Ингелот, пойдем же к ним навстречу.

Уходят и смешиваются с толпами. В толпе виден волхв. Олег быстро выходит из-за кулис в сопровождении молодого варяга, хватая волхва за руку и выводит с собой на авансцену.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, волхв, Олег и молодой варяг.

О л е г

Послушай! Ты читать в звездах умеешь.
Ты знаешь волю тайную богов;
Явлений темный смысл ты постигаешь;
Так отвечай! Ты должен отвечать!

В о л х в

Властитель! Мне твои слова понятны.
Я знал, что ты придешь меня искать.

О л е г

Известно ли тебе — зачем?

В о л х в

Известно.

О л е г

Как?! Знаешь ты, что нынче грозный дух
Ко мне предстал с ужасными речами?

В о л х в

Всё знаю я.

О л е г

Что он мне предрекал...
Нет сил сказать.

В о л х в

Он предрекал тебе,
Что мир твой деянья позабудет
И сомневаться даже люди будут
В твоём существовании.

О л е г

Да, да, да!
Бессмертие он отнял у меня!
Бессмертие!

В о л х в

Печаль твоя правдива.

О л е г

Скажи мне, объясни мне, разгадай
Ужасных слов полнейшее значенье.

В о л х в

Верховную твою исполнить волю
Готов немедля я. О князь, внемли!
Недавно сон я странный, дивный видел:
Перед собой я зрел обширный град;
Из белого он камня был построен,
Зелеными садами обнесен
Он трижды был; а по его середине
Стояла крепость, башни возвышая.
Двуглавые на башнях тех орлы,
А в крепости везде золотые главы

Таких же храмов, как видали мы
У греков, в их богатом Цареграде.
Но взор мой вдруг недалеке заметил
Огромное, неведомое зданье.
Чей это град, подумал я тогда?
Кто князь его? В каких странах, далеко ль
От государства мощного Олега?
Что значит это зданье? Храм, быть может,
Где чтут богов, где славят имя князя?
На мысль мою тогда раздался глас:
«Беги, о волхв! Сей град есть град ужасный!
Он гибелен для славного Олега!»
И вдруг со всех сторон раздался звон.
Колокола, сливаясь, гудели;
Хвалебные во храмах песни пели;
Всё в гром слилось... и мой исчезнул сон.
Я, трепетный, тогда с одра поднялся
И в храм спешил: да боги мне дадут
Загадки сей неясной разрешенье.

О л е г

И что ж, скажи, узнал ты от богов?

В о л х в

На севере, между лесов дремучих,
Возникнет некогда великий град,
Владыко царств, исполнен сил могучих,
Правительственной мудростью богат.
Воздвигнется в нем здание науки,
Ему названья в русском слове нет.
И в этом зданьи некогда ученый
Торжественно все дивные твои
Дела постыдным омрачит сомненьем
И наконец отвергнет вовсе их.
Он скажет и доводами докажет,
Что не было, Олег, тебя совсем;
Что это вымысл, ложное преданье;
Что ты народа басня, что ты — миф.

О л е г

(в бешенстве и с ужасом)

Я — миф?

В о л х в

Отчаянье твое понятно.
Погибнет всё, когда отвергнут даже
Существованье самое твое.

О л е г

Я — миф!

В о л х в

Спокойся, князь! Еще есть средство...

О л е г

(не слушая)

Как, варвары? Я — миф? Но сердце бьется
Так пламенно в груди моей! Но кровь
Так горячо бежит по этим жилам!..
Но этим грозным уступают силам
Все козни, все усилия врагов!..
Нелепость! вздор! О, если б только мог я,
Ученому злодею моему
Я б доказал свое существованье!
О! страшно бы ему я доказал!
И он тогда б не делал возражений!..

В о л х в

О князь! Есть средство...

О л е г

(прерывая)

Средство? Говори!

Какое средство? Всё на свете: радость,
Могущество и славу этой жизни
Я за бессмертие отдать готов!

В о л х в

То средство мне открыли сами боги.
Ты должен взять у греков Цареград
И ужасом войны его наполнить.
Событие такое вековечно,
И весть о нем к потомкам долетит;

И все коварные судьбы усиля
Перед великим делом пасть должны.

О л е г

О, счастье! Как быстры переходы
От страшного отчаянья к блаженству!
Взять Цареград? Возьму!.. И греки мне
Заплатят за сомнение потомков!
О мудрый волхв! Благодарю тебя!
Ты успокоил дух мой возмущенный,
И, радостен, спешу я в свой чертог.
Скажи, чем наградить тебя могу я?

В о л х в

Награды мне не нужно, князь великий!
Волхв никакой награды не берет.

О л е г

Но завтра, завтра ты ко мне придешь,
И мы с тобой поговорим о многом.

Между тем толпы киевлян приближаются к авансцене.

Что там за шум? А! Мой народ! Отрадно
Теперь опять смотрю я на него!
А перед тем как сердце было сжато!..
Как радостно их раздается песни!
Как веселы их праздничные клики!
Греми, греми, о киевская песнь!
Вновь ожил я! Вновь сладкие мечтанья
Кружатся над моею головой!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, кроме Олега. Киевляне выходят на авансцену. Входят Ингелот и Якун. Волхв стоит поодаль. Пляски, песни.

Песнь киевлян

Над рекою
Над родною
Да над быстрою

Я заботой
Да работой
Хату выстрою;
Разукрашу
Да окрашу
Краской белою;
Где дорожка,
Три окошка
Там проделаю
Против ясна,
Против красна,
Против солнышка;
А на ловлю
Изготовлю
Я три челнышка.
Всем богата
Будет хата,
Чаша полная.
С светом встану,
Утром рано
Кинусь в волны я;
Наряжуся,
Помолюся
Богу младости,
Подойду я
И скажу я
Деве радости:
«Всем богата,
Видишь, хата
Над рекой стоит;
Светит солнце
Там в оконце,
Днепр внизу шумит;
Да хозяин
Опечален
В ней живет, мой свет! —
Есть и воля,
Есть и доля,
Да покоя нет.
Раз в народе,
В хороводе
Он пошел плясать,

Да покой свой
Со поры той
Он не мог сыскать.
Свет девица,
Белолица!
Ты взяла покой!
Так поди же
Принеси же
Мне его с собой!»

Ингелот
(Якуну)

Как хорошо! Так в этой тихой жизни,
Я вижу, есть поэзия своя?

Якун

Я правду говорил тебе, ты видишь.

Киевлянка
(другим)

Подруженьки! Скорее снова песню,
Скорее пляску новую начнем.

Молодой киевлянин
(Подходя к девушке)

С тобой, не правда ли, плясать я буду?

Девушка

Да, милый друг!

Людмила
(Всеславу, указывая на Ингелота и Якуна)
Кто это там? Варяги?

Всеслав

Да! То варяги, гордые пришельцы.
На них смотрю я невеселым взором.
Но чем влекут они твое вниманье?

Людмила

Не бойся! Полно, друг ревнивый мой!

В с е с л а в
(с жаром)

Когда б опять война...

Л ю д м и л а

О, перестань же!

В с е с л а в

Мне больно видеть, как пришельцы здесь
Кичатся и гордятся перед нами.
О, как бы я желал унять их спесь,
Помериться с надменными бойцами!
Я показал бы, что славянский меч
Врага умеет надвое рассечь.

Л ю д м и л а

Мой милый друг! Оставь такие мысли!
На празднике нейдут они. Поверь:
Не уничтожат вас пришельцы; сами
Смешаются, забудут свой язык.
Не вас они, но вы их покорите.
Смотри сюда: как весело толпы
Пестреют и мелькают друг за другом.
Всё ясно так, всё счастливо вокруг!
О! предадимся этой сладкой жизни,
Прекрасному мгновенью, милый друг!
В одной любви взаимной наше счастье!
Как этот праздник много говорит
Моей душе! При торжестве всеобщем
Как радостно любовью бьется сердце!
Веселье, счастье людей в ответ
Такое ж в сердце чувство возбуждает;
И чувствуешь тогда любовь сильнее,
И я сильней люблю тебя, мой друг!

Всеслав крепко жмет ей руку и смотрит на нее с чувством.

Но вот опять в толпе и песнь и пляска.

В народе между тем все устроилось к новой пляске. Всеслав и Людмила смотрят, не принимая в ней участия. Пляска и пение.

Песнь киевских девушек

Ах, подруженьки,
Ах вы, красные!
Брови черные,
Очи ясные!
Вы собирайтесь
Во шумён кружок,
Выходите вы
На цветист лужок!
Пляской резвою,
Песнью звонкою
Потешайтесь вы;
Тканью тонкою
Изукрасьтеся,
Нарядитесь;
В ленты алые
Уберитесь!
Добрый молодец,
Не ходи сюда;
Не смотри сюда,
А не то беда:
Ты стоскуешься
По милóй красе,
По черных бровях,
По русой косе.
Ай вы, девушки,
Веселитесь;
Пляской резвою
Вы резвитесь,
Песнью звонкою
Заливайтесь,
Хороводом вы
Заплетайтесь!
Ну, подруженьки!
Ну же, красные!
Брови темные,
Очи ясные!
Ай, люли, люли,
Лада светлая!
Ай, люли, люли,
Лада светлая!
Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ВИД ТРЕТИЙ

ДВОРЕЦ В КНЕВЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Олег один, в глубине театра — дружина; Свенельд.

Олег

Замыслил я великий, славный подвиг —
И замыслы свои я совершу!
Я изреку властительное слово —
И притекут отсюда племена!
Хорват, дулеб, радимич и тиверец
Под бранные сойдутся знамена,
И ты падешь, о гордый враг Олега,
Моих славян коварный супостат!
И ты падешь от смелого набега,
Ты будешь мой, богатый Цареград!
Ты принесешь ко мне драгоценные дани,
Ты мне отдашь, как раб, свое добро:
Роскошные пурпуровые ткани,
Оружие, и золото, и серебро!
Решился я!.. Свенельд!

Свенельд подходит.

Свенельд! Мне нужен

Искусный твой и опытный совет.

Свенельд

Перед тобою всё мое уменье.

Олег

Скажи, могу ль я греков одолеть
И сокрушить их гордую столицу?
Надеясь ль на подданных моих?

Свенельд

Ты знаешь, князь, железного варяга? —
Он любит гром кровопролитных сеч;
В его груди — безумная отвага,
В его руке — неотразимый меч.
Славянские народы храбры, сильны,
Знакома им кровавая война.

О государь, твой подвиг благороден!
Веди ты нас. — Победа нам верна!

О л е г

Ты прав, Свенельд; и повели народам,
Покорным мне, собраться в Киев град.
И вместе все мы двинемся походом;
И трепещи, надменный Цареград!

Свенельд уходит.

явление 2

Входит И г о р ь.

О л е г

Поди ко мне, мой юный друг, наследник
Великого престола моего!
Узнай: войну я объявляю грекам,
И скоро кровь обильно потечет!..
Душа твоя уже на битву рвется,
И ищешь ты булатного меча,
Копье и щит и кованые латы
Спешишь взложить на юные плеча?..

И г о р ь

Да! Мне понятна прелесть бранной славы,
Понятен мне воинственный восторг;
И я люблю кровавые забавы
И грозное победы торжество!..
Сын Рюрика, когда оружий брани
Касаюсь я неопытной рукой,
Я полон весь возвышенных желаний:
Желаний славы боевой!..
Но, государь, есть чувство, пред которым
Корысть, и честь, и слава — всё молчит!..
Оно нам неба дар блаженный,
И мы счастливы только им;
И без него творец вселенной
Неуловим, непостижим.
Придет оно — и робкий вспыхнет;
Придет — и пламенная кровь
Бойца свирепого затихнет.

О л е г

Но назови его.

И г о р ь
Любовь!

О л е г

Любовь?.. И так, надменный князь варяжский
Стал пленником бессильным красоты?
Но кто же та, которая дерзнула
Накинуть цепь на молодого льва
И бурный жар и жажду бранной славы
Коварными словами потушить?..

И г о р ь

О государь! Твои неправы речи:
Еще смелей на бой я полечу!
Еще страшней в кровавой сече
Врагам отчизны отомщу!..
Любовь мне даст неведомые силы,
Я в битву смерть внесу с собой;
И образ девы, образ милый,
Носиться будет предо мной!..

О л е г

Но как любовь в твоём возникла сердце,
И где живет твой чудный идеал?

И г о р ь

Однажды я с охоты возвращался
И, опершись на лук упругий свой,
Товарищей ловитвы дожидался,
Задумчивый и сумрачный душой.
День вечерел; с безоблачного свода
Сходило солнце, царь небес.
Казалось, в молчании природа
Ждала таинственных чудес;
И сердце мне наполнил дивный трепет.
На берегу я озера стоял.
Его струи ленивый лепет
У ног моих, слабей, умирал.
Смятенный, я чего-то ожидал.

Тогда, по озеру мелькая,
Явилась легкая ладья,
И за кормой ее, сверкая,
Лилась блестящая струя...
Младой пловец стремился к берегу;
Луч солнца свет вечерний лил;
И ветерок с какой-то негой
Его ветрило шевелил...
Тогда, предчувствием пылая,
Предчувствием любви святой,
В пловце узнал я деву рая,
С ее волшебной красотой.

Она вступила на́ берег зеленый,
Стопой земли касаяся едва;
Я подошел, несмелый и смущенный, —
И полились из уст моих слова.
Я говорил: «Божественная дева!
Чаруешь ты огнем твоих очей,
И музыкой волшебного напева,
И звуками приветливых речей!..»
Я говорил — и мне она внимала,
И я читал в лице ее любовь.
Она глаза, краснея, опускала
И медленно их поднимала вновь.
И с той поры узнал я счастье рая,
И чист, высок и горд, и нежен я.
Моя любовь ясна, как солнце мая,
Светла, как горная струя...

О л е г

Мой друг! Тебя стеснять я не намерен.
Люби, мечтай! Пусть молодость твоя
Всё счастье возможное узнает, —
А в мужестве твоём уверен я.
Свенельд дружины храбрые выводит
За Киев. Там в полях они начнут
Обычные военные движенья.
Уверен я: их гордый дух кипит
Несытой жаждой бурного сраженья.
На них взглянуть пойдем со мной туда.

Уходят.

ВИД ЧЕТВЕРТЫЙ

ВНУТРЕННОСТЬ ХИЖИНЫ НА БЕРЕГУ ДНЕПРА

явление 3

Людмила за пряжею и Всеслав.

Людмила

(поет)

Детинушку
Кручинушка
Одолела;
Весна красна,
Прошла она,
Пролетела.
В немой тоске
К Днепру-реке
Он подходит;
С валов седых,
С валов крутых
Глаз не сводит.
И гром гремел,
И ветер свистел
В ветви дуба;
Детинушке
В кручинушке
То и любо.
Он смотрит час,
Не сводит глаз
С Днепра седого;
«Зовешь меня?
Послушен я
На голос зова». —
И с берегов
В среду валов
Прыгну́л несчастный.
Плеск слышен был,
И ветер завыл
Над ним ужасно.

В с е с л а в

Какую песню мрачную ты спела,
Какую грусть на сердце нагнала!

Л ю д м и л а

Так сильны впечатления природы!
Ты слышал ли, как жалобно свистит
Унылый ветер? Как Днепр печально воет?
Я не могу противиться, мой друг,
Печали, обнимающей природу.
Но тише. Что вдали за странный звук?
Всё ближе он.

Вдали раздается удар щита.

В с е с л а в

О! этот звук я знаю!
То брани зов. К оружию!
(Подбегает к окну.)

Смотри:

Сбегаются бойцы, в полки смыкаясь.
Они идут из града. Вон блещут
Варяжские двуострые секиры.
Вот и славян тяжелые щиты.
Пора, пора!

(Надевает шлем и запекает.)

Зовешь меня?
Послушен я
На голос зова.
(Уходит.)

я в л е н и е 4

Л ю д м и л а, оставшись одна, задумчиво смотрит вслед ему и,
повторяя, продолжает:

Зовешь меня?
Послушен я
На голос зова.

*(Она допевает песню, поглядывая вслед ему, и медленно
выходит за дверь.)*

Музыка играет мотив песни.

ВИД ПЯТЫЙ
МЕСТО ЗА КНЕВОМ

ЯВЛЕНИЕ 5

Воины в разных группах. На авансцене Я к у н и Ингелот
и несколько воинов.

Я к у н

У нас война, я слышал, с Цареградом:
Останься лучше с нами, Ингелот.
Корысти много, много будет славы.

И н г е л о т

Нет! Сильно я на родину стремлюсь
Душой моей! И как, скажи, останусь
Я, гордый скальд, меж женственных славян,
Покорных нам во всех желаньях наших?
Мне цепи тяжки их. Иду домой,
К свободным, непреклонным скандинавам.

В с е с л а в

Напрасна речь кичливая твоя.
Не цепи то, а вольное поддánство,
Разумное признанье власти... Ты
Понять не можешь, что был избран Рюрик
Свободно новгородцами в князья.
Его лишь род земель владеет нашей;
Его лишь род, а не варягов племя,
Голодных пришлецов, прибывших с ним.
Олег мой князь, и я ему покорен —
И с радостью готов я исполнять
Что вещей повелеть мне соизволит.
Но я и знать варягов не хочу,
Как саранча нахлынувших на наши
Богатые и хлебные поля.
Их презираю я, и им гордиться
Я не позволю пред собой. Сказал ты
Еще, что женственны славяне? О!
Недавно ты, варяг, их знаешь, видно!
У них всегда найдешь один ответ
На гордый смех иль на упрек обидный.

Ингелот

Я грозных слов не испугаюсь, друг!
Витийствуй в добрый час красноречиво!
Знакомей мне, приятней стали звук,
 Чем речь, бегущая красиво.
Да! меч мой прям — и краток приговор,
Надменному врагу им изреченный.
Оставим же напрасный разговор.
Наш спор решит пусть бой ожесточенный.

Всеслав извлекает меч.

Якун

(удерживая)

Друг Ингелот! О друг Всеслав! напрасно
Ты оскорбился речью, не к тебе
Направленной! Никто тебя не может
В боязни недостойной упрекать.

Всеслав

(Ингелоту)

Ты прав. Прочь разговоры! Бой! Готов я!
Ингелот извлекает меч. Вдали движение и клики.

Олег идет, Олег! Смыкайтесь в строй!

Все становятся в ряды.

Ингелот

(подходя к Якуну)

Я нынче ж отплыву к стране родимой.
Что мне сказать ей от тебя, Якун?

Якун

О! поклонись ее скалам и морю!
О! обними товарищей, друзей,
Которые Якуна помнят, любят!
В сражениях, при кликах боевых,
И в пиршествах за чашей круговую,
При песнях дев прекрасных и младых, —
Друзья, вы все Якуна поминайте!
Он ваш! Он с вами, хоть в чужой земле!

Ингелот уходит. Якун становится в ряды варяжской дружины.

явление 6

Те же. Олег показывается вдали. Восклицания. Олег, сопровождаемый Игорем, проходит по рядам и выходит на авансцену.

О л е г

Друзья мои! Готовьтесь к войне!
Знакомый путь вам снова открываю
Ко греческой богатой стороне,
Историей прославленному краю!
Мне мужества не нужно возбуждать
Обетами иль строгими речами.
У вас мечи, у вас глаза блестят,
Сердца кипят под тяжкими бронями...
Итак, идем завтра, чуть заря
Свет разольет по зыбкому эфиру,
Против державы гордого царя,
Носящего пурпурную порфиру.

Олег уходит. Воины, с восклицаниями: «Да здравствует Олег, наш князь великий», идут за ним.

явление 7

Ингелот входит один, с другой стороны, в шлеме, со щитом, с секирою за плечами и с арфой.

И н г е л о т

(один)

Вот я готов в далекий путь к отчизне,
К тебе, мой друг, о дева дум моих!

(Оглядывается.)

Всё пусто здесь. Придет ли сей Всеслав
И вспомнит ли о вызове надменном?
Отважный юноша! Он горд и смел...

явление 8

Ингелот и Всеслав.

В с е с л а в

Ты здесь еще? Быть может, ты уж думал,
Что я забыл намеренье свое?
Сразимся мы!

Ингелот

Сразимся! Мне знакомы
Такие поединки. Я не раз
Противников встречал мечом тяжелым.
Сразимся, друг!

Всеслав

Но где же? Здесь?

Ингелот

Нет. Лучше

Там, за кустами. Могут встретить нас.
Пойдем!

Всеслав

Пойдем! Судьбою меч нам будет.
Уходят. Музыка, стук мечей.

явление 9

Ингелот

(выходя один, берет арфу и поет)

Угрюмо несутся тяжелые тучи,
И дико и жалобно ветер свистит;
Ломается дуб, царь дубравы могучий,
Но славен такого падения вид.
Ты пал под тяжелой рукой скандинава!
Погибшему в брани и почесть и слава!

Мы яростно бились, мы бились жестоко,
Вдруг пылкий противник все силы собрал,
И меч свой тяжелый занес он высоко,
Но громом удар мой по шлему упал.
Ты пал, о противник прекрасный и юный!
И гордые скальда поют тебя струны!

Я слышу, как плещет далекое море,
Как вал среброкудрый колеблет скалу;
Пловец веселится и, в гибельном споре,
Свой челн направляет сквозь волны и мглу.

Его ожидают все радости встречи,
Объятья, восторги и нежные речи.

О, дева! Гордися! Певец твой избранный
Со славою бился меж дальних дружин,
Но лучший, смелейший противник мой бранный
Был мною сраженный молодой славянин.
Я бросил чужбину, мне грустно там было.
К тебе и к отчизне направил ветрило!

ВИД ШЕСТОЙ

ВНУТРЕННОСТЬ ХИЖИНЫ НА БЕРЕГУ ДНЕПРА

ЯВЛЕНИЕ 10

Лю д м и л а
(сидит одна)

Уж поздно; в город все бойцы собрались...
Но мой Всеслав хотел ко мне зайти,
А всё нейдет. Что это значит? Странно!

(Подходит к окну.)

Как черен Днепр! Как ночь над ним мрачна,
С каким глухим, с каким унылым плеском
Бежит его высокая волна!
Лишь изредка кровавым молний блеском
Окружность вся на миг освещена.
О! что-то есть чудесное в природе!
О! тяжкие есть звуки для земли!
Недаром грусть на сердце человека
Наводят непонятную они.
Тоска, тоска! О! чем-то разрешится
Неясная, тяжелая минута?
Тоска!

(Садится пряхь и не может.)

Слышны шум весел и песня.
Не жди его, не жди его,
Краса!
Он мертв лежит, над ним шумит
Гроза.

Нет, не зови! Он весь в крови,
Всеслав.
Не встанет он, напрасный стон
Оставь!

Как смел он был! Тебя любил
Душой.
За честь свою он пал в бою
Со мной.

Людмила бросается к дверям и растворяет их. Вдали на Днепре видна удаляющаяся лодка. В ней воин с варяжской секирой и арфою в руках.

Л ю д м и л а
(в испуге)

Стой! стой! Тебя я знаю! подожди!
О, подожди! Возьми меня с ним вместе!
(Бросается в Днепр.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ВИД СЕДЬМОЙ

СТАН ОЛЕГА,
НЕПОДАЛЕКУ ОТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

ЯВЛЕНИЕ I

Несколько воинов на авансцене.

Первый

Что, не ворочались еще с разъездов?

Второй

Нет, не видать.

Третий

Вот мы и в цареградской
Земле, а греки трусят, прочь бегут.
Ни одного почти мы не видали.
До Цареграда только день один
Иль полтора пройти нам остается.

Четвертый

Как весела, товарищ, эта жизнь!
Нежданные, удалые набеги,
Под вольным небом вольные ночлеги,
Опасности, и слава, и корысть...
Не правда ли?

Третий

Ты правду говоришь.

Второй

А между тем кто спит в земле холодной,
Не делит тот воинственных забав,
И для него всё мрачно, мертво, глухо.
К земле могильной прислонивши ухо,
Не слышит ничего. Всеслав, Всеслав!

Воины

(собираясь в кружок)

Всеслав! Погиб он! Горе, точно горе!
Цвет наших юношей! Погиб, погиб!

Второй

Погиб не он один. Днепровски воды
Другую жертву приняли в ту ночь:
Людмила с ним погибла. О, Людмила!
Как радостно краса ее цвела!
Как пламенно ее душа любила!
Но всё судьба несытая взяла.

Якун

(подходя)

Всеслава нет, и нет его Людмилы?

Второй

Ты этого еще не знал, варяг?
Весь Киев был наполнен этой вестью.
Так знай теперь.

Якун

Но как? Какая буря
Ужасная над ними пронеслась?

Второй

Какая буря? Он убит варягом.
Его обиды он не мог снести.
Я думаю, ты знаешь Ингелота?

Якун

Я знаю. Ингелот его убил?

Второй

Да! Он убил. Людмила то узнала,
А без Всеслава что и жизнь для ней?
Днепр принял в волны хладные невесту.
Ты знаешь всё теперь.

Якун

Всё понимаю!
О Ингелот! Как мог твой меч упасть
Всею тяжестью в неправом поединке?

явление 2

Входит толпа воинов; среди них греческая дева
под фатою.

Воины

(пришедшие)

Да здравствует Олег! Мы взяли в плен
Прекрасную царевну Цареграда.

Первый

Куда же вы?

Один из пришедших воинов
К Олегу.

Первый

О друзья!
Пойдем взглянуть на красоту царевны!
Уходят.

явление 3

Волхв

(один, медленно выходит с противоположной стороны)

Стопами могучими к избранной цели
Идет, весь исполнен надежд, человек.
Свод неба так ясен, туманы слетели,
И он ускоряет свой радостный бег.
Но вдруг выплывает нежданная туча,
Всё небо померкло, и вздрогнул могучий.
Людмила и Всеслав! Погибли вы!
Печальное, печальное событие!
Недаром сердце сжалось тоской.
Как туча на лазурном неба своде,
Так ваша смерть является теперь.
Варяг, варяг события виною!
Недаром это дело свершено,
Недаром кровь лилась и с шумом волны
Над юною красавицей сошлись.
Недаром жизнь прекрасная, младая
В своем начале так пресечена
Мечом варяжским. Горе, горе, горе!
Так! В этом происшествии ужасном
Предчувствие я будущего слышу!
Олег! Олег! От края небосклона
Восходит туча на пути твоём,
И, может быть, в ней стрелы громовые
Покоятся, пока еще немые!
Но час придет, и грянет страшный гром!
Печальное, печальное событие!

явление 4

Волхв и варяжский отрок.

Отрок

Великий князь велел тебя искать.
Он ждет тебя. К нему в шатер явиться
Немедленно за мною должен ты.

Волхв

Иду с тобой! Какую весть услышу!

ВИД ВОСЬМОЙ

ВНУТРЕННОСТЬ ОЛЕГОВА ШАТРА

ЯВЛЕНИЕ 5

Олег сидит на приготовленном для него месте, окруженный всеми приближенными. Вдали воины, приведшие царевну, которая стоит между ними покрытая фатою.

Олег

Друзья мои, я благодарен вам!
Вы мне залог вручили драгоценный.
Так, вижу я, всё уступает нам,
Всё нас ведет к победе несомненной;
И нынче греческой царевны плен
Мне новая за счастье порука.
Но где же волхв? Что медлит? Объявить
Ему хочу я радостную новость.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и волхв с отроком.

Олег

Я ждал тебя. К нам благосклонны боги.
Узнай: царевна греческая в плен
Взята сегодня нашею дружиной.

Волхв

Царевна в плен взята?

Олег

Залог победы.

Волхв

Победа, государь, тебе верна;
Спешి скорей под стены Цареграда!
Не забывай, что важные успехи
Еще не всё. Не медли, государь,
На счастливое положась начало.

Олег

О мудрый волхв! Совет твой справедлив!
Я не хочу, я не таков, чтоб медлить.

(Делает знак воинам. Они отходят прочь от царевны.)

Приблизься, о великая цареvна!
Ты нам простишь, прекрасная, твой плен!
Как быть? Война свои права имеет.
Спокойна будь, не бойся ничего.
Тебе даю я княжеское слово,
Что здесь обиды не увидишь ты.
Откинъ же покрывало.

Цареvна откидывает покрывало. Олег, пораженный ее красотой, закрывает глаза рукою, потом взглядыvает снова и обращается к окружающим.

Прочь отсюда!

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ 7

Олег и цареvна.

Олег

О, что со мной?.. Моя трепещет грудь...
Я задыхаюсь... Боги!.. Что? Откуда
Волнение, и трепет, и огонь?..
Но что-то новое во мне, но что-то
Мне незнакомое досель, — и как
Могущественно мною овладело!
Нет, я не в силах выдержать борьбы!
Гори, пожар! Пусть будет то, что будет!
Я в новую пришел теперь страну,
Я новый край неведомый увидел,
Я бога нового узнал.

(Смотрит на цареvну.)

Цареvна! Странен мой тебе язык?
Скажи мне, что со мной?..

О как прелестна!

Твой взор меня как яркий огонь палит.
Уста горят, и кажется мне, будто
Стоишь ты в пламени передо мной.
Вокруг тебя, о дева, зноем пышет
И воздух блещет и горит.

Сгореть в огне лучей твоих палящих,
Весь пламень страстный испытать
И, близ тебя сгорая, в страшном зное
Изведать сладостную смерть...

Вот я чего хочу. Вот то желанье,
Которым полон и дышу!
Пусть всё вокруг меня горит и рдеет,
Пусть до небес лазурных огонь взойдет,
И свод небесный почернеет,
И зарево всю землю обоймет.
Гори, пожар! Смерть, огненная смерть!
Я твой! Возьми меня в свои объятия!
(Бросается к ней. Колена его дрожат.)

Царевна с ужасом отступает.

Царевна

О государь! О князь!

Олег

Какие звуки!

(Взглядывая на нее.)

Моя ли ты?

Царевна молчит.

Моя ли? .. Нет! Молчи!

Не говори ответа своего.

Он для меня равно ужасен будет.

Не вынесу! Нет! разорвется грудь!

Увидимся с тобою скоро... скоро...

(Уходя, останавливается в дверях.)

Страж!

Входит дулеб.

Стань здесь! И ни с места! За царевну
Ты отвечаешь головою мне.

(Уходит.)

Дулеб становится на страже.

ЯВЛЕНИЕ 8

Царевна и дулеб на страже.

Царевна

Едва дышу... О боже! Как ужасен

Безумной страсти бешеный порыв!

О как неистов этот князь славянский!

Как в нем дика и яростна любовь!

У нас не любят так. Здесь это чувство
Иначе, в грозной силе восстает,
Безумно, сокрушительно и страшно.
Но что ж, какая участь ждет меня
В плену у князя варварских народов?
Нет помощи, нет дружеской руки,
Готовой мне отдать мою свободу.
Вокруг меня славянские полки,
Ужасные бойцов свирепых лица,
Оружья звук и ржание коней...
Куда, куда с молитвой обратиться?
Спаси меня, о вышний царь царей!

(Поэт.)

Эллада, Эллада! Отчизна моя!
Возможно ль? Ужели с тобою
Навеки, навеки расстануся я
И в грустной чужбине изною?

Ужель знаменитый и доблестный край,
Страну просвещенья покину,
И брошена буду за синий Дунай,
В суровую к скифам пустыню,

Где только оружие брани звенит,
Железо блестит боевое
И где сей Олег самовластно царит,
Любимец кровавого боя?

Вы страшны, о скифы! В вас бурно кипят
Свирепые, дикие силы!
И следом за вами грядую лежат
Развалины, пепел, могилы!

Быть может, склонятся пред грубой толпой
Сыны просвещенной Эллады.
Мы славны не страшной, кровавой войной,
Не в битвах мы ищем отрады.

Нет, нет! Есть другой, возвышенный мир,
Для вас еще, скифы, закрытый;
И статую вам заменяет кумир,
Какой-нибудь лик Яровита...

О, прочь же, толпа! Ты шумна и дика!
Твои здесь набеги бессильны!
Отчизна искусств и наук высока,
Там сон неизвестен могильный.

Над родиной милой виденья живут,
Долины там призраков полны!
Там гордо Олимп и Парнас встают,
Шумят геллеспонтские волны!

Но горе! Прости, благородный мой край,
Отчизна искусства, Эллада!
И ты, мой великий родитель, прощай,
Блистательный царь Цареграда!

Дулеб

(с чувством слушавший песнь царевны, сам с собою)

Какой жестокий приговор сказала
Ты нам, прекрасная! Не прав он, нет!

Ты, прекрасная, не знаешь,
Что кипит в моей груди:
Ты несчастна, ты страдаешь —
Горе, горе впереди!

Нет! Напрасны все усилия!
Не могу! Иду я к ней!
Пусть опять распушит крылья
Голубь эллинских полей!

(Подходит к царевне.)

Прекрасная! Не отвергай дулеба!
Он трепетен стоит перед тобой.
Как солнца луч, как дар благого неба
Он примет взор, ниспосланный тобой.
Я не похож на яростных собратий,
Гуляющих под музыку мечей
И жаждущих кровавых предприятий.
Я сердцем прост и тих душой моей.

Царевна

Какую речь отрадную я слышу?
О юноша! Как сладок голос твой!

Надеждою исполнил он мне душу.
О, говори, прекрасный сторож мой!

Музыка.

Дулеб

Я родился в Дулебии холмистой.
Мой отчий дом на берегу реки.
О, сколько раз, дитя, над влагой чистой
Я плел, склонясь, зеленые венки
И песни пел! Грудь вздохи волновали,
А на полях шумел несжатый хлеб.
Мои мечты, скажи, ты поняла ли?

Царевна

Я поняла, чувствительный дулеб!

Дулеб

Я возрастал. Земля была прекрасна.
Я сын ее, но небо надо мной
Сияло так пленительно и ясно; —
Я для него покинул мир земной.
О сколько раз к лазурной звездной дали
Стремил я взор, ища пути судеб!
Мои мечты, скажи, ты поняла ли?

Царевна

Я поняла, чувствительный дулеб!

Дулеб

И вот, услышав тайные призывы,
Я гусли взял, настроил и запел.
Шумела песнь, как волны спелой нивы;
Как в небесах, в ней тихий огонь горел.
И шли ко мне и долго мне внимали...
Но мне с тобой явился древний Феб!
Мои мечты, скажи, ты поняла ли?

Царевна

Я поняла, чувствительный дулеб!

Дулеб

Да! вижу я! Тебе понятно, сродно
Всё то, чем дух взволнован мой!

Царевна

Ты прав, молодой дулеб! Но сердце мне стесняет
Темница тяжкая моя!

Но страшно чувствовать себя в руках другого!
И, бедная, дрожу и плачу я!

Дулеб

Я для тебя готов на всё решиться,
И даже гнев Олега испытать!
Не побоюсь, когда тебя избавить
Из вражьих рук, из плена можно мне!

Царевна

Дулеб, дулеб! О! юность благородна!
Опасностям ее не удержать!
В деяниях своих она свободна!
Но я молю: обдумай наперед!

Дулеб

Да! Средство есть! Но мне, моя царевна,
Позволь везде тебя сопровождать;
Быть при тебе, твой взор встречать прекрасный;
Внимать тебе; твоей улыбке ясной
Улыбкой счастья отвечать!

О кроткое, о тихое светило!
О, сколько бурь в душе ты усмирило!
Как сладостен твой благодатный луч!
Печальные души моей пустыни
Он оживил, исполненный святыни
И силой кроткою могуч!

Царевна

Да, милый друг! Да! Будь всегда со мной!
Всегдашней будь отрадою моей!

Дулеб

Как счастлив я! Скорее! Время мчится!
Олег придет! Скорей, скорее в путь!

(Снимает с себя вооружение.)

Надень мой шлем, надень мой плащ широкий.
Никто тебя здесь не узнает. Ты
Спешి скорей в твои родные стены!

Темно, и ночь побегу благосклонна.
Когда довольно времени пройдет
И ты от нас уже далеко будешь,
Я за тобой помчусь, моя царевна.
Скорее же!

Царевна надевает шлем и вооружается.

Как хороша ты в шлеме!
О ты, богиня яростной войны,
Надевшая затем убор военный,
Чтобы его свирепости лишить,
Чтоб красотой смирить вид стали грозный!

Царевна

Но, милый друг, но, добрый мой дулеб!
Тебя опасность ждет. Олег ужасен.

Дулеб

Не бойся, нет, не бойся за меня!
Спасайся ты, а там спасусь и я!
Иди, иди!

Царевна

Благослови господь!

Дулеб провожает ее за дверь.

ВИД ДЕВЯТЫЙ

СТАН ОЛЕГА. НОЧЬ

ЯВЛЕНИЕ 9

Олег, один, стоит опершись на копье. Невдалеке от него Игорь спит, положив голову на щит. Воины вдали.

Олег

Гром всё гремит, но отдаленней, глуше;
Бушует кровь, но тише, но ровней!
Утихнешь ли ты, гибельная буря?
Найду ли я потерянный покой?..
О, то была ужасная минута!
Зачем я собрал войско? Для чего
Раскинут стан в долинах Цареграда?..

Как! Цареграда?.. Да! всё помню я!
Мне Цареград бессмертия залогом!..
Бессмертия?.. Всё оживилось вновь!..
Бессмертие — и образ милый девы?
Бессмертие — и брэнная краса?
И я забыл, плененный красотою,
Любимую, заветную мечту?
Но я не знаю, что со мною было...
Любовь ли?.. Нет, не то зовут любовью!
Однако образ женщины во мне
Такою бурю страшную воздвигнул;
На Игоря я гневен был. О, Игорь!

Игорь
(просыпается)

Великий князь!

(Подходит.)

Олег
О Игорь! Знаешь ты?
Нет, ты не знаешь про мое безумство.
Вчера — ужасно! — на меня оно
Нашло. Едва теперь лишь ожил я.

Игорь
Безумство, князь?

Олег
Ты любишь, Игорь?

Игорь

Знаешь
Ты сам, великий князь, мою любовь.

Олег
Но ты спокоен, ты идешь со мною
И славы и корысти добывать?

Игорь
Со мною неразлучен образ девы.
Она во сне мечтается моем —
И счастлив я.

О л е г

Ты счастлив? Будь же счастлив!
Оставь меня здесь одного, князь Игорь!

Игорь уходит в глубину театра; Олег остается один на авансцене.

Безумству должен быть конец. Я помню:
Когда-то сила дикая жила
В груди моей; железная когда-то
Была, я помню, воля у меня;
Намеренье рождало исполнение, —
Но где же вы?.. Я вызываю вас,
Души моей могучие движенья!
Так! Соберу свои все силы вновь
И с корнем вырву страшное безумье!
Скорее в бой — и меч, и клик, и кровь
Мне возвратят потерянное мною!

Царевна, в одежде дулеба, проходит по сцене. Олег вздрагивает.

Но нет, сильна беда! Не превозмочь!
Царевны образ в грудь мою теснится!
Она близка, над ней летает ночь...
Кто ей теперь в мечтах крылатых снится?
Увижу я тебя, Эллады дочь!
Спрошу тебя! — Всё скоро объяснится.
Во мне кипит взволнованная кровь!
Ужели я узнал тебя, любовь?

(Уходит.)

явление 10

Те же, без Олега.

В о л х в

Сбывается предчувствие. О боги!
Ужели вы не сжалитесь над ним?
Как женщина бессильная он стонет,
Могучий князь, соседей гордых страх.

явление 11

Те же и Я к у н, входит быстро.

В о л х в

Что, что случилось?

Я к у н

(ударяет в щит)

Воины! Восстаньте!

И г о р ь

Скажи нам!

Я к у н

Я близ княжьего шатра
С дружиной был. Вдруг, бледный, с диким взором,
Прошел Олег как тень передо мной;
Вошел в шатер и вслед за тем услышал
Я свист меча и грозный князя крик.
Бегу туда. С мечом окровавленным
Стоял Олег. Вблизи лежал дулеб
С рассеченной по плечи головою,
И мне Олег, еще весь полный гнева,
Вскричал тогда: «Скорей, скорей, в поход!
Пусть встанут все; мы двинемся немедленно!»

Тревога. Воины встают.

В о л х в

Надежда есть. Богам благодаренье!
Он скоро Цареград теперь возьмет.

Рассветает.

явление 12

И г о р ь и О л е г.

О л е г

К оружию, к оружию скорее!
В решительный идем теперь поход.

(Подходит к волхву.)

О мудрый волхв! Как тяжело было мне!

Как горько я страдал! Какая буря
В груди моей гремела в эту ночь!
Но утра свет враждебный мрак сгоняет,
И благодатный солнца луч
Верхи бегущих черных туч
И серебрит и позлащает.
Так и в груди моей настала тишина.
Борьба, как буря, пронеслася,
И, новой силою полна,
Душа грозней над миром вознеслася.
Теперь спешим под самый Цареград.

В о л х в

Не медли, князь!

О л е г

Будь проклято медленье!

(Отходит и говорит с Игорем и Свенельдом.)

В о л х в

Ты думаешь, Олег, что бури нет?
Стремишься ты ко греческой столице?
Да! там царица; цель твоих желаний
С твоею страстью вместе съединилась;
И ты идешь. А если страсть твоя
Разделится опять с твоею целью?
Тогда... Но может быть... Теперь скорее
К стенам Царьграда! После... Может быть,
К нам не совсем немилостивы боги.

И г о р ь

Друзья! В ряды! Входящую денницу
Приветствуем воинственною песнью!
Олег впереди. С ним Игорь. Воины становятся в ряды.

П е с н ь в о и н о в

Скорей, бойцы!

В ряды, бойцы!

Олега слышен щит.

Знаком он нам!

На смерть врагам

Так грозно он звучит!

Наш князь Олег

Чинит набег
На гордый Цареград.
Там золото есть.
Хвала и честь,
Когда он будет взят!
И княжий зов
На злых врагов
Вся слышала земля!
Любимые,
Родимые
Мы бросили поля,
И скромный ряд
Убогих хат,
И мира тишину,
И, взяв с собой
Доспех простой,
Пошли мы на войну.
Богат и нов
Доспех врагов!
От золота, как огонь,
Он весь горит,
И им покрыт
И всадник их и конь!
Но в битве, друг,
Исчезнет вдруг
Роскошный твой наряд;
Не праздник бой,
И меч простой
Не любит пышных лат.
Злаченный щит
Не сохранит
От меткого копья, —
И горе вам,
И слава нам!
Ликуйте же, друзья!
Скорей, бойцы!
В ряды, бойцы! •
Олега слышен щит!
Знаком он нам!
На смерть врагам!
Так грозно он звучит.
Стройно уходят.

ВИД ДЕСЯГЫЙ

МЕСТО ПЕРЕД КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМИ
ВОРОТАМИ, КОТОРЫЕ, С ЧАСТЬЮ СТЕН,
ВИДНЫ НА СЦЕНЕ

явление 13

Царь Леон, за ним свита и воины, обойдя стены, подходят к воротам.

Царь

Друзья мои! Мы обошли весь город.
Все укрепленья тверды; но едва ль
Им устоять пред этой страшной бурей,
Которая над нами собралась.
Уж близок он, ужасный истребитель.
Уж с севера весь заревом кровавым
Пылает небосклон! Повсюду горе!
Небесный гнев над нами! И царевну
Напрасно ищем мы досель; она
Пошла одна мечтать при лунном свете,
И нет ее с тех пор. Но это кто,
Покрытый пылью, воин молодой?

явление 14

Те же и царевна, в одежде дулеба.

Царевна

Узнай меня, родитель мой!

Царь

О боже!
Ты это, друг мой? Говори мне, как
Тебя мне возвратило провиденье?
Что значит твой наряд? Откуда ты?

Царевна

Ах! Я была в плену. Отряд Олега
Меня схватил у цареградских стен.
Я видела виновника набега,
Он не хотел расторгнуть девы плен.
В своем шатре меня оставив, стражем
Он юношу поставил у дверей.

О! То был чудный юноша! Прекрасный,
Задумчивый, чувствительный дулеб!
Ты навсегда в моем остался сердце!
Всю жизнь мою я отдала б тебе!
Сей юноша, проникнут состраданьем,
Спасение мне тайно предложил.
В его наряд скорей переодевшись,
Из стана я враждебного ушла.
Но юноша дулеб! Ах, что с ним случилось?
Он следовать хотел за мной, но нет!
Едва ли он избегнул мести князя.
Мне чудилось, когда я удалялась,
Что слышу я тяжелый стон
И дикий крик свирепого Олега.
Но я спаслася. Выходя из стана,
Увидела я борзого коня.
Стрелою вмиг я на него вскочила,
И он, как вихрь, помчал с собой меня.
Я бег его крылатый устремила
По скрытному кратчайшему пути,
Который даже здесь не всем известен.
Меня само хранило провиденье,
И я опять с тобой, родитель мой!

Царь обнимает ее.

Ц а р ь

Скажи мне, дочь моя, Олег отсюда
Еще далеко?

Ц а р е в н а

Нынче он не может,
Мне кажется, никак сюда прийти.

Шум.

Н а р о д

(вбегая в ужасе)

Беда! Беда! Олег! Спасайтесь!

Ц а р ь

Олег? Ужель?

(Всходит на холм.)

О боже! Чудо! Чудо!

Скорей в ворота, дочь моя, войдем!
Погибли мы!

Царевна

Быть не может, есть спасенье.
Родитель мой, надежды не теряй.
Я всё скажу тебе.

Царь

Войдем скорее.

явление 15

Олег, с войском, въезжает в ладьях, поставленных на колеса. Паруса надуты ветром. Олег с Игорем впереди. Первый, спустив парус и воткнув копые в землю, останавливает ладью, что делают и прочие. Все выходят из лодок. На стенах ча со вы е.

Олег

Вот он, сей град, предмет моих желаний,
Венец трудов! Как робки эти греки!
Они бегут, как овцы, предо мною.
Свенельд! Иди во град, спроси у них,
Чего они желают: чтобы я
Взял приступом их робкую столицу
Или хотят без боя покориться
И город мне на произвол отдать?
Иди!

(К воинам.)

Шатер мой княжеский раскинуть!

Раскидывают шатер, который занимает только небольшую часть сцены, и ставят в него походные кресла; Олег садится.

явление 16

Те же, без Свенельда.

Олег

Я близок к цели; я свершу, что должно;
И я бессмертен! Из царьградских стен
Я вырву несравненную царевну!
Она мне скажет свой ответ! Она

Мне скажет: «да», и, счастливый в потомстве,
С своим ее я имя соединю.
Так! Снова я спокоен, полон силы!
Я не страшусь теперь дверей могилы!
Бессмертие! Оно мне слаще вдвое,
Когда вдвоем его я разделю.

ЯВЛЕНИЕ 17

Олег, Свенельд и царевна (под мантией).

Свенельд

Великий князь! Ответ несет посол
От греческого государя. Вот он.
С тобой одним он хочет говорить.

(Выходит из шатра.)

Царевна

Великий князь!

Олег

Царевна! Это ты!

Царевна

(сбрасывая с себя мантию)

Да, это я!

Олег

(приняв спокойный вид)

Что принесла ты мне?

Царевна

Ответ на твой вопрос в шатре. Ты помнишь?

Олег

О! Помню я! Какой же?

Царевна

Да, Олег!

Олег

(вскакивая)

Да?

Царевна

Но одну, позволь, одну лишь просьбу.

Олег

О, говори скорей, скорей! Мне тяжело
Твоей минуте не исполнить воли.

Царевна

Дай обещанье мне.

Олег

Изволь, царевна!
Я княжеским своим великим словом
Твою исполнить просьбу обещаю.

Царевна

(беря его за руку)

От Царегграда с войском удались.

Олег

От Царегграда? Боги! Невозможно.

Царевна

Так просьбы не исполнишь ты моей?

Олег

Нет, не могу!

Царевна

Изволь, Олег! Обратное
Тебе отдам я слово. Но ты знаешь:
Здесь эта просьба есть мое условие!
Мы без того простимся.

Олег

О, судьба!

(Берет ее за руку.)

Послушай! Царегград мне должно взять.
Ты понимаешь ли? Мне должно, должно!
Бессмертие мое, бессмертье... слышишь?..
И слава вся в грядущем... понимаешь?..
От этого зависят! О царевна!
Не спрашивай подробнее меня!

Я говорю, что это так, и — боги! —
Я должен взять Царьград.

Ц а р е в н а

О милый друг!

Мои слова ты не толкуй превратно.
Я не хочу, сама я не хочу,
Чтоб от своей ты отказался славы,
От славы взять великий Цареград.
Но, друг, скажи мне: для чего же нужно
Тебе в него входить и разрушать?
Ты взял его, он твой; он на коленях
Лишь у тебя, Олег, пощады просит.
Итак, скажи, чего ж страшишься ты?
Смотри, я пред тобою на коленях,
Молю тебя о том же, мой Олег!
Да, я твоя! Но только не на пепле,
Не на развалинах родного града.
Сама тебе победы я залог.
Ты взял меня; ты мощною рукою,
Как прах, врагов кичливых разметал;
Твой гордый дух до этих стен проникнул;
Мечом победы добыл ты меня;
И я люблю тебя, великий воин,
Великий князь! Исполнен новых сил,
Ты Цареград великий покорил —
И греческой царевны ты достоин.

О л е г

Что говоришь ты? Речь твоя сладка!
Твои слова так полны убежденья!
Я близ тебя, как малое дитя,
Робею и тебе во всем покорен.
Но нет, постой, минута велика.

(Подходит к двери шатра.)

Мне нужен, волхв, теперь совет твой мудрый.

Волхв входит в шатер.

О л е г

Решается теперь судьба моя.
Ты видишь, волхв, я у желанной цели:

Пред нами Цареград. Склонился он
Перед моим мечом победоносным
И молит нас смиренно о пощаде.
Сюда прислал он юного посла;
Сама царевна, видишь, к нам явилась.
Доволен я; град покорился мне.
Итак, мои желания свершились.

В о л х в

Великий князь, ты нѣ взял Цареграда;
Ты не вошел в него как бранный вождь,
С мечом кровавым наголо, с собою
Внося и смерть и разрушенье. Так
Его хотел ты взять. Так должно было.

О л е г

Я не могу! Раздумал я! Нельзя!
И думаю: не нужно новой крови
И пепла нового и вновь развалин.
Возможность разве не одно и то же,
Что исполненье самое? Не всё ли
Равно, когда я мотылька схвачу
И выпущу потом его на волю?
Он был в моих руках; сомненья нет,
Что раздавить его я был бы в силах,
Когда б хотел. Возможность — то же дело.
Возможности вполне я здесь достиг,
И, мудрый волхв, тебя за тем я призвал,
Чтоб знаменье ты назвал мне, которым
Могу означить лучше я великой
Свой подвиг. Что мне должно сделать здесь,
Чтобы тот день был памятен потомству,
Когда грозила гибель Цареграду?

В о л х в

Великий князь! Ты мудрые слова
Вещаешь мне. Я в думу погружаюсь...
Какая мысль! Нет, эта мысль недаром
Блеснула вдруг в уме моем; но точно
Правдивая и верная то мысль!

О л е г

Какая мысль?

В о л х в

Твой щит, о мой властитель,
Известен всем. Из серебра он слит,
Вокруг него обвит из золота обруч,
А на щите художник исчеканил
Различные деяния людские.
Известен всем далекий звон его;
На зов его стекаются народы;
Ты на руке несешь его пред ними,
Их предводя в сраженьях роковых.
Итак, сей щит к воротам Цареграда
Прибей, Олег! Я мыслю: заменит
Такое знаменье твоих деяний
И взятие и разоренье града, —
Бессмертен ты тогда.

О л е г

Великий волхв!

Глубокую ты мысль поведал мне;
Хочу ее немедленно исполнить.

Ц а р е в н а

Благодарю тебя, Олег!

О л е г

О боги!

Не это ль предвкушение уже
Бессмертия? Да! Так блаженным не был
Я никогда доселе.

(Задумывается.)

Ц а р е в н а

(сама с собою)

Может быть,

Успею я, когда супругой буду,
Его склонить ко христианской вере;
Язычника — к спасенью привести.

Олег и царица выходят из шатра.

О л е г

(обратившись перед тем к воинам)

Друзья мои! Вы видите царицу?
Она победы славной мне залог.

Я как трофей возьму ее с собою.
И, чтоб тесней с победой соединить
Судьбу мою и вместе государства,
Я нареку ее своей супругой.
Довольны ль вы?

Воины

Да здравствует Олег!

Олег говорит несколько слов на ухо Свенельду, и тот уходит.

Игорь

Прелестная! Итак, твоя краса
Сурового Олега победила!
Приветствую тебя!

Царевна

Благодаренье
Тебе за первый дружеский привет.

Олег

Всё войско в строй!

Приносят лестницу и ставят к воротам Царьграда.

Волхв

Зачем в душе моей
Какое-то тяжелое сомненье,
Какой-то грустный, тайный голос? Боги!
Не обманула ль нас гречанка эта?

Приносят молоток и щит. Олег всходит по лестнице с молотком
в руках, Свенельд со щитом. Стены покрываются народом.

Олег

(у ворот)

Внимайте мне, о верные мои,
Бесстрашные народы! С ваших стен
Внимайте, греки, речи государя!

Мой Цареград! Я взять его могу —
И не хочу! Но в память дел кровавых,
Битв и побед и, наконец, того,
Что Цареград в моей был полной власти,
Что мой шатер раскинут был у стен,
Моей победы совершенной в память,

Я прибиваю щит свой знаменитый
К высокому цареградскому воротам!
Пускай отсель, щитом моим прикрытый,
Смеется он и бурям и врагам!
Пусть в нем с сих пор гремят победы клики:
На нем мой щит красуется великий!
Ликуйте же и радуйтесь, друзья!
Царьград неодолимый покорил я,
Свой грозный щит к его вратам прибил я!
Мечта сбылась! Теперь бессмертен я!

Клики. Олег прибивает щит к воротам Константинополя.

Занавес падает.

Э П И Л О Г

ВИД ДЕСЯТЫЙ

А У Д И Т О Р И Я

На кафедре профессор, на лавках студенты.

Профессор
(*читает лекцию*)

Помилуйте! Какой Олег? Все сказки!
Олег никак не мог существовать.
Вот говорят, что с парусами в лодках
Он посуху ходил до Цареграда,
Да там еще и щит прибил. Ну, вот
Какие басни! Им совсем не место
В истории. И сам Олег не больше
Как миф, ну просто миф. Да это даже
И спору подлежать не может. Впрочем,
И времена позднейшие сомнению
Подвержены; и весь период этот
В тумане. Да! Ну, да об этом после.

(*Встает.*)

Занавес опускается.

Между 1835 и 28 августа 1839

И. П. КЛЮШНИКОВ

Иван Петрович Ключников родился 2 декабря 1811 года на хуторе Криничном, Сумского уезда, Харьковской губернии, в имении отца. Первоначальное образование он получил дома, под руководством гувернеров. В середине 1820-х годов он был привезен в Москву и определен в губернскую гимназию. По окончании ее в 1828 году он был принят в Московский университет на словесное отделение.

После разгрома декабризма правительство усердно искореняло крамолу в учебных заведениях. От профессоров и студентов требовали письменные обязательства о непринадлежности ни к каким тайным организациям. Такой документ должен был дать и Ключников перед зачислением его в университет. «Я нижеподписавшийся, — писал он, — сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне оной не принадлежу и обязуюсь впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь. 1828 года, октября 4 дня».¹ Стандартный текст этого обязательства хранился в личном деле студента и служил для него своего рода охранной грамотой.

В конце 1830 или в начале 1831 года Ключников познакомился со Станкевичем — студентом первого курса. Станкевич был на два года и на два университетских курса моложе Ключникова. Но это несколько не помешало тому, что между ними вскоре установились короткие, дружеские отношения. Они вместе изучали философию, историю, эстетические учения. Станкевич был более восприимчив к философии, а Ключников — к истории, и они хорошо дополняли друг друга. Их связывала еще общая привязанность к поэзии и склонность к юмору.

¹ «Дело о принятии в студенты ученика московской гимназии Ивана Ключникова и др.». — МОГИА, ф. 418, оп. 98, д. № 302, л. 57.

Остроумный, хотя и склонный к ипохондрии, Ключников стал вскоре любимцем всего кружка Станкевича. Много лет спустя один из друзей молодости Ключникова рассказывал: «Он обладал даром вызывать дух исторических эпох. Речь его между друзьями сверкала остроумием и воображением. В живой импровизации, исполненной юмора, но всегда основанной на серьезных изучениях, он рассказывал о людях и делах отдаленного прошлого, будто самовидец, как бы о лично пережитом. В его юморе чувствовалась грустная нота, которая чем далее, тем слышнее становилась. К философскому умозрению был он мало склонен, но интересы и занятия кружка вовлекли его и в эту сферу, оказывали на него давление, несколько нарушая его душевное равновесие и сообщая ему некоторую экзальтацию». ¹ Вместе со Станкевичем Ключников штудировал Шеллинга и Канта, сопровождая чтение философских текстов такими комментариями, что Станкевич помирал от хохота. По рассказам современников, Ключников был неистощим в юморе, он непрерывно сыпал каламбурами, шуточными экспромтами, сочинял едкие эпиграммы на нелюбимых профессоров университета и дружеские пародии на товарищей своих. «Он был Мефистофелем небольшого московского кружка, — писал П. В. Анненков, — весьма зло и едко посмеиваясь над идеальными стремлениями своих приятелей. Он был, кажется, старше всех своих товарищей, часто страдал ипохондрией, но жертвы его насмешливого расположения любили его и за веселость, какую распространял он вокруг себя, и за то, что в его причудливых выходках видели не сухость сердца, а только живость ума, замечательного во многих других отношениях, и иногда истинный юмор». ²

Я. М. Неверов рассказывает в своих автобиографических заметках, как, бывало, ему, студенту, сладко дремалось на скучных лекциях профессора С. М. Ивашковского и как всегда в это время сидевший рядом Ключников подавал ему свою табакерку со следующими стихами:

В тяжелый час, когда душа сгрустнется,
Слеза блеснет в глазах, и сердце содрогнется,
И скорбная глава опустится на грудь, —
Понюхай табаку и горе позабудь. ³

¹ «Русский вестник», 1883, № 2, стр. 802—803. Автор этой анонимной заметки, вероятно, М. Н. Катков.

² П. В. Анненков. Н. В. Станкевич. Переписка его и биография. М., 1857, стр. 132.

³ См.: Н. Бродский. Я. М. Неверов и его автобиография. М., 1915, стр. 35.

Клюшников одно время высоко ценил Белинский — за его поэтический талант, за широту знаний. Приглашая в августе 1838 года И. И. Панаева в Москву, он обещает его познакомить со своими друзьями, например с Клюшниковым, и добавляет: «очень интересным человеком».¹ Но Белинскому вскоре открылись и отрицательные стороны Клюшникова — например, замкнутость его духовного мира, болезненная погруженность в себя. И это заставило Белинского занять более критическую позицию по отношению к творчеству Клюшникова.

Раньше других членов кружка Станкевича Клюшников закончил университет и 6 июля 1832 года был утвержден кандидатом отделения словесных наук.² В течение нескольких лет он занимался педагогической деятельностью: преподавал историю в дворянском институте, давал частные уроки. В 1837 году Клюшников пережил тяжелое психическое расстройство. В конце 1838 года он писал Станкевичу: «...Ты часто пророчил мне передрагу; она случилась со мной — и была ужаснее, нежели я мог вообразить себе, смотря на твои страдания: два или три месяца я был сумасшедший, потом медленно (почти год) оправился, и теперь уже в дверях, уже в передней новой жизни».³

После долгих раздумий Клюшников отказался от мысли о профессорской кафедре и карьеры ученого-историка. Станкевичу он писал: «Я очень полюбил историю и читаю Гегеля — только профессором быть не хочу, хоть меня приглашали нынешней осенью опять читать лекции — и без поездки и без экзамена. Я знаю историю по-своему и передать эту созерцательностью знания не могу, пока богу не угодно будет дать мне нужную форму. Не только историю, я и себя понимаю как-то странно, и чем больше толкую, тем больше затемняю свои воззрения».⁴ Отказ от профессорской кафедры, по-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 261.

² МОГИА, ф. 418, оп. 102, д. № 119. Как явствует из архивных студенческих материалов Клюшникова (см. также МОГИА, ф. 418, оп. 98, д. № 302), он закончил университет не в 1835 г., как это ошибочно утверждается в известной статье Н. Л. Бродского «Поэты кружка Станкевича» («Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1912, т. 17, кн. 4, стр. 11), а затем и во многих других работах, но именно в 1832 г. Неверно обозначены годы пребывания Клюшникова в университете и в биографической справке о нем в кн.: «Поэты 1820—1830-х годов», «Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1961, стр. 483.

³ ЛБ, 8421, 1/9.

⁴ ЛБ, Г—О, Х/43. Две части этого письма И. П. Клюшникова разведены в фондах Рукописного отдела библиотеки им. Ленина и обозначены разными шифрами.

видимому, был вызван у Ключникова намерением посвятить себя литературной деятельности. Именно в этом 1838 году на страницах «Московского наблюдателя» стали появляться его стихи, подписанные необычным псевдонимом «—Θ—» (первой буквой греческого слова «феос» — бог).

Стихи Ключникова имели успех, но радости они автору не принесли. Его одолевает хандра, он постоянно высказывает неудовлетворенность собой, терзает себя сомнениями в истинности своего поэтического призвания. Он мучается в поисках дела, которым мог бы быть больше всего «полезен обществу». Рефлектирующий, мятущийся, Ключников бросается от одного рода занятий к другому — от стихов к истории средних веков, ни в том, ни в другом не находя полного удовлетворения.

Друзья изыскивали различные способы, чтобы вывести Ключникова из этого состояния. Станкевич, например, настаивал, чтобы он приехал в Берлин. Предполагалось, что длительное путешествие встряхнет его, оживит, что Берлин обострит в нем интерес к науке и вдохнет в него «душу живую». «Ивану Петровичу это одно спасенье», — писал Станкевич А. П. Ефремову. Но уговоры друзей не действовали. Осенью 1839 года Грановский уже из Москвы сообщает Станкевичу: «Ключников хандрит ужасно и не похож на себя; отделился от всех. Теперь ему лучше. Из прежнего у него, кажется, осталась только любовь к тебе». ¹ В феврале 1840 года он пишет об удивительных метаморфозах, которые происходят в последнее время с их общим другом: «Ключников несколько раз был у меня: говорил очень умно о Гете, но с ним теперь скучно. Хандра его прошла, но оставила следы. Кроме Гете и себя, он не говорит ни о чем... но какое участие может вызвать у меня рассказ Ив. П. о том, что он горько плакал целый вечер оттого, что после обеда съел полбанки варенья. Унизил, дескать, обжорством благородство человеческой природы». ² Друзья с тревогой следят за душевными терзаниями поэта, с огорчением замечают, как он постепенно отдаляется от своих былых товарищей и уходит в себя. Тот же Грановский снова сообщает в следующем письме к Станкевичу: «Ключников или хандрит или блаженствует, но все отдельно от нас». ³

Обоснованность этих наблюдений подтверждается еще одним участником кружка — М. А. Бакуниным. В мае 1839 года он отправляет подробное письмо в Берлин Станкевичу о житье-бытье их

¹ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. 2. М., 1897, стр. 363.

² Там же, стр. 380.

³ Там же, стр. 403.

общих друзей, и при этом сообщает несколько существенных подробностей, характеризующих душевное состояние Ключникова: «Иван Петрович также в тяжелом состоянии, но совсем в другом роде. Старинная мысль, *что всякий человек должен быть полезен обществу и что он не приносит ему никакой пользы*, достигла в нем полного развития и превратилась в *idée fixe*.¹ Нынешнею зимою ему как-то удалось вырваться из этого вечного вникания в себя; он стал весел, написал множество прекрасных стихотворений, где ясно выразился его переход к здоровью; он начал уже мечтать о путешествии за границу, оставил службу в институте, оставил пустую претензию быть полезным другим, не сделавшись еще для самого себя полезным, и стал более прислушиваться к внутреннему голосу души своей, стал верить и себе, и другим — и опять впал в старую болезнь. Покамест он преподавал историю в институте, до тех пор у него было постоянное дело, не зависевшее от минутного состояния его духа; это дело служило ему балластом, и он отдыхал, наслаждаясь жизнью в свободные минуты. В первый раз в жизни он решился сделать свободный шаг и оставил институт только потому, что институт был ему не по сердцу, противоречил его внутренней потребности, — и этот первый шаг дорого стоил ему. Лишившись постоянной обязанности и не имея ни постоянной определенной цели, ни постоянных занятий, он скоро стал приходить в недоумение, не зная, чем наполнить свой день, и в днях его стали оказываться все большие и большие пробелы. Месяц тому назад я был свидетелем возобновления его болезни, а теперь, по словам Ефремова, она усилилась до такой степени, что мысль о самоубийстве сделалась в нем постоянной мыслью. Тяжело смотреть на него в эти минуты; он становится слаб, как ребенок, упрекает себя в каждой мелочи, беспрестанно погружается в гадкую и пустую сторону своей жизни и не видит за ними своей прекрасной, святой, человеческой стороны. Это беспрестанное созерцание своей гадости лишает его последних сил; в нем нет тогда ни на каплю самостоятельности и воли. И если бы мужик (только старый, потому что он в подобные минуты верит только опытности стариков), если бы мужик сказал ему, что для счастья своего он должен всю жизнь пахать землю, мне кажется, что он поверил бы и послушался его».² Бакунин говорит далее, что он вместе с Боткиным и Катковым беспрестанно возится с Ключниковым, стараясь «пробудить его от апатического бессилия, про-

¹ Навязчивую идею (франц.).

² М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, т. 2. М., 1934, стр. 242—243.

будить в нем веру и волю, которые не зависели бы от минутного состояния, от минутной болезни духа». В том же письме к Станкевичу Бакунин подчеркивает, что необходимо оторвать Ключникова от его окружения — Петра Ключникова, доктора, двоюродного брата поэта, и некоего Оглоблина — «таких же ипохондриков, как и он». Эти люди, слишком погруженные в себя, только и толкуют о своей и его болезни, о невозможности освободиться от нее и таким образом «снова втискивают его в этот болезненный мир». «Им нужно непременно на некоторое время расстаться, — продолжает Бакунин, — и я постараюсь сделать это, постараюсь вырвать его из Москвы и, если можно, уговорить его ехать за границу; если же не за границу, то по крайней мере куда-нибудь в деревню или к матери в Малороссию, или к нам в Прямухину». ¹ Может быть, именно этим внушениям в конце концов и внял вскоре Ключников, надолго исчезнув из Москвы.

Житейская и литературная биография Ключникова представляется крайне сложной, полной загадок и неожиданностей. В начале 1840-х годов, когда литературный успех, казалось, должен был бы окрылить молодого поэта и побудить его к возможно более активной работе, он внезапно уехал из Москвы, окончательно порвав свои литературные связи, отношения со всем кругом своих друзей, и словно бы канул в небытие. Для людей посторонних это было настолько неожиданно, необъяснимо, что многим казалось: Ключников умер. Невольной жертвой этой легенды стал и Чернышевский, заметивший в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Ключников и Кольцов пережили Станкевича лишь немногими годами». ² Между тем Ключников пережил Станкевича 55, а Кольцова 53 годами. Кажется, никого так часто не хоронили при жизни, как Ключникова. В 1888 году М. И. Семевский издал свой известный альбом «Знакомые», в который включил одно стихотворение «покойного, — как было отмечено там, — поэта Ключникова».

А он себе спокойно продолжал жить — в далекой тиши своего наследственного имения в Харьковской губернии. Жил сорок лет, не подавая о себе никаких вестей.

Лишь один раз его имя снова промелькнуло в печати. Еще в 1841 году в «Литературной газете» (№ 50) появился, подписанный «—Θ—», небольшой рассказ — «Привидение первого мужа, или Вдова замужем». Это был первый опыт Ключникова в прозе. Но

¹ М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, т. 2, стр. 244.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 223.

Белла написана весело, непринужденно, остроумно, в манере, близкой к светскому анекдоту.

Более серьезной и значительной была другая прозаическая вещь Ключникова — «Любовная сказка». Она появилась в 1849 году в № 6 «Отечественных записок». Характеры героев этой повести выписаны скупо, но выразительно. Особенно привлекателен психологически интересно задуманный образ незнакомки в Пассаже, свидетельствующий о несомненных художественных возможностях Ключникова-прозаика.

«Любовной сказкой» Ключников единственный раз нарушил свое сорокалетнее молчание. Лишь в 1880 году он внезапно прервал свое уединение и появился в Москве. Из друзей его молодости уже почти никого не осталось в живых. А те немногие, которые уцелели, встречали его словно выходца с того света.

Сохранилось несколько писем Ключникова к Александру Владимировичу Станкевичу, брату поэта, написанных в 1880-е годы. Они говорят о том, как прочно продолжали сохраняться в Ключникове старые привязанности и интересы. Вот несколько строк из письма, датированного 8 декабря 1880 года: «...Сам падал, сам вставал, хотя по большей части оставался верным памяти тех прекрасных людей, с которыми судьба свела меня в молодости. В числе их первое место занимает ваш усопший брат Коля. Последнее слово машинально сорвалось с пера и в душе моей встала такая масса видений и звуков — что мне не хочется писать даже». ¹ И далее он продолжает: «Теперь, по прошествии 40 лет труднопрожитой жизни, — я изменил свои понятия о многом, но чувства мои к бывшим спутникам моей молодости остались неизменными. Мир их праху!» ²

До глубокой старости он продолжал писать стихи. Приехав на семидесятом году жизни в Москву, он оставил в редакции «Русского вестника», издававшегося его бывшим товарищем М. Н. Катковым, несколько стихотворений, «вылившихся у него, — как свидетельствует автор вступительной заметки, — в последнее время». ³ Лишь в 1883 году эти стихи были здесь опубликованы. Три года спустя в том же журнале появилось еще два его стихотворения. Умер Ключников 16 февраля 1895 года.

¹ ГИМ, ф. 351, д. № 68, л. 78 об.

² Там же, лл. 79—79 об.

³ «Русский вестник», 1883, № 2, стр. 803.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

СОЗНАНИЕ РОССИИ У ПАМЯТНИКА ПЕТРА
ВЕЛИКОГО

Да, как точно можно гордиться,
что мы принадлежим Рос-
сии и называем ее своим оте-
чеством.

(Слова государя-цесаревича)

Есть у бога под луною
Много городов. Один —
Чудный град — там, над Невою,
Скачет конный исполин.

Как он светел, как он ясен!
Символ бога на земле!
Как Россия, он прекрасен!
Как она — тверд на скале!

Взоры на тебя, Россия,
Он орлиные вперил;
Знаешь ли его, Россия?
Рассказать ли, что он был?

Он огромною душою
Всю вселенну обнимал
И могучею рукою
Полвселенной всколебал.

Пробудил от сна полночи,
Жизнь другую сердцу дал,
Новый свет ей вдунул в очи,
Ум наукой воспитал.

Понимал свое он время,
Но его не понял век,
И он снес наветов бремя,
Дивный, божий человек!

Вняв высокому призванью,
Он в деяньях был поэт:
Наша Русь — его создание,
Судия — весь божий свет!

На краю вселенной смело
Он воздвиг наш дивный град,
В нем он жив — и век уж целый
Царства на него глядят.

Смело он на них взирает,
Волю Божию, закон —
Он России представляет,
Чрез Европу скачет он.

Подойди к нему, Россия,
Поклонися до земли,
О самой себе, Россия,
У гиганта здесь спроси.

Здесь он думал, здесь учился,
Здесь он русских жить учил,
Здесь за русских он молился,
Сына здесь за них судил. . .

Посмотри, как конь могучий
От земли несется вдаль;
Словно хочет он за тучи
Унести отца печаль!

Царь спокоен; он судьбою
Лишь твоею дорожит,
И у бога над тобою
Уж сто лет он сторожит.

Светлым взором обнимает
Царства русского концы,

И сквозь тучи нам взывает:
«Браво, браво, молодцы!»

Русь, молись и веселися —
Ты идешь стезей добра;
Слышишь «браво» — отзовися
На могучий глас Петра!

И Россия отозвалась:
«Петр, тебя я поняла;
Я в тебе, гигант, созналась,
И в себе тебя нашла!

Мир тебя не позабудет,
Воплощу твои мечты:
Будет время. . . Но что будет
Знает бог да знаешь ты! . . .»

<1838>

ЭЛЕГИЯ

Опять оно, опять бывшее!
Какая глупость — черт возьми! —
От жирных праздников земли
Тянуться в небо голубое,
На шаг подняться — и потом
Преважно шлепнуть в грязь лицом!
И как давно, и сколько раз
Я отрекался от проказ
И от чувствительных оказий;
И вот опять душа болит,
И вот опять мечта шалит
И лезет сдуру в мир фантазий. . .

А всё она! Чудесной девы
Меня смутил волшебный взор,
И снова прошлого напевы
Звучат душе моей в укор.
И смех и горе; сердцу больно,
Над гробом чувств моих смеюсь,
А всё-таки порой невольно

Назад не раз я оглянусь...
Да что же там? Так, просто — гадость!
Но нравится издалека
И безотчетная тоска,
И глупо-ветренная радость,
И пыл мечтаний, и потом
Война Троянская с умом!..

<1838>

ЭЛЕГИЯ

Есть сны ужасные: каким-то наважденьем
Всё то, в чем мы виновны пред собой,
Что наяву нас мучит сожаленьем,
Обступит одр во тьме — с упреком и грозой.

Каких-то чудищ лица неживые
На нас язвительно и холодно глядят,
И душат нас сомненья вековые —
И смерть, и вечность нам грозят.

Исхода нет, безбрежная пустыня
Пред нами стелется; от взоров свет бежит,
И гаснет в нас последний луч святыни,
И тьма кругом упреками звучит.

Проснулись мы — всё вокруг подернуто туманом,
Душа угнетена сомненьем и тоской:
Всё прошлое нам кажется обманом,
А будущность — бесцветной пустотой.

Безжизненно на мир взирают очи,
Мрет на устах молитва к небесам —
И страшный сон прошедшей ночи
И хочется, и страшно вспомнить нам.

Быть иль не быть — ужасное мгновенье!..
Но самовар кипит, и вам готовят чай, —
И снова в мир уносит треволненье...
О страшный сон, почаще прилетай!

<1838>

Я не люблю тебя: мне суждено судьбою,
 Не полюбивши, разлюбить.
Я не люблю тебя; больной моей душою
 Я никого не буду здесь любить.

О, не кляни меня! Я обманул природу,
 Тебя, себя, когда в волшебный миг
Я сердце праздное и бедную свободу
 Поверг в слезах у милых ног твоих.

Я не люблю тебя, но, любя другую,
 Я презирал бы горько сам себя,
И, как безумный, я и плачу и тоскую,
 И всё о том, что не люблю тебя! . .

<1838>

П О Л О В О Д Ъ Е

Я люблю с простонародьем
Позевать на божий мир;
Я плебей — и половодье
Для меня богатый пир.

Прихожу — река сверкает,
Подступая к берегам,
Распахнулась — и гуляет
На раздольи по полям.

И шумит волной сердито,
И поет, и говорит, —
А над ней, огнем облито,
Небо светлое стоит.

Чуть заметной синевою
Даль сливает их края.
Не уйти ли мне? — Тоскою
Грудь стеснилася моя.

Что за глупость? — в вихре света
Не встречался ль я с тобой?
Не смущала ль ты поэта
Гармонический покой?

Помню, знаю... Так гуляем
Мы, бывало, в старину,
Так привольно мы встречаем
Нашу красную весну.

Разливалась наша младость,
Как весенняя вода,
С шумом, с пеной, нам на радость
Мчались светлые года.

И промчались!.. и отрада
С берегов на них глядеть!
Юность! радость!.. Вижу — надо
Вам элегию пропеть:

«Юность! сладкие обманы
И воздушные мечты,
Как весенние туманы,
За собой уносишь ты!»

Не махнуть ли, как бывало?
Не поплыть ли мне за ней?
Не сорвать ли покрывало
С беглой радости моей?..

И сорвал... и смело в очи
Ей гляжу с моей тоской —
И стою до поздней ночи
Над разлившейся рекой!

Всё здесь благо! Час волненья.
Час раздумья — и в тиши
Сладострастные виденья
Успокоенной души.

<1838>

Я уж давно за слезы упоенья
Раскаянья слезами заплатил!
Я уж давно минутное забвеньё
Годами адской муки искупил.

Доверчиво смиряся пред судьбою,
Безропотно покорствуя судьбе,
Недаром я боролся сам с собою:
Я победил в отчаянной борьбе.

Да! победил!.. Но если поле битвы
На миг оставлю, утомлен борьбой,
Я трепещу!.. В часы ночной молитвы
Моя любовь предстанет предо мной...

Она!.. Как в час убийственной разлуки,
Глядят с упреком томные глаза!
И на устах дрожат немые звуки!
И по ланите крадется слеза!

Молюсь и плачу! Тяжкое сознание
Моей вины в душе проснулось вновь!
Творец любви, прости твоё создание!
Прости мою безумную любовь!

<1838>

СТАРАЯ ПЕЧАЛЬ

О чем, безумец, я тоскую,
О чем души моей печаль?
Зачем я помню жизнь былую?
Что назади? Чего мне жаль?

Где след горячего участия?
Любил ли я когда-нибудь? —
Нет, я не знал людского счастья!
Мне нечем юность помянуть!

Как очарованный — в тумане
Земных желаний и страстей —
Я плыл в житейском океане
С толпой мне чудных кораблей.

Но я сберег остаток чувства,
Я жил, я мучился вдвойне:
В день — раб сомненья и безумства,
Ночь плакал о погибшем дне!

Душа алкала просветленья,
И он настал — священный миг!
Я сердцем благодать провиденья
И тайну бытия постиг.

Я в пристани. . . Былое горе,
Былая радость бурных дней,
Простите. . . Но зачем же море
Так памятно душе моей?

Зачем в мир новый и прекрасный
Занес я старую печаль?
Сквозь слез гляжу на полдень ясный,
А утра мрачного мне жаль!

<1838>

НА СМЕРТЬ ДЕВУШКИ

Закрылись прекрасные очи,
Поблекли ланиты ее,
И сумраком вечных ночи
Покрылось младое чело.

Ты счастья земного не знала,
Одним ожиданьем жила,
Любила — любя, ты страдала,
Страдая — в могилу сошла.

Зачем же, краса молодая,
Так краток печальный твой путь?
Зачем? — И тоска неземная
Невольно теснится мне в грудь.

Лобзаю холодные руки
И плачу, над гробом склонясь...
И песни, сливаясь с торжественным звоном,
Звучат упованьем святым.

И я примиряюсь с предвечным законом
И тихо молюсь над прахом твоим.
Не всё здесь кончается в жизни —
Могилла лишь землю берет.

Не всё — там, в небесной отчизне,
И жизнь и блаженство нас ждет.
Я в вечности встречу с тобою —
Здесь жизнь и страданье на час...

<1838>

МОЙ ГЕНИЙ

Когда земные наслажденья,
Расчеты грязной суеты,
Игры страстей и заблужденья,
Своекорыстные мечты
. Меня измучили, — тоскою
Душа наполнилась моя,
Мне мир казался пустотою:
Я в мире видел лишь себя.
Запала к счастью дорога,
Исчез блаженства идеал,
И, Тантал новый, я на бога,
Томимый жаждою, роптал...
В часы греховных свидений
Тогда, свидетель лучших дней,
Ко мне являлся светлый гений
Святой невинности моей.
Он на меня взирал с тоскою.
Как юной девы идеал,
Сияя вечной красотой,
Он вечной благостью сиял,
И озарял он сумрак ночи;
И, сознавая благодать,
Стыдом окованные очи

Не смел я на него поднять.
Я падал ниц пред ним с мольбою,
Я заблужденье проклинал...
А он молился надо мною
И в новый путь благословлял.

<1838>

НОЧНАЯ МОЛИТВА

Давно, давно в грязи земных страстей
Я затопил святыне побужденья,
И редко видятся мне светлые виденья
Дней светлых юности моей.

Душа болит... Пороком и сомненьем
Омрачена святыня красоты.
Я не молюсь — с расчетом и с презреньем
Влача ярмо житейской суеты.

Но иногда, в часы безмолвной ночи,
Былого призраки окрест меня встают,
И ангел первых дней глядит мне грустно в очи,
И голос совести зовет меня на суд.

И мнится, мне святыня недоступна,
Мои мольбы противны небесам,
Вся жизнь моя позорна и преступна,
Я обречен страданью и грехам.

Там ад грозит ужасною картиной,
Здесь совесть — истин вечная скрижаль, —
И я в слезах паду пред Магдалиной
И выплачу души моей печаль!

И оживут молитвы чудной силой,
В душе любовь, и вера, и покой, —
И чист и светел, образ неземной
Горит во мгле, и голос милой
Звучит отрадно надо мной,
Как панихида над могилой, —
И я мирюсь и с небом, и с землей!

<1838>

ДЕТСКИЙ УРОК

В детстве раз весеннею порою
На свободе я в саду родном гулял,
Солнышко играло надо мною,
Светлый взор его меня увеселял.

На меня смеясь глядел лужочек,
На него с улыбкой нежной я глядел,
А вдали, вечерний мой дружок,
Соловей о чем-то сладком сладко пел.

Начал я беседовать с цветами,
Уж сказал им и молитву, и урок. . .
Вдруг, гляжу, облитая лучами,
Тихо бабочка садится на цветок.

Кажет нам весенние обновки,
Не видал еще я краше и милей!
Искры яхонтов на маленькой головке,
Камни жемчуга на крылышках у ней!

И прельстился чудным я созданием,
И, подкравшись тихо, бабочку схватил. . .
Ах, зачем, обманутый желаньем —
Глупый мальчик — я желанья не смирил?

Ах, зачем! (Я очерствел с годами!)
И теперь еще в душе тоска и страх:
Стер я жемчуг детскими руками,
Искры яхонтов растаяли в слезах!

Плакало прекрасное творенье,
Плача, я дышал тихонько на нее:
Не летит! — вдвойне мое мученье! —
На свободу не летит — и не мое!

Под кусточком розы тихо села,
Наземь томную головку опустя,
Жаловаться солнышку не смела, —
Добренькая! — не хотела на меня.

Как я плакал!.. Голос всей природы
Грустно мне шептал: когда б ты был добрей,
Не лишил бы ты ее свободы,
А свободной долго любовался б ей!

Солнышко глядело так уныло!
А цветочки так печально на меня.
Но за слезы мне вину простило,
Умирая тихо, божие дитя.

Я теперь умней! — Живу, страдаю,
Но в душе ни перед кем не винен я;
Я владеть прекрасным не желаю,
Я люблюсь им, как доброе дитя!

21 сентября 1838

УТРЕННИЙ ЗВОН

Они звучат, торжественные звуки,
В ночной тиши им глухо вторит даль,
Душа болит, полна заветной муки,
Мне грудь теснит знакомая печаль.

И плачу я горячими слезами,
И в памяти унылой чередой
За днями дни и годы за годами
Печальные проходят предо мной.

Миг счастья, миг краткий сновиденья,
Жизнь сердца — жизнь у сердца отняла...
Моя тоска не знала разделенья,
Моя любовь привета не нашла.

Ни сладких слез свиданья, ни разлуки
Горячих слез нет в памяти моей,
Умру один, как сладостные звуки
Печально мрут в безмолвии ночей.

Зачем я жил?.. Безумное роптанье!
Дитя! о чем так горько плачу я?
Всё благо здесь — и скорби и страданья
Святой закон другого бытия!

Восток горит... Готовься, сердце, к битве!..
Пошли мне, боже, веру чистых дней!
Внемли, господь, внемли моей молитве,
Благослови тоску души моей!

Благослови души моей страданья,
Святой надеждой оживи мне грудь,
И отжени туманные мечтанья,
И дай любовь, да озарит мой путь!

<1839>

ВЕСНА

Весна! опять в душе неясный идеал
Земного счастья — несбыточных мечтаний.
Всё, чем еще живу, и всё, что потерял, —
Рой светлых дум и рой воспоминаний.

Весна! и грустно мне, и тяжело вздохнуть!
Гляжу на божий мир с волнением и тоскою.
Эх, обмануть бы сердце как-нибудь!
Эх, только б миг пожить мне радостью былою!

Былою радостью? .. Зачем тебе она —
Вино кипучее в сосуд тоски сердечной?
Прошла пора любви, прошла твоя весна.
Страдай! живи одной тоскою бесконечной.

Живу! в душе тоска безвыходно живет!
Всё сердцу памятно утраченные годы!
И сердце всё грустит, и всё чего-то ждет,
И как-то лишний я на празднике природы.

Надежда! — может быть, под бременем годов,
Под снегом опыта и зимнего сомненья
Таятся семена погибнувших цветов,
И, может быть, еще свершится прозябенье.

<1839>

ЖАВОРОНОК

В небе солнышко играет,
Высоко в его лучах
Птичка божия летает,
Рассыпаясь в голосах.

Я в немой тоске ей внемлю,
Сжала сердце мне печаль, —
Вот спускается на землю
И летит с подружкой вдаль!

Вот исчезла!.. Чу! — далеко
Слышен голос молодой! —
И поник я одиноко
Горемычной головой!

<1839>

ПЕСНЬ ИНВАЛИДА

Был у нас в былые годы
Знаменитый генерал.
Я, ребенком, про походы
И про жизнь его читал.

Был русак — Россию нашу
Всей душою он любил.
Был солдат — ел щи да кашу,
Русский квас и водку пил;

На морозе обливался,
Спал на сене под плащом
И с артелью заливался
Перелетным соловьем.

Перед строем сам молитвы
Богородице читал.
Лев в сраженьи — после битвы,
Дома, петухом кричал.

Грозен был врагам отчизны,
Русским всем желал добра,
Прожил век без укоризны,
Победил свой век — ура!

И теперь, когда на битву
Русские полки идут,
Он за них творит молитву:
Про него они поют.

А когда отец России
Созовет своих детей —
Блещут копья боевые,
Блещут тысячи мечей.

И, любяся сынами,
Царь им кажет путь к добру, —
Он парит над облаками
С рапортом дневным к Петру.

И читает рапорт славы,
Приосамясь, славы сын.
И заплачет — день Полтавы
Вспомнил русский исполин.

Он обнимется с героем,
Крикнут клич своим полкам —
И проходит строй за строем
Их полки по облакам.

И узнают внуков деды,
Вспомнят славу прежних лет —
И раздастся гимн победы
Богу славы и побед.

<1839>

СОБИРАТЕЛЯМ МОИХ ЭЛЕГИЙ

Я не поэт! Страстей могучих лава
В груди давно уж не кипит!
Не соблазнит меня поэтов слава,
И крик друзей не соблазнит.

Нет, никогда на суд пустому свету
Я не пойду с моей тоской:
Давно уж я позвал себя к ответу,
Давно расчелся сам с собой.

И не богат я светлыми мечтами,
И не страдал, и не любил,
Я равнодушно годы за годами,
За чувством чувство схоронил.

Я вызываю тени их из праха;
Я панихиды им пою;
Но силы нет во мне — взглянуть без страха
На юность бедную мою.

Не примирился я с моим призваньем,
Тяжка мне память прошлых лет,
Ее будить восторженным рыданьем
Я не хочу, — я не поэт!

Моя печаль — семейная могила,
Чужим нет дела до нее.
Пусть я один оплачу всё, что было
И что теперь уж не мое.

Вам дик мой плач! — То голос тяжкой муки,
То отголосок светлых дней.
Зачем же вам разрозненные звуки
Души расстроенной моей?

Оставьте их! от скорби, от роптанья
Я исцелюсь скорей в тиши
И заглушу пестройный вопль страданья
Святой гармонией души.

<1839>

* * *

П. П. К.

Знаете ль ее? — Она...
Нет названья, нет сравненья!
Благовонная весна!
Цвет любви и наслажденья!

Знаете ль ее? — Она...
Перл в венце моих мечтаний!
Из эфира создана
Для объятий, для лобзаний.

Знаете ль ее? — Она...
Гармонические звуки!
Богом жизни мне дана
Для сладчайшей в жизни муки.

Знаете ль ее? — Она...
В час святого примиренья
Мне любовь дана
Для молитв, для вдохновеңья.

Знаете ль ее? — Она...
Мир не стоит поцелуя —
Ею жизнь просветлена,
Для нее и в ней живу я!

Кто же это? — Кто она? ..
Нет названья, нет сравненья!
Звуки, перл, эфир, весна,
Жизнь, любовь и вдохновеңье!

<1839>

НОЧНОЕ РАЗДУМЬЕ

Туманной пеленой закрыта даль,
Спит суета, почило всё творенье;
Но ты не спишь, тяжелое сомненье,
Тебе нет сна, души моей печаль!

Живей во тьме безвременных могил
Угрюмый ряд встает передо мною,
О, беден тот, кто дней своих весною
Свои надежды, плача, схоронил.

Кто всякий день встречал обетом новым
И всякий день упреком провожал,
Кто мало жил, но жребием суровым
У жизни много задолжал!

О, беден, кто, стремясь душой к свободе,
Раб низких нужд, оковы лобызал,
О, беден, кто прекрасное в природе
Не сердцем, а умом бесплодно понимал!

А как немного надобно для счастья!
На грудь любви доверчиво склонясь,
За миг один горячего участия
Я б отдал эту жизнь сто раз.

<1839>

МАЛЮТКА

Малютка просит песенок,
Играть меня зовет,
И складно бьет ручонками,
И радостно поет.

Сижу себе и думаю
О милых сердцу днях,
Я вспомнил радость юности —
И слезы на глазах.

Назад тому пятнадцать лет
Я много песен знал.
Я верил в жизнь, я жизнь любил,
Я жизньию играл.

Эх, времечко! Эх, времечко!
Куда девалось ты?
Где вы, надежды юности
И светлые мечты?

«Эх, времечко! Эх, времечко!» —
За мной она твердит.
Не резвится, задумалась
И на меня глядит.

Зачем я радость чистую
Невинности смутил?
Не время — сам я счастье,
Надежду погубил.

И. П. Ключников

Играй, моя малюточка,
Доверчиво живи:
Мы рождены для радости,
Для счастья, для любви.

Смеясь, плачет крошечка,
Прильнув к моим устам,
И кудри светло-русые
Струятся по плечам.

И чувство светлой радости
В груди проснулось вновь.
И вот уж мы сквозь слез поем
Про счастье, про любовь.

Пугает сердце прошлого
И будущего даль.
Час мой — и песнью радости
Я прогоню печаль.

<1840>

КРАСАВИЦЕ

Не смущай стыдливым взглядом
Очарованных очей!
Не беги с немим укором
От восторженных речей!

То молитвы — без желанья. . .
Как пред девой неземной,
Бога лучшее созданье,
Я стою перед тобой!

Не с холодным удивленьем
Я смотрю на образ твой —
С непривычным умиленьем,
С бесконечною тоской.

Всё, что льстит мне, всё, что льстило
И в мечтах, и наяву,

Всё, что будет, всё, что было,
Всё, чем жил я, чем живу, —

Всё погибло. . . В светлом взоре
Жизнь я новую нашел,
Но в немом твоём укорё
Я судьбу свою прочёл. . .

Путник в радости рыдает,
Скучный путь оконча свой,
Но оаз пред ним сияет
Равнодушной красотой.

Будь же мне, душой свободной
Чувств невольных не деля, —
Ты оазом на бесплодной,
Скучной степи бытия!

Не смущай стыдливым взором
Очарованных очей!
Не беги с немым укором
От восторженных речей!

<1840>

ЕИ

Я понимаю взор твой страстный,
Я знаю смысл твоих речей:
Я вижу всё. . . Но, друг прекрасный,
Я не прошу любви твоей!

Тоску души моей холодной
Она не в силах исцелить:
Я не могу любить свободно,
Я не могу, как ты, любить.

В сияньи дня, во мраке ночи
Я вижу бледные уста,
И смотрят плачущие очи
С святой любовью на меня. . .

Непостижимой, тайной силой
Она везде, всегда со мной —
И на груди твоей, друг милый,
Я стал бы думать о другой!

<1840>

ГОРОДОК

Прощай, прощай, родное племя,
Прощай, мой милый городок!
Как ловко здесь убил я время,
Счастливый мира уголок.

Прощай, прощай! Я сердцем волен,
Но унесет мой праздный ум
И звон вечерний колоколен,
И улицы знакомый шум.

Ее голубенькие глазки,
Ночей бессонных длинный ряд
Скрыл городничего коляски,
Его жены смешной наряд.

Как капитан, сердец мучитель,
Меня за что-то невзлюбил,
Я, как уездный твой учитель,
На мой счет повесть сочинил.

Забуду их — но наслажденья
К тебе искать прииду я вновь;
Прощай! тебѣ за угощенье,
За пирожки и за любовь!

<1840>

* * *

Когда, горя преступным жаром,
Ты о любви мне говоришь,
Восторг твой кажется угаром, —
Меня ты мучишь и смешишь.

Нет! ты не любишь, ты не знаешь
Великой тайны — ты профан!
Ты о любви в грехе мечтаешь,
Ты от хмельных желаний пьян,

Не любишь ты! Когда бы ясно
Сознал ты в сердце благодать,
Не стал бы ты про гнев прекрасной
И про надежды лепетать.

В любви нет страха, нет надежды:
Она дитя, она слепа.
Над ней ругаются невежды,
Ее не ведает толпа.

Блажен, кто наяву увидит
Заветный идеал мечты!
Он сам себя возненавидит
Перед святыней красоты.

В немой тоске потупит очи,
Стыдясь на божество взглянуть!
И как звезда на лоно ночи,
Она падет к нему на грудь.

<1840>

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

На могиле Н.

Над свежей юноши могилой
Один над ивой я сажу.
Лист падает, шумя уныло.
Я взором смерть его слежу.

Холодный воздух чуть струится,
На небе солнце без лучей
Стоит печальное — боится
Взглянуть на бледный лик полей.

Но я спокоен: я мечтами
Живу в садах весны моей,

Любуясь радости цветами
И песнями счастливых дней. . .

Зачем же сердце мне смущает
Весна мгновенной красотой? —
Затем, что радость отцветает,
У жизни нет весны другой.

Природы вечным обновлением
Себя нам трудно обмануть.
Нам тяжело разуверенье!
Нам страшно в сердце заглянуть!

Там цвет поблеклый. . . Там могила. . .
Там обнаженных ряд полей. . .
О, как непрочно всё, что мило,
Как мало в жизни светлых дней!

<1840>

ПРЕТЕНЗИИ

Наш век чудак — и совершенства
У нас престранный идеал:
Мы даром не хотим блаженства,
Мы все страдаем наповал.

У всякого свое страданье,
У всякого в душе разлад;
Тот страждет желчью от маранья,
Тот сам марает невпопад.

Тот от занятий, тот от скуки,
А в том сомненья завелись.
Тому не поддались науки,
Тому красотишки не дались.

Тот всем хорош, да денег мало,
Тот с деньгами, да без зубов;
И все хотят, во что б ни стало,
Вблизи понюхать облаков.

<1840>

ПЕСНЯ

Мне уж скоро тридцать лет,
А никто меня не любит;
Без любви мне скучен свет,
Жажда счастья — счастье губит.
Счастлив тот, в ком жизни цвет
Холод жизни не погубит;
Мне же скоро тридцать лет,
А меня никто не любит!
Боже мой, как много лет!
Боже мой, как мало счастья!
Жду — грущу, а нет как нет
И надежды на участие.
Я устал под ношей бед;
Вдаль гляжу — грозит ненастье,
Боже мой, как много лет!
Боже мой, как мало счастья!
Что ж мне делать, как мне быть
Без любви, без упования?
Сердце хочет счастьем жить,
А живет одним страданьем.
Сердце просится любить,
Сердце бьется ожиданьем. . .
Что ж мне делать, как мне быть
Без любви, без упования?
.
.

<1840>

ЖИЗНЬ

Дар мгновенный, дар прекрасный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Ум молчит, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мне дана.

Всё прекрасно в божьем мире:
Сотворимый мир в нем скрыт,
Но он в храме, но он в лире,
Но он в разуме открыт.

Познавать его в твореньё,
Видеть духом, сердцем чтить —
Вот в чем жизни назначенье,
Вот что значит в боге жить!

<1840>

МЕЛАНХОЛИК

Я помню детство: в радужных лучах
Жизнь предо мной роскошно расстилалась,
Взор отдыхал на розах, — а в мечтах
Лишь радость новой радостью сменялась.

Любви жилищем мне казался свет,
А люди все казались друзьями.
Я лепетал им в радости привет,
И вдаль спешил с надеждой и с мечтами.

Шли годы, тускнул мир — седая даль
От взоров скрыла чудные виденья,
Глубоко в сердце вгрызлася печаль,
Стеснило грудь мне тяжкое сомненье.

В немой тоске печально жизнь влачу,
Живу один, без цели, без участия.
Я счастья безумцев не хочу,
Не находя знакомого мне счастья!

И где ж она? — где люди? — где любовь?
Где светлые весны моей картины?
Душа болит — и в сердце стынет кровь,
И я прошу у жизни лишь кончины.

<1840>

* * *

Слава богу, на Парнасе
Нет ни денег, ни чинов!
Я умру в девятом классе,
Убегая от долгов!

Слава богу, на Парнасе
Нет любезных, нет друзей;
Бобыли! — а глянь: в рассказах
Всё о друге да об *ней*.

Слава богу, слава богу!
Заблудившись на земле,
Я опять нашел дорогу,
Предназначенную мне.

Слава богу! скорбь земную
Я изведаль! Я грущу,
Но за грусть мою святую
Миллионов не хочу.

<1840>

К МОСКВЕ

В Москву с последнего ночлега
Лихая тройка мчит меня;
Морозом скована земля;
По ней, звуча, катит телега.
Чего-то ждет душа моя...
Сквозь слез гляжу на древний град.
Вот он, свидетель величавый
И русских бед, и русской славы,
И горестных моих утрат...
Моих утрат! Порыв роптаний,
Умолкни здесь. Что значу я?..
Скрижаль родных воспоминаний
И царства русского глава!
Былого летопись живая!
Золотоглавая Москва!
Москва! предел моих желаний!
Где я расцвел, где я увял,
Где наслаждался, где страдал
И где найду конец страданий!
Опять, опять твой вечный шум.
И говор жизни, и движенье

Умчат души моей сомненья
И развлекут мой праздный ум!
Пойду задумчиво бродить
Между забытыми гробами,
Пойду о прошлом говорить
С твоими ветхими стенами.
Пролью на память прежних снов
Две-три слезы от всех украдкой.
И позабудусь долго, сладко
Под звук твоих колоколов.

<1840>

<НА СМЕРТЬ Н. В. СТАНКЕВИЧА>

Его душа людской не знала злобы:
Он презирал вас — гордые глупцы,
Ничтожества, повапленные гробы,
Кумиров черни грязные жрецы!

Друг истины, природы откровений —
Любил он круг родных ему сердец,
И был ему всегда доступен гений,
И смело с ним беседовал мудрец.

И вас он знал, священные мгновенья,
Залог блаженства, плод борьбы и лет —
Минувшего святое обновленье,
Грядущему живой любви привет.

И нет его — и, может быть, могилой
Всё кончилось! . . . Зачем же надо мной
Ты носишься в тумане, образ милый,
Сияя кротко новой красотой? . . .

В душе звучат знакомые ей звуки.
Уста дрожат, туманятся глаза,
И на груди моей, как в час разлуки,
Горит любви прощальная слеза.

Нет, жизнь вечна: нам есть еще свиданье,
Доверчиво пройду тернистый путь,
И сохраню святое упование
С тобой на лоне правды отдохнуть.

1840

Пятигорск

ВОСПОМИНАНИЕ

Я вас любил... давно, без упования!..
За арфою, в вечерней тишине,
Неясные души моей желанья
Вы звуками высказывали мне.

Лились в душу сладостные звуки;
Внимая им, в восторге я рыдал —
И счастлив был: блаженство сладкой муки
Любить и плакать я впервые знал.

Я вас любил... Невеста молодая...
Он вас пленил, красавец молодой, —
И, радостью небесною сияя,
Вы шли к венцу прекрасною четой...

Я был в толпе... и, притаив дыханье,
Спокойно на обряд глядел...
Я спрятал от людей свое страданье,
Я в тишине оплакал свой удел...

Я вас любил!.. Склонясь на изголовье
Младенца-ангела прозрачною рукой,
Глядели вы с надеждой и любовью
На первенца любви своей святой.

И я глядел! И сердцем забывался...
Души моей заветный идеал
Я видел в вас — я вами любовался,
И свято вас любил — и не страдал.

Я вас любил! На долгую разлуку
Судьба влекла меня в далекий край —
И лобызал я, плача, вашу руку,
И вы сказали: «Добрый друг, прощай!»

Я и теперь люблю тебя, мой гений,
Как дар храню прощальный взор очей —
И в сладкий час волшебных сновидений
Я слышу сердцем в тишине ночей
И легкий шум пленительных движений,
И музыку чарующих речей.

<1841>

KATZENJAMMER ¹

С мучительной, убийственной тоской
Я на тебя глядел, питомец Мельпомены,
Когда пред суетой земли склоня колены,
Ты долу пал развенчанной главой.

Ты оскорбил святой мой идеал,
Когда, в безумном Вакха упоении,
Про лучший жизни цвет, про дивные мгновенья
Ты, как дитя, бессвязно лепетал.

Ты ль это? Час назад волшебным обаяньем
Из мира дальнего меня ты уносил,
Мне сердце растворял блаженством и желаньем
И адской мукою сомненья дух теснил.

Ты слышал ли души разбитой стоны?
Забыв себя, с тобой любил я и страдал,
Тогда как ты над трупом Дездемоны
Иль над могилою Офелии стоял.

Теперь прости мне тяжкое раздумье,
Нет чар твоих, свободен я грустить
О том, что здесь за миг священного безумья
Безумством долгим мы должны платить.

¹ Похмелье (нем.). — *Ред.*

Дать пищу говору бессмысленному века,
Вставить и падать в грязь, и жить в мечтах, во сне. . .
Ты понял ли меня? О, тяжело мне,
И страшно мне за человека!

Начало 1840-х годов

НОВЫЙ ГОД ПОЭТА

Неоконченная ода (сказка)

1. УТРО. В КАБИНЕТЕ

Сегодня Новый год. Насилу встал с похмелья.
Не хочется идти ни в церковь, ни в кабак.
Дай оду напишу, всё ж лучше, чем безделье
(И заработать можно на табак!),
Я скор, как все реальные поэты:
Нечесанный, полуодетый,
С тяжелой и пустою головой,
С лицом измятым, но спесивым,
Иду к столу и почерком красивым
Пишу еще дрожащею рукой:
«878-ой»
И стоп машина! Верно — мало жару!
Опохмелился, закурил сигару. . .
Тут овладел мной реализма бес.
В ушах трещит: реформы и прогресс,
Всему в Европе обновленье,
Свобода всех сортов и форм,
Благ жизни братское деленье —
Тому кусок, тому — подножный корм
И одиночное владенье. . .
Я говорю, бес говорит,
Не разберешь, кто говорит.
Сижу, но поддаюсь обману.
Бес напустил мне в комнату туману
И бездну лиц. И вот, как бы живые,
Стоят передо мной передовые
Faiseurs de l'histoire¹ в тумане (бес не глуп!)

¹ Творцы истории (франц.). — *Ред.*

Честнейший Бисмарк и добрейший Крупп,
Блюстители порядка и закона:
Штыков с усами миллион,
А по нужде два миллиона,
Чтоб защитить порядок и закон
И — роль сыграть Луи Наполеона.
Но там искусства, там науки,
Там есть глубокие и честные умы
(Немного томные от пива и от скуки),
Ну им зато и книги в руки,
А книги выведут из тьмы.
Вот Австрия — блудница Вавилона,
Смещение племен и языков,
Туда ж поклонница порядка и закона,
Поклонница и пушек и штыков,
Господства жадная, бесстыжая рабыня!
Здесь всё на гульденy — и разум, и святыня,
Любовь и дружбу можете купить,
Здесь запевала граф Андраши —
Но с Австрией сам черт не сварит каши,
А кашу надобно сварить.
Как эту разрешить задачу? —
Дипломатию за бока:
Противу двух — четыре кулака,
Да сорок подлостей в придачу.
Вот из Италии пришли два старика:
Один — божественный антик,
И рядом с ним другой старик —
Непогрешимый: он за прегрешенья
Четвертый век ждет отпущенья.
Он одряхлел, ослеп и оттого
Спасения не видит своего.
Испания — вассал его.
Здесь старики грустят по Изабелле,
А молодежь Дон-Карлоса зовет,
Здесь жив еще бессмертный Дон-Кихот —
В мечтах великий и смешной на деле,
Сегодня бунт, а завтра крестный ход,
Разбаловался очень уж народ —
И у него семь пятниц на неделе,
На сердце бог, а в голове угар:
Всему причиной Гибралтар

И чад Британии обычный...
Безличный Солсбери и Биконсфильд двуличный —
Лорд Биконсфильд, рожденный Дизраэли,
Он в книгах — ниц перед Христом,
А в жизни за толпой плетется с костылем,
Совсем не к христианской цели.
За ним ряды жидов сидят —
Все мытари и фарисен.

На Русь со злобою и завистью глядят.
Но уж народ не верит в их затен:
С ним Брайт, Карлейль и Гладстон говорят.
Страна науки и свободы!
Приют непризнанных идей!
(Без пушек и без кораблей
Им покоряются народы.)
Здесь Бэкон изучал природу,
Шекспир, как бог, людей творил,
Здесь Шелли мыслил и любил,
Здесь он сквозь слезы пел свободу,
Здесь Байрон век свой проклинал

И — может быть, сквозь слезы — рисовал,
Как Альбион, туманный идеал...
Вот Франция! — Она еще в пустыне,
Обетованный край всё впереди,
И тайный голос шепчет ей: «Отныне
Возврата нет! Вперед иди...»
С надеждою она кругом глядит...
Но, демон, ты спирит?
В объятиях Мари и Пальмерстона
Святая тень Луи Наполеона,
С обетом мира на устах,
С кастетом, с палицей в руках,
На аукционе дядюшкина трона
Тупая шпага вместо молотка...
Сокройся, адское виденье!
Клянусь, я в жизнь не выпью ни глотка!
Перекрещусь! — Ведь это наважденье!
Перекрестился. Бес замолк, ни слова,
Но как-то жизнь двоится предо мной:
Посмотришь — кажется всё ново,
Понюхаешь — всё пахнет стариной.
С землю вместе род людской вертится,

То к солнцу, то от солнца он идет,
 То любит истину, то истины боится
 (Пофилософствуй — ум вскружится),
 Год старый лгал, год новый лжет.
 Везде о счастье человек мечтает,
 Он на парах за ним и едет и плывет,
 Но пиво в рот так редко попадает —
 Всё больше по усам течет.
 Год старый лгал, год новый лжет.
 Не лгал лишь честный царь великому народу,
 И молодой народ не лгал,
 Когда за братьев, за свободу
 И кровь, и жизнь он расточал.
 Год старый увенчал нас славой.
 Год новый мир нам принесет.
 Пусть ложь и эгоизм обступят нас облавой,
 За правых бог — он нас спасет.
 Болезни к росту: я уверен,
 Что все заветные мечты. . .
 «Entbehren sollst du, sollst entbehren!»¹ —
 Шумит мне кто-то с высоты.
 Я только лишь спросил: кто ты?
 И почему soll ich entbehren,
 Когда я не дикарь, не зверь? . . .
 Вдруг тихо растворилась дверь. . .
 Больной души моей прекрасная подруга
 С улыбкой светло-грустной идет
 И, в Новый год почтить желая друга,
 Рубашку новую в подарок мне несет.
 Рубашечка пошита так красиво,
 Так мило сложена, что ах!
 Притом художница глядит полустыдливо,
 И огонек любви горит в ее глазах.
 Другой бы. . . Но ведь все поэты
 Те с придурью, те просто дураки
 (Хоть, впрочем, есть у них и лучшие приметы) —
 Я даже не пожал ей творческой руки
 И не принес благодаренья
 За милый и полезный дар.

¹ «К лишениям ты должен быть готов, к лишениям готов» (нем.). — *Ред.* Стих из 1-й части «Фауста» Гете (сцена 2).

Семейный вспыхнул тут пожар.
«Послушай, — говорит, — ушей моих мученье,
Мурлыка!» — так она в сердцах зовет меня
За то, что я свои бессмертные творенья,
Как старый кот, сперва мурлычу про себя.
«Мурлыка, — говорит, — чего ты так надулся?
Или вчерашний жив еще угар?
Или ты рифмой захлебнулся?
Рубашка — первый божий дар
(Хоть, впрочем, мы на предков не похожи:
Мы кожу с ближнего дерем,
Но уж белья себе не делаем из кожи.
Мы это после разберем).
Что для него подарок замарашки!
Творец! Художник! Чародей! Поэт!
Ну, сотвори хоть по одной рубашке
Тем, у кого совсем рубашек нет!
На свете есть тебя достойнее творенья,
Которым — сам ты мне читал —
В день светлого Христова воскресенья
Рубашка чистая есть чистый идеал.
Нет! не мечтать, а терпеливо
И честно дело жизни совершить.
Вопрос не в том, чтоб быть счастливым,
Но чтоб достойным счастья быть:
Из сердца выбить наважденья,
Наукой ум освободить,
Святое жизни обновленье
Святою битвою купить;
Ко счастью путь один — молитва
И слово вечное Христа,
И здесь одна святая битва —
С собой под знаменем креста.
Ты брось свои ученые замашки!
Ты, эхо слабое божественных идей,
Знай! — Новые и чистые рубашки
Есть вечный идеал для всех людей.
Ты пел: «Чертог твой вижду, спасе мой...»¹

¹ Начало известного экспастолярия: «Чертог твой вижду, спасе мой, украшенный, но одежды не имам, да вниду в онь. Просвети одеяние души моя, светодавче, и спаси мя».

И как еще ты пел во дни надежды!
А этой светлой, праздничной одежды
Нет и теперь, мой друг, у нас с тобой!
Ты не сердись и не чади сигарой!
Брось оду, свой халат надень!
Иди чай пить в рубашке старой,
И посвятим молитве этот день!»
И я пошел за ней, как подсудимый.
Но как тут жить? Ну что писать?
Когда и в Новый год должны мы
В рубашке старой щеголять?

1877 или 1878

2. ПОЛДЕНЬ. В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Журналист и писатель (вполпьяна).

П и с а т е л ь

Я басенкой на Новой год Крылова,
Как дедушку, почтить хотел;
Но так как он уж просветлел
И для него ненадобна обнова,
То предлагаю вам. Ну, вы — совсем другое,
И вам еще не чуждо всё земное.
Притом же издаете вы журнал
Не из «одной лишь чести», я слыхал.
А жить так дорого. . . и потому не диво,
Что предлагаю вам я договор такой:
Фунт табаку за каждый стих счастливый
И четверть фунта за пустой.

Ж у р н а л и с т

Не дорого ль?

П и с а т е л ь

О, нет! Некрасов скажет то же.
Стихи счастливые поэтам не легки.
Мы не писали б их, не будь мы дураки,
В конце концов — они себе дороже.
Не помню я, в каком стихотвореньи
На днях случилось мне читать:

Когда на душу вдохновенье,
На сердце снидет благодать —
Нам плакать хочется, а не стихи писать!..

Мы делим с вами жизни бремя
Делите ж и доходец пополам!
А оду кончу я в другое время
И — даром поднесу, пожалуй, вам.

Журналист

Ну, хорошо, ударим по рукам!
Прощайте! С лестницы идите вы легонько!

(Про себя)

А все-таки немного дорогонько!

<1880>

3. ВЕЧЕР. CHEZ-SOI.¹

ПРЕД ВКОНОЙ МАТЕРИ ВСЕХ СКОРБЯЩИХ

Здесь мать скорбящих — дивная картина!
Художник воплотил святую благодать —
Смерть крестную божественного сына
Божественно оплакивает мать.

Она в слезах — то слезы умиления,
То скорбь пречистая души святой,
А на устах улыбка примиренья
И торжества победы над собой.

Любовь! Любви таинственная сила —
Могучий врач печалей и скорбей!
Всё поняла она и всё простила,
И молится — святая! — за людей.

Века уж льются слезы неземные,
В них мировая скорбь горит,
И катятся как перлы дорогие
На дольный прах с божественных ланит.

Я здесь один, главой склоняюсь в прахе,
Едва дерзая на нее взглянуть,

¹ У себя (франц.). — *Ред.*

В немой тоске и в беспредметном страхе,
Волнующем мою больную грудь:

В укор мне льются слезы те святые!
Свое паденье смутно сознаю,
И чудится, что перлы дорогие
Впиваются в больную грудь мою.

И плачу я, и струны золотые
Моей души, чуть слышные, звучат:
То звуки детства — милые, святые,
Когда я был душою чист и свят.

Гляжу вперед с волненьем и тоскою,
С волненьем и тоской гляжу назад —
Пред божеством, пред жизнью, пред собою
Я виноват, я страшно виноват!

Я блудный сын! Ни кровью отчей нивы,
Ни даже потом я не оросил;
Раб суеты, лукавый и ленивый,
Я отчий дар безумно расточил.

Кумиров черни к грязному подножью,
Не веря в них, я голову клонил.
Насквозь грехом, насквозь пропитан ложью,
Грешил и плакал, плакал и — грешил.

Я обуян — и нет мне оправданья!
А дни бегут, и в сердце стынет кровь!
Всё ложь! всё ложь! И рабские страданья,
И рабский гнев, и рабская любовь,

И рабский страх перед законной битвой,
И рабский бунт — безумия печать!
Спаси меня святой твоей молитвой
И научи безропотно страдать!

Я пережил все помыслы земные
И нищий духом богу предстаю. . .
Мне слез! Мне слез! Пусть перлы дорогие
Мне исцелят больную грудь мою!

Спаси меня! Дай слезы умиленья
И мир души — безумства след стереть!
И разум дай — любить твои веленья,
Свободным жить! Свободным умереть!

<1880>

В РОДНОМ ДОМИКЕ

Столицы шумной лишний житель,
Бежав от сплетен и вестей,
Я снова посетил обитель
Погибшей юности моей.
Вот он — предел моих скитаний,
Здесь расцвела моя весна.
Каких волшебных обаяний
В то время жизнь была полна!
Всё то ж укромное жилище,
И сад, и вербы у ворот,
И пруд, и церковь, и кладбище —
Кругом всё то ж, а я — не тот.
Да, я не тот, что был я прежде,
Когда я верил и любил.
Уж в сердце места нет надежде,
В душе нет прежних свежих сил.
Уста дрожат, и плачут очи...
О, где вы, где моей весны
Святые дни, святые ночи,
Святых ночей святые сны?
Вы не сбылись! Толпой угрюмой
За вами вслед другие дни,
Другие сны, другие думы
Блаженство сердца унесли.
Вот комнатка, где я учился.
Здесь прозвучал мне первый стих,
Здесь я так пламенно молился
И за себя и за своих...
И их уж нет!.. Но он сияет
В венце терновом и в крови,
Как прежде на меня взирает
С любовью кроткий лик любви,

И тихо стал я на колени
Над гробом прошлого вздохнуть,
Излить мольбы, проклятья, пени...
Всё, чем полна больная грудь...

.
.

Я здесь умру! . . Ты, свет суровый,
Оставь меня! Забудь меня!
Твой беглый раб, твои оковы
Здесь, бог поможет, сброшу я.
А ты — в веках венчаный кровью,
Дух вечной правды и любви,
Твоей всеильною любовью
Страдальца душу оживи!
Прости меня! от треволненья
Дай в мире сердцу отдохнуть!
Набрось покров на заблужденья
И уврачай больную грудь!

<1880>

БЕАТРИЧЕ

Бледнеют звезды полуночи,
Луна заснула в облаках,
Но сна мои не знают очи,
В душе тоска, тревога, страх.

Лампада гаснет — я вздыхаю
И плачу о погибшем дне,
Сквозь слез едва-едва читаю —
Не наяву и не во сне —

Больной души моей скрижали,
Где трудно прожитые дни
Так беспощадно начертали
Сказанья верные свои:

Невзгоды жизненной дороги,
Безумных сил безумный гнет,

Ошибок страшные итоги
И счастья вечный недочет;

Где всё, что отнято судьбою
И жизнь у души моей. . .
И вдруг явилась предо мною
В сиянии розовых лучей —

Она! — Знакомое виденье!
В ней всё о прошлом говорит:
И очи, полные томленья,
И бледный мат ее ланит,

Ее сверкающие плечи
В каскаде шелковых кудрей,
Волшебных уст немые речи,
Понятные душе моей;

Волнистый стан, ко мне склоненный,
Полупрозрачные персты. . .
И я очнулся, пробужденный
Сияньем дивной красоты.

Замолкли злой судьбы угрозы,
Молчит душевная гроза,
Иные, радостные слезы
Туманят жадные глаза.

Она, колеблясь, улетает
В объятьях молодого дня,
И, мнится, свыше призывает
Благословенье на меня.

В душе гармония святая,
Чуть слышно сердце бьется вновь,
Таинственно переживая
Святую, первую любовь.

Печальных дней моих отрада!
Подруга милых сердцу дней!
Неугасимая лампада
В святилище души моей!

Гори! Сияй! И тьме окрестной
Объять святыни не давай!
И до конца стези безвестной
Не угасай! не угасай!

<1880>

NOVA ARS POETICA.¹
МЕЧТЫ И ИДЕАЛЫ ПОЭТА БУДУЩНОСТИ

Памяти А. С. Пушкина

Я выстрадал прекрасную могилу,
Она давно меня к себе влечет;
Здесь, на земле, она чудесной силой
И храмы и дворцы переживет.

Я не умру, сосуд души скудельный
Разрушится и обратится в прах,
Но дух любви, дух вечный, беспредельный,
Найдет приют в родных себе душах.

Я всё сберег, что мне дала природа,
От юности я изучать привык
Судьбы и дух родимого народа
И братьев гармонический язык.

Знакомы мне и слезы вдохновенья,
И слезы горькие больных умов,
И гениев бессмертные творенья,
И злоба дня, и злоба всех веков.

Мой век знаком: я сам с ним заблуждался,
Безумием неверия болел,
Мечтами — жаждой жизни! — упивался
И злобой дня безвременно кипел.

Я знаю жизнь: за прелесть обаянья,
За капли радости безумных дней
Я заплатил истомой и страданьем
Обманутой, больной души моей.

¹ Новое поэтическое искусство (лат.). — *Ред.*

Но песен дар и слезы умиления
Мне помогли святыню сохранить —
Из сердца вырвать с кровью заблуждения,
Сосуд души очистить и омыть.

Мой кроток дух. В нем, как в спокойном море,
Я берега и небо отражу,
Все помыслы, все радости, всё горе,
Все тайны жизни братьям покажу.

Я их люблю, я речью благородной,
Как музыкой, сердца их растворю,
Я научу их отдавать свободно
Всё божье — богу, царское — царю;

Не лезть наверх, а скромную дорогу
Надеждою и верой освещать,
Смирясь, всегда, везде молиться богу,
Любить, бороться, мыслить и страдать;

Век изуча, идти вперед пристойно —
И под ноги себе глядеть и вдаль;
О злобе дня обдуманно и стройно
Высказывать души своей печаль;

Зубов не скаля, побеждать косненье
И воплощать заветные мечты,
И с трепетом несть перлы вдохновенья
К стопам творца любви и красоты;

Не лстить толпе за детское участие,
Слепую ненависть ее презреть,
Не хлопотать о мимолетном счастье,
Как бог велит и жить, и умереть.

Я старцу намекну, как бодрым оком
На поколение новое взирать,
За слабости казнить людей упреком,
Советом и примером ободрять.

И ты был юн — и сердцем заблуждался,
Любил добро, за ближнего страдал,

Мечтой о лучшем слепо увлекался
И злобой дня кипел и трепетал.

Ты одряхлел, — мы в том не виноваты;
Иди вперед! Не можешь? — Наспусти!
Оставим мы тебе твои утраты,
А ты нам нашу молодость прости!

Вам, юноши, путь укажу ко славе:
Трудиться и смирять огонь в крови,
Душой не жертвовать скотским забавам,
Благоговеть пред таинством любви,

Благоговеть перед идеей века,
Творца в твореньи скромно изучать,
Чтить как святыню званье человека,
А мишуру и дразги презирать;

Искать с молитвой своего призванья
И, получа, ему не изменять:
Всё благо — разница в одном названьи,
Любимый честный труд есть благодать;

Лишь в общей пользе находить отраду,
Всё родине отдать: и труд и кровь:
А слава? — Дым. Есть лучшая награда:
Зреть бога, сознавать в себе любовь.

Я женщину сдружу с ее призваньем:
Цветами путь тернистый осыпать,
Жизнь обновлять блаженством и страданьем,
Любить страдая и любить страдать;

Святить себя — жить в новом поколеньи,
В нем жажду вечной жизни пробудить
И оправдать творца: венцом творенья,
Залогом лучшей будущности быть.

Паду ли вновь среди житейской битвы,
Победный ли венок себе совью, —

Мои мечты, надежды и молитвы,
Мою всю душу в песни перелью.

А те, что в будущем родные звуки
Полюбят и, прочувствовав, поймут,
Из колыбели *ей* протянут руки
И в жизнь грядущего *меня* возьмут.

И вот уж льются слезы умиления...
О, если бы я мог их сохранить!
Мне кажется, я выстрадал прощенье,
А всё боюсь его не получить!

<1880>

AD VENEREM URANIAM ¹

Прекрасный друг души унылой,
Волшебной прелестью своей
Ты так отрадно озарила
Пустыню юности моей.
В поре надежд, в поре желаний —
Страдалец от избытка сил —
Без уверений, без признаний,
Стыдливо, робко я любил.
Я увлекался суетою,
Но я тебя не забывал,
И, немощно, борясь с судьбою,
Я втайне плакал и страдал.
Без обаянья, без участия,
Одним умом я жил тогда,
А сердцу так хотелось счастья,
Любви и мирного труда.
Рок не судил: в борьбе бесплодной
Погибли светлые мечты,
И сердце обнял сон холодный
Под шум житейской суеты.
Печальны были пробужденья,
И сны печальны. Мрак густой

¹ К небесной любви (лат.). — *Ред.*

Сокрыл волшебные виденья,
Кумиры жизни молодой.
Во тьму вотще вперяя очи,
Уж я тебя не обретал,
И всё один во мраке ночи
Между могилами блуждал,
Без маяка и без дороги,
Лишь смутно чувствуя душой
То шум бессмысленной тревоги,
То холод бездны роковой.
Я изнемог, борьбой убитый,
И пал в слезах. Из грозных туч,
Уже неожиданный и забытый,
Во тьме блеснул отрадный луч. . .
И понял я твое призванье,
В больной груди проснулись вновь
Святое лучших лет страданье,
Тоска, надежда и любовь.
Стою коленапреклоненный,
В душе молитва — не печаль,
И вопрошает взор смущенный
Небес таинственную даль.
Что ж он — в судьбе моей печальной
Внезапный прошлого привет,
Зари ль вечерней луч прощальный
Или дня нового рассвет?
Взойди, взойди, мое светило,
С волшебной прелестью своей
И пробуди в душе унылой
Очарованье прежних дней!
Я твой! Я лучшие желанья,
Гордыню смелых дум моих,
Все наслажденья, все страданья
Поверг во прах у ног твоих.
И жизнь отдам без сожаленья,
Чтоб только до конца я мог
Дышать святыней вдохновенья
И умереть у милых ног.

1880-е годы

Нет мочи *жить!* Слепой судьбы угрозы,
 Слепой толпы вседневный, дикий шум,
 Бессилием проглоченные слезы,
 Тоска любви и ноша скорбных дум —
 Вот жизнь! На правду ложь глядит угрюмо,
 На слезы глупость смотрит свысока...
 Печальные, безвыходные думы!
 Бесплодная, тюремная тоска!
 Иссиякла вера, зверство и обманы
 Царят над миром, — безотрадный век!
 Бог — чрево, бог — дырявые карманы,
 И жертвой зверя гибнет человек.
 Любовь иссиякла: братского участия
 Ни в ком, грызня за грош всем по плечу;
 Желанного нигде не вижу счастья,
 Безумцев счастья сам я не хочу.
 Богатством, властью, славою преступной
 Моя душа не будет прельщена,
 Я не упьюсь красой для всех доступной,
 Я не утешусь пеною вина.
 Мне нужен хмель не пенистый, но сильный,
 Чтоб сразу сокрушить мой бедный ум,
 Чтоб в тишине, чтоб в темноте могильной
 Мне отдохнуть от слез, тоски и дум.
 Ну что ж, умри, закрой больные очи,
 Усни навек и перестань скорбеть.
 Но сердцу страшен призрак вечной ночи,
 И силы нет, *не живши*, умереть.
 Ну, так *живи*: страдай, и до могилы
 Покорно крест неси, учись терпеть,
 Молись творцу, проси любви и силы
 Для бога жить, за братьев умереть.

1880-е годы

ПО ПРОЧТЕНИИ БАЙРОНОВА «КАИНА»

Я здесь один: меня отвергли братья;
 Им непонятна скорбь души моей;
 Пугает их на мне печать проклятья,
 А мне противны звуки их цепей.

Клянущий рай, подножный корм природы,
Клянущий твой бич, безумная судьба,
Клянущий мой ум — рычаг моей свободы,
Свободы жалкой беглого раба!

Клянущий любовь мою, клянущий святыню,
Слепой мечты бесчувственный кумир,
Клянущий тебя, бесплодную пустыню,
В зачатии творцом проклятый мир!

ЭПИГРАММЫ, ШУТКИ

〈НА И. И. ДАВЫДОВА〉

Подлец по сердцу и из видов,
Душеприказчик старых баб,
Иван Иванович Давыдов,
Ивана Лазарева раб.

В нем грудь полна стяжанья мукой,
Полна расчетов голова,
И тащится он за наукой,
Как за Минервою сова.

Сквернит своим прикосновеньем
Науку божию педант,
Так школьник тешится обедней,
Так негодяй официант
Ломают барина в передней.

1832 или 1833

〈НА И. И. ДАВЫДОВА〉

Учитель наш был истинный педант,
Сорокоум, — дай бог ему здоровья!
Манеры важные, — что твой официант,
А голос — что мычание коровье.
К тому ж — талант, решительный талант,
Нет, мало — даже гений пустословья:

Бывало, он часа три говорит
О том, кто постигает, кто творит.

.
.

Возьмем, бывало, оду для примера
За голову и за ноги вдвоем,
И разберем по руководству Блера,
В ней недостатки и красоты найдем,
Что худо в ней, что хорошо — оценим,
Чего ж недостает — своим заменим.

1833 или 1834

* * *

Друзья мне скучны, — прихожу в их круг,
И говорят с участием: «Здравствуй, друг!
Здоров ли?» — и протягивают руки.
«Ну как дела?» — и прочее. От скуки
За трубку, развалюсь, болтаю вздор,
А мне кругом рукоплещает хор:
«Вот мило! Вот забавно! Молодец!
Скажи еще!» Невмочь мне наконец:
Не с тем я шел, не то сказать хотел.
Я не сказал — зачем же? — так, не смел. . .
Друзья мне скучны; не пойду в их круг —
Не дружный сам с собой — кому я друг? . .

12 декабря <1838>

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЕ
И. П. БЛЮШНИКОВУ**

* * *

Мне не забыть по гроб! Она сидела
С улыбкою страданья на устах. . .
И на меня сквозь тонких слез глядела
И руку жала в трепетных руках.

Прости, прости! Не знай сердечной муки,
Тебя спасет твоя любовь ко мне. . .
Забудь меня! Но, друг, во дни разлуки
Молись, молись в далекой стороне.

Давно, давно я пережил страданье,
Молюсь о ней — но всё еще порой
Мне слышится знакомое стенанье
И кто-то тихо плачет надо мной.

Молись, молись! В страну, где нет разлуки,
Ты унесла с собой твою любовь!
Она свята; и я спасен от муки,
Я для любви душой воскресну вновь.

10 января 1839

* * *

Природа вечно созидает
И жизни шествует путем:
Вода, засохнув, исчезает,
Но возвращается дождем.
И, разрушая, образует;
Смерть изменяет только вид
И жизни частные связует
В бессмертную живую нить.
Но если в бытии отдельном
И существует только я,
То в океане беспредельном
Исчезнет капелька моя.
Но капля вод не исчезает,
А путь иной ей только дан, —
Единство же соединяет
Все капли в купный океан.
Отдельный луч не погасает,
Соединяясь с другим;
И звуков — мир не убивает
Согласным пеннем своим.
Износится земное платье,
Но душу дал живую бог;

А без того иметь понятие
Я б о бессмертии не мог.
Неугасимая, затмиться
Не может искра божества,
А в бестелесности сокрыться
От тусклых взоров вещества.
И что есть смерть? Освобожденье
От тяжких дряхлости обид
И полное зерна созренье,
Мякина только отлетит.
Премудрости небесной дщери
Надежда, Вера и Любовь
Отверзут райские нам двери,
Святая нас омыла кровь.
А время жизни — испытанье,
А верх его — разлуки час,
Но сладкое потом свиданье
Соединит навеки нас.

Начало 1840-х годов

ПРИМЕЧАНИЯ .

В настоящий сборник вошло все наиболее существенное из поэтического наследия четырех поэтов кружка Станкевича. Кроме оригинальных и переводных стихотворений мы включили в книгу две стихотворные пьесы (Н. В. Станкевича и К. С. Аксакова). В основе композиции каждого раздела книги лежит хронологический принцип. Внутри разделов выделены шуточные и написанные на случай стихи Станкевича и Ключникова. Не имея самостоятельного художественного значения, они тем не менее представляют определенный биографический интерес. Переводы помещены среди оригинальных стихотворений, ввиду того что по своему характеру они являются органической частью творчества поэтов кружка. Кроме В. И. Красова, никто из поэтов, представленных в этой книге, не издавался в советские годы отдельными сборниками, а стихи И. П. Ключникова, затерянные в периодических изданиях, вовсе никогда не были собраны. В процессе подготовки к печати этой книги было обследовано значительное количество архивных фондов в восьми архивохранилищах. В результате нами обнаружено большое количество ранее неизвестных стихотворений К. Аксакова, а также несколько произведений других членов кружка Станкевича. Обследован также целый ряд старых журналов, газет и альманашов. Мы не можем поручиться, что это обследование увенчалось исчерпывающими результатами. Не исключено, что какие-то произведения остались невыявленными.

Не придавая серьезного значения своему поэтическому творчеству, Н. В. Станкевич не проявлял ни малейшей заботы о сохранении своих рукописей. Автографов его стихов дошло до нас мало. Главным источником его поэтических текстов являются публикации 1829—1834 гг. После окончания университета Станкевич продолжал еще изредка писать стихи, но не печатал их. В 1857 г. П. В. Анненков издал книгу «Н. В. Станкевич. Переписка его и биография»,¹ в приложении к которой поместил 12 стихотворений. Из них 11 публиковались впервые, в том числе одно, ошибочно приписанное Стан-

¹ Первоначально работа была опубликована в «Русском вестнике», 1857, №№ 1 и 2 и вслед за тем вышла отдельной книгой.

кевичу. Источником этих произведений явилась неопубликованная рукопись друга Станкевича Н. Г. Фролова «Н. В. Станкевич» (ГИМ, ф. 351, д. № 62 и 63). Этот биографический очерк был написан в 1843—1846 г. В распоряжении его автора находились списки некоторых стихотворений Станкевича, которые он и воспроизвел в своем труде. На титульном листе рукописи Фролова есть помета Александра Станкевича, брата поэта, что этой рукописью в свое время пользовался П. В. Анненков, когда трудился над своей книгой. Таким образом, рукопись Фролова являлась единственным первоисточником десяти стихотворений Станкевича, поскольку их автографы считались утерянными. В архивном фонде Я. М. Неверова (ГИМ) мы обнаружили почти все эти автографы (за исключением двух).

В последние годы жизни Станкевич написал несколько шуточных стихотворений на русском и немецком языках, адресуя их своим друзьям. Они были известны Анненкову, но тексты их считались погибшими. Из упомянутых Анненковым стихотворений неразысканным осталось теперь пока только одно — «Хор духов над спящим Грановским, возвещающий ему скорое пришествие бутерброда, и горькие жалобы героя, при пробуждении, на отлетевшее блаженство, к которому он уже был так близок». Неизвестна также судьба стихотворения, о замысле которого Станкевич в марте 1838 г. писал М. А. Бакунину: «Вчера получил я твое письмо, любезный Миша, с письмом кардинала Виссарииона <т. е. Белинского> — иначе называемого *Bissarione furioso* (под этим заглавием я хочу писать эпическую поэму, в которой прославлю его неистовство)» («Переписка Н. В. Станкевича». М., 1914, стр. 658).

Впервые стихи Станкевича были собраны и изданы в 1890 г. Алексеем Станкевичем, племянником поэта, который включил в подготовленную им книгу 42 стихотворения. Одно из них он опубликовал впервые, по рукописи («Я. М. Неверову»). В настоящем издании впервые публикуются еще два стихотворения («Вздымают ли бури глубокую душу...», «Профессор будущий! преследуем судьбою...»), а также впервые включается в собрание сочинений Станкевича ряд мелких шуточных его стихотворений и эпиграмм, появившихся в печати после выхода в свет издания А. Станкевича. Возможность новых находок стихов Станкевича, неопубликованных или уже однажды печатавшихся под псевдонимами или без подписи, отнюдь не исключена. В этой связи обращает на себя внимание замечание сестры поэта — Александры Владимировны (вышедшей впоследствии замуж за сына М. С. Щепкина) о том, что из поэтического наследия Станкевича лишь «немногое вошло в сборник его стихотворений, изданных племянником его, Алексеем Ив. Станкевичем» («Воспоминания А. В. Щепкиной». М., 1915, стр. 84).

С другой стороны, необходимо окончательно «закрыть» и перестрибутировать три стихотворения, ошибочно приписывавшихся Станкевичу: «Два мгновения», «Раскаяние поэта» и «Жаворонок». Подписанные буквой «С», они были опубликованы в «Телескопе» в 1836 г. (№ 9, стр. 24—25; № 11, стр. 298—300; № 14, стр. 159—161). Еще Анненков обратил внимание на эти стихотворения и безоговорочно приписал их Станкевичу («Русский вестник», 1857, № 1,

стр. 442—443). А. Станкевич включил их в свое издание. Между тем автор их — Н. М. Сатин. Это установила В. С. Нечаева в своей монографии «В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836—1841» (М., 1961, стр. 73, 356).¹

Следует «закрыть» еще одно стихотворение, приписывавшееся Станкевичу, — «Тайна пророка», которое было впервые опубликовано как принадлежащее Станкевичу в изд. Анненкова по рукописи Н. Г. Фролова. Фролов, в свою очередь, взял это стихотворение из тетради Н. В. Станкевича, собственноручно переписанное последним для Я. М. Неверова. На самом деле, как явствует из неопубликованных мемуаров Неверова, оно принадлежит А. И. Подолинскому.²

Стихи Красова печатались при его жизни на страницах «Телескопа», «Московского наблюдателя», «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок». Но издать стихотворения отдельной книгой Красов так и не успел. Это было сделано уже после его смерти П. Шейном в 1859 г. Материалом для этой книги послужили журнальные публикации поэта, а также рукописная его тетрадь, доставленная издателю родственником Красова В. А. Глаголевским. Десять стихотворений Красова было опубликовано в изд. П. Шейна впервые по рукописям. Ввиду того что рукописи эти утрачены, издание П. Шейна сохраняет значение единственного первоисточника для упомянутых десяти стихотворений, точнее — девяти, поскольку одно из них («С дарами чаша предо мной сияла...») появилось одновременно, или даже чуть раньше, в журнале «Развлечение» (1859, № 13). Заметим, что почти весь тираж этой книги сгорел, чудом уцелело лишь небольшое количество экземпляров.

Незначительная часть автографов стихов Красова все же сохранилась. И они позволяют не только уточнить тексты соответ-

¹ Дополнительные данные, абсолютно доказывающие авторство Сатина, нами обнаружены в письмах Сатина к Н. Х. Кетчеру. 26 февраля 1836 г. Н. М. Сатин писал Н. Х. Кетчеру: «Почему ты не печатаешь ни одних моих стихов? — Например, «Жаворонка»... и др.» В одном из последующих писем, озаглавленных «Антикритика», Сатин обстоятельно разбирает другое свое стихотворение — «Раскаяние поэта» (первоначальное название — «Resignation»). Он благодарит Кетчера за критические замечания о его стихах и просит столь же откровенно и впредь писать о них (ЛБ, М. 5185/33).

² «Станкевич, — как рассказывается там, — принес мне в подарок тетрадь своих стихотворений, переписанных собственноручно... В то время мне особенно нравилась пьеса Подолинского

Возьмите предвиденья дар
И дивную тайну возьмите,

которую я заставлял его часто читать мне и всегда слушал с особым наслаждением. По просьбе моей он и ее переписал собственноручно в этот сборник, — а г. Анненков, встретив ее там, принял ее за его пьесу и напечатал ее в своей книге как принадлежащую Станкевичу» (ГИМ, ф. 372, д. № 22, л. 28 об.).

ствующих его произведений, но и составить более ясное представление о характере его поэтической работы вообще.

После издания П. Шейна имя Красова снова оказалось прочно забытым. Лишь в 1959 г. в Вологде вышел сборник стихотворений Красова (подготовка текста, вступит. статья и примеч. В. В. Гуры). Избранные стихотворения Красова составили раздел сборника «Поэты 1820—1830-х годов» («Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1961).

В настоящем издании поэтическое наследие Красова представлено почти полностью. Кроме того, одно стихотворение («К чему ты, мрачное томлень? . . .») публикуется впервые, по автографу.

Вскоре после смерти К. С. Аксакова его брат Иван Аксаков задумал собрать и издать в шести томах все его литературное наследие. Причем третий том должен был включить в себя художественные произведения. Свой план Иван Аксаков не успел выполнить. Подготовленные при его жизни первые три тома сочинений К. Аксакова (М., 1861—1880) содержали в себе лишь исследования и статьи на исторические и филологические темы. Издание осталось незавершенным.

Стихотворения К. Аксакова при его жизни никогда отдельной книгой не печатались.¹ Исключение составляет изданная в 1858 г. драматическая пародия в стихах «Олег под Константинополем». Первый сборник стихотворений К. Аксакова вышел лишь в 1909 г. в Москве. Он включал в себя 27 стихотворений, опубликованных в свое время в различных периодических изданиях. В 1915 г. Е. А. Ляцкий, при содействии племянницы поэта О. Г. Аксаковой, предпринял издание нового собрания сочинений К. С. Аксакова, выпустив, однако, лишь первый том, куда вошли художественные произведения.

По архивным материалам Ляцкий подготовил к печати многие ранее неизвестные произведения К. Аксакова. Но следует заметить, что они были изданы им со множеством неисправностей — текстологических и всяких иных: он, например, включил в книгу стихотворение «Старый рыцарь», принадлежащее Жуковскому, сочинял за поэта концы недописанных строк, не всегда при этом даже огоривая свое вмешательство в текст, допустил массу ошибок в датировке произведений. Совершенно неудовлетворительным оказался научный аппарат этого издания.

Изъяны этого издания были столь очевидны и многочисленны, что их вынужден был признать сам Ляцкий. Едва эта книга вышла из печати, как он опубликовал в «Русских ведомостях» (1915, 27 февраля, стр. 7) письмо в редакцию, где сообщал, что среди выпущенных в свет экземпляров первого тома собрания сочинений

¹ В 1835 г. в примечании к стихам К. Аксакова Белинский писал в «Телескопе», что на нем лежит приятная обязанность обрадовать публику радостным известием, что «г. Эврипидин <т. е. К. Аксаков> издает полное собрание своих стихотворений» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 199). Это намерение не было осуществлено.

К. С. Аксакова «оказались экземпляры с листами, подлежащими перепечатке по допущенным в них недосмотрам редакционного и корректурного свойства». В том же 1915 г. вышло повторное издание того же тома. В него были внесены некоторые существенные исправления, но коренных недочетов оно устранить не могло. Поскольку титульные листы и выходные данные в обоих изданиях совершенно тождественны, отмечаем, что все наши ссылки на изд. Ляцкого, кроме случаев специально оговоренных, даются по изданию *исправленному* (оно содержит в себе 666 страниц, первое — 656).

В настоящем издании почти исчерпывающе представлен тот период в творчестве К. Аксакова, который связан с его участием в кружке Станкевича. Что же касается произведений Аксакова 40—50-х гг., то из них, учитывая характер данного сборника, помещены стихотворения, которые более или менее связаны с поэзией кружка Станкевича, а также некоторые другие, которые могут дать читателю представление об общей перспективе творческого пути поэта.

Архивные фонды К. Аксакова обширны и разбросаны в нескольких архивохранилищах, главным образом в ЦГАЛИ, ЛБ и ПД. Свыше пятидесяти его стихотворений публикуется впервые — по автографам или авторитетным спискам.¹ Аксаков часто переписывал свои стихи и никогда это не делал механически. В процессе переписки стихотворение подвергалось, как правило, различным исправлениям. Вот почему так велико количество различий между автографами. Установление точной хронологии написания некоторых произведений Аксакова связано со значительными трудностями, поскольку датировка одного и того же стихотворения в различных автографах далеко не всегда совпадает. Это еще более осложняло задачу, связанную с выбором окончательной редакции стихотворения, если оно сохранилось в нескольких автографах.

Поэтическое наследие Ключникова не только хуже всего изучено, оно до сих пор даже не собрано. Несколько его лучших стихотворений еще в XIX в. стали достоянием хрестоматий и сборников. Но никогда его стихи не были собраны в одну книгу, хотя такая мысль приходила в голову самому поэту (см. вступит. статью, стр. 49).

С сожалением приходится отметить, что до нас дошла лишь малая часть наследия этого неровного, но очень своеобразного и интересного поэта. Мы выявили, по-видимому, все, что было им при

¹ В сборник не включены следующие неопубликованные стихотворения К. Аксакова, автографы или достоверные списки которых нами обнаружены: ЛБ: «На утро дней, когда так звучно слышен топот...», «Хомякову», «Софье» («Тебе знаком был свет...»), «Николаю Александровичу Елагину», «Он...», «Ода на поездку И. С. Аксакова в Обоянь», «Терцины», «Мир во время бури», «Семисотлетие Москвы» (значительно более полный текст, чем в изд. Ляцкого); *Абрамцево*: «Софье» («Помню слово, помню святость долга...»); ЦГАЛИ: «А. Г. Карташевскому»; ЦГИАЛ: «К России».

жизни напечатано, и включили также в эту книгу четыре стихотворения, публикуемые нами впервые, по автографам или достоверным спискам.¹ Среди них, например, такое стихотворение, как «На смерть Станкевича».

Автографы ранних стихов Ключникова (периода кружка Станкевича) почти не сохранились. Что касается поздних его стихотворений, написанных через сорок лет после распада кружка, то сопоставление печатного текста и некоторых дошедших до нас автографов позволяет судить о существенной эволюции, вольной или невольной (может быть, в результате вмешательства цензуры), какую претерпевали иные из его стихотворений. Особенно примечательной в этом отношении является судьба обширного стихотворения «Новый год поэта», опубликованного на страницах «Русского вестника» в значительно усеченном виде.

Большинство произведений поэтов кружка Станкевича, вошедших в настоящий сборник, печатается по прижизненным публикациям (как правило — единственным), с исправлением опечаток и различных других неисправностей по всем известным рукописным источникам. Некоторые стихотворения Красова мы воспроизводим не по последним прижизненным публикациям в «Библиотеке для чтения», а по «Московскому наблюдателю» и рукописям, ввиду того что в данном случае «Библиотека для чтения» является не вполне надежным источником: см. об этом примеч. к стих. «Элегия» («Я скучен для людей...», стр. 563—564).

В примечаниях всюду даются ссылки на первую публикацию текста, а на перепечатки — лишь при том условии, если текст претерпевал какие-либо смысловые изменения. В случаях, когда в примечаниях нет специального указания о том, по какому тексту печатается то или иное стихотворение, следует иметь в виду, что оно приводится по первой публикации. Подпись указывается лишь тогда, когда стихотворение появилось в печати под псевдонимом; оговариваются также анонимные публикации. Исключение из этого правила составляет И. П. Ключников, поскольку подавляющее большинство его стихотворений печаталось под криптонимом «— Θ —».

Даты в угловых скобках обозначают год, не позднее которого написано то или иное стихотворение (как правило, это даты первых публикаций). Стихотворения, время написания которых установить не удалось, помещены в конце соответствующих разделов без дат.

Приношу сердечную благодарность Н. В. Измайлову, Е. П. Нелсенко, Н. П. Пахомову, К. В. Пигареву, М. Я. Полякову, Б. В. Смиренскому, а также сотрудникам ЦГАЛИ и рукописных отделов ЛБ, ПД, ГИМ, своими советами облегчившими работу над различными разделами этой книги.

¹ В этот сборник не включено приписываемое Ключникову стихотворение «У ворот сидела я...», рукопись которого хранится в ЛБ. Принадлежность его Ключникову ничем не подтверждается.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Абрамцево — Рукописный фонд музея Министерства культуры СССР «Абрамцево» (Московская область).

Барсуков — Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, тт. 1—22. СПб., 1888—1910.

БдЧ — «Библиотека для чтения».

«Б-ка» — «Бабочка. Дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития».

БКр — «В. Г. Белинский и его корреспонденты». М., 1948.

ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Изд. Анненкова — Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857.

Изд. Ляцкого — К. С. Аксаков. Сочинения, т. 1, редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. П., 1915 (экз. исправленный, 666 стр.).

Изд. 1809 г. — К. Аксаков. Стихотворения. М., 1809.

Изд. Шейна — В. Красов. Стихотворения. М., 1859.

«К—н» — «Киевлянин».

ЛБ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ЛГ — «Литературная газета».

ЛН — «Литературное наследство».

МН — «Московский наблюдатель».

МОГИА — Московский областной государственный исторический архив (Москва).

ОЗ — «Отечественные записки».

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) (Ленинград).

«Переписка Станкевича» — «Переписка Николая Владимировича Станкевича (1830—1840)», редакция и издание Алексея Станкевича. М., 1914.

ПссБ — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, тт. 1—13. М., 1953—1959.

РА — «Русский архив».

РВ — «Русский вестник».

РС — «Русская старина».

Сб. 1959 г. — В. И. Красов. Стихотворения. Вологда, 1959.

Станкевич, изд. 1890 г. — Николай Владимирович Станкевич. Стихотворения. Трагедия. Проза. М., 1890.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Н. В. СТАНКЕВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Надпись к памятнику Пожарского и Минина. Впервые — «Б-ка», 1829, 3 августа, стр. 247.

Экспромт. Впервые — «Б-ка», 1829, 3 августа, стр. 247. *Козлов* Иван Иванович (1779—1840) — поэт-романтик, переводчик, в 1821 г. ослеп.

На игру г-жи Остряковой. Впервые — «Б-ка», 1829, 25 декабря, стр. 411. *Острякова* — актриса воронежского театра. *Амалия* — героиня мелодрамы «Тридцать лет, или Жизнь игрока» В. Дюканжа и М. Дюно. В России пьеса была впервые поставлена в июне 1827 г., на петербургской сцене. *Аглава* — героиня комедии французского писателя Колина д'Арлевиля «Воздушные замки», переделанной на русские нравы Н. Ильиным (М., 1807). *В толпе цыган*. Имеется в виду музыкальный дивертисмент.

Луна. Впервые — «Б-ка», 1829, 10 июля, стр. 218—219. Французский оригинал не установлен. *Оссиан* — герой кельтского народного эпоса, живший, по преданию, в III в. в Ирландии; под его именем английский поэтом и филологом Д. Макферсоном был издан в 1760—1763 гг. сборник поэм, являющихся талантливым подражанием шотландско-ирландскому фольклору.

Стансы. Впервые — «Б-ка», 1830, 4 января, стр. 6—7. *Тимпан* — древний ударный музыкальный инструмент.

Прости! Впервые — «Б-ка», 1830, 25 января, стр. 31, за подписью: Н. С.

Отрывки из стихотворной повести. Впервые — «Б-ка», 1830, 22 февраля, стр. 63—64. Сохранилось письмо содержания благородного пансиона в Воронеже А. А. Попова от 9 марта 1830 г. к издателю «Московского вестника» М. П. Погодину: «Если между прекрасными стихотворениями Вашего «Московского вестника» может иметь место слабое произведение юного таланта, который страстно любит словесность и посвящает ей все свободные часы, то я смею утруждать Вас, милостивый государь, моею покорнейшею просьбою — поместить в Вашем издании прилагаемые при сем два стихотворения: «Весна» и отрывок из драматической повести «Царевна София». Г-н Станкевич, автор прилагаемых пьес, кончил курс в моем заведении и поступит скоро в Московский университет. До сих пор некоторые пьесы его были помещены в «Бабочке» и, сверх того, Московский цензурный комитет одобрил к напечатанию трагедию его «Василий Шуйский», который уже и печатается» (ЛБ, Пог. II, 26/40). Рекомендация эта успеха не имела: оба стихотворения Станкевича появились в «Б-ке». *Елена* (греч.

миф.) — Елена Прекрасная; согласно легенде, похищение ее Парисом послужило поводом к Троянской войне. *Наяда* (греч. миф.) — богиня рек. *Веспер* — по греческой мифологии, божество вечерней звезды, одно из имен планеты Венера.

Утешение. Впервые — «Б-ка», 1830, 29 марта, стр. 103.

Весна. Впервые — «Б-ка», 1830, 19 апреля, стр. 127—128. Печ. по «Б-ке» с уточнениями по списку ЛБ. См. выше примеч. к стих. «Отрывки из стихотворной повести».

Элегия. Впервые — «Б-ка», 1830, 4 июня, стр. 179—180, за подписью: Н. С.

Избранный. Впервые — «Атеней», 1830, № 8, стр. 118—130. *Веспер* — см. выше. *Мрежа* — рыболовная сеть.

Желание славы. Впервые — «Атеней», 1830, № 8, стр. 198.

Филин. Впервые — «Северные цветы на 1831 год». СПб., 1830, стр. 30—31. Иностранный оригинал не установлен. *Персть* — плоть.

Не сожалею. Впервые — «Молва», 1832, 30 августа, стр. 277, за подписью: Н. С. Эпиграф — из трагедии французского поэта и драматурга Жана-Батиста Легуве (1764—1812) «Смерть Авеля» (1792).

Ночные духи. Впервые — «Телескоп», 1831, № 8, стр. 470—473.

Кремль. Впервые — ЛГ, 1831, 31 января, стр. 54.

Песнь духов над водами. Перевод стих. Гете «Gesang der Geister über den Wassern» (1779). Впервые — «Северные цветы на 1832 год». СПб., 1831, стр. 147—148.

Бой часов на Спасской башне. Впервые — «Северные цветы на 1832 год». СПб., 1831, стр. 173.

На могилу сельской девицы. Впервые — «Сын отечества и Северный архив», 1834, № 16, стр. 560. Появление этого стих. в органе Булгарина и Греча вызвало резкий протест со стороны Станкевича. В открытом письме, адресованном редактору «Молвы», он сообщил, что никогда не посылал в редакцию «Сына отечества» своих сочинений, что стих. «На могилу сельской девицы» в числе ряда других, давно напечатанных в «Литературной газете» и альманахе «Северные цветы», было несколько лет назад направлено О. М. Сомову, и непонятно, какими путями это стих.

после его смерти попало в чужие руки. Станкевич писал далее: «Чтобы предупредить недоразумения людей, которым знакомы мои литературные мнения, я должен сказать, что стихи помещены в «Сыне отечества» без моего ведома и даже против моего желания: зная настоящую цену своим детским опытам, теперь я не решился бы их печатать» («Молва», 1834, № 20, стр. 310). Эту последнюю мысль Станкевич повторил и в частном письме к Я. М. Неверову: «Ты, верно, читал мои стихи в «Сыне отечества». Представь, что за штука? Без моего ведома дрянные старые стишонки! Завтра в «Молве» выйдет письмо мое, прочти № 19» («Переписка Станкевича», стр. 286).

Грусть. Впервые — ЛГ, 1831, 27 марта, стр. 146. Печ. по «Литературным прибавлениям к „Русскому инвалиду“», 1832, 26 марта, с уточнениями по автографу ГИМ. В кн.: Станкевич, изд. 1890 г. напечатано с искажениями.

Калмыцкий пленник. Впервые — «Молва», 1832, 16 сентября, стр. 297—298, за подписью: Z... Z... Стих., написанное Станкевичем совместно с Н. А. Мельгуновым (1804—1867), представляет собой пародию на бездарных сочинителей романтических поэм, эпигонов Пушкина и Баратынского.

Мгновение. Впервые — «Телескоп», 1832, № 6, стр. 173. В 1846 г. это стих. Станкевича с некоторыми незначительными перефразировками снова появилось в печати — в журнале «Репертуар и Пантеон» (1846, № 11, стр. 293), но за подписью некоего А. С<лавина>. И. И. Панаев на страницах «Современника» разоблачил плагиатора (1847, № 1, Смесь, стр. 70—71).

К месяцу. Перевод стих. Гете «An den Mond» (1777—1778). Впервые — «Телескоп», 1832, № 9, стр. 28—30. Положено на музыку А. Е. Варламовым.

Старая, негодная фантазия. Впервые — изд. Анненкова, стр. 355—356, по списку Н. Г. Фролова. Автограф — ГИМ.

Отшельник. Впервые — изд. Анненкова, стр. 356—357, по списку Н. Г. Фролова, неисправно. Печ. по автографу ГИМ.

Два пути. Впервые — изд. Анненкова, стр. 358—359, по списку Н. Г. Фролова. Автограф — ГИМ.

Раздумье. Впервые — изд. Анненкова, стр. 357, по списку Н. Г. Фролова.

Фантазия. Впервые — альм. «Денница на 1834 год». М., 1834, стр. 21, за подписью: Н. С. В списке Н. Г. Фролова (и изд. Анненкова) стих. озаглавлено «Мечта», а в ст. 7 вариант: «Глагол пронесется — он мертвых пробудит».

Песни. Впервые — изд. Анненкова, стр. 359—360, по списку Н. Г. Фролова. Автограф — ГИМ.

Я. М. Неверову. Впервые — Станкевич, изд. 1890 г., стр. 37—38. А. Станкевич сопроводил этот текст следующим примечанием: «Стихотворение это было поднесено автором Я. М. Неверову, когда тот только что кончил курс в университете и поступил на службу. К сожалению, г. Неверов, сообщивший мне это стихотворение, не мог припомнить его вполне». *Неверов* Януарий Михайлович (1810—1893) — университетский товарищ и один из ближайших друзей Станкевича, впоследствии — видный деятель народного просвещения. В связи с выходом в свет книги П. В. Анненкова о Станкевиче (1857) Неверов написал воспоминания о своем друге, до сих пор не изданные (ГИМ, ф. 372, д. № 22).

Слабость. Впервые — изд. Анненкова, стр. 361. Автограф — ГИМ.

Заветное. Впервые — изд. Анненкова, стр. 362—363, неисправно. Печ. по автографу ГИМ.

Подвиг жизни. Впервые — изд. Анненкова, стр. 361—362, неисправно. Печ. по автографу ГИМ. На обороте этого листа Станкевич написал Я. М. Неверову: «У меня немного стихов. Но два тебе выбрал. И только те, которые разоблачат перед тобою историю моей внутренней жизни в короткое время нашего пребывания вместе» (ГИМ, ф. 372, д. № 4, л. 13 об.).

На могиле Эмили. Впервые — альм. «Денница на 1834 год». М., 1834, стр. 127—128, за подписью: Н. С. Публикация этого стих. была сопряжена с немалыми цензурными трудностями. Как писал Станкевич Я. М. Неверову, «цензор делал такие смешные привязки, что едва можно верить; например, в одном месте я назвал человека *земным богом* и потом *прахом*; он говорит: как можно бога прахом называть? Между тем явно, что дело идет про человека» («Переписка Станкевича», стр. 265). В той же связи Станкевич 29 октября 1833 г. писал издателю «Денницы» М. А. Максимовичу: «Кой-как я переделал стих; Ваша поправка была лучше, но в этом случае она никак не может остаться. Вместо «бог земной», говорят, можно поставить «сын земной» или «И что б он ни был, бог земной», здесь он будет относиться к смертному в предыдущем стихе» («Русский филологический вестник», 1912, № 4, стр. 423; также — «Переписка Станкевича», стр. 746). Таким образом, начало шестой строфы в первой публикации, а также в кн.: Станкевич, изд. 1890 г. звучало так:

Пусть люди ждут судьбы со страхом,
И чем бы ни был сын земной...

Мы восстанавливаем доцензурную редакцию этих строк. Сюжет стих. был навеян Станкевичу одним эпизодом, невольным участни-

ком которого стал его университетский товарищ, украинец Я. И. Почека. Однажды он познакомился с шестнадцатилетней девушкой Эмилией Гебель, приемной дочерью известного в Москве музыканта Ф. К. Гебеля, учителя Станкевича по музыке. Прелестная, чистая девушка страстно влюбилась в Почеку и, не встретив с его стороны взаимности, от горя и душевных страданий быстро стала угасать. Обо всем этом Станкевич подробно рассказал в своем письме к Я. М. Неверову от 14 сентября 1833 г. («Переписка Станкевича», стр. 245—247). В связи с расследованием обстоятельств смерти Эмилии Гебель к допросу был привлечен А. И. Герцен, резко порицавший поведение Почеки (см. его письмо к Н. П. Огареву от 24 июня 1833 г. — А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. 21. М., 1961, стр. 14). *Миньона* — поэтический образ девочки, созданный Гете в «Годах учения Вильгельма Мейстера», — образ, который потом вдохновлял многих поэтов и композиторов. О стих. «На могилу Эмилии» много лет спустя вспомнил Тургенев в своей повести «Несчастливая» (1869); там упоминается некий студент-поэт, сочинивший это стихотворение.

Две жизни. Впервые — изд. Анненкова, стр. 360—361, по списку Н. Г. Фролова. Автограф — ГИМ. Станкевич, по словам Анненкова, в 1834 г. направил это стих. в «Молву», подписав его псевдонимом: В. Гирченко. На автографе есть помета: «Нижеподписавшийся просит о помещении в „Молву“». Но стих. там не появилось: не исклучено, что Станкевич в последний момент почему-либо раздумал печатать его.

«Вздымают ли бури глубокую душу...». Печ. впервые по черновому автографу ГИМ, с уточнениями по двум спискам ГИМ.

ЭПИГРАММЫ И ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Эпиграмма («Кутейник всех обрек с Парнаса на изгнание...»). Впервые — «Б-ка», 1829, 2 марта, стр. 70, за подписью: Н. С.ч.

Эпиграмма («Я знаю свет!...»). Впервые — «Б-ка», 1829, 9 марта, стр. 79, за подписью: Н. С.ч.

Эпиграмма («Есть русская пословица одна...»). Впервые — «Б-ка», 1829, 12 июня, стр. 188.

<На Каченовского>. Впервые — К. Аксаков. Воспоминание студентства («День», 1862, 6 октября, стр. 4; отд. изд. — СПб., 1911, стр. 25). Время написания этой эпиграммы обосновывается следующим замечанием К. Аксакова: «Станкевич перед своим выходом из университета вздумал как-то писать стихи к профессору, из которых я помню несколько» («Воспоминание студентства», стр. 24—25). Станкевич закончил университет в июне 1834 г. *Ка-*

ченковский Михаил Трофимович (1775—1842) — профессор Московского университета, историк, глава так наз. «скептической школы» в русской историографии, журналист; см. о нем также стр. 598—599.

<На Снегирева>. Впервые — К. Аксаков. Воспоминание студентства («День», 1862, 6 октября, стр. 4; отд. изд. — СПб., 1911, стр. 25). Это стих. датируется так же, как и предшествующее. В списке ГИМ озаглавлено: «К Н. Н.». *Снегирев* Иван Михайлович (1793—1868) — профессор Московского университета, историк и этнограф. *Ему — в три фунта табакерка*. Студенты выпускного курса решили в складчину поднести профессору М. Т. Каченовскому золотую табакерку.

Януарию Михайловичу и Тимофею Николаевичу, отправляющимся наслаждаться жизнью. Впервые — сб. «Воронежская литературная беседа». Воронеж, 1925, стр. 31, с пропуском ст. 7. Печ. по черновому автографу ГИМ. Написано в Берлине. Датируется по письму Станкевича к родным от 11 ноября/30 октября 1837 г.: «На днях приехал сюда из Парижа Сергей Строев, он хочет тоже пробыть в Берлине месяца четыре...» («Переписка Станкевича», стр. 28). Первые две строки — из стих. А. В. Кольцова «Совет старца». *Януарий Михайлович* — Неверов (см. выше примеч. к стих. «Я. М. Неверову», стр. 557). *Тимофей Николаевич* — Грановский (1813—1855). *Строев* Сергей Михайлович (1814—1840) — университетский товарищ Станкевича, член его кружка, историк, в Берлине был в 1837—1838 гг. *Колоссей* — в письме Станкевича к М. А. Бакунину из Берлина, от 21 февраля 1838 г. говорится: «Тут есть Colloseum, собрание, в котором танцует всякий сброд. Неверов сочинил вальс, теперь кладет его для оркестра, и учитель его, Николай, обещает ему, что этот вальс будет сыгран в Колоссеуме — следовательно, он сочинитель для всякого сброда» («Переписка Станкевича», стр. 657—658). *Квантитет* — буквально: количество; здесь — в значении философской категории.

Опять в Берлине. Впервые, с пропусками стихов 9—12 — изд. Анненкова, стр. 293. Печ. по списку ГИМ. Отточия в двух строках — в рукописи. *Ашерсон* — берлинский врач, у которого лечился Станкевич. *Барон Фриш* — знакомый Станкевича, умерший у него на руках в 1839 г. *Рибоьер* Александр Иванович (1781—1865) — видный сановник, дипломат, в 1831—1838 гг. — русский посланник в Пруссии. *Фроловы* — Николай Григорьевич (1812—1855) и Елизавета Павловна (ум. в 1840 г.) — близкие друзья Станкевича, в это время жившие вместе с ним в Берлине. *Герн* Альберт (1789—1869) — популярный комедийный актер берлинского драматического театра. *Штих* Клара (1820—1862) — артистка берлинского театра.

«Профессор будущий! преследуем судьбою...». Печ. впервые по автографу ЛБ. Вместо отточия — в рукописи четыре неудобных для печати строки. Написано в Берлине, адресовано, ве-

роятно, Т. Н. Грановскому. Стихотворное послание имеет следующий *post scriptum*: «Сочинено вчера. Если можно, пришли талер — 5 с штифельпуцером. Мне лучше, только кашляю. Ашерсон будет, чай, у нас обоих сегодня. Берегись и ты. Я еще остаюсь на день дома. Поцелуй твоих барышень и старайся всеми мерами сходить на двор. Я думаю, 2-я часть «Фауста» и «*Natürl<iche> Tochter*» (их тебе посылаю) — плохое чтение для больного. Я принялся за Гиббона, кроме того пою с Бертою дуэты. Нашел 4-ю часть «*Dichtung*» и «*Wahrheit*», существования коей не подозревал, читаю и ее; не хочу тебе послать, чтоб ты не гордился, что прежде меня прочел ее: ты уж и так знаешь чересчур много биографич<еских> подробностей. Прощай и помни: я отец твой. (Для вашего невежества нужно напомнить, что это слова из Тени «Гамлета»)» (ЛБ, фонд Герье). *Армидины сады* — здесь: чары любви; Армида — героиня поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»; она завлскала рыцаря Ринальдо на далекий остров, где по ее воле выросли прекрасные волшебные сады. *Берта* — приятельница Станкевича, с которой он дружил в Берлине (см. о ней в кн. Анненкова, стр. 181—183).

Послание к Я. М. Неверову по случаю печальных звуков, которые он извлекал из мусикийского струмента. Впервые — сб. «Воронежская литературная беседа». Воронеж, 1925, стр. 31—32. Черновой автограф — ГИМ. Печ. с купюрой стихов 17—20. Станкевич сообщил в феврале 1838 г. М. А. Бакунину: «Я написал очень острое послание к Неверову по случаю его музыкальных фантазий — прошу его не издавать жалобных звуков, и так грустно» («Переписка Станкевича», стр. 658). Это письмо дает основание датировать «Послание к Неверову...» началом 1838 г. *Неверов* — см. стр. 557. *Мусикийский* — музыкальный. *Квартальный* — полицейский, в ведении которого находился участок города — квартал. *Штифельпуцер* — чистильщик сапог. *Гаген* — Шарлотта фон Гаген (1809—1891) — известная комедийная актриса берлинского театра. *Фазон* и *Наполитан* — любимые собаки Станкевича. *Арендт* — врач в Гамбурге. В письмах Станкевича встречаем еще одно шуточное стих., адресованное Неверову:

Чудо-юдо! Длинный глист!
Посмотри на этот лист;
Он написан был при даме
Мной за фрюшником в Потсдаме;
Лист лежит передо мной,
А ее уж нет со мной!

(изд. Анненкова, стр. 248; см. также: «Переписка Станкевича», стр. 459).

«Дай руку мне, любезный Тимофей!..». Впервые — «Переписка Станкевича», стр. 477, из письма к Т. Н. Грановскому от 14 июня 1839 г. *Берта* — см. выше. *Ашерсон* и *Вольф* — врачи в

Берлине, у которых лечился Станкевич. *Гропиус* Карл Вильгельм (1793—1870) — художник, декоратор, открыл в 1827 г. в Берлине диораму. *Тиргартен* — обширный парк в Берлине. В письмах Станкевича есть еще одно шуточное четверостишие, адресованное Гравновскому:

Тимофей мой, Тимофей,
Голосистый Тимофей!
Чудеса ты всё творишь —
Нас ты со смеху моришь!

(изд. Анненкова, стр. 248; см. также «Переписка Станкевича», стр. 459).

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Впервые в отрывках — «Б-ка», 1830, 12 марта, стр. 83—84 (из д. 3, явл. 2 и 3); 15 марта, стр. 87 (из д. 4, явл. 7); 11 июня, стр. 187—188 (из д. 4, явл. 2 и 3). Полный текст вышел отдельным изданием в Москве, в 1830 г., с некоторыми исправлениями. В отдельном издании трагедия открывалась следующим посвящением: «Его превосходительству господину тайному советнику, сенатору, председателю Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете и орденов св. Анны 1-й степени, св. Георгия 3-го класса, св. Равноапостольного князя Владимира 3-й степени, прусского военного: за заслуги и св. Маврикия и Лазаря, кавалеру Александру Александровичу Писареву с глубочайшим почтением посвящает сочинитель». Далее следовало обращение к А. А. Писареву: «Ваше превосходительство, милостивый государь! Осмеливаясь поднести Вам первый мой опыт на поприще словесности, следуя чувствам глубокого к особе Вашей уважения, как председателю знаменитого европейского Общества и как покровителю отечественной литературы. — Снисхождение Вашего превосходительства к моему слабому труду поощрит меня к дальнейшим занятиям на поприще прекрасном и близком сердцу каждого истинного русского. Примите благосклонно сей несовершенный труд мой как слабый знак того душевного к Вам уважения, которым совершенно проникнут Вашего превосходительства покорнейший слуга Николай Станкевич». *Писарев* А. А. (1780—1848) — литератор, попечитель Московского университета, член Российской академии наук.

В основу своей трагедии Станкевич положил известные исторические события, подробно освещенные в т. 12 «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина и в других современных поэту источниках. Возглавив заговор бояр, *Василий Шуйский* (1552—1612) ловко использовал в своих интересах народное восстание против Димитрия Самозванца и после его убийства завладел московским престолом. Царствование Шуйского продолжалось всего несколько лет (1606—1610). События, изображенные в трагедии Станкевича, относятся к концу этого царствования. Вокруг Шуйского бояре плетут сети нового заговора. Устранение способного и мужественного

полководца М. В. Скопина-Шуйского, племянника царя, свершившееся 25 апреля 1610 г., ускоряет гибель самого Шуйского. Основная сюжетная канва разворачивается шестнадцатилетним автором трагедии в точном соответствии с исторической правдой. Пьеса Станкевича вызвала сочувственный отзыв на страницах ЛГ. Анонимный критик положительно оценил трагедию, хотя отметил и художественное несовершенство пьесы, отсутствие, например, в ней глубоких, сложных характеров, указал также на ряд языковых погрешностей. Рецензия кончалась выражением надежды, что если юного автора не оставят «терпение и страсть безослабно себя усовершенствовать», то от него можно в будущем ожидать «больших успехов» (ЛГ, 1830, 5 июля, стр. 16). *Рынды* — царские и княжеские телохранители-оруженосцы в XIV—XVII вв. *Брашно* — пища, кушанье. *Филарет* — Федор Никитич Романов (род. в 1550-х гг. — 1633), патриарх Московский и всея Руси. *Гермоген* (ок. 1530—1612) — патриарх Московский и всея Руси, ревностный сторонник Шуйского. *И под рукой презренной палача Трепещущий готов уж был к позорной казни*. Шуйский, подозревавшийся в заговоре против Лжедмитрия I, был приговорен к отсечению головы, но казнь в последний момент была отменена Лжедмитрием. *Воззри с небес, великий наш Донской!* Речь идет о великом князе Димитрии Ивановиче Донском (1350—1389), причисленном православной церковью к сонму святых. *Багряница* — царская мантия.

В. И. КРАСОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Куликово поле. Впервые — «Телескоп», 1832, № 19, стр. 309—311. *Донской* — см. выше.

К Уралу. Впервые — «Молва», 1833, 4 марта, стр. 105—106. *Мнишек* — имеется в виду Марина Мнишек (ум. 1614); после гибели Лжедмитрия II она обвенчалась с авантюристом, казачьим атаманом И. М. Заруцким, с которым бежала на р. Урал, где была схвачена яйцкими казаками и передана в руки властей.

Булат. Впервые — «Молва», 1833, 25 марта, стр. 141—142. *На корсиканского орла*. Речь идет о Наполеоне, уроженце о. Корсика. *Дай руку, К<оля>*. Имеется в виду Н. В. Станкевич.

Чаша. Впервые — «Молва», 1833, 17 июня, стр. 285—286. *Литва ворвалась* и т. д. — Имеются в виду события так называемого Смутного времени (нач. XVII в.).

Лира Байрона. Впервые — «Молва», 1833, 8 апреля, стр. 165. *Гелеспонт* — древнегреческое название Дарданелльского пролива; греки называли этот пролив «морем Геллы» — по имени дочери фессалийского царя Артомага Геллы. *Тимпан* — см. стр. 554.

Элегия («Не говорите ей: ты любишь безрассудно. . .»). Впервые — МН, 1838, ч. 18, стр. 141—142. Впоследствии эта элегия вместе с несколькими другими стихотворениями Красова была, по просьбе Белинского, переписана и преподнесена его невесте М. В. Орловой.

Элегия («Я скучен для людей, мне скучно между ними. . .»). Впервые — БдЧ, 1839, № 1, стр. 7—8, за подписью: Бернет. В тетради Красова, доставленной его родственником В. А. Глаголевским издателю П. Шейну, это стих. датировано 1834 г. За подписью Бернета в той же книжке БдЧ было напечатано еще два стихотворения — «Сон» и «Песня» («Не гляди поэту в очи. . .»). Псевдонимом «Е. Бернет» подписывал свои сочинения литератор Александр Кириллович Жуковский (1810—1864). История этой странной публикации стихов Красова в БдЧ за подписью Бернета такова. В свое время Красов предоставил в распоряжение Белинского целую тетрадку своих стихов для публикации их в МН. Но тетрадь была у Белинского похищена воспитанником Межевого института Н. Мартыновым, приходившим к критике, чтобы писать его портрет, и отправлена в редакцию БдЧ. По этому поводу Белинский писал 22 февраля 1839 г. И. И. Панаеву (см. ПссБ, т. 11, стр. 363). Три дня спустя Белинский снова пишет тому же Панаеву: «Представьте себе — какое горе: у меня украдена учеником Межевого института неким М. тетрадь стихов Красова и попала в руки Сенковского, который и распоряжается ею, как своею собственностью. Нельзя ли об этом наметнуть в «Литературных прибавлениях?»» (ПссБ, т. 11, стр. 364). Одновременно Белинский напечатал «Журнальную заметку», в которой обратил внимание читателей на бесцеремонное поведение БдЧ (ПссБ, т. 2, стр. 98). Но тем дело не закончилось. В № 2 БдЧ появилось еще пять стихотворений Красова: «Элегия» («С шумящим потоком, с весенней волной. . .»), «Разлука» («Пронесется ли буря мятежная. . .»), «Песня» («О, как сердце вдруг запало! . . .»), «Песня» («Прочь, прочь, ни слова! . . .») и «Панна» («Свидание у фонтана»). Сенковский сопроводил эту публикацию специальным примечанием. В нем сообщалось, что редакция получила в минувшем году «тетрадь прекрасных стихотворений без подписи» и что, судя по почерку, можно было полагать, что автором их является Бернет. Но Бернет заявил, что он никакого отношения к этим стихам не имеет. «Тем лучше! — не смущаясь, продолжал Сенковский. — Значит, мы имеем на Руси одним превосходным талантом больше. Жаль только, что не знаем, кого должны благодарить за удовольствие, доставленное читателям этого журнала, и нам в особенности. Незвестный поэт, без сомнения, не захочет долее скрывать своего имени, если это не противно его правилам. Для коощрения его к этому, мы помещаем здесь остальные пять пьес тетради — элегию, три песни и „Свидание у фонтана“» (БдЧ, 1839, № 2, стр. 55). В № 3 того же журнала появились еще три стихотворения Красова: «Еврейка Сара», «Элегия» («Когда порой, свободный от трудов. . .») и «Стансы к Дездемоне». Эти стихи, опубликованные прежде в МН, были подписаны именем автора. В № 3

МН Белинский выступил со статьей «Русские журналы», в которой, между прочим, коснулся неприглядной роли Сенковского в истории с публикацией стихов Красова на страницах БдЧ: «в трех книжках «Библиотеки для чтения» за нынешний год явилось одиннадцать прекрасных поэтических стихотворений. Это было загадкой для многих — только не для нас. Автор этих прекрасных стихотворений — г. Красов. У нас была тетрадь его стихов (единственный экземпляр), и мы были уполномочены поэтом брать из нее что нам угодно. Вследствие этого в «Наблюдателе» еще за прошлый год помещено было несколько стихотворений г. Красова, остальные дожидались своей очереди. Вдруг редакция «Наблюдателя» потеряла эту тетрадь, единственный список стихотворений, — писанных в продолжение нескольких лет. Вероятно, тот, кому тетрадь попала в руки, переслал ее в редакцию «Библиотеки» — и мы очень рады, что прекрасные стихотворения любимого и уважаемого нами поэта, утраченные для нас, не утратились для публики. На тетради в самом деле не было выставлено имени автора, — и поэтому в 1 № «Библиотеки» — «Элегия» (стихотворение, напечатанное, кажется, еще в «Телескопе» за 1835 год), «Сон» (нигде не напечатанное стихотворение) и «Песня» (напечатанная в 1 № «Наблюдателя» за прошлый год) явились с именем г. Бернета. В 11 № «Библиотеки» — «Элегия» и три «Песни», из которых последняя была напечатана в 5 № «Наблюдателя», явились уже совсем без имени, с примечанием редакции о получении тетради. Что же касается до трех стихотворений, напечатанных в 3 № «Библиотеки для чтения» с именем г. Красова, то они взяты не из тетради, а присланы в редакцию этого журнала самим автором, который, досадуя на долговременное непомещение своих стихотворений, прислал их к нам, вследствие чего прекрасная элегия «Когда порой, свободный от трудов...» помещена была еще в 10 № «Наблюдателя» за прошлый год. Из примечания редакции «Библиотеки» в 3 № видно, что тетрадь вся: жаль — значит, часть ее утрачена, потому что мы помним там много прекрасных стихотворений, особенно одно, называющееся „Клара Моврай“» (ПссБ, т. 3, стр. 125; см. также ПссБ, т. 4, стр. 195).

К *** («Зачем зовешь ее: „Бесстрастная...“»). Впервые — «Телескоп», 1835, № 7, стр. 389—390. В списке ПД варианты стихов 7, 9 и 6, 8 — от конца.

П е с н я («Взгляни, мой друг, — по небу голубому...»). Впервые — «Телескоп», 1835, № 7, стр. 390—391. Положено на музыку А. Н. Корещенко (романс) и А. Н. Шефером (мелодекламация).

З в у к и. Впервые — «Телескоп», 1835, № 8, стр. 498.

Г р у с т ь. Впервые — «Телескоп», 1835, № 8, стр. 498.

О н а... («Как радостен отцу возврат младого сына...»). Впервые — «Телескоп», 1835, № 8, стр. 499.

К *** («Она бежит играющих подруг...»). Впервые — «Теле-скоп», 1835, № 8, стр. 534—535. Печ. по ОЗ, 1843, № 8, стр. 229, где дано с исправлениями и без четырех последних стихов:

Он видел и молчал, ревнивый и мятежный,
В душе его прошла жестокая борьба...
Но он — поверь! — молил и пламенно и нежно,
Чтоб всё прекрасное дала тебе судьба!

«О! есть пронзительные стоны!..». Впервые — изд. Шейна, под названием «Стоны», стр. 173. Здесь, как и в сб. 1959 г., неверно отнесено к 1840-м гг. Печ. по автографу ГПБ, где стих датировано 1835 г. Красов предполагал напечатать его, а также стих. «К чему ты, мрачное томленье?..» в 1841 г. в ОЗ, под общим названием «Мелодии». Посылая А. А. Краевскому эти «две элегии», автор высказывал особую озабоченность судьбой первой из них — «старой»: «не знаю, пропустит ли ее цензура». Красов настоятельно просил издателя ОЗ сообщить, возможно ли ее напечатать: «уйдет ли жива от руки цензора» (ГПБ, ф. Краевского, № 391). По-видимому, опасения поэта подтвердились, и оба стихотворения напечатаны не были.

Первый выезд. Впервые — МН, 1839, ч. 1, стр. 13—14. Печ. по МН с исправлением опечатки в ст. 18 по автографу ЛБ.

Возврат. Впервые — МН, 1839, ч. 1, стр. 14—15. Датируется по автографу ЛБ. В МН дата обозначена неверно: 5 октября. Объясняя в письме к Белинскому происхождение этих стихов, Красов писал: «Я ехал на бал в первый раз по приезду в Киев. Вот сюда же относятся следующие, которые я полупьяный, полусонный набирал, возвращаясь домой» (БКр, стр. 108).

Песня («Не гляди поэту в очи...»). Впервые — МН, 1838, ч. 16, стр. 45—46, без стихов 25—28. Печ. по БдЧ, 1839, № 1, стр. 1—2, где дан полный текст за подписью: Бернет. И. И. Панаев высказал предположение, что стих. имеет в виду Пушкина. Белинский отвечал в этой связи Панаеву в письме от 10 августа 1838 г.: «Стихотворение Красова «Не гляди поэту в очи...» не относится ни к Пушкину и ни к кому...» (ПссБ, т. 11, стр. 261).

Дума. Впервые — МН, 1838, ч. 16, стр. 96—97. В письме к И. И. Панаеву от 10 августа 1838 г. Белинский отметил, что это стих. Красова «относится к Жуковскому» (ПссБ, т. 11, стр. 261). *Иегова* — одно из имен бога в Ветхом завете. *Тимпан* — см. стр. 554. *Цевница* — свирель.

Песня («Прочь, прочь, ни слова!..»). Впервые — МН, 1838, ч. 17, стр. 78—79. Положено на музыку А. Н. Корещенко.

Стансы к Дездемоне («Зачем так поздно ты явилась...»). Впервые — МН, 1838, ч. 18, стр. 362—363. Посылая в

1838 г. Белинскому ряд своих стихотворений, Красов заметил о «Стансах к Дездемоне»: «Это были мои задушевные стишки» (БКр, стр. 112).

Элегия («При сильных страданиях, при едкой печали...»). Впервые — ОЗ, 1840, № 10, стр. 230, где опубликовано с некоторыми неисправностями. Печ. по автографу ЛБ. Романовский С. П. (1817 или 1818 — 1865) — знакомый Красова.

Элегия («Когда порой, свободный от трудов...»). Впервые — МН, 1838, ч. 18, стр. 56. Это и два других стих. («Сара» и «Стансы к Дездемоне») Красов предполагал опубликовать лишь в БдЧ. Но послав рукописи в редакцию и не получая в течение четырех месяцев от нее ответа, Красов обратился с просьбой к Белинскому напечатать эти стихи в МН (см. БКр, стр. 112). Здесь они первоначально и появились, а спустя полгода с некоторыми разночтениями — в БдЧ. Ст. 7 в тексте МН звучит так: «И что-то схожее на прежнюю надежду». Печ. по автографу ЛБ. Положено на музыку неизвестным композитором. *Альдебаран* — звезда первой величины в созвездии Быка, имеющая ярко-красный цвет.

Сара. Впервые — МН, 1838, ч. 18, стр. 263—265; под названием «Еврейка Сара»; с разночтениями — БдЧ, 1839, № 3, стр. 5—7. Печ. по МН, датируется — по автографу ЛБ. Положено на музыку П. П. Булаховым.

Тени. Впервые — под названием «Тени из „Роберта Дьявола“ (Фантазия)» — «Галатей», 1839, № 51, стр. 481—482, с примеч. автора: «Чтобы объяснить некоторые слова в этом стихотворении, надобно вспомнить, что в «Роберте Дьяволе» говорится об одной обители, которой отшельницы все предали пороку». Печ. по «Репертуару и Пантеону», 1846, № 3, стр. 477—478, где дано с исправлениями и устранением цензурных искажений. «Роберт Дьявол» (1831) — популярная опера Мейербера, написанная на основе либретто Скриба.

Панна. Впервые — МН, 1839, № 2, стр. 27—30. Почти одновременно без имени автора под названием «Свидание у фонтана» и с незначительными разночтениями — БдЧ, 1839, № 2, стр. 60—63. Здесь после строки «Думаешь ли ты?» следуют строки:

В поздний час туманной ночи
Обо мне ль тоскуют очи,
Обо мне ль мечты?

Печ. по МН. В обеих публикациях ошибочно: «Тихо стонет у фонтана»; следует, видимо: «станет».

Мечта. Впервые — МН, 1839, № 3, стр. 7—8.

Сон. Впервые — БдЧ, 1839, № 1, стр. 8—11, за подписью: Бернет. Навяно мотивами одноименного стих. Байрона («The dream», 1816).

Элегия («С шумящим потоком, с весенней волной...»). Впервые — БдЧ, 1839, № 2, стр. 55—56, без подписи. См. выше примеч. к стих. «Элегия» («Я скучен для людей...»), стр. 563. В списке ПД стихи 23—33 в другой редакции:

О ком-то рыдая, кого-то звала,
 Каким-то недугом сгорая,
 Так быстро в могилу сошла!..
 Над гробом подруги подруга слезы не роняла,
 Лишь мать над несчастной рыдала
 И на труп охладелый ея
 Безжизненным трупом упала.

Разлука. Впервые под названием «Песня» — БдЧ, 1839, № 2, стр. 57—58, без подписи, с пропуском стихов 13—16. Печ. по ОЗ, 1840, № 3, стр. 3—4.

Песня («О, как сердце вдруг запало!..»). Впервые — БдЧ, 1839, № 2, стр. 58, без подписи.

Облако. Впервые — БдЧ, 1839, № 4, стр. 66—68. Здесь отсутствуют, вероятно по произволу О. И. Сенковского, авторские примечания. Печ. по автографу ПД. Красов очень дорожил этим стихотворением. В автографе есть его приписка, адресованная неизвестному лицу: «Неправда ли, как хороши стихи, прочти их Муравьеву; я думаю, что и ему понравится» (ПД, 2403/Хс).

Элегия («Спокойно всё, лишь ярко на лазури...»). Впервые — БдЧ, 1839, № 5, стр. 8—9.

Вечерняя звезда. Впервые — БдЧ, 1839, № 5, стр. 3—10. *Вечерняя звезда* — Венера. *Пафос* — город на о. Кипре, где у древних греков был храм в честь богини любви Афродиты.

Паж Генриха Второго. Впервые — БдЧ, 1839, № 5, стр. 10—12. *Генрих II* — английский король (1154—1189), умер внезапно, во время мятежа феодалов. *Нерон* (37—68) — римский император, отличался крайней жестокостью; впоследствии был низложен сенатом, бежал из Рима и покончил самоубийством.

Песня («Пронеслась, пронеслась моя младость...»). Впервые — «Галатейя», 1839, № 42, стр. 409—410. Печ. по ОЗ, 1840, № 12, стр. 289.

Степь. Впервые — «Галатейя», 1839, № 44, стр. 581.

Молитва («Хвала тебе, творец, хвала, благодаренье!..»).
Впервые — ОЗ, 1839, № 12, стр. 133.

К л а р а М о в р а й. Впервые — «К—н», 1840, кн. 1, стр. 124—126. Последняя строка пятой строфы исправлена по автографу ПД; в «К—не» явная неисправность. Еще в рукописи это стих. было известно Белинскому и получило его высокую оценку: см. выше примеч. к стих. «Элегия» («Я скучен для людей...»), стр. 563. Рецензируя через полтора года первую книжку «К—на», Белинский среди «особенно замечательных» стихотворений снова упомянул «проникнутую грустным чувством» «Клару Моврай» (ПссБ, т. 4, стр. 154). Много лет спустя вспомнилось это стих. и Тургеневу. В его повести «После смерти (Клара Милич)» (1883) содержатся следующие строки: «Незадолго перед тем он прочел роман Вальтер Скотта «Сен-Ронанские воды»... Героиня этого романа называется Клара Мобрай. Поэт сороковых годов Красов написал на нее стихотворение, оканчивающееся словами:

Несчастливая Клара! Безумная Клара!
Несчастливая Клара Мобрай!

Арапов знал также его стихотворение... И вот теперь эти слова беспрестанно приходили ему на память... «Несчастливая Клара! Безумная Клара!..» (Оттого он и удивился так, когда Купфер назвал ему Клару Милич)» (И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 8. М., 1956, стр. 408). *Карлгоф* Елизавета Алексеевна, которой посвящено стих., — жена В. И. Карлгофа, литератора, служившего в 1839—1840 гг. помощником попечителя Киевского учебного округа. *Тиррель* — один из героев романа Вальтер Скотта «Сен-Ронанские воды», страстно влюбленный в Клару.

Изв е с т и е. Впервые — «К—н», 1840, кн. 1, стр. 202—203. В рецензии на первую книжку «К—на» Белинский писал: «Но истинный перл стихотворной части «Киевлянина» — это «Известие», стихотворение г-на же Красова, все проникнутое мыслию и отличающееся художественною отделкою формы. Не можем удержаться, чтобы не выписать его...» (ПссБ, т. 4, стр. 154).

М е т е л ь. Впервые — «К—н», 1840, кн. 1, стр. 229. Навеяно стих. Пушкина «Бесы».

В р е м я. Впервые — ОЗ, 1840, № 2, стр. 157, с цензурными пропусками стихов 5—6. Печ. по ОЗ, 1840, № 11, стр. 13. Весной 1840 г. Красов в письме к Белинскому прислал новую редакцию того же стих., существенно отличающуюся от первоначального текста (ЛБ, М. 10779/10). В первоначальной публикации стихи 7—17:

Миры родились, расцвели пред тобою,
И ты указал им долины гробов!

И снова ты, хладный, ведешь поколенья,
 И пальма выходит из желтых костей,
 И юная прелесть, и сын вдохновенья
 Блещут и гибнут по волей твоей.
 Я видел — могучий боролся с тобою,
 И мир трепетал при ужасной борьбе,
 Твой гром разразился над смертной главою;
 Но в славном изгнании над дальней скалою
 Герой улыбался с презреньем тебе. . .

Муж века — Наполеон I.

О трубадуре Гелинанте и о прекрасной французской королеве Элеоноре. Впервые — ЛГ, 1840, 3 февраля, стр. 225—226. Стих. предназначалось для ОЗ, но цензор журнала не пропустил его (см. ПссБ, т. 11, стр. 445). *Филипп II Август* — король Франции (1180—1223). *Тому льстил шут Гораций*. Римский поэт Гораций (65—8 гг. до н. э.) одно время был придворным поэтом императора Августа. *Ричард I Плантагенет* — английский король (1189—1199). *Сарацины* — так в средние века европейцы называли арабов, а позднее — всех людей, исповедующих ислам.

Элегия («Когда душа скорбит, а сердце без желаний. . .»). Впервые — ОЗ, 1840, № 3, стр. 82. В 1840 г., в письме к Белинскому, Красов писал об этой «Элегии»: «Она вышла не совсем неудачно; ее можно, кажется, напечатать» (БКр, стр. 116).

Воспоминание. Впервые — ОЗ, 1840, № 3, стр. 83. *Наш бедный городок*. Имеется в виду г. Кадников, Вологодской губ., в котором прошло детство поэта.

Она («Я трепетно глядел в агат ее очей. . .»). Впервые — ОЗ, 1840, № 4, стр. 147—148.

Тоска. Впервые — ОЗ, 1840, № 4, стр. 211.

Стансы к Дездемоне («О, ты добра, ты — ангел доброты! . .»). Впервые — ОЗ, 1840, № 5, стр. 102. Белинский в письме к В. П. Боткину отзывался об этом стих. неодобрительно (ПссБ, т. 11, стр. 525). *Гурии* — в мусульманской мифологии вечно юные, поразительной красоты девы, служащие правоверным наградою в раю.

Прости навсегда. Впервые — ОЗ, 1840, № 5, стр. 103. Белинскому не понравилось это стих. Красова (см.: ПссБ, т. 11, стр. 525).

Веселая пеоня. Впервые — ОЗ, 1840, № 6, стр. 281.

Видение. Впервые — ОЗ, 1840, № 7, стр. 49. *Эдем* — мифическая страна, где, по библейской легенде, находился земной рай.

Песня («Ты долго ль, цветущей долины хранитель...»). Впервые — ОЗ, 1840, № 7, стр. 50—51.

Ave Maria. Впервые — ОЗ, 1840, № 8, стр. 150—151. «*Ave Maria*» — у католиков так называется одна из вечерних молитв; этими словами, по религиозной легенде, архангел Гавриил приветствовал богородицу Марию.

Вечер. Впервые — ОЗ, 1840, № 8, стр. 382. *Звезда вечерняя* — Венера.

Бабушка. Впервые — ОЗ, 1840, № 9, стр. 228.

Песня («Уж я с вечера сидела...»). Впервые — ОЗ, 1840, № 6, стр. 290, где опубликовано с опечаткой и без двух последних стихов, изъятых цензурой. С негодованием писал в этой связи Красов Белинскому: «Теперь послушай: за что так оторвали хвост моей песне в последнем № «Отечественных записок». И если это сделала цензура, — то зачем же после печатать? Зачем, наконец, такая гадкая несправность корректуры — напр., вместо «Топот в поле раздается» поставили: «Шепот». — Я прошу тебя сказать Краевскому, что если хочет он, чтобы я поместил еще хоть что-нибудь в его журнале, так вот ему непременно условие: ни одной пьесы моей не печатать (если цензура хоть одно слово не пропустит), не снесись со мною; смотреть, как следует порядочному человеку, за корректурой журнала, который взялся издавать» (БКр, стр. 115).

Флейта. Впервые — ОЗ, 1841, № 2, стр. 155. В мае 1840 г. Красов писал Белинскому: «У меня теперь готовы две новых пьесы: «Флейта» и «Песнь Лауры», но не пошло, пока не увижу, что ваш журнал научился читать корректуру, и впрочем, кажется, пошло их в „Библиотеку для чтения“» (БКр, стр. 116). См. выше примеч. к стих. «Песня» («Уж я с вечера сидела...»). Стих. все же вскоре было послано в ОЗ. Еще до его опубликования, 4 октября того же 1840 г. Белинский сообщал В. П. Боткину, что стихи Красова «Песня Лауры» и «Флейта» — «прелесть, чудо, объединение — хороши» (ПССБ, т. II, стр. 530).

Песня Лауры. Впервые — ОЗ, 1840, № 3, стр. 66. В письме к В. П. Боткину от 31 октября 1840 г. Белинский просит расцеловать Красова «за прекрасное, бесконечно-поэтическое сго «Прощание с молодостью» <по-видимому, первоначальное название «Песни Лауры»>, которое привез нам Кольцов». Белинский называет это стих. «объединением» и замечает далее: «А что он куплет «Не видели ль вы беса?» хочет уничтожить в начале пьесы — я в этом не согласен с ним и думаю, что пьеса должна и начинаться этим

куплетом, как и кончатся им» (ПссБ, т. 11, стр. 566). Красов не внял совету критика и упомянутый куплет оставил только в конце стих. *Севи́лла* — Севилья, город на юге Испании. *Гидальг* — испанский дворянин.

Октябрьский день. Впервые — ОЗ, 1840, № 4, стр. 210.

Русская песня («Ах ты, мать моя, змея-мачеха...»). Впервые — ОЗ, 1841, № 9, стр. 58—59, под названием «Песня». Печ. по автографу ЛБ. В журнальной публикации отсутствует ряд стихов, начало стих. читается так:

Ах ты, мать моя, змея-мачеха!
 Ты не бей меня, не позорь меня!
 Я пойду гулять, разгуляюся, —
 С молодым купцом повидаюся,
 И пойду гулять, наряжу себя,
 Уберусь ли вся по-бывалому:
 В косу длинную, в косу русую
 Заплету — вот так — ленту алую;
 У меня ль, молодой, грудь высокая,
 Глаза черные с поволокою,
 На белой груди шар-кольцо горит...

Направив в начале декабря 1840 г. Белинскому текст стих., Красов предупредил его, что он послал его не для печати, но лишь «для прочтения». И писал далее: «Намереваясь в непродолжительном времени печатать все свои стишонки сполна, я хочу поскорить по крайней мере хоть 10 пьес непечатанных — и эта будет в том числе; она поместится вслед за «Уж я с вечера сидела...». И я не думаю, чтоб скоро я послал что-нибудь новенькое из стихов в наш журнал, по выше упомянутой причине» (БКр, стр. 119).

Стансы («Ты помнишь ли последнее свиданье?..»). Впервые — ОЗ, 1841, № 1, стр. 47. Посылая в начале декабря 1840 г. Белинскому «Стансы», Красов просил поместить их в ближайшей же книжке ОЗ: «Это мне нужно по домашним, ах! по сердечным обстоятельствам, пожалуйста!» (БКр, стр. 116). Адресат не установлен.

Стансы к Станкевичу. Впервые под названием «Стансы к С — чу» — ОЗ, 1842, № 9, стр. 43.

Соседи. Впервые — ОЗ, 1841, № 3, стр. 48, где опубликовано с опечаткой в ст. 7. 10 января 1841 г. А. В. Кольцов писал Белинскому: «Красов написал две славные пески (с его письмом при сем посылаю), и, кажется, у «Соседей» последний куплет оторвать лучше, я его отчеркнул. Как лучше, так и сделайте» (А. В. Кольцов. Сочинения, т. 2. М., 1958, стр. 116). 1 марта 1841 г. Белинский через В. П. Боткина извинялся перед Красовым за неисправную публи-

кацию «Соседей» и обещал сделать поправку в опечатках (ПссБ, т. 12, стр. 27—28). *Пас* — пояс, кушак.

Пеоня («Взгляни на тучу! Слышишь гром?..»). Впервые — ОЗ, 1841, № 3, стр. 49.

Разуверение. Впервые — ОЗ, 1841, № 6, стр. 134.

Мелодии. Впервые — ОЗ, 1841, № 10, стр. 346.

Король. Впервые — ОЗ, 1841, № 12, стр. 182. Перевод стих. Гете «Der König in Thule» (1774). *Фула* — у античных писателей некая сказочная страна на далеком севере. Это стих. Гете перевели также Ф. И. Тютчев и А. Н. Струговщиков. Летом 1841 г. Красов писал издателю ОЗ А. А. Краевскому: «Посылаю Вам первый мой слабый перевод из Гете и вообще мой первый перевод. Вижу, что он слаб и не совсем удался, хотя я и чертил его с одушевлением. Этот проклятый Гете, и особенно в этой пьесе («Король в Фуле»), так чертовски краток, что никакой мочи нет ему подражать; притом же, некоторые там старые немецкие слова и обороты и эти проклятые сокращения, что так превосходно в оригинале и так вас переносит в простые, отдаленные времена, — все это в переводе должно было погибнуть неизбежно. Я старался хоть сколько-нибудь уловить дух этого удивительного произведения» (ГПБ, ф. Краевского).

Из Гейне. Впервые — ОЗ, 1841, № 12, стр. 308. Перевод стих. Г. Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht...» (1824) из цикла «Die Heimkehr».

Стансы («Опять пред тобой я стою очарован...»). Впервые — ОЗ, 1842, № 1, стр. 123. Положено на музыку неизвестным композитором.

Песня («Уж как в ту ли ночь...»). Впервые — «Москвитин», 1841, № 9, стр. 11—12. Посылая 7 июня 1841 г. М. П. Погодину «Песню», Красов предлагал издателю журнала свое сотрудничество в отделе прозы и поэзии. Он писал при этом: «Как старому своему наставнику, Вам признаюсь, что у меня есть за душой вещи довольно серьезные — литературные грехи, давно задуманные. В это лето и осень мне бы хотелось кое-что сделать порядочное. А то молодости уже след простыл; жизнь сурово требует ответа. Пора! Иначе придется под всем, что ни пишу, подчеркнуть: „Свой дар как жизнь — я тратил без вниманья“» («Литературная Воледа», 1959, № 5, стр. 241). Текст песни в первоначальной ее редакции вызвал у Погодина, по-видимому, какие-то существенные возражения, и он отказался ее печатать. 29 июля Красов писал ему в этой связи: «Ваше мнение, почтеннейший Михайла Петрович, о моей песне, что я «замахнулся да не ударил», совершенно верно. Из-под первого пера она, было, и вышла иначе; но мне чего-то показалось, что в

таким виде она не будет пропущена цензурой, и я, посылая ее к Вам, перечеркал. Притом же другая половина выходила слишком длинна, и интерес пьесы как-то странно двоился: мне становилось жаль и барина с чужой женой. Впрочем, там кой-какие стихи, кажется, были довольно удачны. Напр.:

А во тереме
На перинушке
Нежен сокол
С лебедушкой, —
Там тела лежат,
Тела мертвые,
И два личика
Словно облачком
Развитой косой
Принакрылися».

Красов создал новую редакцию «Песни». Отправляя ее, в том же письме, Погодину, он заметил: «Чувствую, что песня и в этом виде, как теперь ее к Вам посылаю, — слаба; но если бы Вы только знали все отвращение, с каким я переделываю свои поэтические грехи! Притом же мне теперь вовсе не до нее — столько нового за душой» («Литературная Вологда», 1959, № 5, стр. 241). В этой редакции «Песня» и была опубликована в «Москвитянине». Датируется по автографу ЛБ. Первоначально стих. было озаглавлено «Душа-молодец» и во второй своей части содержало значительные разночтения сравнительно с печатным текстом. После строк «Соколиный глаз Не прищуривал» стих. читалось так:

Не заря ж в ночи
Занимался —
Терема горят
Князя-барина...
Да по зареву
Что есть сил скакал
Из гостей домой
Душа-молодец.
Отчего ж в лучах
Сам усмехнется?
Через темной лес —
Расхохочется,
Али зслен бор
Откликается?..

(«Литературная Вологда», 1959, № 5, стр. 240).

Подражание восточному. Впервые — ОЗ, 1842, № 3, стр. 68—69. Печ. по ОЗ с уточнением по автографу ЛБ: в журнальной публикации, вероятно, опечатка: «Я в смятеньи и во сне» вместо «в огне». Красов пытался опубликовать это стих. еще в 1841 г. в

«Москвитянин». 5 сентября он писал М. П. Погодину: «Спешу послать для сентябрьской книжки Вашего журнала стихотворение только что конченное, еще горяченькое. Вот уже другая неделя, как я погрузился весь в чтение Библии. Многие места этой великой книги меня поразили своею дивною поэзией. Посылаю Вам переделку одного места из «Песни песней». Не осудите, каково состряпано: это только попытка» (ЛБ, ф. Погодина, II, 17/19). По неизвестным причинам Погодин не напечатал этого стих., и оно полгода спустя появилось в ОЗ, с незначительными авторскими исправлениями.

7 января. Впервые — ОЗ, 1841, № 4, стр. 261.

Ланкреон. Впервые — ОЗ, 1841, № 4, стр. 282.

«Скучны, други, под шатрами...». Впервые — ОЗ, 1841, № 5, стр. 93.

Старинная песня. Впервые — ОЗ, 1841, № 12, стр. 181.

«К чему ты, мрачное томленье?..». Печ. впервые по автографу ГПБ. Последние строки этого стих. совпадают с концом стих. «Как звуки песни погребальной...». См. выше примеч. к стих. «О! есть пронзительные стоны!..», стр. 565.

Ночной товарищ. Впервые — ОЗ, 1842, № 3, стр. 70. Положено на музыку П. М. Воротниковым.

Романс. Впервые — ОЗ, 1842, № 12, стр. 272. Стихи 3—4 неизвестны. *Кумир Пигмалиона* (греч. миф.) — прекрасная статуя юной красавицы, созданная легендарным скульптором Пигмалионом; он влюбился в это изваяние, и богиня Афродита, вняв его мольбам, одушевила статую, превратила ее в девушку, которую Пигмалион сделал своей женой.

Обыкновенная история. Впервые — ОЗ, 1843, № 1, стр. 70.

«Мечтой и сердцем охладелый...». Впервые — ОЗ, 1842, № 11, стр. 69.

«Свой век я грустно доживаю...». Впервые — ОЗ, 1843, № 2, стр. 299.

Послание Пенелопы к Улиссу. Перевод стих. «*Epistola prima. Penelope Ulixi*» римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н. э. — 17 н. э.) из его книги «Героиды» — цикла лирических посланий, сюжеты которых построены на мотивах гомеровского эпоса. Впервые — ОЗ, 1843, № 7, стр. 169—171. В основе

стих. — рассказ о возвращении на родину Улисса (Одиссея), царя острова Итака, оказавшего большие услуги грекам в Троянскую войну. Этот эпизод изложен в последней песне «Одиссеи». *Пенелопа* — жена Одиссея, во время двадцатилетнего его отсутствия сохраняла ему верность; идеал женского благородства, супружеской верности. *Троя* (Илион) — древний город в Малой Азии, известный по древнегреческому эпосу о Троянской войне. *Данайские девы* (данайды) — по древнегреческой легенде, пятьдесят дочерей аргосского царя Даная, убившие своих мужей и обреченные за это богами вечно наполнять водой бездонную бочку. *Приам* — последний царь Трои, отец Гектора и Париса. *Кросны* — крестьянский домотканый холст; затканый ткацкий стан. *Гектор* — предводитель троянцев во время Троянской войны, отважный патриот, павший в битве с греческим героем Ахиллом. *Антилох* — сын пилосского царя Нестора, сопровождавший отца в поход против Трои, друг Ахилла. *Менетиас* — вероятно, имеется в виду Менетий, отец Патрокла. *Триптолем* — жрец богини земледелия Деметры, погиб от стрелы ликийского царя Сарпедона, союзника троянцев. *Пергам* — древний город и государство в Малой Азии. *Аякс Теламонид* — один из героев Троянской войны. *Нестор* — пилосский царь, участвовал в войне против Трои, в литературную традицию вошел как тип умудренного опытом старца. *Рез* — фракийский царь, союзник троянцев, обладатель волшебных коней, от которых зависела судьба Трои. *Долон* — разведчик троянцев, схваченный Одиссеем и Диомедом; выведав у него местонахождение Реза, они убили царя и захватили его коней. *Пилос* — древний город в Греции. *Земля нелейская*. *Нелей* — царь пилосский, отец Нестора. *Икарий* — отец Пенелопы. *Пизандр*, *Эвримах*, *Антиной* — «женихи» Пенелопы, тщетно домогавшиеся ее руки. Среди них у Овидия назван еще *Медонт*. *Ир* — один из персонажей «Одиссеи», бродяга, вступивший в драку с Одиссеем, когда тот под видом нищего вернулся в свой дом. *Медантес* — вероятно, Мелантий, принявший сторону «женихов» Пенелопы и жестоко за это поплатившийся: был убит Одиссеем. *Лаэрт* — отец Одиссея. *Телемах* — сын Одиссея и Пенелопы.

Последняя элегия. Впервые — ОЗ, 1843, № 11, стр. 54.

Ф. Ф. Боденштедту. Впервые — РС, 1887, № 5, стр. 430. *Боденштедт* Фридрих (1819—1887) — немецкий поэт, историк литературы, переводчик произведений многих русских писателей на немецкий язык. В конце 1841 г. Ф. Боденштедт принял приглашение кн. М. Голицына, двоюродного брата московского генерал-губернатора, стать наставником-воспитателем его сыновей. С этим семейством Боденштедт прибыл в Россию и прожил около трех лет в Москве. Здесь он познакомился с Красовым, преподававшим в доме Голицына русский язык и литературу. Осенью 1843 г. отправился в Тифлис. В своих воспоминаниях Боденштедт рассказывает, что Красов попросил его взять под свое покровительство одну даму с ее горничной, отправлявшуюся также на Кавказ, по месту службы своего мужа. И далее Боденштедт сообщает: «Но лучшее, чем я

обязан моей спутнице, было маленькое стихотворение, которое В. И. Красов вручил мне на прощанье и которое без вышеприведенного рассказа было бы непонятно. Я привожу его здесь лишь с автографа, сохранившегося в моем альбоме...» (РС, 1887, № 5, стр. 430).

Романс Печорина. Впервые — «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 110—111.

М. П. Б. Впервые — изд. Шейна, стр. 171. Адресат стих. не установлен.

Песня («Он быстрее, он отважнее нагорных орлов...»). Впервые — изд. Шейна, стр. 172.

«Как звуки песни погребальной...». Впервые — изд. Шейна, стр. 173.

О ж и д а н и е. Впервые — изд. Шейна, стр. 175.

«Нас с тобой обручило несчастье...». Впервые — изд. Шейна, стр. 176.

Первая любовь. Впервые — изд. Шейна, стр. 177. Положено на музыку П. Щуровским.

«С дарами чаша предо мной сияла...». Впервые — «Развлечение», 1859, № 13, стр. 145, и почти одновременно — в изд. Шейна, стр. 179.

«Недаром же резвых подруг...». Впервые — изд. Шейна, стр. 180.

Жених. Впервые — изд. Шейна, стр. 181. Диана (римск. миф.) — богиня Луны.

«Как до времени, прежде старости...». Впервые — сб. 1959 г., стр. 144, где опубликовано по черновому автографу ПД.

«Стоят паликары кругом...». Впервые — «Москвитянин», 1854, № 18, Смесь, стр. 118—119, в некрологической статье «О кончине В. И. Красова», написанной в форме письма в редакцию. Незвестный автор сообщал об обстоятельствах смерти Красова и просил редакцию поместить его «последнее стихотворение». Заключительная строка в «Москвитянине» («Дружины царя Николая») исправлена по изд. П. Шейна, имевшего, вероятно, в своем распоряжении рукопись этого произведения. Паликары — так в Турции

назывались солдаты греческого или албанского происхождения, из которых формировались отряды наемников для охраны видных лиц. *Марафон* — древнее селение близ Афин, под которым в 490 г. до н. э. афиняне одержали над персами победу. *Фидий* (V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор, автор статуи Зевса для храма в Олимпии. *Парфенон* — храм в Афинах, возведенный в V в. до н. э. *Саламин* — остров в Эгейском море, у которого в 480 г. до н. э. произошло морское сражение между флотами Греции и Персии, закончившееся полным разгромом персов. *Фермопилы* — узкий горный проход, ведущий из Северной Греции в Среднюю. Во время греко-персидской войны здесь в 480 г. до н. э. произошла битва между наступавшими персами и охранявшими проход спартацами.

«Нескучное наскучило...». Впервые — «Русское обозрение», 1897, № 5, стр. 423, в мемуарном очерке П. Сбруева «Из воспоминаний о поэте В. И. Красове». Автор этого очерка и публикатор стихотворения — воспитанник кадетского корпуса, один из учеников Красова. В своих воспоминаниях он рассказывает, что воспитанники кадетского корпуса на лето уезжали в лагерь в с. *Коломенское*, расположенное в 12 верстах от Москвы. В 1854 г., перед отъездом на вакации, состоялись экзамены, которые принимал Красов. После экзаменов ученики попросили его прочитать какие-нибудь новые стихи и летом приехать к ним в гости в Коломенское. Красов обещал приехать и согласился прочитать тут же экспромтом сочиненное стихотворение: «Увидев, что он хочет говорить, — продолжает П. Сбруев, — я вырвал из своей тетрадки чистую страницу, наскоро схватил где-то карандаш и успел-таки записать стихи Василия Ива́новича, которые он экспромтом сказал нам. Стихи эти нигде не были напечатаны» («Русское обозрение», 1897, № 5, стр. 423). *Нескучное* — парк и место для увеселения в Москве, на берегу Москвы-реки. *Новинское* — бывший Новинский бульвар в Москве, где происходили гулянья. *Пресня* — район Москвы. *Сокольники* — район Москвы с обширным парком в центре. *Дерево Петра*. По преданию, в Коломенском рос дуб, посаженный Петром I.

К. С. АКСАКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ручей. Печ. впервые по автографу ЛБ. Это самое раннее из известных нам стихотворений К. Аксакова.

«На бой! — и скоро зазвонит...». Впервые — изд. Ляцкого, стр. 4.

К. Н. Н. («Что лучше может быть природы!..») Впервые — «Молва», 1832, 15 июля, стр. 225, за подписью: К. А.

К Н. И. Надеждину. Впервые — изд. Ляцкого, стр. 6—7, с отточием в 10-й строфе. *Надеждин* Николай Иванович (1804—1856) — критик, профессор Московского университета, издатель «Телескопа» и «Молвы». В начале 1830-х гг. Надеждин преподавал в Московском театральном училище. *Диаманты* — алмазы. *Самарин* Иван Васильевич (1817—1885) — воспитанник Московского театрального училища, позднее известный актер московской драматической труппы. *Григоровичева*, *Максин*, *Виноградова* — ученики того же училища.

Элегия («Безбрежное небо...»). Впервые — изд. Ляцкого, стр. 5—6.

«Я видел Волгу, как она...». Печ. впервые по автографу ЛБ.

«Зачем я не могу среди народных волн...». Печ. впервые по автографу ЛБ.

Воспоминание («Как живы в памяти моей...»). Печ. впервые по автографу ЛБ; здесь незачеркнутый вариант ст. 38: «Волнистые я помню».

Орел и поэт. Впервые — «Телескоп», 1835, ч. 29, стр. 238—239, за подписью: К. Эврипидин. Датируется по автографу ЛБ. Появившиеся в этой части «Телескопа» за 1835 г. новые стихотворения К. Аксакова («Степь», «Орел и поэт», «Гроза») пародировали выпсреннюю, цветистую лирику В. Г. Бенедиктова и особенно — присущую ей фальшивую многозначительность. Белинский сопроводил аксаковские стихи в той же книжке журнала пространным, написанным в шуточно-иронической манере, примечанием, направленным против С. П. Шевырева, который выступил на страницах «Московского наблюдателя» с неумеренно восторженной оценкой поэзии Бенедиктова. «Наши предчувствия не обманули нас, а наши пророчества не обманули публику: г. Эврипидин быстро идет вперед! Читатели могут видеть из этих четырех стихотворений всю силу, гибкость и разнообразие его могучего таланта. Желая испробовать себя во всех родах, он не забыл и *классического*, опыт которого есть его прекрасная баллада. Было время, когда баллада была передовою колонною юного романтизма и первая вышла на бой, держа в руках его победоносное знамя; но теперь она перешла в произведение чисто классическое, как в парламентах левая сторона переходит в правую. Итак, желаем нашему поэту не успеха, потому что в успехе мы не сомневаемся, а терпения, потому что классический род очень тяжелый и скучный. Смотря по роду и духу своих стихотворений, г. Эврипидин будет подписываться под ними разными именами, но с удержанием имени «Эврипидина», потому что, несмотря на все разнообразие его таланта, главный его элемент есть драматический; а собственное его имя останется до времени тайною для нашей публики, как оставалось долгое время

тайною для английской публики имя Вальтера Скотта. Но извините! заговорившись, мы и забыли было о главном: на нас лежит приятная обязанность обрадовать публику радостным известием, что г. Эврипидин издает полное собрание своих стихотворений. Любезный поэт, извещая нас особенным письмом о своем благом намерении, со всею тонкостью и деликатностью, свойственною истинному таланту, очень ловко дает нам сторону знать, что «он надеется на нашу благосклонность и дорожит нашим мнением гораздо более, нежели мнением всех татарских и иных наций критиков». Вот что отвечали мы г. Эврипидину: „Не беспокойтесь, любезный поэт, насчет нашего отзыва о ваших прекрасных стихотворениях: мы станем за вас горою, мы наденем на вас лавровый венок бессмертия во что бы то ни стало, хотя бы насчет здравого смысла. Мы докажем, как $2 \times 2 = 4$, что вы первый вносите в русскую поэзию и мысль и идею, что до вас в русской поэзии был век материализма и изящных форм, что сам Пушкин был когда-то примечателен только тем, что первый начал писать гладкими стихами, а теперь, когда уже все навострились писать гладкими стихами и когда являетесь вы, г. Эврипидин, и с гладким стихом на бумаге, и с глубокою мыслию в очах, и с чувством целомудрия на челе, теперь Пушкин должен занять место в ряду забытых и бездарных стихотворцев. Если же, сверх всякого чаяния, нам скажут, что мы судим слишком детски, что ваши стихотворения немного надуты, немного на ходульках, что в них видно не вдохновение, а одно умение, приобретенное навыком нанизывать звонкие рифмы на гладкие стихи без мысли и без чувства, что, одним словом, ваши прелестные стихотворения, г. Эврипидин, суть не больше, не меньше, как стихотворные игрушки, годные лишь для забавы «светских» людей, то таким крикунам мы ответим и коротко и ясно, что они *люди движения, люди беспокойные*, которым не сидится на одном месте, которым скучно, когда на улице нет драк и пожаров. Поверьте, любезный поэт, что такой «светский» ответ заставит замолчать всех крикунов, и венец бессмертия останется за вами!“ («Телескоп», 1835, ч. 29, стр. 241—243). Заметим, что оценка Белинским стихов К. Аксакова послужила поводом для специального выступления «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“». Критик А. Кораблинский (псевдоним А. Ф. Воейкова) опубликовал здесь заметку под названием «Забавы Виссариина господина Белинского». Автор заметки полностью перепечатал три стих. Аксакова («Степь», «Орел и поэт», «Гроза»), а также примечание Белинского, сопроводив все это своими язвительными комментариями. Главная претензия А. Кораблинского, не понявшего иронии Белинского, состояла в том, что, отрицая «лучезарное дарование» у такого поэта, как Бенедиктов, Белинский не имеет основания хвалить стихи К. Аксакова («Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», 1836, № 92 и 93, 14 ноября, стр. 738—740).

Куплеты Н. И. Н<адеждину>. Печ. впервые по автографу ЛБ. *Надеждин* — см. стр. 578. Об отношении университетской молодежи к профессору Надеждину см.: К. Аксаков. Воспоминание студентства. СПб., 1911, стр. 22.

Посвящение. Впервые — изд. Ляцкого, стр. 4—5. В беловом автографе ЛБ — разночтения, отсутствуют стихи 9—12. Датировка Ляцким этого стих. концом 1820-х гг. ошибочна. В том же беловом автографе ЛБ ясно обозначен 1833 г. Стих. имеет автобиографическое значение, свидетельствуя о раннем пробуждении у Аксакова интереса к Гомеру. Задуманный перевод «Одиссеи» осуществлен не был.

Отрывок из послания к Б<елецкому>. Печ. впервые по автографу ЛБ. *Белецкий* Александр Павлович (1815—ум. после 1841) — поляк по происхождению, участник «тайного польского литературного общества» в Москве (см.: М. Поляков. Студенческие годы Белинского. — ЛН, т. 56, 1950, стр. 390—394); в 1832—1835 гг. учился в Московском университете, на одном курсе с К. Аксаковым, с которым был весьма дружен. Рассказывая о своих отношениях с Белецким, Аксаков отмечал, что это «был человек очень образованный и умный, с глубоким сосредоточенным жаром, читавший с восторгом Мицкевича» («Воспоминание студентства». СПб., 1911, стр. 14).

Г. Теплову, Д. Топорнину, М. Сомину. Впервые (строфы 1—2) — К. Аксаков. Воспоминание студентства («День», 1862, 29 сентября, стр. 4). Полный текст — изд. Ляцкого, стр. 8. Черновые автографы — в ЦГАЛИ и ЛБ. Вспоминая обстоятельства, вызвавшие это стих., К. Аксаков писал: «Наш курс, впрочем, не очень был замечателен относительно личности студентов. Желая поскорее осуществить юношеское товарищество на деле, я выбрал четырех из товарищей, более других имевших умственные интересы, и заключил с ними союз. Это были Белецкий из Вильны, называемый обыкновенно паном, *Теплов*, *Дмитрий Топорнин* и *Сомин*. Я немедленно написал стихи друзьям, кажется — такого содержания. . .» Как сообщил далее Аксаков, Теплов положил эти стихи на музыку («Воспоминание студентства». СПб., 1911, стр. 14).

А. В. Г. («Как рано собралися тучи. . .»). Впервые — изд. Ляцкого, стр. 29—30, под неточным названием — «А. В. Б.» (в первом изд.), «А. В. В.» (в изд. исправленном); здесь же — неверная датировка. Печ. по автографу ЛБ. Автограф строфы 7 — в ПД. Адресат стих. не установлен.

«Я счастлив был во времена былые. . .». Печ. впервые по автографу ЛБ.

А. В. Г. («Чем в этот час в своей деревне дальней. . .»). Печ. впервые по автографу ЛБ.

Стремление души. Впервые — с некоторыми неисправностями — изд. Ляцкого, стр. 31—32. Печ. по автографу ЛБ.

Фантазия. Впервые — с некоторыми неисправностями — изд. Ляцкого, стр. 30—31. Печ. по автографу ЛБ.

«Когда, бывало, в колыбели...». Печ. впервые по автографу ЛБ.

Раздумье. Печ. впервые по автографу ЛБ.

Мечтание. Печ. впервые по автографу ЛБ.

«Да, я певал, когда меня манило...». Печ. впервые по автографу ЛБ.

Русская легенда. Впервые — «Телескоп», 1835, ч. 29, стр. 230—235, за подписью: К. Эврипидин-Бюргеров. См. примеч. к стих. «Орел и поэт», стр. 578—579.

Гроза. Впервые — «Телескоп», 1835, ч. 29, стр. 240—241, за подписью: К. Эврипидин. Автограф с незначительными разночтениями — в ЛБ. См. примеч. к стих. «Орел и поэт», стр. 578—579.

Степь. Впервые — «Телескоп», 1835, ч. 29, стр. 236—237, за подписью: К. Эврипидин. Датируется по автографу ЛБ. См. примеч. к стих. «Орел и поэт», стр. 578—579.

«Как много чувств во мне лежат глубоко...». Печ. впервые по автографу ЛБ.

Путь. Печ. впервые по автографу ЛБ. *Тэкла и Валленштейн* — герои драматической трилогии Ф. Шиллера «Валленштейн» (1796—1799); Тэкла — дочь Валленштейна, главнокомандующего имперскими войсками во время Тридцатилетней войны (1618—1648).

Тэкле.

1. «Прости, прелестное виденье!..» 2. «О, скажи мне, что с тобою?..». Печ. впервые по автографам ЛБ. *Тэкла* — см. выше. *Ты всё земное совершила* и т. д. — видоизмененная цитата из стих. Жуковского «Голос с того света», являющегося переводом стих. Шиллера «Thekla». 3. «Сбылись души моей желания...». Впервые — «Телескоп», 1836, № 11, стр. 338, за подписью: А. Печ. по этому тексту с уточнениями по автографу ЛБ. В 1836 г. Аксаков писал своей двоюродной сестре М. Г. Карташевской: Станкевичу «очень нравятся стихи к Тэкле; он не знал, что это мои» (ПД, 10.604/XV с. 1, л. 113).

Первая любовь. Печ. впервые по автографу ЛБ.

Возврат на родину. Печ. впервые по автографу ЛБ.

Думы. Печ. впервые по автографу ЛБ.

Воспоминание («Кто отдаст мне молодость, время незабвенное...»). Впервые — «Телескоп», 1835, № 12, стр. 465—466, за подписью: К. Эврипидин. Пародия на жеманно-сентиментальную манеру, присущую поэзии В. Г. Бенедиктова. Стих. было сопровождено примечанием В. Г. Белинского: «Наши читатели, верно, не забыли юного поэта г. Эврипидина, которого отрывок «Олег под Константинополем», помещенный в «Молве», доставил им такое удовольствие. Уведомляем почтеннейшую публику, что молодой поэт наш оставил кинжал Мельпомены и взялся за лиру. В самом деле, не успел он еще окончить своей прекрасной драмы, как мода на драмы уже упала вместе с падшею славою модных драматургов, а наш молодой поэт твердо решился не отставать от времени, и потому, пока еще не замолкли лиры новых певцов, недавно обративших на себя общее внимание и успевших, в самое короткое время, заслужить себе бессмертие, по единодушному приговору наших критиков, — он поспешил, как говорится, *взять свое*, пока не ушло время. И мы пророчим нашему скромному и юному поэту, что он непременно займет первое место между нынешними лирическими знаменитостями и что *другой венок* не замедлит украсить его победоносного чела» (ПссБ, т. 1, стр. 393). *Сатурн* (римск. миф.) — в данном случае бог времени.

Скала. Впервые — «Телескоп», 1835, № 12, стр. 467—469, за подписью: К. Эврипидин. В этом стих. также пародируются некоторые стилистические приемы, характерные для поэзии В. Бенедиктова. *Рамена* — плечи.

«Посмотри, милый друг, как светло в небесах...». Впервые без двух последних строф — изд. Ляцкого, стр. 20. Полный текст печ. впервые по автографу ЛБ.

Водопад. Печ. впервые по автографу ЛБ.

«Ангел светлый, ангел милый!...». Печ. впервые по автографу ЛБ.

«И вместе мы сошлись сюда...». Впервые — К. Аксаков. Воспоминание студентства. СПб., 1911, стр. 36. По словам К. Аксакова, было написано по просьбе проф. И. И. Давыдова к празднованию восьмидесятилетия со дня основания Московского университета в 1835 г.

«Как быстро годы пролетели...». Печ. впервые по автографу ПД. Сообщая в письме к М. Г. Карташевской эги стихи, К. Аксаков сопроводил их следующим примечанием: «Я написал еще прежде одни стихи, которые Вам неизвестны и которые не составляют целого, а так, сказались. Когда я вышел из университета и приехал в деревню, где мы проводили лето, Вы не можете себе представить, какая грусть, смешанная с отчаянием, овладела мною. Тогда я повторял эти стихи» (ПД, 10.604/XV с. 1, лл. 11—11об.).

«Скоро зимний ляжет путь...». Впервые — изд. Ляцкого, стр. 20—21, по автографу, местонахождение которого ныне неизвестно.

«Души безумные порывы...». Впервые — изд. Ляцкого, стр. 21. Автограф — в ЦГАЛИ.

Разговор. Печ. впервые по автографу ПД. Здесь без названия. В ряде списков, в том числе в тетради стихотворений К. Аксакова (ЛБ), озаглавлено: «Разговор».

«Целый век свой буду я стремиться...». Печ. впервые по автографу ПД. Датируется по списку ЛБ, из тетради стихотворений К. Аксакова. Важным комментарием к этому стихотворению является письмо К. Аксакова к М. Г. Карташевской, отправленное им в начале 1836 г., о споре, который он имел с А. Г. Карташевским: «Сейчас имел я сильный спор с вашим братцем, милая Машенька: он восстает против философии, и каким образом? — Я стал говорить, что только тот вправе заниматься философией, кто чувствует в себе потребность познать то, к чему стремится философия (философия задает себе и старается разрешить такие вопросы, до разрешения которых нельзя достичь никаким опытом: бог, бессмертие и т. д.). Кого мучили, волновали эти вопросы, тот только смеет коснуться философии. Саша сказал: почему? — Потому, отвечал я, что это основано на законах природы; в мире вещественном, равно как и в мире нравственном, везде мы видим, что за потребностью следует удовлетворение. Ты действуешь — вследствие потребности действовать; чувствуешь, предаешься поэзии — вследствие потребности чувствовать; учишься — вследствие потребности знать. Когда же ты делаешь что-нибудь не вследствие потребности, а из тщеславия или из другой какой посторонней причины, тогда ты делаешь себе насилие, поступаешь противуестественно, недобросовестно. Он согласился и сказал, что потребность разрешить философские вопросы не такова, как другие. Я хотел, чтобы он объяснил мне это, и из его объяснений я увидал, что он потребность эту не полагает врожденною человеку, но всегда произвольною, искусственною, пародией т. е. потребности. Это совершенно несправедливо; во-первых: пародия не может существовать сама по себе; она существует, если существует предмет пародируемый; например: можно сделать искусственный аппетит; но потому, что в самом деле существует и настоящий аппетит, а это будет только, т. е. злоупотребление аппетита. Если есть искусственная потребность знать тайны, открываемые философией, то есть и истинная потребность того же самого. Я не спорю, говорил я ему, что есть злоупотребления этой высокой потребности; не спорю, что есть люди, у которых она искусственна, отнимай ее у меня, если ты хочешь (это будет другой спор); но не отнимай ее у человечества; не говори, что она не врождена человеку вообще. Во-вторых: всякий дикий человек имеет понятие о боге; каким же образом он дошел до него? — Он увидал пред собою природу, и в нем родился вопрос: кто сотворил

все это? — Этот вопрос, не есть ли он потребность знать творца, начальное начало? Дикий скоро удовлетворил этой потребности ответом: бог. Видишь ли, что эта потребность основана на природе человеческой, и вследствие этой желаемой потребности философ задает себе тот же самый вопрос и идет к разрешению его, к той же цели только отдаленными путями. Наконец, в-третьих: я сам могу быть примером, что эта потребность не искусственна; мне представлялись эти неразрешимые вопросы против моей воли; я тогда боялся их, гнал их от себя; тут не было никакой посторонней причины; и так эта потребность обнаружилась во мне потому, что была врождена. Если ты не чувствуешь ее в себе, то зачем хочешь отнять ее у других; если она не сродна тебе, из этого не следует, чтоб она не была сродна человечеству; напротив, это самая естественная и высокая потребность духовного человека — я сказал тебе почему. Но несмотря на это доказательство, Саша, кажется, не согласился. Если мне случается и не убедить в споре, то он все-таки приносит мне ту выгоду, что мое собственное мнение становится мне яснее, и я, споря, нахожу такие доказательства, которые прежде не приходили мне в голову. Пришедши после спора в свою комнату, я сел и написал стихи; вот они» (ПД, 10.604/XV с. 1, лл. 22 об. — 24).

Пловец. Печ. впервые по автографу ПД. Посылая эти стихи М. Г. Карташевской, К. Аксаков писал ей: «Недавно как-то я так живо вспомнил Петербург, Аничковский мост, Литейную, Колокольную улицу. так живо вспомнил то время, которое проводил я там, у вас, — и мне сделалось грустно. Воспоминание всегда производит на меня такое действие, т. е. наводит грусть. Вникните в мои последние стихи, которые написал я Вам в предыдущем письме; они много высказывают мое внутреннее состояние. Вот еще, написанное прежде тех», — имеется в виду стих. «Да, я один, меня не понимают...» (ПД, 10.604/XV, с. 1, л. 35).

«Да, я один, меня не понимают...». Печ. впервые по автографу ПД. 13 апреля 1836 г. К. Аксаков переслал эти стихи в письме к М. Г. Карташевской, сопроводив их таким объяснением: «Вот стихи, написанные мною вчера, милая Машенька; они выразят то, что я хотел бы Вам сказать теперь прозою. (Впрочем, они так плохи, что в самом деле близки к прозе.)» (ПД, 10.604/XV, с. 1, л. 32 об.).

«В сумерки дева...». Печ. впервые по автографу ПД, датируется — по списку ЛБ, из тетради стихотворений К. Аксакова.

«Тяжело-тяжело на душе залегло...». Печ. впервые по списку ЛБ из тетради стихотворений К. Аксакова.

O, Sehnsucht. Печ. впервые по автографу ЛБ. В автографе после даты помета: «Владимирский дом, в Колокольной улице, тетенькина комната».

«Помнишь ли ты, помнишь ли ты?..». Печ. впервые по автографу ПД. «Вот еще мои стихи, которые Вам неизвестны (я их сам не хорошо припомнил)» — писал в начале 1836 г. К. Аксаков М. Г. Карташевской (ПД, 10.604/XV с. 1, л. 21 об.).

«Туда, туда! Иди за мною!..». Впервые — в тексте повести К. Аксакова «Жизнь в мечте» («Телескоп», 1836, № 10, стр. 185—186). Автограф — в ПД. Направляя М. Г. Карташевской эти стихи, К. Аксаков сообщал ей: «Повесть моя пишется. Вот Вам стихи из этой повести, смысл их не нов, они не важны и не хороши; но там они имеют значение» (ПД, 10.604/XV с. 1, л. 45).

«Тучи грозные покрыли...». Печ. впервые по автографу ПД.

«Мой Марихен так уж мал, так уж мал...». Впервые, с некоторыми изменениями в тексте, не принадлежащими К. Аксакову, — в сб. П. И. Чайковского «Четырнадцать песен для детей» (изд. П. И. Юргенсона. М., 1881). П. И. Чайковский написал музыку на это стих. под названием «Детская песенка. Мой Лизочек». Печ. по авторизованному списку ГПБ.

«О, если б можно было...». Впервые — изд. Ляцкого, стр. 21—22, по автографу, местонахождение которого ныне неизвестно.

«И вот мой путь. Он скоро предо мною...». Впервые — изд. Ляцкого, стр. 22—23, по автографу, местонахождение которого ныне неизвестно.

«Меня зовет какой-то тайный голос...». Печ. впервые по автографу ПД. Сообщая в начале 1837 г. в письме к М. Г. Карташевской по памяти текст этого стих., К. Аксаков заметил: «Я потерял эти стихи, милая Машенька, и тут недостает нескольких стихов» (ПД, 10.604/XV с. 1, л. 161 об.).

Молодой крестоносец. Впервые — изд. Ляцкого, стр. 23—26. Автограф — в ЦГАЛИ. В примечаниях к тому же изданию (стр. 640) приводится вторая редакция этого стих., в которой после совпадающей первой строфы следуют не вошедшие в окончательный текст строки:

Ясен свод над ним лазурный,
Тихо жизнь его летит,
Но зачем тревогой бурной
Вся душа его кипит?
Грустно стало, тесно воле —
Впереди отрядный бой,
Время — в путь, что медлить доле,
Крестоносец молодой.

Плащ крестовый знаменитый
Он накинул на плечо,
И горят его ланиты,
Сердце бьется горячо.
Кровь по жилам, будто лава,
Льется пламенной струей. —
Добрый путь тебе и слава,
Крестоносец молодой!

Перед ним, как друг желанный,
В очарованной дали
Край волшебный, край избранный,
Полный неги и любви,
Дышит весь, благоухает
Юга пламенной красой,
И трепещет и пылает
Крестоносец молодой.

Победителю наградой
Эта дивная страна,
И небесною отрадой
Грудь бесстрашного полна.
Скоро вспыхнет пламень стали...
Но всё тихо, кончен бой, —
Ты достиг своих желаний,
Крестоносец молодой!

Пьет из чаши он глубокой
И любви и красоты,
Перед ним страна <далеко>
Все рассыпала цветы.
Он блаженствует беспечно
Просветленную душой.
Будь же счастлив бесконечно,
Крестоносец молодой!

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — близкий друг К. Аксакова, его товарищ по университету и кружку Станкевича; впоследствии — известный общественный деятель, идеолог анархизма. *Понт* — здесь: море. *Сион* — священная гора в Иерусалиме.

«А прежде солнце мне светило...». Впервые — изд. Ляцкого, стр. 26—27, с существенной ошибкой. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано во время первого заграничного путешествия К. Аксакова. В автографе после даты помета: «Das Deutsche Haus» («Немецкий дом»).

«Далеко, далеко желанный приют...». Впервые — «Космополис», 1898, № 6, стр. 272. С незначительными вариантами напечатано в изд. Ляцкого, стр. 27—28. Печ. по «Космополису». Автограф — в ПД. Написано в Германии.

«Несутся, мелькают одно за другим...». Впервые — «Космополис», 1898, № 6, стр. 272. Автограф — в ПД. Написано в Германии.

Путешествие на Риги. Впервые — изд. Ляцкого, стр. 28—29. Автограф без подзаголовка — в ЦГАЛИ. *Риги* — гора в Швейцарии. Написано, очевидно, во время путешествия К. Аксакова по этой стране. В августе 1838 г. он сообщил своим родным из Люцерна: «Я объявил своим хозяевам о своем желании идти на Риги, высокую гору, лежащую на противоположной стороне озера, и вот, в воскресенье, в 2 часа утра, они разбудили меня...» Далее следует описание этого путешествия («Космополис», 1898, № 9, стр. 242).

ИЗ ШИЛЛЕРА

Тайна. Перевод стих. «Das Geheimnis» (1796). Впервые — МН, 1838, ч. 18, стр. 19—20. В кружке Станкевича К. Аксаков пережил сильное увлечение романтической поэзией Шиллера (см. вступит. статью, стр. 61—62).

Встреча. Перевод стих. «Die Begegnung» (1796). Впервые — МН, 1838, ч. 18, стр. 304—305.

Идеалы. Перевод стих. «Die Ideale» (1795). Впервые — МН, 1838, ч. 16, стр. 542—545. Автограф — в ЦГАЛИ. Переведено также В. А. Жуковским под названием «Вечер». В этом стих. Шиллер вспоминает свои юношеские романтические идеалы, отразившиеся наиболее полно в его ранних бунтарских драмах. *Пигмалион* — см. стр. 574.

К радости. Перевод стих. «An die Freude» (1785). Впервые — ОЗ, 1840, № 5, стр. 129—131, за подписью: К. А — в. Это одно из самых замечательных лирических стихотворений Шиллера, на слова которого Бетховен написал финальную часть Девятой симфонии.

Вечер. Перевод стих. «Der Abend» (1795). Впервые — МН, 1839, ч. 1, стр. 12. Переведено также А. А. Фетом. Белинский считал аксаковские переводы Шиллера гораздо слабее его же переводов из Гете, но делал исключение для «Вечера» — «художественного в оригинале и художественно переведенного» (ПссБ, т. 11, стр. 380). *Блестящий бог* — Аполлон (Феб) (греч. миф.). *Фемида* (греч. миф.) — богиня правосудия, дочь Геи (Земли) и Урана (Неба).

Борьба. Перевод стих. «Der Kampf» (1784). Впервые — изд. Ляцкого, по списку И. С. Аксакова, стр. 156—157. Переведено также А. Н. Майковым. Стих. обращено к Шарлотте фон Кальб, в которую одно время был влюблен Шиллер.

ИЗ ГЕТЕ

Новая любовь, новая жизнь. Перевод стих. «Neue Liebe — neues Leben» (1775). Впервые — МН, 1836, ч. 16, стр. 45—46. Это стих. было переведено также А. А. Фетом. Об интересе К. Аксакова к поэзии Гете см. вступит. статью, стр. 62—63.

На озере. Перевод стих. «Auf dem See» (1775). Впервые — МН, 1838, ч. 16, стр. 92—93. Работа К. Аксакова как переводчика Гете высоко была оценена Станкевичем, Белинским (хотя и с некоторыми оговорками), а также Чернышевским. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский писал: «Кроме стихотворений Кольцова в «Московском наблюдателе» помещались переводы из Гете и Шиллера г. К. С. Аксакова, которого надобно назвать одним из лучших наших поэтов-переводчиков. Мнение, иногда высказываемое ныне, будто стих этих переводов был тяжел, не совершенно основательно; нам кажется, напротив, что мало найдется таких прекрасных и поэтических переводов, как например следующая пьеса из Гете...» Далее Чернышевский целиком выписывает текст стих. «На озере» в переводе Аксакова и замечает вслед за тем: «Приводя это стихотворение, мы имеем целью не только представить доказательство, что не напрасно причисляем переводы г. К. Аксакова в «Московском наблюдателе» к произведениям, имеющим положительное достоинство: для нас «На озере» послужит поэтическим выражением самой характеристической особенности того мирозерцания, которое господствовало в „Московском наблюдателе“» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, стр. 200).

Утренние жалобы. Перевод стих. «Morgen-Klagen» (1788). Впервые — МН, 1838, ч. 16, стр. 268—270, за подписью: К. А. Переведено также А. А. Фетом. Оценивая искусство К. Аксакова-переводчика, Белинский осенью 1839 г. писал Станкевичу: «Аксаковские переводы из Гете («Бог и Баядера», «Утренние жалобы», «Перемена», «Лежу я в потоке на камнях», «Тишина на море») — больше нежели хороши — превосходны» (ПссБ, т. 11, стр. 380).

Магадэва и Баядера. Перевод стих. «Der Gott und die Bajadere» (1797), написанного по мотивам известной индийской легенды. Впервые — МН, 1838, ч. 17, стр. 16—19, за подписью: К. А. Почти одновременно с Аксаковым переведено П. Петровым, позднее — А. К. Толстым. *Магадэва* — великий бог, так называли индийское божество Шиву. *Баядера* — танцовщица. *Дроммет* — духовой музыкальный инструмент.

Тишина на море. Перевод стих. «Meeresstille» (1795). Впервые — МН, 1839, ч. 1, стр. 15—16.

Счастливы путь. Перевод стих. «Glückliche Fahrt» (1795). Впервые — МН, 1839, ч. 1, стр. 24.

Рыбак. Перевод стих. «Der Fischer» (1778). Впервые — МН, 1839, ч. 1, стр. 32—33. Переведено также В. А. Жуковским, Я. П. Полонским, А. А. Фетом, Н. П. Огаревым.

Певец. Перевод стих. «Der Sanger» (1772). Впервые — «Одесский альманах на 1840 год». Одесса, 1839, стр. 201—203. Переведено также А. Фетом, Ф. Тютчевым, А. Григорьевым. Белинский отрицательно оценил аксаковский перевод: «Но, ради аллаха, — писал он В. П. Боткину, — с чего ты взял, что переводы Аксакова положительно хороши, а не положительно дурны? Неужели это Гете? — чем же он выше Семена Егоровича Раича?» (ПссБ, т. 11, стр. 475).

Перемена. Перевод стих. «Wechsel» (1768). Впервые — МН, 1838, ч. 18, стр. 55, за подписью: Т — ь. Переведено также А. Григорьевым. Необычная для К. Аксакова подпись в журнале МН послужила поводом к тому, что перевод этого стих. долгое время приписывался Ф. И. Тютчеву и включался почти во все последующие собрания сочинений поэта вплоть до издания, осуществленного Г. Чулковым (тт. 1—2, М.—Л., 1933—1934). Между тем Е. Ляцкий напечатал «Перемену» по рукописи в своем издании соч. К. Аксакова (стр. 142). По-видимому, это обстоятельство не было замечено издателями Тютчева, а также Гете (см., например, его Собр. соч. в тринадцати томах, т. 1, М.—Л., 1932, стр. 60), продолжавшими и после издания Е. Ляцкого игнорировать авторство К. Аксакова. В 1932 г. В. М. Жирмунский в своем исследовании «Гете в русской поэзии» решительно высказался в пользу авторства К. Аксакова, предположив, что «подпись «Т — ь» основана на каком-то неясном для нас недоразумении» (ЛН, № 4—6, М., 1932, стр. 577). Остается добавить, что И. Ф. Масанов в своем «Словаре псевдонимов» (т. 3, М., 1958, стр. 160) подпись «Т — ь» объявил... совместным псевдонимом Тютчева и К. Аксакова. Замечательно, что Белинский, высоко оценивая ряд аксаковских переводов из Гете, выделил и стих. «Перемена» (ПссБ, т. 11, стр. 380). В качестве редактора МН и друга Аксакова он, конечно, не мог не знать, кто скрывался под псевдонимом «Т — ь». Не исключено, что этот необычный для Аксакова псевдоним мог явиться следствием простой типографской небрежности, вообще характерной для 18-й части МН, где появился этот перевод.

Спасение. Перевод стих. «Rettung» (до 1774). Впервые — изд. Ляцкого, стр. 142—143.

Пастух. Перевод стих. «Schafers Klage lied» (1802). Впервые — изд. Ляцкого, стр. 143.

Элегия. Перевод XIV элегии «Zunde mir Licht an, Knabe!..» из цикла «Romische Elegien» (1789). Впервые — изд. Ляцкого, стр. 144.

Посещение. Перевод стих. «Der Besuch» (1788). Впервые — изд. Ляцкого, стр. 144—146. Переведено также Н. Гербелем, А. Струговщиковым.

<Из «Фауста»>. 1. <Отрывок из «Пролога»> впервые — ОЗ, 1839, № 7, стр. 241—242; 2. <Монолог Фауста из первого действия> — «Москвитянин», 1841, ч. 1, стр. 61—62; 3. <Отрывок из первого действия> — ОЗ, 1839, № 8, стр. 1—2; 4. Песнь Маргариты — ОЗ, 1839, № 6, стр. 82—83. Отрывки расположены здесь в соответствии с последовательностью текста оригинала. Из всех этих отрывков Белинский выделил третий, перевод которого он назвал «прекрасным» (ПссБ, т. 11, стр. 375).

«Не говорить, молчать должна я...». Перевод стих. из романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1782—1784); им кончается пятая книга; это то стих., которое Миньона «не раз декламировала с большим чувством». Издавалось и отдельно под названием «Mignon» в ряду других лирических произведений поэта. Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ. В ноябре 1839 г. К. Аксаков писал С. Т. Аксакову: «Я не знаю, знаете ли Вы мой перевод, милый дражайший отесенька, который я сделал перед Вашим отъездом из Гете» (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 3, д. № 23).

Коринфская невеста. Перевод фрагмента стих. «Die Braut von Korinth» (1797). Впервые — изд. Ляцкого, стр. 146—148. Полностью переведено А. К. Толстым. *Церера* (римск. миф.) — богиня земледелия и плодородия. *Бахус* (римск. миф.) — бог вина и веселья. *Гимен* (Гименей) (греч. миф.) — бог брака.

ИЗ ГЕЙНЕ

«Как луна лучом пронзает...». Перевод стих. «Wie der Mond sich leuchtend dränget...» (1823) из цикла «Die Heimkehr». Впервые — ОЗ, 1840, № 9, стр. 226. Переведено также А. А. Фетом.

ИЗ ВЕТЦЕЛЯ

Стремление. Перевод стих. немецкого поэта Фридриха Готлиба Ветцеля (1779—1819) «Sehnsucht» из цикла «Leben und Liebe». Впервые — МН, 1839, ч. 2, стр. 8—9.

Ночное посещение. Перевод стих. «Nachtbesuch» из цикла «Leben und Liebe». Впервые — «Одесский альманах на 1840 год». Одесса, 1839, стр. 565—566.

Расставанье. Перевод стих. «Abschied» из цикла «Leben und Liebe». Впервые — изд. Ляцкого, стр. 159—160.

ИЗ МИЦКЕВИЧА

Песнь из башни. Перевод отрывка из третьей главы поэмы «Конрад Валленрод» (1827). Впервые — изд. Ляцкого, стр. 161—162. *Свенторог* — великий князь литовский, правивший во второй половине XIII в.; в его виленском замке был храм вечного огня, непрерывно поддерживавшегося жрецами. *Мендог* — гора под Новогрудком, названная так по имени великого князя литовского, освободившего Литву от чужеземного ига и в 1252 г. ставшего ее королем.

«Готовьте, топоры точите...». Печ. впервые по списку ПД, сделанному рукой Любови Сергеевны Аксаковой (1830—1867), младшей сестры поэта.

«Пускай другие там холодными стихами...». Печ. впервые по автографу ПД.

Две картины. Печ. впервые по автографу ЛБ. Направляя это стих. родным, К. Аксаков писал: «Вчера я сочинил стихи, теперь пишу два стихотворения — «Послание к Вергилию» (Станкевичу) и «Деревню». А вчерашние стихи выписываю вам, дражайшие родители; копия, они и не очень хороши» (ЛБ).

Толпе эмпириков. Впервые — «Молва». 1857. 14 декабря, за подписью: К. А. Первоначально в автографе ЦГАЛИ стих. было озаглавлено «Logik (Ю. Ф. Самарину)». В изд. 1909 г., а также в изд. Ляцкого стих. датировано неверно.

К идее. Печ. впервые по автографу ЛБ, из тетради «Стихотворений» К. Аксакова; на обороте заглавного, титульного листа этой тетради обозначено: «С 1842 (кажется) года, т. е. после времени исторического чувства, времени юности. *Время мужа*». К. Аксаков сопроводил стих. «К идее» примечанием: «В это время увлекала меня германская философия, несколько, однако, не заслоня земного дела, которому в служение хотел я принести философию и которому принес ее потом в жертву. Жертва была законна. Выраженье будет вернее, если я скажу, что живой голос народный освободил меня от отвлеченности философской. Благодарение ему». *Самарин* Юрий Федорович (1819—1876) — видный публицист славянофильского лагеря, близкий друг К. Аксакова.

А. Н. Попову. Впервые — РА. 1879. № 2. стр. 215—216. Автографы с разночтениями: черновой — в ЦГАЛИ, два белых — в ПД. *Попов* Александр Николаевич (1821—1877) — русский историк, был одно время близок к славянофильским кругам, в частности — к братьям Аксаковым. *Там жил герой Германии последний*. Имеется в виду Гегель (1770—1831).

«Страшная буря прошла...». Впервые — изд. Ляцкого, стр. 32. Автограф — в ЦГАЛИ. В автографе ЛБ вариант последних трех строк:

О, как вдали и вокруг
Тихой всё жизнью полно...
Ты улыбаешься, друг.

Первое мая. Впервые — неполный текст — РА, 1879, № 2, стр. 217—218, с подзаголовком: «А. С. Хомякову, в день его рождения»; в другой редакции — РА, 1897, № 5, стр. 143—144; РА, 1904, № 8, стр. 594—595. В первой публикации пропуски (13—14 и 31—34 стихов); две последующие — почти тождественны. Печ. по автографу ПД. Стихотворение написано по случаю дня рождения видного славянофильского деятеля, публициста и поэта, близкого друга К. Аксакова — Алексея Степановича Хомякова (1804—1860). В 1842 г. К. Аксаков писал А. Н. Попову: «...Я думаю, вы знаете, как Шевырев злился и нападал на Хомякова за то, что он с нами соглашается. После разговора с Шевыревым об этом и после дня рождения Хомякова (1-го мая) я написал ему стихи» (ПД, ф. 3, оп. 8, д. № 16, л. 6 об.).

Н. М. Языкову. Печ. впервые по автографу ЛБ. Стих. сохранилось еще в списке ЛБ. После ст. 16 здесь вставлено четверостишие:

Так! Мира, дерзки иль смиренны,
Нам с петербуржерами нет!
Добры иль злы, равно презренны,
Равно России гниль и вред.

После ст. 29 вставлено еще одно четверостишие:

Да! Верю, близкая победа,
Они уступят иль падут,
И той борьбы не будет следа,
И будет прав народа суд.

Стих., характерное своей славянофильской патетикой, представляет собой ответ на послание Н. М. Языкова «Константину Аксакову» («Ты молодец! В тебе прекрасно...»), в котором дана восторженная оценка Аксакова как политического бойца и песнопевца славянофильского лагеря. Вместе с тем Языков корит Аксакова за то, что тот нередко подает руку своим идейным противникам:

.Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь...
...Тому, кто нашу Русь злословит
И ненавидит всей душой
И кто неметчине лукавой
Передался...

Здесь был скрытый намек на дружеские отношения Аксакова с Т. Н. Грановским. В последних строках своего «ответа» Аксаков решительно отвел упрек Языкова. *Кто чтит тот град, народа бремя*. Имеется в виду Петербург, который славянофилы считали символом западничества. *Главк и Диомид* — герои «Илиады» Гомера; их встреча описана в шестой песне поэмы. Вспомнив, что их предки были некогда в дружеских отношениях, Главк и Диомид клянутся продолжать эту дружбу, обмениваются оружием.

Союзникам. Впервые — РА, 1879, № 2, стр. 216—217. Датируется по автографу ЛБ. В списке ЦГАЛИ вариант стихов 1—2:

Не то надежда на спасенье,
Не то дает огонь словам

Касаясь в письме к Ю. Ф. Самарину содержания этого стих., К. Аксаков разъяснял: «Последние восемь стихов могут относиться к петербуржцам, которые не хотят быть нашими союзниками, не переставая быть совершенно петербуржцами» (ЦГАЛИ, ф. 480, оп. 2, лл. 27—28 об.). *Мытник* — сборщик пошлин. *На всё озлобленный мордвин* — имеется в виду Ф. Ф. Вигель (1786—1856), видный чиновник, реакционер, был известен также своими доносами на Чаадаева, Герцена, Грановского, Языкова. *Писатель запоздалый*. Очевидно, имеется в виду реакционный литератор, поэт М. А. Дмитриев, писавший грубые стихотворные пасквили на Белинского и его идейных союзников. *Маржерет Жак* — французский авантюрист, приехал в 1600 г. в Москву, служил Борису Годунову, обоим Самозванцам, был изгнан из России, а затем перешел на службу к польскому гетману Жолкевскому; автор мемуаров о событиях Смутного времени.

Москве. Впервые — без эпиграфа и двух последних строк — «Москвитянин», 1845, № 2, стр. 108, и «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», 1845, т. 55, стр. 385—386. Печ. по изд. Ляцкого, стр. 56—57, где дан полный текст. Автограф — в ЛБ, с разночтением — в ЦГАЛИ. Эпиграф — из статьи Н. В. Гоголя «Петербургские записки 1836 года» («Современник», 1837, т. 6). *Столица с именем чужим* — имеется в виду Петербург.

Поэту — укорителю. Впервые — РА, 1879, № 2, стр. 218—220. В изд. Ляцкого стихи 29—32:

Легко мы всё свое забыли
И, недостойные вполне,
Название «Руси» уступили
Не изменившей стороне.

Написано в ответ на стих. А. С. Хомякова «Не говорите: „то былое...“» (РА, 1879, № 2, стр. 220—221). Полемика отражает неко-

торые малозначительные расхождения в славянофильских взглядах обоих поэтов. Характерно примечание И. С. Аксакова к стих. своего брата: «Интересно сопоставление этих двух пьес — К. Аксакова и Хомякова, этот поэтический поединок, этот живой спор двух друзей, так тесно связанных единством мысли и высоких нравственных требований. Оба гремят укорами, оба взывают к покаянию — и оба правы» (РА, 1879, № 2, стр. 218).

Д в а п р и я т е л я. Впервые — изд. Ляцкого, стр. 43—46. Список — в ЛБ, в тетради стихотворений К. Аксакова.

В о з в р а т. Впервые — «День», 1862, 1 января, стр. 3; с некоторыми разночтениями — РА, 1879, № 2, стр. 221—223; с новыми разночтениями — «Русь», 1881, 25 апреля, стр. 19. Печ. по беловому автографу ЛБ.

П е т р у. Впервые — «Русь», 1881, 3 января, стр. 19; с некоторыми разночтениями — РА, 1905, № 9, стр. 474—476. Печ. по автографу ЛБ. В тексте «Руси» (а отчасти и РА) стихи 5—12 от конца:

Народный дух поднимет крылья,
Отступников обнимет страх,
Созданья лжи, дела насилья
Падут, рассыплются во прах!
И вновь оправданный судьбою
Восстанет к жизни твой народ
С всею древнею Москвою —
И жизнь свободный примет ход.

Стих. отразило резко отрицательное отношение славянофилов к Петру I, реформаторская деятельность которого, по их мнению, оторвала Россию от исконных начал народной жизни и обратила на путь внешнего подражания Западу. В газете «Русь» стихи были сопровождаемы примечанием И. Аксакова: «Тридцать пять лет прошло с той поры, как написано это стихотворение, в свое время довольно известное. После такого промежутка времени, кажется, напечатание его не может уже смутить никого. Оно является любопытным историческим и биографическим документом и вовсе не претендует, да никогда и не претендовало, на какое-нибудь догматическое значение...» И. Аксаков сообщает также, что он внес в текст стих. «кое-где самые незначительные исправления некоторых небрежностей в выражениях».

Стихотворения в духе недавно прошедшей поэзии. Впервые — «Молва», 1857, № 37, 21 декабря, стр. 412—413, без подписи. Отрывки из этих стихотворений использованы в незаконченной повести К. Аксакова «Сцены из современной жизни» (изд. Ляцкого, стр. 305—306).

И. С. Аксакову. Печ. впервые по списку ЛБ, из тетради, озаглавленной «Стихи Константина <Аксакова>».

Сон. Впервые — «Русь», 1881, 24 декабря, стр. 20. В списке (ЛБ), сделанном рукой О. С. Аксаковой, — посвящение А. С. Хомякову, после второй строфы следующее четверостишие:

И скоро наступит торжественный день,
Где небо с Востока с землею
Сольется. — Давно уж там скрылася тень,
Сменившись румяной зарею.

Публикация в газете «Русь» сопровождается примечанием И. Аксакова: «Это одно из тех молодых стихотворений автора, которые были написаны им в период усиленных занятий русскими историческими летописями, актами и грамотами, в первой половине 40 гг.». В рукописи обозначена более определенная дата: «Апрель, 1846». Он видит Великий Народный Собор. — Мысль о необходимости созыва народного собора или веча была одним из центральных пунктов программы славянофилов.

«Безмолвна Русь: ее замолкли города...». Впервые — «Русь», 1881, 24 января, стр. 18. Печ. по автографу ЛБ. В «Руси» дано примечание И. Аксакова: «Эти стихи писаны 34 года тому назад. В то время ношение русской одежды лицами, принадлежащими к так называемым привилегированным сословиям, строго преследовалось. Преследование прекратилось только в 1856 г.»

С. М. Соловьеву. Впервые — изд. Ляцкого, стр. 65—67. Автограф без заглавия — в ЦГАЛИ. Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — русский историк, профессор Московского университета, автор 29-томной «Истории России с древнейших времен» (1851—1879). Мстиславов бранная Удалых чета. Имеются в виду Мстислав Владимирович Храбрый (ум. 1036), князь тмутараканский, и Мстислав Мстиславич Удалой (ум. 1228), князь торопецкий; оба прославились своей воинской доблестью. «Ты и я — магистр». К. Аксаков защитил диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» на звание магистра в марте 1847 г.

Н. Д. Свербееву. Впервые с сокращениями (без стихов 16, 25—32, 72—83) — «Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 г.», т. 2, СПб., 1862, стр. 173—174, под названием «К. Н. Н.», без подписи. Полный текст с некоторыми неисправностями — К. Аксаков. Воспоминание студентства. СПб., 1911, стр. 7—8. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В сб. «Вольная русская поэзия второй половины XIX века» («Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1959) включено как стихотворение неизвестного поэта с неверной датировкой. Свербеев Николай Дмитриевич (1829—1860) — литератор, близкий к кругу славянофилов.

«Я не знаю, найду ли иль нет...». Впервые — РА, 1890, № 2, стр. 325—326. В изд. Ляцкого — под названием «Идеал», с не-

значительными разночтениями и неверной датой. Датируется по списку ЛБ, сделанному рукой О. С. Аксаковой, из тетради «Стихотворения Константина <Аксакова>».

Гуманисту. Впервые — «День», 1861, 2 декабря, стр. 3—4; позднее — РА, 1879, № 2, стр. 223—224. В обеих публикациях, а также в изд. Ляцкого и изд. 1909 г. пропущены строки 33—36. Печ. по автографу ЛБ.

9 февраля. Впервые — изд. Ляцкого, стр. 76—79. Автограф — в ЦГАЛИ. В автографе «Абрамцево» — разночтение. Стих. здесь озаглавлено: «9 февраля 1848 года. Утро». Автор сопроводил это стих. следующим примечанием: «Последней части стихотворения не надо никак понимать в западном смысле. Напротив, борьба с Западом есть одно из главных. Кроме того, сам вопрос стал глубже и строже. Основное — есть дело нравственное, христианское. Надо помнить, что в русской жизни произносится: земское и божие дело».

Подлец. Печ. впервые по автографу ЛБ. Этот памфлет имитирует ритмику и фразеологию стих. Пушкина «Поэт» (1827). Направлен он, вероятно, против журналиста В. С. Межевича, который в 1834—1836 гг. сотрудничал в «Телескопе» и «Молве», был близок к Белинскому и всему кругу Станкевича. В начале 1839 г. он приехал в Петербург (в стих. Аксакова речь идет как раз о москвиче, переехавшем в Петербург). В начале 1840-х гг. Межевич перешел в лагерь Булгарина и Греча. Его бывшие друзья относились к нему как к перебежчику и подлецу. В октябре 1840 г. Белинский писал о нем В. П. Боткину: «В самом деле, он подозревается в таких поступках, которым позавидовали бы и Греч с Булгариным» (ПссБ, т. 11, стр. 568). В 1838 г. К. Аксаков писал родным: «Кукольник, Сенковский, Булгарин, Греч — вот знаменитые имена подлецов Российской империи» («Богословский вестник», 1915, № 9, стр. 36). Узнав о сближении Межевича с этими «подлецами Российской империи», К. Аксаков мог именно таким стих., как «Подлец», заклеить его.

Акростих. Печ. впервые по автографу ЛБ.

К Ю. Ф. Самарину. Впервые — изд. Ляцкого, стр. 41, без названия. Заглавие — по списку ЛБ (сделанному рукой матери поэта, О. С. Аксаковой), из тетради К. Аксакова «Стихотворения 1840—1846». *Самарин* — см. стр. 591.

Советы. Впервые — изд. Ляцкого, стр. 84—85. Черновой автограф — в ЦГАЛИ.

Луна и солнце. Впервые — Н. Гербель. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873, стр. 488—489. Намечалось к публикации в «Московском сборнике» 1852 г., который был запрещен со специальным повелением царя, чтобы сочинения сотрудников

этого «крамольного» сборника — К. и И. Аксаковых, Хомякова, Киреевского, Черкасского — представлялись для рассмотрения непосредственно в Главное управление цензуры, минуя Московский цензурный комитет. Вот почему, когда в ноябре 1855 г. в этот комитет поступило стих. К. Аксакова «Луна и солнце», он побоялся санкционировать его к печати и запросил Главное управление цензуры. 10 декабря 1855 г. оно «признало возможным разрешить печатание этого стихотворения» (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, д. № 3746, л. 4). Печ. по тексту цензурного экземпляра ЦГИАЛ. В списке ЦГАЛИ варианты нескольких стихов.

Новгород. Впервые — «День», 1862, 13 января, стр. 4. Авторизованный список под названием «К Новгороду» — в ЦГАЛИ.

Веселью. Впервые — «Молва», 1857, 13 апреля, за подписью: К. А. Печ. этот текст с уточнением по автографу ЦГАЛИ. Датируется по этому же источнику.

Свободное слово. Впервые — «Русь», 1880, 15 ноября, стр. 17. Два автографа — в ЦГАЛИ. Существует еще ряд автографов и списков со множеством частных разночтений.

Тени. Впервые — «Русь», 1880, 20 декабря, стр. 17. В списке ЛБ незначительные варианты. Под «*тенями*» имеется в виду высшая дворянская аристократия, оторванная от народных корней, чуждая основам национальной жизни.

«Я не знал, что солнце скинет...». Впервые — «Русь», 1880, 27 декабря, стр. 15—16. Печ. по автографу ПД. В тексте «Руси», как и в изд. 1909 г., третья строфа пропущена, а четвертая воспроизведена в другой редакции.

Весна. Впервые — «Молва», 1857, 7 декабря, стр. 396, без подписи. С разночтением — «Русь», 1880, 27 декабря, стр. 15. В «Руси» сопровождается примечанием И. С. Аксакова, где сказано, что стих. написано «по поводу некоторых признаков реакции. Новое царствование, как весна, обновило радость и надеждою всю русскую землю. Однако же вскоре затем показались как бы признаки возвращения к старым порядкам, смутившие общество...».

Разуму. Впервые — «Молва», 1857, 28 декабря, стр. 420, за подписью: К. А.

«Грустно видеть, как судьба порою...». Впервые — «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1915, т. 20, кн. 1, стр. 365—366. Публикатор этого стих. Н. Петровский воспроизвел его с корректурного оттиска первого (и в свет не вышедшего) номера газеты «Молва» за 1858 г.; стих. в корректуре подписано: К. Аксаков.

Ерш. Впервые — по списку И. С. Аксакова альм. «Сегодня», 1926, № 1, стр. 138.

А. П. Ефремову. Печ. впервые по автографу ЛБ. *Ефремов* Александр Павлович (1814—1876) — товарищ Аксакова по Московскому университету и кружку Станкевича, впоследствии профессор всеобщей географии в университете.

ОЛЕГ ПОД КОНСТАНТИНОПОЛЕМ

Впервые опубликовано в 1858 г. в Петербурге отдельным изданием. Небольшой фрагмент этого произведения (вид 3-й, действие 2-е) с подзаголовком «Отрывок из большой неоконченной трагедии» появился в «Молве» (1835, № 27—30, стр. 3—9) за подписью: «К. Эврипидин. Село Деревянный Кинжал, 1834, февраля 13 дня». Сравнительно с последующей публикацией фрагмент содержал в себе значительные разночтения. «Отрывок» был сопровожден следующим примечанием Белинского: «Уведомляем почтеннейшую публику, что один молодой человек с необыкновенным поэтическим дарованием оканчивает в часы досуга большую романтическую трагедию, в 5 действиях. Сюжет ее взят из отечественной истории (источником служила «История Государства Российского» Карамзина); характер чисто народный, русский, ибо вследствие глубоких соображений молодого автора, когда пьеса будет даваться на театре (что очень скоро совершится), персонажи будут даваться с бородами, в зипунах и лаптях (источником служил Нестор). Хотя трагедия и носит название «Олег под Константинополем», но истинный герой ее есть Игорь, коего *фантастический* и *колоссальный* образ основан на четырех могучих чувствах: любви к своему народу, идеальной любви к одной неземной деве, любви к войне и, наконец, падкости к грабежу. К чести сего произведения, которого большую часть мы слышали из уст скромного автора, скажем, что оно не только не напоминает, как многие русские сочинения в сем роде, «Разбойников», но и не похоже нимало ни на одно из творений Шиллера: наш автор хочет быть совершенно оригинальным, ибо пора безусловной подражательности уже миновалась для русской литературы» (ПссБ, т. 1, стр. 221). Аксаков начал писать свою драматическую пародию в середине 30-х гг. и закончил ее, как свидетельствует помета на рукописи ЦГАЛИ, 28 августа 1839 г. В начале 40-х гг. Аксаков предполагал опубликовать свою пьесу в альманахе И. Е. Великопольского. Об этом А. В. Кольцов подробно рассказал в письме к Белинскому от 10 января 1841 г. (А. В. Кольцов. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1958, стр. 115—116). Пьеса Аксакова своим острием была нацелена на противников так наз. «скептической школы» профессора Московского университета М. Т. Каченовского (1775—1842), почитателями которого были Станкевич, Аксаков, Строев, а одно время — и Белинский,

писавший в «Литературных мечтаниях», что «настоящее поколение, чуждое воспоминаний старины и предубеждений авторитетов, горячо приняло исторические мнения г. Каченовского» (ПссБ, т. 1, стр. 88). В своих работах и лекциях по русской истории Каченовский первым выступил с резкой критикой устарелых историографических концепций ученых историков XVIII в., а также «Истории Государства Российского» Карамзина, призывал освободиться от гипноза авторитетов, тщательно проверять степень их фактической достоверности. Каченовский полагал, что сохранившиеся подлинные документы по русской истории — не древнее XII в. Все же предшествующие события не могут быть точно документированы, ибо относятся к «баснословному времени в российской истории». В университетской аудитории Каченовский пользовался большой популярностью. Под руководством профессора студенты писали статьи, развивавшие его идеи и печатавшиеся в «Ученых записках». Студент Станкевич, например, написал работу, озаглавленную «О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III», в которой подверг сомнению документальную достоверность русских летописей, считая их ненадежным историческим источником. Такого рода сочинения вызвали к себе резко отрицательное отношение со стороны противников школы Каченовского, например М. П. Погодина. «Читал с досадою выходки молодых глупцов об «Истории», — записывает Погодин в своем дневнике. — Я начинаю и начну преобразования в русской истории, а они говорят о Каченовском, который долбит им только без всякого основания: «не верьте. Досада» (Барсуков, т. 4, стр. 218). Идеями «скептической» школы Каченовского был одно время сильно увлечен и К. Аксаков. Под их влиянием он и написал свою «драматическую пародию», в которой, по его словам, «преувеличил до крайности мнения противников, представив Олега государем эпохи развитой и просвещенной», а кроме того — осмелел «стихотворные идеализации истории», нередко встречавшиеся в иных «патриотических драмах», вроде пьес Н. В. Кукольника. Осознав впоследствии ошибочность многих взглядов Каченовского, К. Аксаков, однако, полагал, что его пьеса не утратила определенного исторического и литературного интереса.

В первой книжке «Современника» за 1859 г. Добролюбов поместил рецензию на драматическую пародию К. Аксакова, содержащую критическую оценку этого произведения. Добролюбов писал, что по содержанию и форме своей «пародия не может назваться очень удачною» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1935, стр. 441).

Действие 1. *Лета* (греч. миф.) — река забвения. *Рамена* — плечи. *Капитолий* — в Древнем Риме холм, на котором были воздвигнуты храмы в честь Юпитера, Минервы и Юноны; здесь — памятник славы. *Оссиан* — см. стр. 554. *Дивные твои дела постыдным омрачит сомненьем* и т. д. — намек на профессора Каченовского. **Действие 2.** *Мы яростно бились, мы бились жестоко* и т. д. — реминисценция из стих. Н. М. Языкова «Песня короля Регнера». *Геллеспонт* — см. стр. 562.

И. П. КЛЮШНИКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Медный всадник. Впервые — МН, 1838, ч. 18, стр. 190—193. Белинский отрицательно отнесся к этому стих. Ключникова. «Я сказал ему, — вспоминал он в 1840 г. в письме к Станкевичу, — что его стихотворение к Петру не то что пакость, а только не художественное произведение, — вышла история, с объяснениями, экстазами...» (ПссБ, т. 11, стр. 395). Станкевич со своей стороны оценивал это стих. по-иному, считая его «особенно хорошим» сравнительно с другими стихами МН («Переписка Станкевича», стр. 431).

Элегия («Опять оно, опять былое!..»). Впервые — МН, 1838, ч. 16, стр. 567—568. *Война Троянская* — легендарное сказание о войне греков с троянцами, продолжавшейся десять лет; здесь — бесконечная распра.

Элегия («Есть сны ужасные: каким-то наваждением...»). Впервые — МН, 1838, ч. 17, стр. 76—77. *Быть или не быть* — слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира, незадолго перед тем с успехом поставленной в переводе Н. А. Полевого на сцене Малого театра. Стих. Ключникова напечатано в том же № МН, где появилась статья Белинского с разбором перевода Полевого.

«Я не люблю тебя: мне суждено судьбою...». Впервые — МН, 1838, ч. 18, стр. 143. В письме к Станкевичу от 12 декабря 1838 г. Ключников, сообщая другу ряд своих стихотворений, важных для понимания его душевного состояния, говорит: «Чтоб не надоест тебе своими стихами, посылаю тебе твои, которые нашел на полу, давая уроки Саничке <брату Станкевича>. Это было зимой, в прошлом году». Далее Ключников выписывает полный текст своего собственного стих. «Я не люблю тебя...», озаглавленного здесь в письме «Разуверение», и замечает: «Должно быть, ты написал их в болезни. Впрочем, я и сам так догадывался о твоём страдании, хоть и толковал о чахотке» (ЛБ, 8421, 1/9). Однако письмо Ключникова не может служить основанием для того, чтобы приписать стих. «Я не люблю тебя...» Станкевичу. Во-первых, оно было опубликовано в МН за подписью «— Θ —». Во-вторых, Белинский хорошо помнил это стих. и высоко ценил его. Осенью 1839 г. в письме к Станкевичу он заметил: «Ключникова пьесы прекрасны, особенно „Я не люблю тебя...“» (ПссБ, т. 11, стр. 380). Это письмо Белинского — ответ на не дошедшее до нас письмо Станкевича, в котором он высказывал сходные суждения. Белинский также вспомнил это стих. и в статье «Стихотворения М. Лермонтова» (см. ПссБ, т. 4, стр. 526). По всей очевидности, Ключников хотел сказать Станкевичу, что его стих. вдохновлено им, Станкевичем, и в этом смысле принадлежит ему. Это подтверждает следующая приписка в том же письме, сделанная сбоку рукой Ключникова: «Я берегу их и читаю, когда думаю о тебе. Я и еще кой-что свое нашел у себя в сердце» (ЛБ, Г — О, X/43).

Половодье. Впервые — МН, 1838, ч. 17, стр. 335—337.

«Я уж давно за слезы упоенья...». Впервые — МН, 1839, ч. 2, стр. 34.

Старая печаль. Впервые — ОЗ, 1840, № 4, стр. 148. По-сылая Станкевичу в 1839 г. текст этого стих., Ключников писал ему: «Эта пьеса названа «Старая печаль» — и посвящена тебе» (ЛБ, 8421, 1/9).

На смерть девушки. Впервые — «Современник», 1840, № 1, стр. 129—130. Положено на музыку Л. Ф. Лангером и исполнялось под названием «Примирение».

Мой гений. Впервые — ОЗ, 1840, № 4, стр. 149. В автографе ЛБ — под названием «Мой ангел» — варианты стихов: 2, 11—12. Направляя Станкевичу это стих., Ключников писал ему в шуточно-ироническом тоне: «Я полагаю (может быть, мечтаю), что всякий недюжинный человек переживает историю. Я теперь в средних веках — и оттого так глуп... Я много виноват перед тобою и перед многими, но особенно перед тобою: я был римлянин, умный стоик и надувал, кого мог, говоря, что вышел из греко-римского периода жизни. Не вышел, а ушел и поплатился за это плачем и скрежетом зубов. И теперь я еще в первых веках христианства. Это я тебе тоже опишу в другом письме» (ЛБ, 5—0, X/43).

Ночная молитва. Впервые — ОЗ, 1840, № 11, стр. 45. *Магдалина* — по евангельской легенде, грешница, возрожденная Христом к новой жизни и ставшая праведницей.

Детский урок. Впервые — МН, 1839, ч. 1, стр. 5—6.

Утренний звон. Впервые — ОЗ, 1839, № 9, стр. 255—256. за подписью: И. К. Положено на музыку Л. Ф. Лангером. *Отжени* — отгоны.

Весна. Впервые — ОЗ, 1839, № 12, стр. 134.

Жаворонок. Впервые — МН, 1839, ч. 1, стр. 23.

Песнь инвалида. Впервые — ОЗ, 1840, № 1, стр. 84. *Знаменитый генерал* — имеется в виду А. В. Суворов.

Собирателям моих элегий. Впервые — ОЗ, 1840, № 2, стр. 141. Автограф с разночтением — ЛБ. «Хорошая вещь» — так оценил это стих. Белинский (ПссБ, т. 11, стр. 464).

«Знаете ль ее? — Она...». Впервые — ОЗ, 1840, № 2, стр. 156, под названием «Поэзия». 9 февраля 1840 г. Белинский писал В. П. Боткину: «В 2 № «Отечественных записок» стихи Ключникова «Знаете ль ее?...» напечатаны под названием «Поэзия», ибо

без этого условия цензура их не пропускала...» (ПссБ, т. 11, стр. 445). Критик оценивал это стих. весьма сдержанно. Во второй половине февраля того же года он писал Боткину: «„Знаете ли ее?..“ — бог знает что, тотчас видно, что он тут в чужой сфере» (ПссБ, т. 11, стр. 464). П. П. К. — Петр Петрович Ключников (1812 — ок. 1861) — брат поэта, врач, был близок к кружку Станкевича, приятель Белинского.

Ночное раздумье. Впервые — ОЗ, 1840, № 2, стр. 192, без стихов 13—14, изъятых цензурой. Восстанавливаем эту купюру по «Сборнику лучших произведений русской поэзии» (СПб., 1858, стр. 442), подготовленному Н. Ф. Щербиной.

Малютка. Впервые — ОЗ, 1840, № 3, стр. 2.

Красавице. Впервые — ОЗ, 1840, № 4, стр. 150—151.

Ей. Впервые — ОЗ, 1840, № 6, стр. 280.

Городок. Впервые — ОЗ, 1840, № 6, стр. 282.

«Когда, горя преступным жаром...». Впервые — ОЗ, 1840, № 7, стр. 49—50.

Осенний день. Впервые — ОЗ, 1840, № 8, стр. 150.

Претензии. Впервые — ОЗ, 1840, № 8, стр. 381—382.

Песня («Мне уж скоро тридцать лет...»). Впервые — ОЗ, 1840, № 9, стр. 2.

Жизнь. Впервые — ОЗ, 1840, № 10, стр. 230. Стих. представляет собой как бы отклик на известное стих. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...».

Меланхолик. Впервые — ОЗ, 1840, № 10, стр. 258.

«Слава богу, на Парнасе...». Впервые — ОЗ, 1840, № 11, стр. 48. Я умру в девятом классе. Табель о рангах, введенный Петром I, подразделял всех чиновников на 14 классов; чиновник 9-го класса — титулярный советник.

К Москве. Впервые — ОЗ, 1840, № 12, стр. 116.

⟨На смерть Н. В. Станкевича⟩. Печ. впервые по автографу ГИМ. Здесь — без названия. В черновом автографе ПД — варианты и заглавие. Сообщая 8 декабря 1880 г. текст этого произведения А. В. Станкевичу, брату поэта, Ключников писал: «Посылаю Вам обещанное стихотворение в том виде, как оно выплакалось 40 лет тому назад в Пятигорске по получении от

покойного Белинского письма, извещавшего о смерти Коли. Я не знаю, до какой степени вы знаток в этих вещах. Я (знаток — по признанию и покойного Коли и всех спутников его жизни — в то время, когда мы проводили целые вечера, упиваясь музыкой стихов Пушкина, Гете, Шиллера) — я признаю, что это стихотворение не выработанное. Я его не давал никому, кроме Бел<инского?>, я не помню даже, читал ли я его кому до последнего свидания с Вами и Ник. Христоф. <Кетчером>. Кажется, впрочем, я продиктовал его одному из моих здешних знакомых, большому любителю поэзии и поклоннику нашего кружка... Сгоряча я сочинил нечто в роде ромansa — там же в Пятигорске. Этим только и объясняется последний куплет, где слово «бога» заменено словом «правды» — ввиду этого сочинения» (ГИМ, ф. 351, д. № 68, лл. 78 об. — 79).

Воспоминание. Впервые — ОЗ, 1841, № 6, стр. 182.

K a t z e n j a m e r. Впервые — «Литературный журнал», 1881, № 2, стр. 82. Текст стих. был представлен в редакцию поэтом Я. П. Полонским. Семь лет спустя оно с большими разночтениями снова появилось в печати — в альбоме М. И. Семевского «Знакомые» (СПб., 1888, стр. 255) как произведение «покойного поэта Ключникова», хотя в действительности автор в то время продолжал благополучно жить в своем имении. Текст стихотворения в этой редакции был записан по памяти Н. А. Ратынским (1821—1887) — воспитанником Московского дворянского института, в котором в свое время преподавал И. П. Ключников. Игра замечательного трагика П. С. Мочалова отличалась, как известно, крайней неровностью. Его исполнение было проникнуто гениальным одушевлением и могучей страстью, но бывало, что оно внезапно сменялось душевной вялостью и холодом. Хорошо знавший Мочалова С. Т. Аксаков свидетельствует: «За г. Мочалова никто, ни он сам, не может поручиться в том, что он сыграет хорошо. Его искусство — вдохновение» (С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. 3. М., 1956, стр. 450). Неудачи, постигавшие Мочалова, иной раз объяснялись его чрезмерной склонностью к спиртному. Об обстоятельствах, в связи с которыми было написано данное стих., рассказал сам автор в письме к Я. П. Полонскому от 5 июля 1847 г.: «Вы хотели иметь это стихотворение. Оно не отделано и почти экспромт — в раздумьи после вечера, где пьяный Мочалов говорил бессвязно дичь о своей собственной игре в Гамлете, которым упоил меня в тот вечер. После представления он успел упиться где-то вином и явился почти без чувств к одному моему приятелю, где мы собрались побеседовать о бессмертном типе сомнения и нерешительности. Стихотворение само по себе плохо, но по действию, которое произвело на артиста с глубокой душой (хотя на время),¹ оно для меня понятно. Прошу вас не профанировать его, т. е. не читать всем и каждому,

¹ Когда Мочалов прочел эти стихи, он до слез был тронут и потом всегда носил их с собою. (Примеч. автора),

кто видел или слышал Мочалова. Оно не было напечатано (да и не стоит того), и, кроме Мочалова и еще двух-трех приятелей, его ни у кого нет... Такого рода стихи позволительны только между короткими приятелями. Подчеркнутые слова — из Шекспира. Одно его известно: *жизнь есть сон*, а другое — изречение Гамлета!..¹ В другом месте Шекспир говорит, что жизнь есть бездумие, и на это тоже есть намек в предпоследнем куплете...» («Литературный журнал», 1881, № 2, стр. 81—82). *Мельпомена* (греч. миф.) — одна из девяти муз, покровительница трагедии.

НОВЫЙ ГОД ПОЭТА

1. Утро. В кабинете. Впервые с цензурными купюрами — РВ, 1883, № 2, стр. 803—806, под названием «Новый год писателя», за полной подписью. Целиком печ. впервые по автографу ГИМ. Строки 28—106 отсутствуют в тексте РВ. Цензура не случайно отсекала эту часть произведения, которая представляла собой острую сатиру на современную поэту политическую реакцию в Европе. Повидимому, это не первый опыт Ключникова в жанре политической сатиры. Анненков рассказывает о каком-то написанном Ключниковым в стихах «Обозрении всемирной истории», «в котором, по уверению слышавших, дал полную волю своему остроумию» (изд. Анненкова, стр. 133). Это «Обозрение» не дошло до нас, но, может быть, какие-то фрагменты из него вошли позднее в стих. «Новый год поэта». *Бисмарк* (1815—1898) — государственный деятель и дипломат Германии, «железный канцлер», осуществивший объединение Германии вокруг юнкерско-милитаристской Пруссии. *Крупп* — династия военно-металлургических промышленников в Германии, основанная в начале XIX в. Фридрихом Круппом. *Луи Наполеон III* (1808—1873) — французский император (1852—1870), племянник Наполеона I, ввел во Франции диктаторский, бонапартистский режим. *Гульдэн* — денежная единица, находившаяся в обращении до XIX в. в Германии, Австрии и некоторых др. странах Европы. *Граф Андраши Дьюла* (1823—1890) — венгерский политический деятель, министр иностранных дел Австро-Венгерской империи в 1871—1879 гг.; осуществлял агрессивную политику в отношении России. *Изабелла* — вероятно, имеется в виду Изабелла II (1830—1904), испанская королева. *Дон-Карлос* — романтический герой одноименной трагедии Ф. Шиллера (1786), проникнутый вольнолюбивыми, мятежными настроениями. *Солсбери* Роберт Артур (1830—1903) — английский государственный деятель, лидер консерваторов, много раз бывал премьер-министром Великобритании, один из организаторов ее колониальной экспансии. *Граф Биконсфилд* (Бенджамин Дизраэли) (1804—1881) — английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874—1880 гг.; постоянным лавированием между тори и либералами стяжал себе репутацию

¹ «И страшно мне за человека!» — слова, которые превосходно произносил Мочалов. (Примеч. автора).

двуликого, беспринципного политика. *Брайт* Джон (1811—1899) — английский государственный деятель, был министром торговли (1863—1873) в кабинете Гладстона. *Карлейль* Томас (1795—1881) — английский общественный деятель, философ, историк и публицист; создатель реакционной философии истории, основанной на «культе героев». *Гладстон* Уильям Юарт (1809—1898) — английский государственный деятель, лидер либералов, отличавшийся в своей политике крайним лицемерием. *Фрэнсис Бэкон* (1561—1626) — английский философ-материалист. *Альбион* — древнее название британских островов. *Мари* Александр (1795—1870) — французский политический деятель, был министром юстиции в кабинете Кавеньяка в 1848 г. *Пальмерстон* Генри Джон (1784—1865) — английский государственный деятель, неоднократно занимал посты министра иностранных дел и премьер-министра; активный проводник колониальной политики Великобритании; поддерживал турецкое господство на Балканах и угнетение Австрией славян и венгров, один из главных организаторов Крымской войны против России. *Пофилософствуй — ум вскружится* — цитата из «Горя от ума» (д. 2, явл. 1). *Год старый увенчал нас славой*. Намек на русско-турецкую войну 1877—1878 гг. *Экспастольерий* — особое церковное песнопение.

2. Полдень. В редакции журнала. Печ. впервые по автографу ГИМ.

3. Вечер. Chez-soi. Впервые — РВ, 1883, № 2, стр. 810—811, за полной подписью, под заглавием «Перед иконой богоматери». Печ. по автографу ГИМ, с исправлением строк 45—46 по тексту РВ. В автографе эти строки звучат так:

И рабский бунт перед законной битвой,
И рабский страх — безумия печать!

К заглавию в автографе ГИМ дана сноска с примечанием: «Монолог из мистерии „Жизнь“». Автограф ПД имеет варианты.

В родном домике. Впервые — РВ, 1883, № 2, стр. 807—808, за полной подписью. Печ. по этому тексту, с уточнениями по автографу ГИМ, где имеется разночтение. Написано, вероятно, под впечатлением воспоминаний, вызванных у автора посещением в конце 1880 г. Москвы после сорокалетнего пребывания в деревне.

Беатриче. Впервые — РВ, 1883, № 2, стр. 808—809, за полной подписью. Печ. по этому тексту с уточнениями по автографу ГИМ. В автографе к заголовку дано примечание автора: «Под влиянием Данте». *Беатриче* — дочь флорентийского купца Портинари, умерла в возрасте 24 лет. Излюбленная героиня Данте (1265—1321), была воспета им во многих произведениях, и в особенности — в «Божественной комедии». Образ Беатриче стал в мировой ли-

тературе и живописи олицетворением любви, красоты, женственности, обаяния. *Мат* — тусклая поверхность.

Nova ars poetica. Мечты и идеалы поэта будущности. Впервые — РВ, 1883, № 2, стр. 812—815, за полной подписью. Печ. по этому тексту с уточнениями по автографу ГИМ. В автографе к заголовку стих. дано следующее примечание автора: «Под влиянием Горация, Державина и Пушкина». 4-я строка исправлена по автографу. В РВ она звучит так: «И мрамор и металл переживет». Автор зачеркнул слова «мрамор» и «металл», а сверху карандашом вписал: «храмы» и «дворцы», заметив в примечании: «Карандашом лучше. Так и было в черновом». В автографе имеются варианты нескольких стихов.

Ad Venepet Uganiam. Впервые — РВ, 1886, № 5, стр. 423—424, за подписью: И. К. Печ. по этому тексту с уточнениями по автографу ГИМ. В автографе ГИМ имеются разночтения, к заголовку автор сделал примечание: «С латинского, из анонимного поэта первых веков христианства».

«Нет мочи *жить!* Слепой судьбы угрозы...». Впервые — РВ, 1886, № 5, стр. 425, за подписью: И. К.

По прочтении Байронова «*Каина*». Впервые — в кн.: Н. В. Гербель. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873, стр. 446. «*Каин*» — философская трагедия Байрона (1821).

ЭПИГРАММЫ, ШУТКИ

<На И. И. Давыдова> («Подлец по сердцу и из видов...»). Впервые — К. Аксаков. Воспоминание студентства («День», 1862, 6 октября, стр. 4 и отд. изд. — СПб., 1911, стр. 26), без первых четырех строк. Печ. по автографу указанных воспоминаний К. Аксакова в ПД. Тексты восстановлены им по памяти. Отточия означают пропуски у мемуариста. Давыдов Иван Иванович (1794—1863) — профессор Московского университета, читал лекции по философии, латыни, математике и русской словесности. Ретроград, человек своекорыстный, И. И. Давыдов стяжал себе дурную славу среди воспитанников университета и служил постоянной мишенью для их острот, эпиграмм, пародий. В 1858 г. Добролюбов опубликовал в «Колоколе» едкий памфлет на него — «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской войны» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1936, стр. 5—12). Незадолго перед тем вспомнил о Давыдове и Герцен в своей знаменитой статье «Лобное место», вспомнил в связи с запретом 12 басен Крылова, некогда исходившим от Давыдова («Колокол», факсимильн. изд., вып. 1. М., 1960, стр. 25). *Ивана Лазарева раб*. Иван Иоакимович Лазарев (1786—1856) — попечитель Лазаревского института восточных языков. Одновременно со службой в Московском университете И. И. Давы-

дов в 1832—1845 гг. заведовал в Лазаревском институте учебной частью и выполнял обязанности инспектора. *За Минервою сова*. Сова — священная птица богини мудрости Минервы (римск. миф.), ее неразлучная спутница.

<На И. И. Давыдова> («Учитель наш был истинный педагог...»). Впервые — К. Аксаков. Воспоминание студентства («День», 1862, 6 октября, стр. 4). К. Аксаков ни к первой, ни ко второй эпиграмме не указывает адресата, он говорит лишь о том, что эти стихи Ключникова были направлены против «некоторых тогдашних профессоров». Нет сомнений, что и вторая эпиграмма также метила в Давыдова. О том, насколько точно запечатлел Ключников черты внешнего и духовного облика злополучного профессора, можно судить, сравнив эти стихи с характеристикой, какую однажды дал Давыдову И. А. Гончаров: «Дар слова у него был скудный; вот он был действительно *безучастен* и холоден к своему предмету — и *сух, крайне сух*. Но зато величав, церемонен и педантлив» (И. А. Гончаров. Собр. соч., т. 8. М., 1955, стр. 471). *Блер Хьюг* (1718—1800) — профессор Эдинбургского университета, автор университетского курса лекций по риторике и литературе. В том же письме к А. Н. Пыпину Гончаров рассказывает о Давыдове: «помню только, что он все ссылался на Баттё и Блэра и разводил глубокомысленно руками» (там же). Известно, что Ключников был автором еще многих других пародий, остроумных эскизов, шуток — дружеских или сатирических, никогда им не предназначавшихся для печати, но пользовавшихся широкой популярностью. Некоторые из этих стихов по памяти позднее воспроизводились друзьями поэта в воспоминаниях или письмах, либо с их слов — другими литераторами. Вот, например, четверостишие о Станкевиче, воспроизведенное много лет спустя И. С. Аксаковым:

К тебе, хозяин, в твой приют,
И тесный и холодный,
Толпою юноши идут —
Беседовать свободно...

(«Русь», 1881, 3 января, стр. 14). Тот же И. С. Аксаков вспоминает (там же) еще одно четверостишие Ключникова — о Белинском:

Хвала тебе, Белинский, млат
И бич литературы,
Тебя завидя, супостат
Бежит твоей фигуры!..

Станкевич в одном из писем к Грановскому вспоминает начало стихотворения Ключникова «Сравнение Белинского с Аполлоном»:

Аполлон, мой Аполлон,
Аполлон мой Бельведерский!
Виссарий мой, Виссарий,
Виссарий мой, вельми дерзкий!

(Анненков, стр. 248; см. также «Переписка Станкевича», стр. 459.)

«Друзья мне скучны, — прихожу в их круг...». Впервые — ЛН, т. 56, 1950, стр. 120. Печ. по этому тексту с уточнением по автографу ЛБ. Сообщая эту «шуточку» Станкевичу, Ключников сопровождает ее таким замечанием: «Наш круг действительно немного поразошелся. Нет центра — или центр внешний, например „Наблюдатель“» (ЛН, т. 56, 1950, стр. 120).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ
И. П. КЛЮШНИКОВУ

«Мне не забыть по гроб! Она сидела...». Печ. впервые по списку ЦГАЛИ.

«Природа вечно созидает...». Печ. впервые по списку ЦГАЛИ.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 96 и 97.* Н. В. Станкевич. С портрета Л. Беккера. Акварель (ГИМ).

2. *Стр. 125.* Автограф стихотворения Н. В. Станкевича «Профессор будущий! преследуем судьбою...» (ЛБ).

3. *Стр. 258—259.* Автограф стихотворения В. И. Красова «Песня» («Уж как в ту ли ночь...») (ЛБ).

4. *Между стр. 304 и 305.* К. С. Аксаков. Портрет неизвестного художника. Масло. 1830-е годы.

5. *На обороте:* К. Аксаков. Рисунок карандашом Э. Дмитриева-Мамонова (Государственная Третьяковская галерея).

6. *Стр. 343.* Автограф перевода К. С. Аксакова из Шиллера (стихотворение «Идеалы»). Воспроизводятся последние строки рукописи (Гослитмузей).

7. *Стр. 503.* Автограф стихотворения И. П. Ключникова «Мой ангел» («Мой гений») (ЛБ).

8. *Между стр. 512 и 513.* И. П. Ключников в старости. Фотография (Гослитмузей).

СОДЕРЖАНИЕ¹

Кружок Н. В. Станкевича и его поэты. <i>Вступительная статья</i> <i>С. Машинского</i>	5
--	---

Н. В. СТАНКЕВИЧ

<i>Биографическая справка</i>	73
---	----

СТИХОТВОРЕНИЯ

Надпись к памятнику Пожарского и Минина	83	554
Экспромт. <i>По прочтении стихотворений Козлова</i>	83	554
На игру г-жи Остряковой	83	554
Луна. <i>Подражание французскому</i>	84	554
Стансы	85	554
Прости!	86	554
Отрывки из стихотворной повести	87	554
Утешение	88	555
Весна	89	555
Элегия	91	555
Избранный	92	555
Желание славы	100	555
Филин (<i>Перевод</i>)	101	555
Не сожалею	102	555
Ночные духи	103	555
Кремль	106	555
Песнь духов над водами. <i>Из Гете</i>	106	555
Бой часов на Спасской башне	107	555
На могилу сельской девицы	108	555
Грусть	108	556
Калмыцкий пленник. <i>Отрывок из романтической поэмы</i>	109	556
Мгновение	111	556

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (*курсивная*) — страницу примечаний.

К месяцу. <i>Подражание Гете</i>	111 556
Старая, негодная фантазия	112 556
Отшельник	113 556
Два пути	114 556
Раздумье	115 556
Фантазия	115 556
Песни. <i>Фантазия под вальс Бетховена</i>	115 557
Я. М. Неверову	116 557
Слабость	117 557
Заветное	117 557
Подвиг жизни	118 557
На могиле Эмилии	119 557
Две жизни	120 558
«Вздывают ли бури глубокую душу...»	120 558
Эпиграммы и шуточные стихотворения	
Эпиграмма («Кутейник всех обрек с Парнаса на из- гнанье...»)	121 558
Эпиграмма («Я знаю свет!...»)	121 558
Эпиграмма («Есть русская пословица одна...»)	122 558
<На Каченовского>	122 558
<На Снегирева>	122 559
Януарию Михайловичу и Тимофею Николаевичу, от- правляющимся наслаждаться жизнью	122 559
Опять в Берлине	123 559
«Профессор будущий! преследуем судьбою...»	124 559
Послание к Я. М. Неверову по случаю печальных зву- ков, которые он извлекал из мусийского стру- мента	126 560
«Дай руку мне, любезный Тимофей!...»	127 560
ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ. Трагедия в пяти действиях	128 561

В. И. КРАСОВ

<i>Биографическая справка</i>	189
---	-----

СТИХОТВОРЕНИЯ

Куликово поле	197 562
К Уралу	198 562
Булат	199 562
Чаша	201 562
Лири Байрона	202 562
Элегия («Не говорите ей: ты любишь безрассудно...»)	203 563
Элегия («Я скучен для людей, мне скучно между ними...»)	204 563
К*** («Зачем зовешь ее: „Бесстрастная...“»)	205 564
Песня («Взгляни, мой друг, — по небу голубому...»)	206 564
Звуки	206 564
Грусть	207 564
Она... («Как радостен отцу возврат младого сына...»)	207 564

К*** («Она бежит играющих подруг...»)	207 565
«О! есть пронзительные стоны!..»	208 565
Первый выезд	208 565
Возврат	209 565
Песня («Не гляди поэту в очи...»)	210 565
Дума	212 565
Песня («Прочь, прочь, ни слова!..»)	212 565
Стансы к Дездемоне («Зачем так поздно ты явилась...»)	213 565
Элегия («При сильных страданиях, при едкой печали...»)	215 566
Элегия («Когда порой, свободный от трудов...»)	215 566
Сара	216 566
Тени	217 566
Панна	218 566
Мечта	221 566
Сон	221 567
Элегия («С шумящим потоком, с весенней волной...»)	224 567
Разлука	225 567
Песня («О, как сердце вдруг запало!..»)	226 567
Облако	226 567
Элегия («Спокойно всё, лишь ярко на лазури...»)	228 567
Вечерняя звезда	229 567
Паж Генриха Второго. <i>Баллада</i>	230 567
Песня («Пронеслась, пронеслась моя младость...»)	231 567
Степь	232 567
Молитва («Хвала тебе, творец, хвала, благодаренье!..»)	232 568
Клара Моврай	233 568
Известие	235 568
Метель	235 568
Время	236 568
О трубадуре Гелинанте и о прекрасной французской коро- леве Элеоноре	237 569
Элегия («Когда душа скорбит, а сердце без желаний...»)	238 569
Воспоминание	238 569
Она («Я трепетно глядел в агат ее очей...»)	239 569
Тоска	240 569
Стансы к Дездемоне («О, ты добра, ты — ангел доброты!..»)	240 569
Прости навсегда	241 569
Веселая песня	242 569
Видение	242 570
Песня («Ты долго ль, цветущей долины хранитель...»)	243 570
Ave Maria	244 570
Вечер	244 570
Бабушка	245 570
Песня («Уж я с вечера сидела...»)	246 570
Флейта	247 570
Песня Лауры	247 570
Октябрьский день	248 571
Русская песня («Ах ты, мать моя, змея-мачеха...»)	249 571
Стансы. К*** («Ты помнишь ли последнее свиданье?..»)	250 571
Стансы к Станкевичу	251 571
Соседи	251 571
Песня («Взгляни на тучу! Слышишь гром?..»)	252 572

Разуверение	253 572
Мелодии	
1. «Мне снится вдруг — и запах роз...»	254 572
2. «Подруга тайная на вечную разлуку...»	254 572
3. «Не пышный катафалк раскинут над тобою...»	254 572
Король. <i>Из Гете</i>	255 572
Из Гейне	256 572
Стансы («Опять пред тобой я стою очарован...»)	256 572
Песня («Уж как в ту ли ночь...»)	256 572
Подражание восточному	257 573
7 января	260 574
Анакреон	261 574
«Скучны, други, под шатрами...»	261 574
Старинная песня	262 574
«К чему ты, мрачное томленье?..»	263 574
Ночной товарищ	263 574
Романс	263 574
Обыкновенная история	264 574
«Мечтой и сердцем охладель...»	265 574
«Свой век я грустно доживаю...»	265 574
Послание Пенелопы к Улиссу. <i>Героида Овидия</i>	266 574
Последняя элегия	270 575
Ф. Ф. Боденштедту	270 575
Романс Печорина	271 576
М. П. Б.	271 576
Песня («Он быстрее, он отважней нагорных орлов...»)	272 576
«Как звуки песни погребальной...»	272 576
Ожидание	273 576
«Нас с тобой обручило несчастье...»	273 576
Первая любовь	273 576
«С дарами чаша предо мной сияла...»	274 576
«Недаром же резвых подруг...»	274 576
Жених	275 576
«Как до времени, прежде старости...»	276 576
«Стоят паликары кругом...»	276 576
«Нескучное наскучило...»	277 577

К. С. АКСАКОВ

<i>Биографическая справка</i>	281
---	-----

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ручей	289 577
«На бой! — и скоро зазвенит...»	289 577
К Н. Н. («Что лучше может быть природы!..»)	290 577
К Н. И. Надеждину (<i>После спектакля в театральной школе</i>)	291 578
Элегия («Безбрежное небо...»)	292 578
«Я видел Волгу, как она...»	293 578
«Зачем я не могу среди народных волн...»	294 578
Воспоминание («Как живы в памяти моей...»)	294 578
Орел и поэт	296 578

Куплеты Н. И. Н<адеждину>	297 579
Посвящение	297 580
Отрывок из послания к Б<елецкому>	298 580
Г. Теплову, Д. Топорнину, М. Сомину	299 580
А. В. Г. («Как рано собрались тучи...»)	299 580
«Я счастлив был во времена былые...»	300 580
А. В. Г. («Чем в этот час в своей деревне дальней...»)	301 580
Стремление души	301 580
Фантазия	302 581
«Когда, бывало, в колыбели...»	303 581
Раздумье	304 581
Мечтание	304 581
«Да, я певал, когда меня манило...»	305 581
Русская легенда	306 581
Гроза	309 581
Степь	310 581
«Как много чувств во мне лежат глубоко...»	311 581
Путь	312 581
Т э к л е	
1. «Прости, прелестное виденье!..»	312 581
2. «О, скажи мне, что с тобою?..»	313 581
3. «Сбылись души моей желанья...»	313 581
Первая любовь	314 581
Возврат на родину	315 581
Думы	316 581
Воспоминание («Кто отдаст мне молодость, время незаб- венное...»)	316 582
Скала	317 582
«Посмотри, милый друг, как светло в небесах...»	319 582
Водопад	319 582
«Ангел светлый, ангел милый!..»	320 582
«И вместе мы сошлись сюда...»	320 582
«Как быстро годы пролетели...»	321 582
«Скоро зимний ляжет путь...»	321 583
«Души безумные порывы...»	322 583
Разговор	322 583
«Целый век свой буду я стремиться...»	325 583
Пловец	325 584
«Да, я один, меня не понимают...»	326 584
«В сумерки дева...»	327 584
«Тяжело-тяжело на душе залегло...»	328 584
О, Sehnsucht	328 584
«Помнишь ли ты, помнишь ли ты?...»	329 585
«Туда, туда! Иди за мною!..»	329 585
«Тучи грозные покрыли...»	330 585
«Мой Марихен так уж мал, так уж мал...»	331 585
«О, если б можно было...»	332 585
«И вот мой путь. Он скоро предо мною...»	332 585
«Меня зовет какой-то тайный голос...»	333 585
Молодой крестоносец	334 585
«А прежде солнце мне светило...»	337 586
«Далёко, далёко желанный приют...»	338 586

«Несутся, мелькают одно за другим...»	339 587
Путешествие на Риги. В Швейцарии	339 587
Из Шиллера	
Тайна	340 587
Встреча	341 587
Идеалы	342 587
К радости	346 587
Вечер	349 587
Борьба	349 587
Из Гете	
Новая любовь, новая жизнь	350 588
На озере	351 588
Утренние жалобы	351 588
Магадэва и Баядера. <i>Индийская легенда</i>	353 588
Тишина на море	356 588
Счастливый путь	356 588
Рыбак	357 589
Певец	358 589
Перемена	359 589
Спасение	359 589
Пастух	360 589
Элегия («„Мальчик! зажги мне огня!..“ — „Светло еще, тратишь ты только...“»)	361 589
Посещение	361 590
<Из «Фауста»>	
1. <Отрывок из «Пролога»>	363 590
2. <Монолог Фауста из первого действия>	364 590
3. <Отрывок из первого действия>	365 590
4. Песнь Маргариты	366 590
«Не говорить, молчать должна я...»	367 590
Коринфская невеста	368 590
Из Гейне	
«Как луна лучом пронзает...»	370 590
Из Ветцеля	
Стремление	371 590
Ночное посещение	372 590
Расставанье	373 590
Из Мицкевича	
Песнь из башни. Из «Конрада Валленрода»	374 591
«Готовьте, топоры точите...»	375 591
«Пускай другие там холодными стихами...»	376 591
Две картины	376 591
Толпе эмпириков	377 591
К идее	378 591
А. Н. Попову (<i>Перед поездкой его в чужие края в 1842 году</i>)	379 591
«Страшная буря прошла...»	381 592
Первое мая	382 592
Н. М. Языкову. <i>Ответ</i>	383 592
Союзникам	384 593
Москве	385 593
Поэту — укорителю	386 593

Два приятеля	388	594
Возврат	390	594
Петру	392	594
Стихотворения в духе недавно прошедшей поэзии		
1. «Мой друг, любовь мы оба знали...»	394	594
2. «Твои уста, твой взор молили...»	395	595
И. С. Аксакову	396	594
Сон	398	595
«Безмолвна Русь: ее замолкли города...»	399	595
С. М. Соловьеву	400	595
Н. Д. Свербееву	402	595
«Я не знаю, найду ли иль нет...»	405	595
Гуманисту	406	596
9 февраля	407	596
Подлец. <i>Подражание Пушкину</i>	410	596
Акростих	411	596
К Ю. Ф. Самарину	411	596
Советы	412	596
Луна и солнце	413	596
Новгород	415	597
Веселью	417	597
Свободное слово	418	597
Тени	419	597
«Я не знал, что солнце скинет...»	421	597
Весна	422	597
Разуму	423	597
«Грустно видеть, как судьба порою...»	425	597
Ерш	426	598
А. П. Ефремову	427	598
ОЛЕГ ПОД КОНСТАНТИНОПОЛЕМ. <i>Драматическая пародия</i>	429	598

И. П. КЛЮШНИКОВ

<i>Биографическая справка</i>	487
---	-----

СТИХОТВОРЕНИЯ

Медный всадник. <i>Сознание России у памятника Петра Великого</i>	494	600
Элегия («Опять оно, опять былое!..»)	496	600
Элегия («Есть сны ужасные: каким-то наваждением...»)	497	600
«Я не люблю тебя: мне суждено судьбою...»)	498	600
Половодье	498	601
«Я уж давно за слезы упоенья...»	500	601
Старая печаль	500	601
На смерть девушки	501	601
Мой гений	502	601
Ночная молитва	504	601
Детский урок	505	601

Утренний звон	506 601
Весна	507 601
Жаворонок	508 601
Песнь инвалида	508 601
Собирателям моих элегий	509 601
«Знаете ль ее? — Она...»	510 601
Ночное раздумье	511 602
Малютка	512 602
Красавице	513 602
Ей	514 602
Городок	515 602
«Когда, горя преступным жаром...»	515 602
Осенний день. <i>На могиле Н.</i>	515 602
Претензии	517 602
Песня («Мне уж скоро тридцать лет...»)	518 602
Жизнь	518 602
Меланхолик	519 602
«Слава богу, на Парнасе...»	519 602
К Москве	520 602
<На смерть Н. В. Станкевича>	521 602
Воспоминание	522 603
Katzenjammer	523 603
Новый год поэта. <i>Неоконченная ода (сказка)</i>	
1. Утро. В кабинете	524 604
2. Полдень. В редакции журнала	529 605
3. Вечер. Chez-soi. Пред иконой матери всех скорбящих	530 605
В родном домике	532 605
Беатриче	533 605
Nova ars poetica. Мечты и идеалы поэта будущего	535 606
Ad Venerem Uraniam	538 606
«Нет мочи жить! Слепой судьбы угрозы...»	540 606
По прочтении Байронова «Каина»	540 606
Эпиграммы, шутки	
<На И. И. Давыдова> («Подлец по сердцу и из видов...»)	541 606
<На И. И. Давыдова> («Учитель наш был истинный педант...»)	541 607
«Друзья мне скучны, — прихожу в их круг...»	542 608
Стихотворения, приписываемые И. П. Клюшникову	
«Мне не забыть по гроб! Она сидела...»	542 608
«Природа вечно созидает...»	543 608
ПРИМЕЧАНИЯ	545
К иллюстрациям	609

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор),

В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов,

Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),

В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,

М. Ф. Рыльский], *А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,*

Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский

ПОЭТЫ КРУЖКА Н. В. СТАНКЕВИЧА

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 3/II 1964 г. Подписано
в печать 12/VI 1964 г. М 26208. Бумага
84×108^{1/32} Печ. л. 19^{3/8} + 3 вкл. (32,08)
Уч.-изд. л. 31,54. Тираж 10 000 экз.
Зак. № 224. Цена 1 р. 12 к.

Издательство «Советский писатель»

Ленинградское отделение

Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская тип. № 5 Главполиграф-
прома Государственного комитета Совета
Министров СССР по печати
Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
208	12 сн.	ужасной	ужасный
516	9 сн.	Один над	Один под

Сборник «Поэты кружка Н. В. Станкевича».